

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

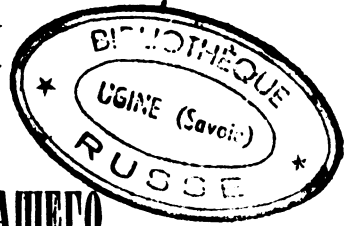
П Р И

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

040

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

Часть четвертая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1844.

88686
JP
ч. 4

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Іюля 24-го дня, 1844 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Виванской Семинаріи Ректоръ

Архимандритъ Филоевъ.

С Л О В О 41,

НА СВЯТУЮ ПЯТЬДЕСЯТНИЦУ.

Кратко полюбомудрствуемъ о праздникѣ, чтобы намъ праздновать духовно. У всякаго свой способъ торжествовать; а у служителя Слова состоитъ онъ въ словѣ, въ такомъ словѣ, которое всего приличнѣе времени. И не увеселяетъ такъ ни одна красота любителя красотъ, какъ любителя праздниковъ духовное празднованіе. Но разсудимъ о семъ такъ. Празднуетъ и Іудей, но по буквѣ: ибо онъ, *гоня законъ тѣлесный, въ законъ духовный не постиже* (Рим. 9, 31.). Празднуетъ и Еллинъ; но тѣлесно, сообразно съ своими богами и демонами, изъ которыхъ одни, по собственному признанію язычниковъ, виновники страстей, а другіе почтены богами за страсти; почему и празднованіе у нихъ состоитъ въ удовлетвореніи страстей, и грѣшить значить чтить бога, къ которому подѣ защиту прибѣгаетъ страсть, какъ достохвальное дѣло. Празднуемъ и мы, но празднуемъ, какъ угодно Духу: а Ему угодно, чтобы мы или говорили, или дѣлали что-либо подобающее. И праздновать значить у насъ пріобрѣтать для души блага постоянныя и

вѣчно обладаемая, а не преходящая и скоро гибнущая, которая, по моему разсужденію, мало услаждаютъ чувство, а болѣе растлѣваютъ его и вредятъ ему. *Довольтеъ тѣлу злоба его.* Нужно ли въ пламень подкладывать болѣе сгораемаго вещества, или звѣрю давать обильнѣйшую пищу, чтобы онъ сдѣлался неукротимѣе и взялъ силу надъ разумомъ?

Итакъ праздновать должно духовно. А началомъ слова (ибо надобно сказать и то, что составляетъ предметъ изслѣдованія любослововъ, чтобы симъ присоединить къ торжеству какъ-бы нѣкоторое услажденіе, хотя слово наше и уклонится чрезъ то нѣсколько отъ предмета)—началомъ слова будетъ сіе.

Евреи, на основаніи законоположенія Моисеева, чтутъ седмичное число, какъ въ послѣдствіи Писагорейцы стали чтить число четверичное, которымъ они даже клянутся, а Симоніане и Маркіониты числа осмеричное и тридесатеричное, которымъ равночисленными именуютъ и чтутъ какихъ то эоновъ. Хотя не знаю, по какимъ законамъ соотношенія или по какой силѣ седмичнаго числа, однакоже Евреи чтутъ оное; и извѣстно то, что Богъ въ шесть дней сотворилъ вещество, образовалъ и украсилъ его всякими видами и сочетаніями, и совершилъ сей видимый нынѣ міръ, а въ седмый день почилъ отъ дѣлъ, что показываетъ и наименованіе субботы, означающее по-Еврейски покой. Но ежели есть сему и высшее какое основаніе; то пусть любомудрствуютъ о томъ другіе. Почитаніе же седмичнаго числа простиралось у нихъ не на дни только, но и на годы. Въ разсужденіи дней доказываетъ сіе суббота, постоянно у нихъ чтимая, рав-

но какъ и седмидневное неупотребленіе кваснаго, а въ-разсужденіи лѣтъ—седмый годъ *оставленія* (Лев. 25, 10.). Даже чествованіе простиралось не на седмицы только, но и на седмицы седмицъ, и какъ въ дняхъ, такъ и въ годахъ. Седмицы дней производятъ пятьдесятницу, — день у нихъ *нароचितъ святъ* (Лев. 23, 21.); седмицы же лѣтъ—такъ называемый ими юбилей, въ который бывало и оставленіе земли и освобожденіе рабовъ и возвращеніе купленныхъ владѣній прежнимъ владѣльцамъ. Ибо народъ сей посвящаетъ Богу пачатки не только плодовъ и первородныхъ, но также дней и лѣтъ. Такъ чествованіе седмичнаго числа привело къ чествованію пятьдесятницы. Ибо число семь, помноженное само на себя, даетъ пятьдесятъ, при чемъ не достаетъ одного дня, но оный занятъ нами отъ будущаго вѣка и есть осьмый, вмѣстѣ же и первый, или, лучше сказать, единый и нескончаемый. Ибо тамъ должно окончиться здѣшнее субботствованіе душъ, чтобы дана была часть *седмимъ и осмимъ* (Екклез. 11, 2.), какъ нѣкоторые прежде насъ понимали сіе Соломоново изреченіе.

Хотя о чествованіи седмичнаго числа много есть свидѣтельствъ; но для насъ изъ многихъ достаточно будетъ и немногихъ. Такъ наименовано семь досточтимыхъ духовъ (Ис. 11, 2. 3.), и духами, какъ думаю, угодно было Исаи назвать дѣйствія Духа. *Словеса Господня*, по слову Давида, *очищены седмерицею* (Пс. 11, 7.). *Праведникъ, шестижды отъ бѣдъ* изытый, *въ седмимъ* не бываетъ уже поражаемъ (Іов. 5, 19.). Грѣшникъ получаетъ прощеніе не только *седьмъ* *кратъ*, но *седм-*

десять кратъ седмицею (Матѣ. 18, 22.). Опять и наоборотъ, (такъ какъ и наказаніе за грѣхъ похвально) Каинъ седмицею терпитъ отмщеніе, то есть несетъ наказаніе за братоубійство; Ламехъ же *седмдесятъ седмицею* (Быт. 4, 24.), потому что сталъ убійцею послѣ закона и осужденія. Лукавыя *состѣди* семикратное воздаяніе приѣмлютъ *въ нѣдро свое* (Пс. 78, 12.). *Домъ Премудрости утверждень на семи столпахъ* (Притч. 9, 1.); такимъ же числомъ очей украшенъ камень Зоровавелевъ (Зах. 3, 9.). *Седмицею днемъ* воздается хвала Богу (Пс. 118, 164.). Даже *неплоды* раждаетъ *седь*, число совершенное, и тѣмъ противопоставляется неизмѣющейся полнаго числа чадъ (1 Цар. 2, 5.).

Если же должно принять во вниманіе и ветхозавѣтныя сказанія; то примѣчаю, что *седмый* изъ прародителей Енохъ почтенъ *предложеніемъ* (Быт. 5, 25.). Примѣчаю также, что двадцать-первый Авраамъ прославленъ Патріаршествомъ, — по присокупленію большаго таинства; потому что число сіе составляетъ трекратно взятая седмица. А иный отважный на все осмѣлился бы дойти и до Новаго Адама, Бога моего и Господа Іисуса Христа, Который, по нисходящему родословію у Луки, считается *седмдесятъ-седмымъ* отъ ветхаго и подъ грѣхомъ бывшаго Адама. Примѣчаю еще *седь* трубъ Іисуса Навина, такое же число обхожденій, дней и іереевъ, отъ которыхъ падаютъ стѣны Іерихонскія (Ис. Нав. 6.). Примѣчаю какъ семикратное обращеніе (3 Цар. 18, 43. 44.), подобное и троекратному таинственному дуновенію Пророка Іліи, вдыхающему жизнь въ сына Сарептской вдовицы

(3 Цар. 17, 21.), и равночисленному возліанію на дрова, когда онъ ниспосланнымъ отъ Бога огнемъ потребилъ жертву, и осудилъ студныхъ пророковъ, которые не могли произвестъ того же своими призываніями, такъ и седмикратное, по повелѣнію его, наблюденіе отрокомъ облака. Примѣчаю толикократное же преклоненіе Елиссея надъ сыномъ Суманитяныни, которымъ обновляется въ немъ дыханіе (4 Цар. 4, 35.).

На основаніи, какъ думаю, того же постановленія, не говоря уже о свѣтильникѣ храма, имѣющемъ семь вѣтвей и семь свѣщниковъ (Исх. 25, 31. 37.), въ семь дней совершается іерей (Исх. 29, 35.), въ семь дней очищается прокаженный (Лев. 13, 50.) и во столько же дней обновляется храмъ (2 Парал. 7, 8.). И въ седмидесятое лѣто народъ возвращень изъ плѣна, дабы и въ десяткахъ было тоже, что бываетъ въ единицахъ, и числомъ совершеннѣйшимъ почтено стало таинство седмичнаго числа. Но что говоритъ мнѣ объ отдаленномъ? Самъ Іисусъ—чистое совершенство, умѣлъ напитать въ пустынѣ и пятью хлѣбами пять тысячъ человекъ и опять семью хлѣбами четыре тысячи, и остатковъ по насыщеніи было въ первомъ случаѣ дванадцать кошъ (Матѹ. 14, 20.), а во второмъ *семь кошницъ* (Матѹ. 15, 37.); а то и другое, какъ думаю, совершенно не безъ причины и не недостойно Духа. И самъ ты, читая Писаніе, замѣтишь многія числа, въ которыхъ кромѣ видимаго скрывается и болѣе глубокое значеніе.

Для настоящаго же времени всего полезнѣе сказать, что можетъ-быть по симъ самымъ, или по

весьма близкимъ къ нимъ, или и по другимъ высшимъ причинамъ, Евреи чтутъ пятьдесятый день, а также чтимъ и мы, подобно какъ чтимъ и иное что-нибудь Еврейское, у Евреевъ совершаемое образно, а у насъ возобновленное таинственно. Предварительно сказавъ сіе въ-разсужденіи настоящаго дня, приступимъ къ продолженію слова.

Мы празднуемъ Пятьдесятницу, пришествіе Духа, окончательное совершеніе обѣтованія, исполненіе надежды, таинство, и притомъ сколь великое и досточтимое! Оканчиваются дѣла Христовы тѣлесныя, или, лучше сказать, дѣла относившіяся къ тѣлесному пребыванію Его на землѣ (помедлю говорить, что оканчиваются дѣла, относящіяся къ тѣлу, пока не убѣдитъ меня какое-либо слово, что лучше совлечься тѣла); а начинаются дѣла Духа. Чтò же относилось ко Христу? Дѣва, роженіе, ясли, повитіе пеленами, прославляющіе Ангелы, приходящіе настыри, теченіе звѣзды, поклоненіе и дары волхвовъ, дѣтоубійство Иродово, Иисусъ убѣгающій во Египеть, возвращающійся изъ Египта, обрѣзанный, крещаемый, свидѣтельствуемый свыше, искушаемый, побиваемый камнями для насъ (Іоан. 10, 32.), которымъ нужно было дать образецъ злостраданія за слово, предаваемый, пригвождаемый, погребаемый, воскресающій, возносящійся. Многое изъ сего приметь Христось и нынѣ, а именно, безчестное отъ христоненавистниковъ, чтò и переносить, потому что долготерпѣливъ, а досточестное отъ христюльцевъ. И Онъ медлитъ, какъ первымъ явить Свой гнѣвъ, такъ намъ показать Свою благодсть, — и имъ даетъ, можетъ-быть, тѣмъ время на покаяніе, а насъ

испытываетъ въ любви, не ослабѣемъ ли въ скорбяхъ и подвигахъ за благочестіе. Таковъ издревле законъ Божія домостроительства и неизслѣдимыхъ Божіихъ судьбъ, по которымъ премудро управляются дѣла наши. Таковы дѣла Христовы, послѣдующія же славнѣйшія еще узримъ. О если бы и сами мы были узрѣны Христомъ!

А чтобы говорить о дѣлахъ Духа, да придетъ на меня Духъ, и да дастъ слово, сколько сего желаю, а если и не въ такой мѣрѣ, сколько соразмѣрно времени, — придетъ же безъ сомнѣнія владычественно, а не рабски, и не повелѣнія ожидая, какъ думаютъ нѣкоторые. Ибо Онъ дышетъ, гдѣ хочетъ, на кого, когда и сколько Ему угодно. Такъ мыслить и говорить внушаетъ намъ Духъ.

Кто Святаго Духа низводитъ въ рядъ тварей, тотъ ругатель, злой рабъ, и злѣйшій изъ злыхъ. Ибо злымъ рабамъ свойственно отвергать владычество, возставать противъ господства и свободное дѣлать подобнымъ себѣ рабомъ. Кто признаетъ Его Богомъ, тотъ божественъ и свѣтелъ умомъ. А кто даже и именуетъ Богомъ, тотъ, если дѣлаетъ сіе предъ людьми благоразумными, высокъ; а если предъ низкими, неосмотрителенъ; потому-что бисеръ довѣряетъ грязи, громовый звукъ — слабому слуху, солнечный лучъ — больнымъ глазамъ, твердую пищу — вкушающимъ одно молоко. Постепенно надлежитъ вести ихъ впередъ, и приближать къ высшему, чтобы свѣту даруемъ былъ свѣтъ, и истина награждалась истиною. Посему и мы, оставивъ совершеннѣйшее слово, для котораго не пришло еще время, побесѣдуемъ съ ними такъ.

Если вы не исповѣдуете Святаго Духа ни несозданнымъ, ни неподлежащимъ времени; то (дозвольте ревности выразиться нѣсколько и смѣло) въ васъ явно дѣйствуетъ противный духъ. Если же вы до такой степени здравы, что избѣгаете явнаго нечестія, и внѣ рабства ставите Того, Кто и насъ дѣлаетъ свободными, то со Святымъ Духомъ и вмѣстѣ со мною разсмотрите сами и послѣдующее: ибо я увѣренъ, что вы уже въ нѣкоторой мѣрѣ причастники Духа, и буду разсуждать съ вами, какъ съ своими. Или укажите мнѣ среднее нѣчто между рабствомъ и владычествомъ, гдѣ могъ бы я дать мѣсто достоинству Духа, или, избѣгая рабства, не оставляйте неизвѣстнымъ, куда причисляете Того, о Комъ вопросъ.

Но васъ затрудняютъ слогы, останавливаетъ одно реченіе, и оно дѣлается для васъ камнемъ претканиа и камнемъ соблазна, чѣмъ для нѣкоторыхъ былъ и Христосъ. Это — человѣческая немощь. Сойдемся между собою духовно, будемъ лучше братолюбивыми, нежели самолюбивыми. Признайте силу Божества, и мы сдѣлаемъ вамъ снисхожденіе въ реченіи. Исповѣдуйте естество подъ другими наименованіями, какія наиболѣе уважаете, и мы уврачуемъ васъ какъ немощныхъ, даже скрывъ иное къ вашему удовольствію. Ибо стыдно, подлинно стыдно и довольно безразсудно быть здоровыми по душѣ и ставить въ великое звуки, утаевать сокровище, какъ-бы завидуя другимъ, или опасаясь, чтобы не освятить и языка. Но еще стыднѣе намъ подвергаться тому же, въ чемъ другихъ обвиняемъ, и осуждая споры о звукахъ, самимъ стоять за букву. Исповѣ-

дуйте въ Троицѣ единое Божество, или, если угодно, единое естество; и я испрошу вамъ у Духа слово: Богъ. Ибо очень знаю, что Давшій первое даетъ и второе, и тѣмъ паче, если причиною спора какая-то духовная робость, а не дѣвольское упорство. Скажу еще яснѣе и короче: ни вы не обвиняйте насъ за реченіе болѣе возвышенное (ибо не должно завидовать возвышенію), ни мы не будемъ васъ осуждать за то реченіе, которое вамъ до-времени по силамъ, пока не достигнете, хотя другимъ путемъ, того же съ нами пристанища. Мы домогаемся не побѣды, а возвращенія братьевъ, разлука съ которыми терзаетъ насъ.

Сіе говоримъ вамъ, въ которыхъ находимъ нѣсколько жизни, которые здраво разсуждаете о Сынѣ. Удивляясь вашей жизни, не вполне одобряемъ ученіе. Имѣя дары Духа, примите и Духа, чтобы не только подвизаться, но и подвизаться *законно* (2 Тим. 2, 5.). Отъ Него, въ награду за жизнь, да будетъ вамъ дарованъ и сей вѣнецъ — исповѣдывать Духа совершенно, и съ нами, и прежде насъ, проповѣдывать Его достойно. Дерзаю за васъ и на нѣчто большее, — именно дерзаю сказать съ Апостоломъ: столько люблю васъ, столько уважаю сію благочинную вашу одежду, и сей цвѣтъ воздержанія, и священные сонмы, и честное дѣвство, и чистоту, и всенощное псалмопѣніе, и нищелюбіе, и братолюбіе, и страннолюбіе, что готовъ *отлученъ быти отъ Христа* (Рим. 9, 3.) и пострадать, какъ осужденный, только бы вы стояли съ нами, и вмѣстѣ прославляли мы Троицу. Ибо нужно ли говорить о другихъ, явно умершихъ, которыхъ воскресить

развѣ одинъ Христосъ, Своею силою животворящій мертвыхъ? Они злонамѣренно отдѣляются другъ отъ друга мѣстомъ, будучи связаны ученіемъ, и столько же несогласны между собою, сколько и косые глаза, устремленные на одинъ предметъ, и не въ зрѣніи, но въ положеніи имѣющіе разность, если ихъ должно винить за сей одинъ недостатокъ, а не вмѣстѣ и за слѣпоту. Поелику же я достаточно изложилъ, чтó относится къ вамъ; то возвращусь опять къ Духу. Думаю же, что и вы уже послѣдуете за мною.

Духъ Святой всегда былъ, и есть, и будетъ; Онъ не началъ и не прекратитъ бытія, но всегда со Отцемъ и Сыномъ вчиняется и счисляется. Ибо неприлично было или Отцу когда-либо быть безъ Сына, или Сыну безъ Духа: крайне было-бы безславно для Божества, какъ-бы въ слѣдствіе измѣненія совѣтовъ Своихъ придти въ полноту совершенства. Итакъ Духъ всегда былъ пріемлемымъ, а не пріемлющимъ; совершающимъ, а не совершаемымъ; наполняющимъ а не наполняемымъ; освящающимъ, а не освящаемымъ; приводящимъ къ обоженію, а не вводимымъ въ обоженіе. Онъ всегда одинъ и тотъ же Самъ для Себя и для Тѣхъ, съ Которыми счिनяется; невидимъ, не подлежитъ времени, невѣстимъ, неизмѣняемъ, не имѣетъ ни качества, ни количества, ни вида, неосязаемъ, самодвиженъ, приснодвижимъ, свободенъ, самовластенъ, всесиленъ (хотя, какъ все принадлежащее Единородному, такъ и все принадлежащее Духу, возводится къ первой Винѣ); Онъ — жизнь и животворящій; Онъ — свѣтъ и свѣта Податель; Онъ — источная благодсть и источникъ благодсти; Онъ —

Духъ правый владычній (Пс. 50, 12. 14), *Господь* (2 Кор. 3, 17.), посылающій (Дѣян. 13, 4.), отдѣляющій (Дѣян. 13, 2.), созидающій Себѣ храмъ (Кол. 2, 22.), наставляющій (Іоан. 16, 13.), дѣйствующій, *якоже хоцетъ* (1 Кор. 12, 11.), раздѣляющій дарованія, *Духъ сыноположенія* (Рим. 8, 15.), *истины* (Іоан. 14, 17.), *премудрости*, *разума*, *вѣдѣнія*, *благочестія*, *совѣта*, *крѣпости*, *страха*, по исчисленному (Ис. 11, 3. 4.). Чрезъ Него познается Отецъ и прославляется Сынъ (Іоан. 16, 11.), и Самъ Онъ Ими одними знаемъ, единое счяненіе, служеніе и поклоненіе, единая сила, единое совершенство и освященіе. Но къ чему распространяться? Все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ и Сыну, кромѣ нерожденности; все, что имѣетъ Сынъ, принадлежитъ Духу, кромѣ рожденія. *А нерожденность и рожденіе не сущности различають, по моему мнѣнію, но различаються въ одной и той-же сущности.*

Ты мучишься нетерпѣніемъ возражать мнѣ; а я спѣшу продолжить слово. Почти день Духа, удержи не надолго языкъ свой, если можешь: теперь слово объ иныхъ языкахъ; устыдись, или убойся сихъ языковъ, являющихся въ огненномъ видѣ. Нынѣ будемъ учить, а завтра разсуждать о словахъ; нынѣ будемъ праздновать, а завтра отложимъ приличіе. Одно таинственно, другое свойственно зрѣлищамъ; одно прилично церквамъ, а другое — торжищамъ; одно прилично трезвымъ, а другое — упившимся; одно прилично разсуждающимъ о Духѣ съ благоговѣніемъ, а другое — посмѣвающимся надъ Духомъ. Отринувъ же чуждое, устроимъ свое.

Духъ Святой дѣйствовалъ во-первыхъ въ Ангельскихъ и небесныхъ силахъ, — въ тѣхъ, которыя первыя по Богѣ и окрестъ Бога: ибо ихъ совершенство и озареніе, и неудоbodвижимость или неподвижность ко злу, не отъ инаго кого, какъ отъ Святаго Духа; а потомъ дѣйствовалъ въ Отцахъ и въ Пророкахъ, изъ которыхъ одни въ образахъ видѣли или познали Бога, другіе же и предугадали будущее, поколику Духъ напечатлѣвалъ сіе въ умѣ ихъ, и имѣющее быть видѣли они предъ собою, какъ настоящее; ибо такова сила Духа; послѣ же сего дѣйствовалъ въ ученикахъ Христовыхъ (не скажу во Христѣ, въ Которомъ Онъ пребывалъ не какъ дѣйствующій, но какъ сопутствующій равночестному), и въ нихъ троекратно, по мѣрѣ ихъ удобоприемлемости, и въ три различныя времена — до прославленія Христова страданіемъ, по прославленіи воскресеніемъ, и по вознесеніи на небо, или по *устроеніи* (Дѣян. 3, 21.), или какъ иначе должно назвать сіе; какъ показываетъ первое очищеніе отъ болѣзней и духовъ, производившееся конечно не безъ Духа, также по совершеніи домостроительства дуновение Христово, которое очевидно было Божественнымъ вдохновеніемъ, и наконецъ нынѣшнее раздѣленіе огненныхъ языковъ, которое и празднуемъ. Но первое было не ясно, второе явственнѣе, а нынѣшнее совершеннѣе: ибо не дѣйствіемъ уже, какъ прежде, но существенно присутствуетъ, и какъ сказалъ бы инъ, сопрѣбываетъ и сожителъствуетъ Духъ. Ибо, какъ Сынъ бесѣдовалъ съ нами тѣлесно, такъ и Духу приличествовало явиться тѣлеснымъ образомъ; и когда Христосъ восшелъ во

славу Свою, тогда Ему надлежало низойдти къ намъ; надлежало придти, потому что Онъ Господь, и быть посланнымъ, потому что Онъ не противникъ Богу. Ибо таковыя реченія болѣе показываютъ единомыслие, чѣмъ раздѣленіе естества.

Для того приходитъ Духъ послѣ Христа, чтобы не остаться намъ безъ Утѣшителя; и для того именуется *инымъ*, чтобы дать тебѣ понятіе о равночестіи: ибо слово: *иный*, поставлено вмѣсто: *другой* я; это же именованіе означаетъ едино — владычество, а не униженіе, Ибо слово: *иный*, сколько извѣстно мнѣ, употребляется не объ инородныхъ, но объ единосущныхъ. Является же въ видѣ языковъ, по средству съ Словомъ; и въ видѣ огненныхъ языковъ (почему думаешь?) или по причинѣ очищенія (ибо по Писанію извѣстенъ и огонь очистительный, чтó желающіе вездѣ могутъ увидѣть), или по существу своему: ибо *Богъ нашъ огонь* и *огнь подалъ* (Евр. 12, 29.) нечестіе. Но ты опять негодуешь недовольный словомъ: *единосущенъ!* Является въ видѣ раздѣленныхъ языковъ, по причинѣ разныхъ дарованій; въ видѣ языковъ *стѣдшихъ*, въ означеніе Царскаго достоинства и почиванія во Святыхъ; ибо и Херувимы суть Божій престолъ. Является въ горницѣ (если только не почтутъ меня пытливымъ чрезъ мѣру) въ означеніе восхожденія и возношенія отъ земли тѣхъ, которые примутъ Духа; ибо и *водами* Божіими *покрываются* какія-то *превыспренняя* (горницы), которыми пѣснословится Богъ (Пс. 103, 3.). И Самъ Исусъ посвящаемыхъ въ высшее служеніе приобщаетъ таинству въ горницѣ, показывая тѣмъ, что нужно и Богу

снисходить къ намъ, (какъ, сколько извѣстно, и снисходилъ къ Моисею), и намъ восходить къ Нему, и что такимъ образомъ, при сраствореніи достоинства, должно происходить общеніе Бога съ человѣками. Доколѣ же пребываютъ они въ собственномъ достоинствѣ,—Богъ въ достоинствѣ высоты, а человѣкъ—низости, дотолѣ благость несоединима, человѣколюбіе несообщимо, и посреди великая и непроходимая пропасть, которая отдѣляетъ не богатаго только отъ Лазаря и отъ вождѣльныхъ нѣдръ Авраамовыхъ, но сотворенное и преходящее естество отъ несотвореннаго и постояннаго.

Духъ Святой проповѣданъ былъ Пророками, на примѣръ въ слѣдующихъ мѣстахъ: *Духъ Господень на мнѣ* (Ис. 61, 1.); и почиютъ на немъ *семь духовъ* (Ис. 11, 1.); и *снуде Духъ отъ Господа и настави ихъ* (Ис. 63, 14.). *Духъ вѣднїя наполни* Веселеила, строителя Скиніи (Исх. 31, 3.). Духъ бываетъ разгнѣванъ (Ис. 63, 10.); *Духъ взя* Илію на колесницѣ, и сугубый испрошенъ Елисеемъ (4 Цар. 2, 9. 15.); *Духъ благій и владычній наставляетъ и утверждаетъ Давида* (Пс. 142, 10. 50, 14.). Святой Духъ обѣтованъ сперва Іоилемъ, который говоритъ: *и будетъ въ послѣдніа дни, излію отъ Духа Моего на всяку плоть, то-есть вѣрующую, на сыновъ вашихъ и на дочерей вашихъ*, и такъ далѣе (Іоил. 2, 28. Дѣян. 2, 17.), а въ послѣдствїи—Иисусомъ, Который Самъ прославляетъ Духа, и прославляется Духомъ, такъ же какъ прославляетъ Отца и прославляется Отцемъ. И какое щедрое обѣтованіе! Духъ вѣчно сопребываетъ, и нынѣ съ достойными во временной жизни, и послѣ съ удостоивши-

мися тамошнихъ благъ , если всецѣло сохранимъ Его доброю жизнiю, а не будемъ удалять отъ себя въ такой же мѣрѣ, въ какой грѣшимъ.

Сей Духъ созидаетъ съ Сыномъ въ творенiи и воскресенiи, въ чемъ да увѣритъ тебя сказанное: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Пс. 32, 6.); *Духъ Божiй, сотворивый мя, дыханiе же Вседержителя лево научающее мя* (Иов. 33, 4.); и еще: *послеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс. 103, 30.). Онъ созидаетъ въ духовномъ возрожденiи; въ чемъ да увѣритъ тебя сказанное, что никто не можетъ видѣти или получить царствiе, аще кто не родится свыше Духомъ (Иоан. 3, 3. 5.), и отъ перваго рожденiя, которое есть тайна ночи, не очистится дневнымъ и свѣтлымъ возсозданiемъ (Пс. 138, 16.), какимъ возсозидается каждый въ отдѣльности.

Сей Духъ, какъ премудрый и человѣколюбивый, поемлетъ ли пастыря, — творить его псалмопѣвцемъ, отгоняющимъ злыхъ духовъ, и указываетъ въ немъ царя Израилю. Поемлетъ ли пастыря овецъ, ягодицiя обирающаго, — дѣлаетъ его Пророкомъ (Амос. 7, 14.). Припомни Давида и Амоса! Поемлетъ ли остроумнаго отрока, — еще прежде совершеннаго возраста дѣлаетъ его судiею старѣйшинъ. Свидѣтель Данилъ, побѣдившiй львовъ во рвѣ. Обрѣтетъ ли рыбарей, — уловляетъ въ Христову мрежу цѣлый мiръ объемлющихъ сѣтiю слова. Возми въ примѣръ Петра и Андрея и сыновъ громовыхъ, возгремѣвшихъ о духовномъ. Обрѣтетъ ли мытарей, — приобрѣтаетъ

въ ученики и творить купцами душъ. Свидѣтель Матѳей, вчера мытарь, а нынѣ Евангелистъ. Обрѣтеть ли пламенныхъ гонителей, — измѣняетъ ревность, и Савловъ дѣлаетъ Павлами, столько же ревнующими о благочестіи, сколько нашель ихъ ревнующими о злѣ.

Онъ вмѣстѣ и Духъ кротости, и гнѣвается на согрѣшающихъ. Итакъ извѣдаемъ Его кротость, а не гнѣвъ, исповѣдуя Его достоинство и бѣгая хулы, не пожелаемъ увидѣть Его безъ помилованія гнѣвающимся. Онъ и меня нынѣ дѣлаетъ дерзновеннымъ предъ вами проповѣдникомъ. И если ничего не постражду, благодареніе Богу! А если и постражду, также благодареніе Богу! Первое желательно, да пощадить ненавидящихъ насъ, второе, да освятитъ меня, въ награду за священнодѣйствіе Евангелія пріемлющаго то, чтобы совершиться кровію.

Апостолы стали говорить на чужихъ языкахъ, а не на отечественномъ, и, что особенно чудно, стали говорить не учившись. Это знаменіе для невѣрныхъ, а не для вѣрующихъ, и оно долженствовало послужить къ обвиненію невѣрныхъ, какъ написано: *иными языки, и усты иными, возглаголю людемъ симъ, и ни тако послушаютъ Мене, глаголетъ Господь* (1 Кор. 14, 21. Ис. 28, 11.). *Слышаху же* (Дѣян. 2, 6.). Остановись здѣсь не надолго и подумай, какъ раздѣлить рѣчь. Ибо въ реченіи есть обоюдность, устраняемая знакомъ препинанія. Такъ ли слышали, каждый на своемъ нарѣчїи, что, такъ сказать, гласъ исходилъ одинъ, а слышны были многіе гласы, по причинѣ такого со-

трясенія въ воздухѣ, или, яснѣе скажу, изъ одного гласа происходили многіе? Или, остановившись на словѣ: *слышаху*, слова: *глаголющихъ* своими гласами, отнести должно къ послѣдующему, чтобы вышелъ смыслъ: произносящихъ гласы, которые были свои для слушающихъ, а сіе значитъ, гласы иноязычные. Съ послѣднимъ я болѣе согласенъ; потому что первое было бы чудомъ, которое относилось бы болѣе къ слушающимъ, нежели къ говорящимъ, а послѣднее относится прямо къ говорящимъ, которыхъ и укоряютъ, что они пияны, изъ чего видно, что по дѣйствию Духа сами они чудодѣйствовали въ произнесеніи гласовъ.

Правда, достохвально было и древнее раздѣленіе гласовъ, когда строили столпъ злонамѣренно и безбожно единоголасные (на что и нынѣ дерзаютъ нѣкоторые): ибо единомысліе, нарушенное различіемъ гласовъ, разрушило и предпріятіе. Но гораздо достохвальнѣе раздѣленіе, совершенное чудесно нынѣ: ибо, отъ единого Духа излившись на многихъ, опять возводится къ единому согласію. И есть различіе дарованій требующее новаго дарованія, чтобы умѣть отличить превосходнѣйшія изъ нихъ; потому что всѣ имѣютъ нѣчто похвальное. Можно бы назвать прекраснымъ и то раздѣленіе, о которомъ говоритъ Давидъ: *потопи Господи, и раздѣли языки ихъ* (Пс. 54, 10.). За что же? За то, что возлюбили *вся глаголы потопныя, языкъ льстивъ* (Пс. 51, 6.). Почти явно обличаетъ здѣсь Давидъ тѣ языки, которые разсѣкаютъ Божество. Но о семъ довольно.

Поелику же языки вѣщали живущимъ въ Иерусалимѣ, благоговѣйнымъ Иудеямъ, Паревянамъ, Мидянамъ, Еламитамаъ, Египтянамъ, Критянамъ, жителямъ Ливіи, Аравіи, Месопотаміи, и моимъ Каппадокійцамъ и *отъ всего языка, иже подъ небесъмъ*, Иудеямъ (если кому угодно такъ представить) собраннымъ во Иерусалимѣ; то достоинъ вниманія вопросъ: какіе это были Иудеи, и котораго плѣненія? Ибо плѣненіе Египетское и Вавилонское было временное, и давно окончилось возвращеніемъ плѣненныхъ; плѣненія же Римскаго еще не было, а имѣло оно только быть, въ наказаніе за дерзость противу Спасителя. Остается разумѣть плѣненіе, бывшее при Антиохѣ, и случившееся не за-долго до сихъ временъ. Если кто не соглашается на такое, толкованіе, какъ на не естественное (потому что плѣненіе сіе не древнее, и Иудеи разсѣяны въ ономъ не по многимъ странамъ вселенной), но ищетъ толкованія болѣе вѣроятнаго; то можетъ-быть лучше принять слѣдующее. Поелику народъ Иудейскій, какъ повѣствуется у Ездры, многократно и многими былъ переселяемъ; то иныя племена возвратились въ отечество, а другія остались въ плѣненіи, и вѣроятно нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ, разсѣянныхъ по многимъ народамъ, пришли тогда въ Иерусалимъ, и были участниками чуда. Такое изслѣдованіе предложилъ я для любознательныхъ; и можетъ-быть оно не будетъ излишнимъ. И что ни предложилъ бы кто приличное настоящему дню, все будетъ приобрѣтеніемъ и для насъ. Но время уже мнѣ распустить собраніе: ибо бесѣда моя довольно продолжительна. А торжества никогда не должно

прекращать, всегда же надобно праздновать, нынѣ даже и тѣлесно, а въ послѣдствіи и скоро совершенно духовно, когда лице и яснѣе узнаемъ и сему основанія въ самомъ Словѣ и Богѣ и Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ — истинномъ праздникѣ и радованіи спасаемыхъ, съ Которымъ да будетъ слава и чествованіе Отцу со Святымъ Духомъ, нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 42,

**ПРОЩАЛЬНОЕ, ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВО ВРЕМЯ ПРИВѢТІЯ
ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ СТА-ПЯТИДЕСЯТИ ЕПИСКО-
ПОВЪ.**

Какими находите дѣла мои, вы, любезные Пастыри и Сопастыри? *Красны ноги у васъ благоговѣствующихъ миръ и блага* (Ис. 52, 7.), съ какими пришли вы; особенно же *красны* для меня, къ которому пришли вы благовременно съ намѣреніемъ не заблудшую овцу обратить, но посѣтить Пастыря странника. Какимъ представляется вамъ мое странствованіе? какой находите плодъ отъ онаго, или, лучше сказать, какой плодъ Духа, Которымъ всегда я былъ движимъ, и теперь подвигнуть, не желая имѣть, а можетъ-быть и не имѣя, ничего собственнаго? Сами ли собою понимаете и дознаете дѣло, и готовы быть снисходительными ко мнѣ цѣнителями; или, какъ другіе подвергаются отчетности въ военачаліи, или въ народоправленіи, или въ распоряженіи имѣніями, такъ и я всенародно долженъ представить вамъ отчетъ въ моемъ управленіи? Я не стыжусь быть судимымъ; потому что и самъ сужу отчасти, и съ одинаковою любовію при-

емлю то и другое. Это древній законъ: потому что и Павелъ сообщалъ о своемъ благовѣствованіи Апостоламъ, не для того, чтобы его похвалили (Духъ далекъ отъ всякаго честолюбія), но для того, чтобы или сдѣланное было утверждено, или недовершенное (если только было что-нибудь подобное въ томъ, что сказано или сдѣлано Павломъ), было исправлено, какъ самъ онъ показываетъ, пиша о себѣ (Гал. 2, 2.). Ибо и души пророчестіи пророкомъ повинуются (1 Кор. 14, 32.), по благораспоряженію Духа, все прекрасно устрояющаго и раздѣляющаго. Если же Павелъ давалъ отчетъ на единъ и немногимъ, а я — всенародно и всѣмъ; не дивитесь сему. Я больше Павла имѣю нужды воспользоваться свободою обличеній, въ чемъ только окажусь недовершившимъ должнаго, да не како вотще теку, или текохъ. И невозможно иначе оправдаться, какъ давъ отчетъ знающимъ дѣло. Итакъ что у меня за оправданіе? Если оно ложно, обличите; если же справедливо, засвидѣтельствуйте вы, для которыхъ и предъ которыми мое слово. Ибо вы для меня и оправданіе, и свидѣтели, и (осмѣлюсь отвѣтиться на Апостольское слово) *вънецъ похваленіи* (1 Солун. 2, 19.).

Нѣкогда паства сія была мала и несовершенна, даже, судя по видимому, это была не паства, а малые слѣды или останки паствы; безъ порядка, безъ надзора, безъ точныхъ предѣловъ; она не имѣла ни свободной пажити, ни огражденнаго двора, скиталась въ *горахъ и вертепахъ и въ пропастьхъ земныхъ* (Евр. 11, 38.), разсѣянная и разбросанная тамъ и здѣсь; всякій, кому какъ случилось, нахо-

диль себѣ надзирателя и пастыря, промышлялъ о своемъ спасеніи. Она подобна была стаду, которое львоу изнуриша (Іерем. 50, 17.), погубила буря или разсѣяла мракъ, что все оплакивають Пророки, уподобляя сему бѣдствію Израиля, преданнаго язычникамъ (Іезек. 34, 12.).

Плакали и мы, пока дѣла наши были достойны слезъ. Ибо дѣйствительно и мы были изгнаны, извержены, разсѣяны по всѣмъ горамъ и холмамъ, какъ бываетъ съ неимѣющими Пастыря. Какое-то неблаговедріе настало для Церкви; на нее напали лютые звѣри, которые и доселѣ даже, по возвращеніи ясныхъ дней, не щадятъ насъ и не стыдятся быть сильнѣе самаго времени. Какая-то печальная мгла объяла и покрывала все, — гораздо тягостнѣе девятой Египетской казни (Исх. 10, 21.), — разумъ ту осязаемую тму, при которой не могли мы почти видѣть другъ друга. И скажу нѣчто достойное еще большаго сожалѣнія, уповая на предавшаго насъ, какъ на Отца: *Авраамъ не увѣдѣ насъ, и Израиль не позна насъ, но ты Отецъ нашъ* (Ис. 63, 16.), и къ Тебѣ взираемъ, *развѣ Тебе иноу не знаемъ: имя Твое именуемъ* (Ис. 26, 13.). Посему отвѣщаю: *обаче судьбы возглаголю къ Тебѣ, говоритъ Іеремія* (Іерем. 12, 1.). *Выхоумъ яко исперва, егда не владѣлъ еси нами* (Ис. 63, 19.), Ты забылъ святой завѣтъ Твой, и заключилъ отъ насъ милости Твои. Посему мы стали въ поношеніе возлюбленному Твоему, — мы поклонники Троицы, совершенно преданные совершенному Божеству, не осмѣливающіеся унижать Того, Чтѣ выше насъ, и столько превозноситься, по примѣру безбожныхъ и

богоборныхъ людей, чтобы Господство именовать подобнымъ намъ рабствомъ. Но безъ сомнѣнія за другіе грѣхи наши, за то, что вели себя недостойно заповѣдей Твоихъ, и ходили въ слѣдъ лукаваго ума своего (ибо за что же иное?) преданы были мы мужамъ самымъ несправедливымъ и лукавымъ паче всѣхъ живущихъ на землѣ. Первый оскорбилъ насъ Навуходоносоръ (а), который послѣ пребыванія Христова на землѣ возсталъ на Христа, за то возненавидѣвъ Христа, что былъ Имъ спасенъ, и который священныя книги замѣнилъ безбожными жертвами. *Спыде мя, раздроби мя, покры мя тма тонка* (Іерем. 51, 34.) (и проливая слезы не отступлю отъ Писанія). *Аще не Господь помогъ бы ми, не предалъ бы его праведно въ руки беззаконныхъ, удаливъ къ Персамъ (таковы судьбы Божіи!), и за кровь пролитуя беззаконно не была бы пролита кровь правосудно (здѣсь только судъ Божій не далъ мѣста долготерпѣнію); вмазь вселилася бы во адъ душа моя* (Пс. 93, 17.). Другій (б) не челоѡколюбивѣе перваго, если еще не жесточае его, нося имя Христово, былъ лжехристомъ и поношеніемъ для Христіанъ, которымъ и дѣйствовать было богопротивно, и страдать безславно, потому что по видимому и несправедливости не терпѣли, и не украшались благолѣпнымъ именемъ мученичества, но и въ семъ утаевалась истина, и страдая, какъ Христіане, они были наказываемы,

(а) То-есть Юліанъ отступникъ.

(б) Императоръ Валентъ.

какъ нечестивые. О какъ мы были богаты бѣдствіями ! *огнь пояде красная вселенной* (Іоил. 1, 19.); *останокъ гусениць поядоша пруги, и останокъ пруговъ поядоша мшицы* (Іоил. 1, 4.), а потомъ не знаю уже, что было далѣе, и какъ одно зло раждалось изъ другаго. Да и кто бы вполнѣ изобразилъ всѣ бѣдствія того времени, и постигшее насъ тогда наказаніе, или испытаніе и огненное очищеніе ? Развѣ сказать, что *приидохомъ сквозъ огнь и воду* (Пс. 65, 12.) и, по благоволенію спасающаго Бога, *внидохомъ въ нѣкоу*.

Но да обратится слово къ сказанному въ-началѣ. Нива сія была нѣкогда мала и скудна, не походила на ниву не только Бога, Который благими сѣменами и ученіями благочестія воздѣлалъ и воздѣлываетъ цѣлый міръ; но даже на ниву недостаточнаго и малоимущаго бѣдняка. Это вовсе не была нива, не стоила можетъ-быть ни житницъ, ни гумна., ни серпа ; на ней не было ни копны, ни сноповъ, а развѣ малыя и незрѣлыя рукояти, какія вырастають на кровляхъ ; которыми не исполнить *руки своей жней*, которыя не призовутъ на себя благословенія мимоходящихъ (Пс. 128, 6 — 8.). Такова была наша нива, такова жатва ! хотя она велика, доброкласна и тучна предъ Видящимъ сокровенное, прилична таковому Земледѣлателью, и *удоліа душъ*, хорошо воздѣлываемыхъ словомъ, *умножаютъ* (Пс. 64, 14.) ее, незнаемую для многихъ, не соединеную въ одно мѣсто, но собираемую по-немногу, *яко слама на жатвь, и яко пародокъ во обгима нии винограда, не сущу гроздію* (Мих. 7, 1.). Думаю же присовокупить и сіе, даже весьма кстати:

яко смоковницу въ пустыни обрѣтохъ Израиля (Ос. 9, 10.), какъ одну или двѣ зрѣлыя ягоды на незрѣлой кисти винограда, которыя сохранены, правда, какъ благословеніе Господне, и освящены, какъ начатки (Ис. 65, 8.), но малочисленны и рѣдки, не могутъ наполнить уста ядущаго, и яко знамя на холмѣ и аки щогла на горѣ (Ис. 30, 17.), или что-нибудь другое, стоящее уединенно, и немногими видимое. Такова была прежняя нищета и скорбь !

Но какъ скоро Богъ, Который *убожитъ и богатитъ, мертвитъ и живитъ* (1 Цар. 2, 6. 7.), и единымъ хотѣніемъ *творитъ вся и претворяетъ* (Амос. 5, 8.), творитъ изъ ночи день, изъ зимы весну, изъ бури тишину, изъ засухи обильный дождь, и все сіе часто по молитвѣ одного праведника весьма долго гонимаго, — какъ скоро Богъ, *пріемляй кроткія въ высоту, и смиряяй грѣшники до земли* (Пс. 146, 6.), изрекъ Самъ къ Себѣ сіе слово : *видя видѣхъ озлобленіе Израиля* (Исх. 3, 7.); и его не будутъ болѣе изнурять *бреи́емъ и плинодѣланіемъ* (Исх. 1, 14.), и изрекши посѣтилъ, и посѣтивъ спасъ, и извелъ народъ Свой рукою крѣпкою и мышцею высокою, рукою Моисея и Аарона, избранныхъ Его : тогда что послѣдуетъ за симъ, какія чудеса творятся ? Они сохранены въ книгахъ и памяти людей. Ибо, кромѣ чудесныхъ событій на пути, и великой о томъ молвы (Ис. Нав. 2, 11.), чтобы сказать, какъ можно короче, Иосифъ одинъ пришелъ въ Египеть, и чрезъ нѣсколько времени шесть сотъ тысячъ чело́вѣкъ выходятъ изъ Египта. Что сего чудеснѣе? Нужно ли большее до-

казательство высокой премудрости, когда Богъ изъ самыхъ непроходимостей благоволитъ дать свободный выходъ? Чрезъ одного, которъ возненавидѣтъ, земля обѣтованія раздѣляется по жребію; проданный преселяетъ народы, а самъ воздвигается въ великій народъ, и малая сія отрасль дѣлается *виноградъ благолозень* (Ос. 10, 1.), столь обширный, что доходитъ до рѣкъ, простирается до моря, расширяется далѣе и далѣе за предѣлы, покрываетъ горы величіемъ славы, превышаетъ кедры, и даже горы и кедры *Божія* (какія бы горы и кедры ни надлежало здѣсь разумѣть Пс. 79, 11. 12.).

Такова была нѣкогда паства сія, и такую сдѣлалась нынѣ — столь благоустроенною и расширенною! И если она несовершенна, то чрезъ постепенныя приращенія восходитъ къ совершенству; а я предрекаю, что и будетъ восходить. Сіе предвѣщаетъ мнѣ Духъ Святой, ежели и я имѣю сколько-нибудь пророческаго дара, могу видѣть впередъ, по предшествовавшему надѣяться о будущемъ, и знать оное по умозаключенію, какъ воспитанникъ Слова. Ибо гораздо было необычайнѣе изъ прежняго состоянія придти въ настоящее, нежели изъ настоящаго достигнуть верха славы. Если, по гласу Животворящаго мертвыхъ, стали уже совокупляться кости къ костямъ, и составъ къ составу, и сухимъ костямъ данъ духъ жизни и пакибытія (Іезек. 37, 7.): то, очень знаю, должно совершиться и полное воскресеніе. *Да не возносятся въ себѣ преогорчевающіи* (Пс. 65, 7.), да не думаютъ, что обладаютъ чѣмъ нибудь, уловляя тѣнь, или *соніе востающихъ* (Пс. 72, 20.), пли мимолетный вѣтеръ, или слѣдъ кораб-

ля на водѣ. *Да плачевопльствитъ питисъ, зане паде кедръ* (Зах. 11, 2.). Пусть вразумятся бѣдствіи другихъ и узнаютъ, яко не до конца забвенъ будетъ нищій (Пс. 9, 13.), и, какъ говоритъ Аввакумъ, во изступленіи разсѣчь главы сильныхъ (Аввак. 3, 14.) не замедлитъ Божество разсѣкаемое и худо раздѣляемое на начальственное и подначальное, при чемъ особенно оскорбляется и Божество, низводимое до твари, подавляется и тварь равночестіемъ съ Божествомъ.

Слышу, кажется, и сіе слово Того, Кто собираетъ сокрушенныхъ и приѣмлетъ угнетенныхъ: *расшири ужа твоя еще, прости на десно и на лѣво, воздрузи, покрововъ не пощади* (Ис. 54, 2. 3.). Я предалъ тебя, Я и помогу тебѣ: *въ ярости малъ поразилъ тебя, и милостію вѣчною прославлю тебя* (ст. 8). Мѣра челоуѣколюбія превышаетъ мѣру вразумленія. То было за неправды, а сіе за поклоненіе Троицѣ, — то для очищенія, а сіе для славы Моей; ибо прославляю прославляющихъ, и огорчаю огорчающихъ. *Сія запечатлѣшася у Мене* (Втор. 32, 34.). Это ненарушимый законъ возмездія. А ты захватилъ у Меня стѣны и доски, и украшенные камни, длинные ходы и обходы, блисталъ и озарялъ золотомъ, то расточалъ его, какъ воду, то собиралъ, какъ песокъ, не зная, что вѣра подъ открытымъ небомъ лучше великолѣпнаго нечестія, и что трое, собранные во имя Господне, предъ Богомъ составляютъ большее число, нежели многіе, отрицающіеся Божества. Ужели Хананеевъ, сколько ихъ ни есть, предпочтешь одному Аврааму, или Содомлянъ одному Лоту, или Мадіамлянъ Моисею —

симъ пришельцамъ и странникамъ? Что жъ? кого предпочтешь? Триста ли человекъ, которые у Гедона мужественно лакали воду, или тысячи обратившіяся въ бѣгство (Суд. 7, 7. 21.)? Домочадцевъ ли Авраамовыхъ, которыхъ было немного болѣе Гедоновыхъ воиновъ, или многихъ царей и тьмы воинства, которыхъ однако же прогнали и обратили въ бѣгство малочисленные? Какъ же ты разумѣешь слѣдующія слова: *аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ яко песокъ морской, останокъ спасется* (Рим. 9, 27.); или слѣдующія: *оставихъ Себѣ семь тысячъ мужей, иже не преклониша колѣна предъ Вааломъ* (Рим. 11, 4.)? Нѣтъ, нѣтъ; не во множайшихъ благоволи Богъ (1 Кор. 10, 5.). Ты исчисляешь десятки тысячъ, а Богъ—спасаемыхъ: ты неизмѣримою пылъ, а я—сосуды избранныя (Дѣян. 9, 15.). Ибо для Бога ничто такъ не достойно, какъ слово очищенное, и душа совершенная учениями истины. Ничего не можемъ принести и дать Богу такого, что было бы достойно Того, Кто сотворилъ все, отъ Котораго все и для Котораго все,— не потому что приносимое есть дѣло одной руки, или избытокъ одного человека, но хотя бы восхотѣлъ кто почитать Бога, собравъ во-едино все богатства и труды рукъ человѣческихъ. *Еда небо и землю не Азъ наполняю? рече Господь* (Иер. 23, 24.). *И кій домъ созиждете Ми, или кое мѣсто покоища Моего* (Ис. 66, 1.)? Поелику же неизбѣженъ недостатокъ въ достоинствѣ дара; то требую отъ васъ того, что есть второе, — благочестія, сего общаго и равночестнаго предо Мною богатства, которымъ иногда и самый бѣдный, если только вы-

сохъ духомъ, можетъ превзойдти самаго знатнаго. Ибо здѣсь щедрость зависитъ отъ произволенія, а не отъ богатства. И сіе прииму изъ рукъ вашихъ: но знайте также, что вы не будете пощипать дворъ Мой, но поперуть его *ноги кроткихъ* (Ис. 26, 6.), которые здраво и искренно познали Меня и единое Слово Мое и Духа Святаго! Доколь будете *наслѣдовать гору святую Мою* (Ис. 57, 13)? Доколь будетъ ковчегъ у иноплеменниковъ? Насладитесь теперь еще недолго чужимъ достояніемъ, увеселитесь исполненіемъ вашихъ хотѣній. Какъ вы *совѣщали отринуть* Мя (Пс. 61, 5.), такъ и *Азъ отрину* васъ (Иезек. 5, 11.), говоритъ Господь Вседержитель.

Мнѣ казалось, что слышу, какъ говорить сіе Господь, и вижу, какъ приводить въ исполненіе, а кромѣ сего представлялось, что взываетъ Онъ и народу сему, который изъ малочисленнаго содѣлался уже многочисленнымъ, изъ разбѣяннаго довольно собраннымъ, и изъ жалкаго возбуждающимъ можетъ быть и зависть: «*идите враты Моими* (Ис. 62, 10.) и расширяйтесь; не всегда вамъ страдать, живя въ кущахъ, а оскорбляющимъ васъ чрезъ-мѣру веселиться!» Взываетъ Онъ и Ангеламъ-покровителямъ (ибо я увѣренъ, что особенный Ангелъ покровительствуетъ каждую Церковь, какъ научаетъ меня Іоаннъ въ Откровеніи): «*путь сотворите людемъ Моимъ, и каменіе, еже на пути, разместите* (Ис. 62, 10.), чтобы не было затрудненія и препятствія народу Моему въ божественномъ шествіи и вхожденіи» — нынѣ въ рукотворенные храмы, а въ послѣдствіи въ горній Іерусалимъ и въ тамошнее

Святая-Святыхъ, гдѣ, сколько знаю, будетъ конецъ здѣшняго злостраданія и усилія для шествующихъ доблестно, въ числѣ которыхъ находитесь и вы — званые святыя (Рим. 1, 7.), люди избранны (Тит. 2, 14.), царское священіе (1 Петр. 2, 8.), достояніе Господне державное (Пс. 15, 6.), отъ капли цѣлая рѣка, отъ искры небесное свѣтило, отъ горчичнаго зерна дерево, пристанище птицъ.

Такъ шествующихъ приносимъ въ даръ вамъ, любезные Пастыри; ихъ приводимъ, ихъ предлагаемъ друзьямъ своимъ, странникамъ и такимъ же пресельникамъ, какъ и мы сами. У насъ нѣтъ другаго приношенія прекраснѣе и блистательнѣе сего, хотя бы приискали самое лучшее изъ всего, что имѣемъ, дабы вы знали, что мы, будучи странниками, не скудны, а напротивъ того нищи, многи же богатыи (2 Кор. 6, 10.). Если же сіе мало-важно и ничего не стоитъ, то желаю знать, что важнѣе и достойнѣе большаго вниманія? Ибо если такой городъ — око вселенной, могущественнѣйшій на сушѣ и на морѣ, какъ-бы взаимный узелъ Востока и Запада, куда отовсюду стекается, и откуда, какъ съ общаго торжища, исходитъ все важнѣйшее въ Вѣрѣ, если сей городъ, и притомъ отовсюду возмущаемый толикимъ множествомъ языковъ, утвердить и укрѣпить здравымъ ученіемъ не важно: то окажется ли что другое великимъ и стоящимъ попеченія? А если сіе заслуживаетъ похвалу: дозвольте и мнѣ похвалиться симъ нѣсколько; потому что и мною привнесена нѣкоторая часть къ видимому вами. *Возведи окрестъ очи твои, и виждь, кто бы ты ни былъ цѣпитель словъ моихъ!* Виждь соплетенный вѣ-

нецъ славы, вмѣсто *наемниковъ Ефремовыхъ* и *вѣнца гордыни* (Ис. 28, 1.). Виждь соборъ пресвитеровъ, украшенныхъ сѣдиною и мудростію, благочиніе діаконовъ, недалекихъ отъ того же Духа, скромность чтецовъ, любовь къ ученію въ народѣ. Посмотри на мужей и на женъ: всѣ равночестны добродѣтелию; и изъ мужей—посмотри на *любомудрыхъ* и на *простыхъ*,—всѣ умудрены въ божественномъ; — на *начальниковъ* и на *подчиненныхъ*,—здѣсь всѣ прекрасно управляются;—на *воиновъ* и на *благородныхъ*, на *ученыхъ* и *любителей учености*, — всѣ воинствуютъ для Бога, и кроткіе въ другомъ бранносны за Духа, всѣ чтутъ *горній сонмъ*, въ который вводитъ не тихошественная буква, но Духъ животворящій, всѣ въ подлинномъ смыслѣ учены, всѣ служители истиннаго Слова. И изъ женъ посмотри на живущихъ въ супружествѣ, — онѣ сопряжены болѣе съ Богомъ, нежели съ плотію; посмотри на *несвязанныхъ супружествомъ* и *свободныхъ*,—онѣ все посвятили Богу;—на *юныхъ* и *старыхъ*, — одиѣ доблестно приближаются къ старости, другія усиливаются пребыть безсмертными, обновляясь лучшими надеждами. Соплетающимъ сей-то вѣнецъ (*еже глаголю, не глаголю по Господь* (2 Кор. 11, 17.), однако же скажу) содѣйствовалъ и я нѣсколько. Иный изъ нихъ есть дѣло моихъ словъ, не тѣхъ, которыя я отринулъ, но тѣхъ, которыя возлюбилъ, — не словъ *любодѣйныхъ* (какъ сказалъ въ поношеніе наше нѣкто изъ *любодѣйныхъ* и *словомъ* и *нравами*), но словъ *весьма цѣломудренныхъ*. Иный изъ нихъ есть порожденіе и плодъ моего духа, какъ можетъ породять духъ отрѣшившихся

отъ тѣла. И я очень увѣренъ, что о семъ засвидѣ-
 тельствуютъ признательные изъ васъ, или что даже
 всѣ вы засвидѣтствуете. Ибо я трудился надъ
 тѣмъ, чтобы всѣ приносили плодъ; и моя награда —
 одно исповѣданіе; инаго не ищу, и не искалъ; по-
 тому что добродѣтель должна быть безкорыстна, ес-
 ли хочеть быть такою добродѣтелію, у которой въ
 виду одно добро.

Хотите ли, чтобы я присовокупилъ нѣчто болѣе
 отважное? Смотрите: языки противниковъ стали
 кротки, и вооружавшіеся противъ Божества безмолв-
 ствуютъ предо мною. И это плоды Духа, и это
 плоды моего дѣланія. Ибо учу, не какъ неученый,
 не поражаю противниковъ укоризнами, какъ дѣла-
 ютъ многіе, сражающіеся не съ ученіемъ, но съ
 учащими, и укоризнами покрывающіе иногда сла-
 бость своихъ умозаключеній, подобно каракатицъ,
 которая, какъ сказываютъ, извергаетъ передъ собою
 черную влагу, чтобы избѣжать ловца, или уловить
 скрывшись. Но воинствованіе свое за Христа дока-
 зываемъ тѣмъ, что сражаемся, подражая Христу,
 Который миренъ, кротокъ и понесъ на Себѣ наши
 немощи; не заключаемъ мира во вредъ ученію ис-
 тины, уступая что-нибудь ради славы именоваться
 снисходительными (мы не уловляемъ добра худы-
 ми средствами), и блюдемъ миръ, сражаясь закон-
 но, не выступая изъ своихъ предѣловъ и правилъ
 Духа. Такъ о семъ разумію, и вмѣняю это въ за-
 конъ всѣмъ строителямъ душъ и раздаятелямъ сло-
 ва: ни строгостію не ожесточать, ни потворствомъ
 не надмѣвать, но соблюдать благоразуміе въ сло-
 вѣ, и ни въ томъ ни въ другомъ не преступать мѣры.

Но можетъ-быть, по желанію вашему, долженъ я представить и ученіе самой Вѣры, какая нами содержится. Ибо и я освящусь постояннымъ напомианіемъ, и народъ сей получить пользу, увеселяясь подобными рѣчами болѣе, нежели чѣмъ другимъ, и вы дознаете, что не напрасно завидуютъ намъ, которые въ раскрытіи истины съ одними соревнуемъ, съ другими идемъ на-ряду. Ибо какъ подземныя воды, однѣ совершенно скрыты во глубинѣ, другія отъ стѣсненія кипятъ, и, какъ ощутительно для слуха, готовы, кажется, прорваться вверхъ, однако же еще медлятъ, а инныя дѣйствительно прорываются: такъ и между любомудрствующими о Богѣ (не говорю о людяхъ вовсе несознательныхъ) одни содержатъ благочестіе совершенно втайнѣ, и скрываютъ оное въ самихъ себѣ, другіе близки только къ тому, чтобы разрѣшиться словомъ, и это люди, которые хотя бѣгаютъ нечестія, однако же не осмѣливаются говорить и благочестиво, руководясь ли какою-то осторожностію касательно слова, или прибѣгая къ сему изъ робости, и хотя сами здравы умомъ, какъ говорятъ о себѣ, но не хотятъ сдѣлать здравымъ народъ, какъ будто возложена на нихъ обязанность имѣть попеченіе о себѣ только, а не о другихъ; иные же всѣмъ открываютъ сокровище, не таятъ того, что болѣзнуютъ о благочестія — не почитаютъ спасеніемъ, если спасаются они одни, а не изливается обильно благо сіе и на другихъ. Съ послѣдними желалъ бы стать и я, желали бы и тѣ, которые со мною, чтобы, дерзая благимъ дерзновеніемъ, исповѣдать благочестіе.

Начертаніе же нашего ученія одно, и оно крат-

ко; это какъ-бы надпись на столпѣ, вразумительная всякому, это — люди сіи, искренніе поклонники Троицы. Иной изъ нихъ скорѣе разлучится съ жизнью, нежели Единое изъ Трехъ отлучить отъ Божества; всѣ они единомудренны, всѣ держатся одинаго исповѣданія, однимъ ученіемъ соединены другъ съ другомъ, со мною и съ Троицею. Подробности же ученія изложу сокращенно: Безначальное, Начало и Сущее съ Началомъ — единъ Богъ. Но безначальность или нерожденность не есть естество Безначальнаго. Ибо всякое естество опредѣляется не чрезъ то, чѣмъ оно не есть, но чрезъ то, чѣмъ оно есть; ибо оно есть положеніе, а не отрицаніе существующаго. И Начало, тѣмъ, что оно начало, не отдѣляется отъ Безначальнаго: ибо для Него быть началомъ не составляетъ естества, какъ и для перваго быть безначальнымъ; потому что сіе относится только къ естеству, а не есть самое естество. И Сущее съ Безначальнымъ и съ Началомъ есть не иное что, какъ то же, что и Они. Имя Безначальному Отецъ, Началу — Сынъ, Сущему вмѣстѣ съ Началомъ — Духъ Святой; а естество въ Трехъ единое — Богъ, Единеніе же — Отецъ, изъ Котораго Другіе, и къ Которому Они возводятся, не сливаясь, а со-
пребывая съ Нимъ, и не раздѣляемые между Собою ни временемъ, ни хотѣніемъ, ни могуществомъ. Ибо сіе насъ дѣлаетъ чѣмъ-то многимъ; потому что каждый изъ насъ разногласенъ и самъ съ собою и съ другими. Но Тѣмъ, у Которыхъ естество просто и бытіе тождественно, приличествуетъ и единство.

Упорно же наклонять ученіе въ ту и другую сторону и уравнивать различныя мнѣнія мы не бе-

ремъ на себя, не хотимъ какъ Савелліевымъ ученіемъ объ Единомъ вооружаться противъ Трехъ и худымъ соединеніемъ уничтожать дѣленіе, такъ Аріевымъ ученіемъ о Трехъ ополчаться противъ Единаго, и лукавымъ дѣленіемъ извращать единство. Ибо требуется не худое замѣнить худымъ, но не погрѣшить въ добромъ, а первое есть забава лукаваго, который невѣрно взвѣшиваетъ наши ученія. Сами же мы, идя среднимъ и царскимъ путемъ (въ чемъ и совершенство, какъ разсуждаютъ о семъ знающіе дѣло), вѣруемъ въ Отца и Сына и Святаго Духа, Которые единосущны и единославны. Въ сихъ именахъ и подлежащихъ и крещеніе (какъ извѣстно сіе тебѣ, сподобившійся таинства) приемятъ свое совершеніе, будучи отреченіемъ отъ безбожія и исповѣданіемъ Божества. А такимъ образомъ не противорѣчимъ мы, познавая Единаго по сущности и по нераздѣльности поклоненія, Трехъ по Упостасямъ, или по Лицамъ, ибо нѣкоторые предпочитаютъ послѣднее реченіе. И да не стыдятъ себя тѣ, которые спорятъ о сихъ реченіяхъ, какъ будто наше благочестіе заключается въ именахъ, а не въ дѣлѣ! Ибо что хотите сказать вы, которые вводите Три Упостаси? Вѣрно, говорите сіе не въ предположеніи трехъ Существъ? Знаю, что громко возопіете противъ предполагающихъ сіе; ибо учите, что одна и таже сущность въ Трехъ. И вы, употребляющіе реченіе: Лица, не составляете чего-то хотя единаго, но вмѣстѣ и сложнаго, совершенно трехличнаго, или челоукообразнаго? Ни мало; возопіете и вы: да не узритъ лица Божія (что ни было бы оно такое), кто такъ думаетъ. Что же (продолжу спрашивать)

означають у васъ Упостаси или Лица? Трехъ раздѣляемыхъ, не по естествамъ, но по личнымъ свойствамъ. — Превосходно! Можно ли думать болѣе здраво и говорить согласнѣ утверждающихъ сіе, хотя и разнятся они въ нѣсколькихъ слогахъ? Смотрите, какой я у васъ примиритель, возводящій отъ буквы къ мысли, какъ будто примиряющій Ветхій и Новый Заветъ!

Но я долженъ возвратиться къ прежнему слову. Кому угодно вновь творить имена, пусть говоритъ и представляетъ въ умъ: Нерожденное, Рожденное и Исходящее: не побоимся, чтобы безтѣлесное могло быть понято тѣлесно, какъ представляется сіе клеветующимъ на Божество. Говори и о твари, что она Божія (ибо и сіе для насъ важно); но никакъ не называй твари Богомъ; тогда развѣ допущу, что тварь Богъ, когда самъ, въ собственномъ смыслѣ, буду Богомъ. — Дѣло въ томъ: если Богъ, то не тварь; потому что тварь въ одномъ ряду съ нами, а мы не Боги. Если же тварь, то — не Богъ: ибо началась во времени; а если началась, то было, когда ея не было; а чему предшествовало небытіе, то не въ собственномъ смыслѣ сущее; а что не въ собственномъ смыслѣ сущее, то можетъ ли быть Богомъ? Итакъ ни Единое изъ Трехъ (а) не есть тварь, и не произведено (что хуже и перваго) ради меня, чтобы стать не только тварію, но даже тварію малочестнѣйшею насъ. Ибо, если я сотворенъ къ славѣ Божіей, а Оно ради меня, какъ клещи ради ко-

(а) То-есть Лицъ Святыя Троицы.

лесницы, или пила ради двери: то я выше по цѣли. Чѣмъ выше тварей Богъ: тѣмъ малочестнѣе меня, сотвореннаго для Бога, сотворенное ради меня.

Сверхъ того да не будетъ и входа въ Церковь Божию Моавитянамъ и Аммонитянамъ, то-есть діалектикъ, спорамъ и тѣмъ пытливымъ вопросамъ о неизреченномъ рожденіи и исхожденіи Бога, съ которыми дерзко возстаютъ противъ Божества, какъ будто необходимо, чтобы или имъ однимъ было постижимо превышающее разумъ, или не могло то и быть, чего они не поняли. А мы, слѣдуя Божественнымъ писаніямъ, и устраняя препятствія, встрѣчающіяся слѣпотствующимъ, будемъ держаться спасенія, отважившись прежде на все, нежели дерзнемъ на что-нибудь противъ Бога. Собрать же самыя свідѣтельства предоставимъ другимъ, такъ какъ многіе многократно уже предавали ихъ писанію, да и мы сами не мимоходомъ касались ихъ. Притомъ, по мнѣ, крайне стыдно — собирать теперь доказательства на то, въ чемъ издавна мы были увѣрены. Ибо не хорошъ порядокъ — сперва учить, а потомъ учиться, хотя бы шло дѣло не о Божественномъ и столь высокомъ предметѣ, но о чемъ-нибудь маловажномъ и ничего не стоящемъ. А разрѣшать и разъяснять затрудненія, встрѣчающіяся въ Писаніи, не дѣло настоящаго времени; сіе требуетъ совершеннѣйшаго и большаго занятія, нежели какое сообразно съ настоящимъ намѣреніемъ слова. — Таково наше ученіе касательно существеннаго; и я изложилъ оно не для того, чтобы вступить въ состязаніе съ противомыслящими (ибо многократно уже, хотя и умѣренно, состязался съ ними), но чтобы вамъ показать свой-

ство моихъ ученій, точно ли я сподвижникъ вашихъ догматовъ, и стою съ вами противъ однихъ враговъ и за однѣ и тѣже истины.

Таково, достопочтенные, оправданіе моего здѣсь пребыванія. Если оно заслуживаетъ похвалу; благодареніе Богу и вамъ, призвавшимъ меня! Если и не соотвѣтствуетъ надеждамъ; и въ семъ случаѣ благодареніе! ибо очень знаю, что оно не вовсе укоризненно, и вѣрю вамъ, подтверждающимъ это. Покорыстовался ли я чѣмъ-нибудь отъ сего народа? Приумножилъ ли сколько-нибудь свою собственность, чему вижу примѣры на многихъ? Огорчилъ ли чѣмъ-нибудь Церковь? Можетъ-быть оскорбилъ я иныхъ, которые думали, что по-напрасну говорю, и которымъ противопоставилъ я свое слово. Но васъ, сколько сознаю самъ себя, ни чѣмъ я не оскорблялъ. Ни вола не взялъ у васъ, говоритъ великій Самуиль, состязуясь съ Израилемъ о царѣ, ни мзды за души ваши; *свидѣтель есть Господь въ васъ* (1 Цар. 12, 5.); не взялъ я ни того ни другаго, продолжалъ онъ, и я не буду перечислять сего въ-подробности. Напротивъ того соблюлъ я священство чистымъ и несквернымъ. Если же возлюбилъ я владычество, или высоту престоловъ, или если возлюбилъ попираť дворы царей: то пусть не буду имѣть никакой другой славы, а если и приобрѣту, то да лишусь оной.

Что же значать слова мои? Я не безмездный труженикъ добродѣтели, и не достигъ еще до такого совершенства. Вознаградите меня за труды. Чѣмъ же? Не тѣмъ, о чемъ подумали бы нѣкоторые, способные подозрѣвать всякаго; но тѣмъ, чего мнѣ без-

опасно желать. Успокойте меня отъ долговременныхъ трудовъ, уважьте сію сѣдину, почтите мое странничество, и введите на мое мѣсто другаго, за васъ гонимаго, у кого руки чисты, у кого слово не неразумно, кто могъ бы во всемъ васъ удовлетворять и нести съ вами церковныя попеченія; ибо настоящее время особенно требуетъ такихъ Пастырей. А у меня, видите, въ какомъ состояніи тѣло, истощенное временемъ, болѣзнію, трудами. На что вамъ нуженъ старикъ робкій, ослабѣвшій, умирающій, такъ сказать, ежедневно, не тѣломъ только, но и заботами, — старикъ, который и это съ трудомъ выговариваю вамъ? Повѣрьте голосу учителя, такъ какъ никогда не отказывали ему въ вѣрѣ. Я усталъ, слушая обвиненія моей кротости; усталъ, препираясь и съ словомъ и съ завистію, съ врагами и съ своими: одни поражаютъ въ грудь, и меньше успеваютъ, потому что не трудно остережся явнаго врага; другіе имѣютъ въ виду хребетъ, и больше причиняютъ огорченій, потому что неподозрѣваемый губительнѣе. Если бы я былъ кормчій и даже самый знающій, но окружало насъ обширное море, бурно волнующееся вокругъ корабля, и въ то же время между пловцами возсталъ сильный мятежъ, всѣ спорили бы о томъ и о другомъ, и заглушали другъ друга и волны: то я, сидящій у кормила, долго ли бы могъ бороться и съ моремъ, и съ пловцами, и безбѣдно спасать корабль отъ двойкой бури? Гдѣ трудно спасеніе, когда всѣ и всѣми мѣрами трудятся надъ однимъ; тамъ какъ не потонуть, когда всѣ противоборствуютъ другъ другу? Нужно ли говорить о чемъ другомъ? Но какъ мнѣ вы-

нести эту священную брань? Ибо пусть иная брань называется и священной, какъ есть брань варварская. Какъ совоюплю и приведу къ единству сихъ одинъ противъ другаго возсѣдающихъ и пастырствующихъ, а съ ними и народъ расторгнутый и приведенный въ противоборство, подобно какъ во время землетрясеній разсѣдаются мѣста сосѣдственныя и близкія, или во время заразительныхъ болѣзней страждутъ слуги и домашніе, потому что болѣзнь удобно передается отъ одного другому? И не только народъ сей, но цѣлыя части вселенной увлекаются тѣмъ же мятежнымъ духомъ, такъ что Востокъ и Западъ раздѣлились на двѣ противныя стороны, и есть опасность, что они, составляя разные удѣлы, столько же будутъ разнствовать и во мнѣніяхъ.

Долго ли будутъ въ употребленіи слова: мой, твой, старшій, новшій, ученѣе или духовнѣе, благороднѣе или ниже родомъ, богатѣе или бѣднѣе людьми? Стыжусь старости, когда мнѣ спасенному Христомъ, дають имя отъ чего-нибудь другаго. Несносны мнѣ конеристатели, зрѣлища и тѣ издержки и заботы, которымъ предаются съ равнымъ неистовствомъ. И мы то впрягаемъ, то перепрягаемъ коней, предаемся восторгамъ, едва не бьемъ воздуха какъ они, бросаемъ ниль къ небу, какъ изступленные; споря за другихъ, удовлетворяемъ собственной страсти спорить, бываемъ худыми оцѣнщиками соревнованія, несправедливыми судьями дѣлъ. Нынѣ у насъ одинъ престолъ и одна Вѣра, если такъ внушаютъ намъ наши вожди: завтра подуетъ противный вѣтеръ, и престолы и Вѣра будутъ у насъ раз-

ныя. Вмѣстѣ съ враждою и пріязнію мѣняются имена, а, что всего хуже, не стыдимся говорить противное при тѣхъ же слушателяхъ, и сами не стоимъ въ одномъ, потому что любовь къ спорамъ дѣлаетъ насъ то такими, то иными, и въ насъ бываютъ такія же перемѣны, отливы и приливы, какъ въ Еврипѣ. Когда дѣти играютъ и служатъ игрушкой для другихъ на площади, стыдно и несвойственно было бы намъ, оставивъ собственныя дѣла, вмѣшаться въ ихъ игры, потому что дѣтскія забавы не приличны старости. Такъ, когда другіе увлекаютъ и увлекаются, я, который знаю иное лучше многихъ, не соглашусь стать лучше однимъ изъ нихъ, нежели быть тѣмъ, что я теперь, то-есть свободнымъ, хотя и незнатнымъ. Ибо кромѣ прочаго есть во мнѣ и то, что не во многомъ соглашаюсь со многими, и не люблю идти однимъ съ ними путемъ. Можетъ-быть сіе дерзко и невѣжественно, однако жъ я подверженъ сему. На меня непріятно дѣйствуетъ пріятное для другихъ, и увеселяюсь тѣмъ, что для иныхъ огорчительно. Посему не удивился бы, если бы меня, какъ челоуѣка безпокойнаго, связали и многіе признали сумазброднымъ, что, какъ сказываютъ, и случилось съ однимъ изъ эллинскихъ философовъ, которому цѣломудріе вмѣнено было въ безуміе, потому что надъ всѣмъ смѣялся, находя достойнымъ смѣха казавшееся для многихъ стоящимъ усиленныхъ трудовъ; не удивился бы, если бы почли меня *исполненнымъ вина*, какъ въ - послѣдствіи учениковъ Христовыхъ за то, что стали говорить языками; почли, не зная, что это сила Духа, а не изступленіе ума.

Разсмотрите же и мои вины. Говорят: «столько времени управляешь ты Церковію, обстоятельства тебѣ благопріятствуютъ, и Самодержецъ ревностенъ (что весьма важно); въ чемъ же для насъ видна перемѣна? Сколько передъ нами нашихъ оскорбителей? Какихъ бѣдствій не претерпѣли мы? Не видѣли ли мы обидъ, угрозъ, изгнаній, разграбленія и описанія имѣній, сожженія пресвитеровъ на морѣ? Не видѣли ли храмовъ, обогранныхъ кровію Святыхъ, и изъ храмовъ содѣлавшихся кладбищами? Не видѣли ли всенароднаго закланія пресвитеровъ, епископовъ, точнѣе же сказать, патріарховъ? Не всякое ли мѣсто было непроходимо однимъ благочестивымъ? Не столько ли мы терпѣли, что невозможно и пересказать всѣхъ бѣдствій? А чѣмъ же мы воздали причинившимъ намъ оныя? Мѣжду тѣмъ, что и хорошо, возможность дѣйствовать возвращена намъ, и надобно было вразумить оскорбителей.» Оставляю прочее, предложу же свое, чтобы не все говорить о твоёмъ.

Развѣ и мы не были гонимы? не терпѣли оскорбленій? Развѣ не изгоняли насъ изъ церквей, изъ домовъ и (что всего ужаснѣе) изъ самыхъ пустынь? Развѣ не перенесли мы того, что и народъ неистовствовалъ, и правители областей дѣлали обиды, и цари, а равно и ихъ указы, были презираемы? Что же потомъ? Мы стали сильны, а гонители разбѣжались. И это, по моему мнѣнію, достаточное наказаніе обидчикамъ, то-есть самая власть, какую имѣемъ отмстить. Но эти люди думаютъ иначе; они чрезъ-мѣру точны и правдивы, когда идетъ дѣло объ отмщеніи; потому требуютъ не пропускать слу-

чая. Они говорятъ: «какой начальникъ области наказанъ? Какой народъ и кто изъ подущавшихъ вразумленъ? Воспользовались ли мы чѣмъ-нибудь для себя самихъ, чтобы внушить страхъ и на будущее время?»

Можетъ-быть и за сіе будутъ порицать меня (ибо уже и порицали), что нѣтъ у меня ни богатаго стола, ни соотвѣтственной сану одежды, ни торжественныхъ выходовъ, ни величавости въ обхожденіи. Не зналъ я, что мнѣ должно входить въ состязанія съ консулами, правителями областей, знатнѣйшими изъ военачальниковъ, которые не знаютъ, куда расточить свое богатство, — что и мнѣ, роскошествуя изъ достоянія бѣдныхъ, надобно обременять свое чрево, необходимое употреблять на излишества, изрыгать на алтари. Не зналъ, что и мнѣ надобно ѣздить на отличныхъ коняхъ, блистательно высияться на колесницѣ, — что и мнѣ должны быть встрѣчи, приемы съ подобострастіемъ, что всѣ должны давать мнѣ дорогу и разступаться предо мною, какъ предъ дикимъ звѣремъ, какъ скоро даже издали увидятъ идущаго.

Если сіе было для васъ тяжело, то оно прошло. Простите мнѣ сію обиду. Поставьте надъ собою другаго, который будетъ угоденъ народу, а мнѣ отдайте пустыню, сельскую жизнь и Бога. Ему одному угрозу даже простотою жизни. Тяжело, если буду лишень бесѣдъ, собраній, торжествъ, и этихъ окривляющихъ рукоплесканій, лишень ближнихъ и друзей, почестей, красоты города, величія, блеска повсюду поражающаго тѣхъ, которые смотрятъ на сіе и не проникаютъ внутрь. Но не такъ тяжело,

какъ возмущаться и очерняться мятежами и волненіями, какія въ обществѣ, и принаровленіями къ обычаямъ народа. Они ищутъ не іереевъ, но риторовъ; не строителей душъ, но хранителей имуществъ; не жрецовъ чистыхъ, но сильныхъ представителей. Скажу нѣчто и въ ихъ оправданіе: я обучилъ ихъ этому, я, который *всѣмъ быхъ вся*, не знаю тѣлько, *да спасу* ли всѣхъ, или да погублю (1 Кор, 9, 22.).

Что скажете? Убѣдилъ ли и побѣдилъ ли я васъ сими словами? Или для убѣжденія вашего нужны выраженія болѣе твердыя? Такъ, ради самой Троицы, Которую я чу и вы чтете, ради общей нашей надежды, и ради совокупленія въ единый составъ людей сихъ, окажите мнѣ эту милость — отпустите меня съ молитвами. Пусть это будетъ возвѣщать о моихъ подвигахъ! Дайте мнѣ увольнительное писаніе, какъ цари даютъ воинамъ, и, если угодно, съ добрымъ свидѣтельствомъ, чтобы имѣть мнѣ награду; а если нѣтъ, какъ хотите; я не воспрекословлю, пока не узритъ Богъ, каковы дѣла наши. «Кого же поставимъ вмѣсто тебя?» — Узритъ Господь Себѣ пастыря для начальствованія, какъ *узрѣлъ овца во всесожженіе* (Быт. 28, 8.). Только сего одного требую, чтобы онъ былъ изъ числа возбуждающихъ зависть, а не сожалѣніе, — изъ числа не всякому во всемъ уступающихъ, но умѣющихъ въ иномъ случаѣ и воспротивиться для большаго блага: ибо первое всего пріятнѣе здѣсь, а второе всего полезнѣе тамъ. И вы составьте слово на мое отшествіе; а я воздамъ вамъ за сіе симъ прощальнымъ словомъ:

Прости Анастасія, получившая отъ благочестія

наименованіе; ибо ты воскресила намъ ученіе, дотолѣ презираемое! Прости мѣсто общей побѣды, Силомъ, въ которомъ съ начала водрузили мы скинію, сорокъ лѣтъ носимую и блуждавшую по пустынѣ! Прости великій и славный храмъ, новое наслѣдіе, храмъ, получившій настоящее величіе отъ Слова, храмъ, который прежде былъ Іевусомъ, а чрезъ меня сдѣланъ Іерусалимомъ! Простите и прочіе храмы, близкіе по красотѣ къ Анастасіи; храмы, подобно узамъ связующіе собою разныя части города, и присвоенные той части, которая съ каждымъ сосѣдственна, храмы, которые наполнилъ не я, имѣющій столько немощи, но наполнила благодать, со мною отчаяннымъ! Простите Апостолы, прекрасное селеніе, мои учителя въ подвижничествѣ, хотя я и рѣдко торжествовалъ въ честь вашу, нося въ тѣлѣ, къ собственной пользѣ, можетъ-быть, того же сатану, который былъ данъ вашему Павлу (2 Кор. 12, 7.), ради котораго и нынѣ отъ васъ преселяюсь! Прости каеэдра—эта завидная и опасная высота; прости соборъ архіереевъ и іереевъ, почтенныхъ сановитостію и лѣтами; простите всѣ, служащіе Богу при священной трапезѣ и приближающіеся къ тому, кто *приближается къ Богу* (Лев. 10, 3.)! Простите ликостоянія Назореевъ, стройныя псалмѣнія, всенощныя стоянія, честность дѣвъ, благопрістойность женъ, толпы вдовъ и сиротъ, очи нищихъ устремленные къ Богу и къ намъ! Простите страннолюбивые и христолюбивые дома, помощники моей немощи! Простите любители моихъ словъ, простите и эти народныя теченія и стеченія, и эти трости, пишуція явно и скрытно, и эта рѣшетка, едва

выдерживающая тѣснящихся къ слушанію! Простите цари и царскіе дворцы, и царскіе служители, домоладцы (а), можетъ-быть и вѣрные царю (не знаю сего), но по большей части невѣрные Богу! Плещите руками, восклицайте пронзительнымъ голосомъ, поднимите вверхъ своего витію! Умолкъ языкъ для васъ непріязненный и вѣщій. Хотя онъ не вовсе умолкнетъ, и будетъ еще препираться рукою и черниломъ; но въ настоящее время мы умолкли. Прости градъ великій и христолюбивый! Ибо засвидѣтельствую истину, хотя и не по разуму сія ревность (Рим. 10, 2.), разлука содѣлала насъ болѣе снисходительными. Приступите къ истинѣ; перемѣните жизнь свою, хотя поздно; чтите Бога болѣе, нежели сколько обыкли! Перемѣна жизни ни мало не постыдна; напротивъ того храненіе зла гибельно. Простите Востокъ и Западъ! За васъ и отъ васъ терпимъ мы нападеніе: свидѣтель сему Тотъ, Кто примиритъ насъ, если не многіе будутъ подражать моему удаленію. Ибо не утратятъ Бога удалившіеся отъ престоловъ, но будутъ имѣть горную каедрю, которая гораздо выше и безопаснѣе этихъ каедръ. А сверхъ всего и паче всего воскликну: простите Ангелы, назиратели сея Церкви, и также моего здѣсь пребыванія и отшествія отсюда, если только и мои дѣла въ рукъ Божіей! Прости мнѣ Гроизца — мое помышленіе и украшеніе! Да сохранишься у сего народа моего и да сохра-

(а) Царскіе еввухи, которые большею частію заражены были аріанской и македоніевою ересями.

нишь его (ибо онъ мой, хотя и устрояется жизнь моя иначе); да возвѣщается мнѣ, что Ты всегда возвышаема и прославляема у него и словомъ и жизнью! Чада! *сохраните преданія* (1 Тим. 6, 20.), помните, какъ побивали меня камнями. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами, аминь* (Рим. 16, 24.)!

С Л О В О 45,

НАДГРОВНОЕ ВАСИЛЮ , АРХІЕПИСКОПУ КЕСАРИИ КАППАДОКІЙСКІЯ.

Оставалось еще, чтобы Великій Василій, который всегда предлагалъ мнѣ многіе предметы для словъ (потому что столько увеселялся моими словами, сколько никто другой не увеселяется собственными),—оставалось еще, чтобы нынѣ самого себя предложилъ онъ въ предметъ для подвига въ словѣ, предметъ весьма высокій и для тѣхъ, которые много упражнялись въ сложеніи словъ. Ибо думаю, если бы кто, испытывая силы свои въ словѣ, захотѣлъ потомъ опредѣлить ихъ мѣру, и на этотъ конецъ предложилъ себѣ изъ всѣхъ предметовъ одинъ (какъ живописцы берутъ для сего образцовые картины), то онъ исключилъ бы одинъ настоящій предметъ, какъ недоступный для слова, и избралъ первый изъ прочихъ. Такъ трудно говорить въ похвалу сего мужа, трудно не для меня одного, который давно отказался отъ всякаго соискательства чести, но и для тѣхъ, которые цѣлую жизнь посвятили слову, надъ нимъ единственно трудились, и искали себѣ славы только въ подобныхъ сему пред-

метахъ! Не иначе разумѣю я дѣло, и разумѣю, сколько самъ въ себѣ увѣренъ, весьма правильно. Впрочемъ не знаю, предложилъ ли бы я слово въ другомъ какомъ случаѣ, если бы не предложилъ нынѣ, или угодилъ ли бы столько и себѣ, и цѣнителямъ добродѣтели, и самому слову, если бы избралъ для слова что-либо другое, а не похвалу сего мужа. Ибо съ моей стороны будетъ сіе достаточнымъ воздаяніемъ долга; потому что совершеннымъ, какъ въ другомъ чемъ, такъ и въ словѣ, если чѣмъ другимъ должны мы, то словомъ. А любителямъ добродѣтели слово о добродѣтели будетъ вмѣстѣ и наслажденіемъ, и поощреніемъ. Ибо чему слышу похвалы, въ томъ вижу и явныя приращенія. А потому не бываетъ общихъ успѣховъ ни въ чемъ такомъ, чему нѣтъ общихъ похвалъ. Наконецъ, самое слово въ обоихъ случаяхъ не останется безъ успѣха. Если оно близко подойдетъ къ достоинству похваляемаго; то симъ докажетъ собственную свою силу. Если же во многомъ останется назади (чему и необходимо случиться, когда предпріемлетъ хвалить Василя); то самымъ дѣломъ обнаружить, что оно побѣждено, и что похваляемый выше всякой возможности слова. Таковы причины, которыя вынудили у меня слово, и по которымъ вступаю въ сей подвигъ.

Но никто не долженъ дивиться, что принимаюсь за дѣло поздно и послѣ того, какъ многіе восхваляли Василя и прославляли его наединѣ и всенародно. Да простить мнѣ божественная душа, всегда, какъ нынѣ такъ и прежде, мною досточтимая! И безъ сомнѣнія, кто, находясь еще съ нами, мно-

гое исправлялъ во мнѣ по праву дружбы и по наилучшему закону (не постыжусь сказать, что онъ и для всѣхъ былъ закономъ добродѣтели), тотъ снисходителенъ будетъ ко мнѣ и теперъ, когда сталь выше насъ. Да простятъ мнѣ и тѣ изъ васъ, которые съ большою пламенностію хвалятъ Василія, если только дѣйствительно одинъ изъ васъ пламеннѣе другаго, а не всѣ вы стоите на одной степени въ этомъ одномъ — въ усердіи хвалить его! Ибо не по нерадѣнію не былъ мною доселѣ выполненъ долгъ (никогда не желалъ бы я быть такимъ зрителемъ требованій или добродѣтели, или дружбы), а также и не потому, чтобы почиталъ я не себя, а другихъ обязанными хвалить Василія. Но медлилъ я словомъ, во-первыхъ (скажу правду), чтобы прежде, какъ требуется отъ приступающихъ къ священнодѣйствию, очищены были у меня и уста и мысль; а сверхъ того не безызвѣстно вамъ (впрочемъ напомнимъ о семъ), сколько въ сіе время занятъ былъ я попеченіями объ истинномъ ученіи, подвергавшемся опасности, и какъ потерпѣлъ я доброе принужденіе и былъ пресельникомъ, можетъ быть по Богу, притомъ не противъ воли и сего мужественнаго подвижника истины, который не инымъ чѣмъ и дышалъ, какъ благочестивымъ и спасительнымъ для цѣлаго міра ученіемъ. О немощахъ же тѣлесныхъ не должно, можетъ-быть, смѣть и говорить человѣку мужественному, который до преселенія отселѣ поставилъ себя выше тѣлеснаго, и увѣренъ, что душевныя блага ни малаго не терпятъ вреда отъ этихъ узъ. Таково мое оправданіе, и симъ да будетъ оно заключено; ибо думаю, что

нѣтъ нужды продолжать его, имѣя дѣло съ Васи-
ліемъ и съ людьми, которые ясно знаютъ мои об-
стоятельства.

Теперь долженъ я приступить къ самой похвалѣ,
посвятивъ слово самому Василю Богу, чтобы и
Василія не оскорбить похвалами, и самому мнѣ не
стать гораздо ниже другихъ; хотя всѣ мы равно
отстоимъ отъ Василія, и то же предъ нимъ, что
предъ небомъ и солнечнымъ лучемъ взирающіе
на нихъ.

Если бы видѣлъ я, что Василій величался родомъ
и происшедшими отъ его рода, или чѣмъ-либо со-
вершенно маловажнымъ, но высоко цѣнимымъ у лю-
дей привязанныхъ къ земному; то, при пересчи-
сленіи всего, что могъ бы сказать я къ чести его
изъ временъ преждебывшихъ, явился бы у меня но-
вый списокъ проевъ, и я ни въ семъ не уступилъ
бы преимуществу исторіямъ, но самъ имѣлъ бы то
преимущество, что сталъ бы хвалиться не вымысла-
ми и баснями, а дѣйствительными событіями, сви-
дѣтели которыхъ многочисленны. Ибо о предкахъ
его съ отцовой стороны представляетъ намъ Понтъ
множество такихъ сказаній, которыя ни чѣмъ не
маловажнѣ древнихъ понтійскихъ чудесъ, какими
наполнены писанія историковъ и стихотворцевъ. А
почтенные Каппадокіане — эта и мнѣ родная сто-
рона, не меньше отличающаяся благородными юно-
шами, какъ и хорошими породами коней, предста-
вить много такого, по чему и матерній его родъ
можемъ сравнять съ отцевымъ. Да и въ которомъ
изъ двухъ родовъ или чаще или выше примѣры
военачальства, народоправленія, могущества при

(3)

царскихъ дворахъ, также богатства, высоты престоловъ, гражданскихъ почестей, блистательнаго краснорѣчія? Если бы захотѣли мы говорить о нихъ, что можно; то оказались бы ничего незначащими для насъ поколѣнія Пелопса, Кекропса, Алкмеона, Аякса, Иракла, и другія знаменитѣйшія въ ихъ древности. Инымъ нечего сказать гласно о собственныхъ дѣлахъ, потому прибѣгаютъ къ безгласному, къ какимъ-то демонамъ и богамъ, и въ похвалу предковъ приводятъ басни, въ которыхъ наиболѣе достойное уваженія не вѣроятно, а вѣроятно оскорбительно. Но поелику у насъ слово о мужѣ, который разсуждаетъ, что о благородствѣ надобно судить по личнымъ достоинствамъ, и что мы должны изображать себя чертами не отъ другихъ заимствованными, когда и красоту лица, и доброту краски, и высокую или низкую породу коня оцѣниваемъ по свойствамъ вещи самой въ себѣ взятой; то, упомянувъ объ одномъ, или о двухъ обстоятельствахъ, касающихся его предковъ, и наиболѣе близкихъ къ его роду жизни, о которыхъ и самъ онъ съ удовольствіемъ бы сталъ слушать, обращусь къ нему самому.

Каждое поколѣніе и каждый членъ въ поколѣніи имѣетъ какое-либо свое отличительное свойство, и о немъ есть болѣе, или менѣе важное сказаніе, которое, получивъ начало во времена отдаленныя или близкія, какъ отеческое наслѣдіе переходитъ въ потомство. Такъ и у Василя отличіемъ отца и матернаго рода было благочестіе; что покажетъ теперь слово.

Настало гоненіе, и изъ гоненій самое ужасное и

тягостное; говорю объ извѣстномъ вамъ гоненіи Максимиана, который, явдсь послѣ многихъ не задолго бывшихъ гонителей, сдѣлалъ, что всѣ они кажутся предъ нимъ челоуѣколюбивыми, — такова была его дерзость, и съ такимъ упорствомъ старался онъ одержать верхъ въ нечестіи! Съ нимъ препирались многіе изъ нашихъ подвижниковъ, и одни подвизались до смерти, а другіе едва не до смерти, для того только оставленные въ живыхъ, чтобъ пережить побѣду, и не окончить жизни вмѣстѣ съ борьбою, но служить для другихъ побудителями къ добродѣтели, живыми мучениками, одушевленными памятниками, безмолвною проповѣдію. Въ числѣ многихъ извѣстныхъ были и предки Василіевы по отцѣ; и какъ они прошли весь путь благочестія, то время сіе доставило прекрасный вѣнецъ ихъ подвигу. Хотя сердце ихъ было готово съ радостію претерпѣть все, за что вѣнчаетъ Христось подражавшихъ собственному Его ради насъ подвигу; однако же они знали, что и самый подвигъ долженъ быть законнымъ. /А законъ мученичества таковъ, чтобы, какъ щадя гонителей и немощныхъ, не выходить на подвигъ самовольно, такъ выпедши не отступать; потому что первое есть дерзость, а последнее — малодушіе. Посему, чтобы и въ этомъ почитать Законодателя, что предприемлютъ они? или лучше сказать, куда ведетъ ихъ Промыслъ, управляющій всѣми ихъ дѣлами? Они убѣгаютъ въ одинъ лѣсъ на понтійскихъ горахъ; а такихъ лѣсовъ у нихъ много, и они глубоки и простираются на большое пространство; убѣгаютъ, имѣя при себѣ весьма не многихъ сопутниковъ въ бѣгствѣ и

(6)

служителей къ пропитанію. Другіе стануть удивляться, частію продолжительности бѣгства, которое, какъ говорятъ, было весьма долговременно, длилось до семи лѣтъ, или даже нѣсколько больше, частію роду жизни для людей жившихъ въ довольствѣ скорбному и, какъ вѣроятно, непривычному, бѣдствованію ихъ на открытомъ воздухѣ отъ стужи, жаровъ и дождей, пребыванію въ пустынѣ, вдали отъ друзей, безъ сообщенія и сношенія съ людьми, что увеличивало злостраданія видѣвшихъ себя прежде окруженными многолюдствомъ и принимавшихъ отъ всѣхъ почитаніе. Но я намѣренъ сказать нѣчто такое, что и сего важнѣе и удивительнѣе, и чему не повѣритъ развѣ тотъ одинъ, кто не почитаетъ важными гоненій и бѣдствій за Христа, потому что худо ихъ знаетъ и понимаетъ весьма превратно.

(7) Мужественные подвижники сіи, утомленные временемъ и наскучивъ своими нуждами, пожелали имѣть что-нибудь и къ услажденію. Впрочемъ, не говорили, какъ Израильтяне, и не были ропотниками, подобными бѣдствовавшимъ въ пустынѣ, послѣ того какъ бѣжали изъ Египта, и говорившимъ, что лучше пустыни для нихъ Египеть, который доставлялъ неисчетное множество котловъ и мяса, а также и всего прочаго, чего нѣтъ въ пустынѣ (Исх. 16, 3.); потому что плинны и брение, по неразумію, были тогда для нихъ ни во что. Напротивъ того, сколько они были благочестивѣе и какую показали вѣру! Ибо говорили: «что невѣроятнаго, если Богъ чудесъ, Который богато пропиталъ въ пустынѣ народъ странствующій и бѣгствующій,

дождилъ хлѣбъ, посылалъ птицъ, подавалъ пищу, не только необходимую, но и роскошную, раздѣлилъ море, остановилъ солнце, пресѣкъ теченіе рѣки (а къ сему присовокупляли они и другія дѣла Божіи; потому что, въ подобныхъ обстоятельствахъ, душа охотно припоминаетъ древнія сказанія и пѣснословить Бога за многія чудеса Его), что невѣроятнаго, продолжали они, если сей Богъ и насъ, подвижниковъ благочестія, препитаетъ нынѣ сладкими снѣдами? Ибо много звѣрей, которые, избѣжавъ трапезы богатыхъ, какая и у насъ бывала нѣкогда, скрываются въ сихъ горахъ, много птицъ годныхъ въ снѣдъ летаетъ надъ нами, которые алчемъ ихъ. И ужели они неуловимы, если Ты только восхощешь?» — Такъ они зывали къ Богу; и явилась добыча, добровольно отдающаяся въ руки снѣдъ, самоуготованное пиршество. Откуда вдругъ взялись на холмахъ олени? И какіе рослые, какіе тучные, какъ охотно поспѣшающіе на закланіе! Можно было почти догадываться, что они негодуютъ, почему не прежде были вызваны. Одни манпли къ себѣ ловцевъ, другіе слѣдовали за ловцами. Но ихъ кто-нибудь гналъ или понуждалъ? — Ни кто. Не бѣжали ли они отъ коней, отъ псовъ, отъ лая и крика, отъ того, что всѣ выходы, по правиламъ ловли, захвачены были молодыми людьми? Нѣтъ, они связаны были молитвою и праведнымъ прошеніемъ. Извѣстна ли кому подобная ловитва въ нынѣшнія или прежнія времена?/И какое чудо! Ловцы сами были распорядителями лова; нужно было только захотѣть имъ, и что нравилось, то взято; а лишнее отослано въ дебри до другой трапезы.

(8)

И вотъ внезапные приготовители снѣдей, вотъ благолѣпная вечеря, вотъ благодарные сопиршественики, имѣющіе уже начатокъ исполненія надеждъ— въ настоящемъ чудѣ! Отсега стали они ревностнѣе и къ тому подвигу, за который получили такую награду.

Таково мое повѣствованіе! Теперь ты, гонитель мой, удивляющійся баснямъ, рассказывай мнѣ о богиняхъ—звѣроловицахъ, объ Оріонахъ и Актеонахъ—несчастныхъ ловцахъ, объ оленѣ замѣнившемъ собою дѣву (а), рассказывай, если честолюбіе твое удовлетворится и симъ, что повѣствованіе твое примемъ не за басню. А продолженіе сказанія весьма гнусно; ибо какая польза отъ такой замѣны, если богиня спасаетъ дѣву, чтобы она научилась убивать странниковъ, въ воздаяніе за челоуѣколюбіе навывъ безчелоуѣчію?

Разсказанное мною происшествіе есть одно изъ многихъ, и оно, какъ разсуждаю, одно стоитъ многихъ. А я описалъ его не съ тѣмъ, чтобы прибавить нѣчто къ Василюевой славы. Море не имѣетъ нужды, чтобы вливались въ него рѣки, хотя и вливается въ него множество самыхъ большихъ рѣкъ: такъ и восхваляемый нынѣ не имѣетъ нужды, чтобы другіе приносили что-нибудь отъ себя къ его достохвальности. Напротивъ того мнѣ хотѣлось показать, какіе примѣры имѣлъ онъ предъ собою съ самаго начала, на какіе взиралъ образцы, и сколько ихъ превзошелъ. Если для другихъ важно заимствовать нѣчто къ своей славы у предковъ; то для него важ-

(а) Понгенію.

нѣ, что, подобно рѣкѣ текущей назадъ, отъ себя присовокупляетъ многое къ славѣ отцевъ.

Супружество Василиевыхъ родителей, состоявшее не столько въ плотскомъ союзѣ, сколько въ равномъ стремленіи къ добродѣтели, имѣло многія отличительныя черты, какъ-то: питаіе нищихъ, страннопріимство, очищеніе души посредствомъ воздержанія, посвященіе Богу части своего имущества; а о послѣднемъ немногіе тогда ревновали, какъ нынѣ, когда обычай сей взошелъ въ силу и уважается по прежнимъ примѣрамъ. Оно имѣло и другія добрыя качества, которыхъ достаточно было, чтобы наполнить слухъ многихъ даже и тогда, когда бы Понтъ и Каппадокія раздѣлили ихъ между собою. Но мнѣ кажется въ немъ самою важною и знаменитою чертою благочадіе. Чтобы одни и тѣ же имѣли и многихъ и добрыхъ дѣтей, тому найдемъ можетъ-быть примѣры въ баснословіи. О родителяхъ же Василиевыхъ засвидѣтельствовалъ намъ дѣйствительный опытъ, что они и сами по себѣ, если бы не сдѣлались родителями такихъ дѣтей, довольно имѣли у себя похвальныхъ качествъ, и имѣя такихъ дѣтей, если бы не преуспѣли столько въ добродѣтели, по одному благочадію превзошли бы всѣхъ. Ежели изъ дѣтей одинъ или двое бываютъ достойны похвалы; то сіе можно приписать и природѣ. Но превосходство во всѣхъ очевидно служитъ къ похвалѣ родившихъ. А сіе показываетъ блаженнѣйшее число (б) іереевъ, дѣвственниковъ и обязавших-

(9)

(б) Всѣхъ дѣтей у родителей Василиевыхъ было десять.

ся супружествомъ , впрочемъ такъ , что супружеская жизнь не воспрепятствовала имъ на-равнѣ съ первыми преуспѣть въ добродѣтели ; напротивъ того они обратили сіе въ избраніе только рода, а не образа жизни.

(10)

Кто не знаетъ Васиіева отца , Васиіа—великое для всѣхъ имя ? Онъ достигъ исполненія родительскихъ желаній ; не скажу , что достигъ одинъ ; по крайней мѣрѣ , какъ только достигалъ человекъ . Ибо , всѣхъ превосходя добродѣтелию , въ одномъ только сынѣ нашелъ препятствіе удержать за собою первенство . Кто не знаетъ Еммелію ? Потому ли она предназначена симъ именемъ , что въ-послѣдствіи такою содѣлалась , или потому содѣлалась , что такъ наречена ; но она дѣйствительно была соименна стройности (*εμμελεια*) , или , кратко сказать , то же была между женами , что супругъ ея между мужами . А посему , если надлежало , чтобы похвальный нами мужъ дарованъ былъ людямъ — послужить , конечно , природѣ , какъ въ древности даруемы были отъ Бога древніе мужи для общей пользы ; то всего приличнѣе было какъ ему произойти отъ сихъ , а не отъ другихъ родителей , такъ и имъ именоваться родителями сего , а не инаго сына . Такъ прекрасно совершилось и стекло съіе !

Поелику же начатокъ похвалъ воздали мы упомянутымъ нами родителямъ Васиіевымъ , повинуюсь Божію закону , который повелѣваетъ воздавать всякую честь родителямъ ; то переходимъ уже къ самому Васиію , замѣтивъ напередъ одно , что , думаю , и всякій знавшій его признаетъ справедливо сказаннымъ , а именно , что намѣревающійся хвалить

Василія долженъ имѣть его собственныя уста. Ибо какъ самъ онъ составляетъ достославный предметъ для похвалъ, такъ одинъ силою слова соотвѣтствуетъ такому предмету.

Что касается до красоты, крѣпости силъ и величія, чѣмъ, сколько вижу, восхищаются многіе; то сіе уступимъ желающимъ, не потому, чтобы и въ этомъ, пока былъ еще молодъ, и любомудріе не владало въ немъ надъ плотію, уступалъ онъ кому либо изъ гордящихся вещами маловажными, и не простирающихся далѣ тѣлеснаго; но уступимъ для того, чтобы не испытать участи неопытныхъ борцевъ, которые, истощивъ силу въ напрасныхъ и примѣрныхъ только борьбахъ, оказываются безсильными для борьбы дѣйствительной и доставляющей побѣду, за которую провозглашаются увѣнчанными. Въ мою похвалу взойдетъ одно то, о чемъ сказавъ, ни мало не думаю показаться излишнимъ и не къ цѣли бросившимъ слово.

Полагаю же, что всякій имѣющій умъ признаетъ первымъ для насъ благомъ ученость, и не только сію благороднѣйшую и нашу ученость, которая, презирая всѣ украшенія и плодовитость рѣчи, едется за единое спасеніе и за красоту умосозерцаемую, но и ученость внѣшнюю, которою многіе изъ Христіанъ, по худому разумѣнію, гнушаются, какъ злохудожною, опасною и удаляющею отъ Бога. Небо, землю, воздухъ и все, что на нихъ, не должно презирать за то, что нѣкоторые худо уразумѣли, и вмѣсто Бога воздали имъ божеское поклоненіе. Напротивъ того мы, воспользовавшись въ

(11)

нихъ тѣмъ, что удобно для жизни и наслажденія, избѣжимъ всего опаснаго, и не станемъ съ безумцами тварь возставлять противъ Творца, но отъ созданія будемъ заключать о Создателѣ, какъ говорить божественный Апостоль, *плѣняюще всякъ разумъ* во Христа (2 Кор. 10, 5.). Также объ огнѣ, о пищѣ, о желѣзѣ и о прочемъ не лѣзя сказать, что которая-либо изъ сихъ вещей сама по себѣ или всего полезнѣе, или всего вреднѣе; но сіе зависить отъ произвола употребляющихъ. Даже между пресмыкающимися гадами есть такіе, что мы примѣшиваемъ ихъ въ цѣлебные составы. Такъ и въ наукахъ мы заимствовали изслѣдованія и умозрѣнія, но отрунули все то, что ведетъ къ демонамъ, къ заблужденію и во глубину погибели. Мы извлекали изъ нихъ полезное даже для самаго благочестія, чрезъ худшее научившись лучшему, и немощь ихъ обративъ въ твердость нашего ученія. Посему не должно унижать ученость, какъ разсуждаютъ о семъ нѣкоторые; а напротивъ того надобно призвать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостаткѣ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣгать обличенія въ невѣжество. Но предложивъ и утвердивъ сіе общимъ согласіемъ, начнемъ обозрѣвать жизнь Василиеву.

(12) Первый возрастъ Василиевъ, подъ руководствомъ великаго отца, въ лицѣ котораго Понтъ предлагалъ общаго наставника добродѣтели, повить былъ пленами и образованъ въ лучшее и чистѣйшее созданіе, которое божественный Давидъ прекрасно называетъ *дневнымъ* и противоположнымъ *ночному*

(Пс. 138, 16.). Подъ симъ-то руководствомъ чудный Василій обучается дѣлу и слову, которыя вмѣстѣ въ немъ возрастаютъ и содѣйствуютъ другъ другу. Онъ не хвалится какой-либо Фессалійской и горной пещерою, какъ училищемъ добродѣтели, или какимъ-нибудь высокоумнымъ Кентавромъ — учителемъ ихъ ироевъ, не учится у него стрѣлять зайцевъ, обгонять козъ, ловить оленей, одерживать побѣду въ ратоборствахъ, или лучшимъ образомъ обѣзжать коней, употребляя одного и того же вмѣсто коня и учителя, не вскармливается, по баснословію, мозгами оленей и львовъ; напротивъ того изучаетъ первоначальный кругъ наукъ и упражняется въ богочестіи, короче сказать, самими первыми уроками ведется къ будущему совершенству. Ибо тѣ, которые преуспѣли или въ дѣлахъ, оставивъ слово, или въ словѣ, оставивъ дѣла, ничѣмъ, какъ мнѣ кажется, не отличаются отъ одноглазыхъ, которые терпятъ большой ущербъ, когда сами смотрятъ, а еще болѣшій стыдъ, когда на нихъ смотрятъ. Но кто можетъ преуспѣть въ томъ и другомъ и стать ободесноручнымъ, тому возможно быть совершеннымъ, и въ сей жизни вкушать тамошнее блаженство. Итакъ благотельно было для Василія, что онъ дома имѣлъ образецъ добродѣтели, на который взирая, скоро сталъ совершеннымъ. И какъ видимъ, что молодые кони и тельцы съ самаго рожденія скачутъ за своими матерями; такъ и онъ съ рьяностію молодого коня стремился за отцемъ, и не отставалъ въ высокихъ порывахъ добродѣтели, но какъ-бы въ рисунокъ (если угодно другое сравненіе) проявлялъ будущую красоту добродѣтели, и до наступленія

времени строгой жизни предназначивалъ, что́ нужно для сея жизни.

(13)

Когда же довольно прибрѣлъ онъ здѣшней учености; а между тѣмъ надобно было, чтобы не ускользнуло отъ него ни что хорошее, и чтобы ему ни въ чемъ не отстать отъ трудолюбивой пчелы, которая со всякаго цвѣтка собираетъ самое полезное: тогда поспѣшаетъ онъ въ Кесарію для поступленія въ тамошнія училища. Говорю же о Кесаріи знаменитой и нашей (потому что она и для меня была руководительницею и наставницею въ словѣ), которую такъ же можно назвать митрополиею наукъ, какъ и митрополиею городовъ, къ ней принадлежащихъ и ею управляемыхъ. Если бы кто лишилъ ее первенства въ наукахъ; то отнялъ бы у нея самую лучшую ея собственность. Ибо другіе города восхищаются инаго рода украшеніями, или древними, или новыми, чтобы, какъ думаю, было о чемъ рассказать, или на что посмотреть; но отличіе Кесаріи—науки, подобно какъ надпись на оружіи или на повѣсти.

Но о послѣдующемъ пусть рассказываютъ тѣ самые, которые и учили Василія, и насладились его ученостію. Пусть они засвидѣтельствуютъ: каковъ онъ былъ предъ учителями, и каковъ предъ сверстниками; какъ съ одними равнялся, а другихъ превышалъ во всякомъ родѣ свѣдѣній; какую славу прибрѣлъ въ короткое время и у простолюдиновъ и у первостепенныхъ гражданъ, обнаруживая въ себѣ ученость выше возраста, и твердость нрава выше учености. Онъ былъ риторомъ между роторами

еще до кафедры софиста, философомъ между философами еще до выслушанія философскихъ положеній, а что всего важнѣе, іереемъ для христіанъ еще до священства. Столько всѣ и во всемъ ему уступали! Науки словесныя были для него постороннимъ дѣломъ, и онъ заимствовалъ изъ нихъ то одно, что могло споспѣшествовать нашему любомудрію; потому что нужна сила и въ словѣ, чтобы ясно выразить умопредставляемое. Ибо мысль, не высказывающая себя словомъ, есть движеніе оцѣпенѣвшаго. А главнымъ его занятіемъ было любомудріе, то-есть отрѣшеніе отъ міра, пребываніе съ Богомъ, по мѣрѣ того, какъ чрезъ дальнее восходилъ онъ къ горнему, и посредствомъ непостояннаго и скоропреходящаго приобрѣталъ постоянное и вѣчно-пребывающее.

Изъ Кесаріи самимъ Богомъ и прекрасною алабю познаній ведется Василій въ Византію (городъ первенствующій на Востокѣ); потому что она славилась совершеннѣйшими софистами и философами, отъ которыхъ, при естественной своей остротѣ и даровитости, въ короткое время собралъ онъ все отличнѣйшее; а изъ Византіи — въ Аѣины — обитель наукъ, въ Аѣины, если для кого, то для меня подлинно золотые и доставившіе мнѣ много добраго. Ибо они совершеннѣе ознакомили меня съ симъ мужемъ, который не безызвѣстенъ былъ мнѣ и прежде. Ища познаній, обрѣлъ я счастье, испытавъ на себѣ то же (въ другомъ только отношеніи), что и Саулъ, который, ища отцевыхъ ословъ, нашелъ царство, такъ что придаточное къ дѣлу вышло важнѣе самаго дѣла.

Доселъ благоуспѣшно текло у насъ слово, несясь по гладкому, весьма удобному и дѣйствительно царскому пути похвалъ Василию; а теперь не знаю, на что употребить слово, и къ чему обратиться, потому что слово встрѣчаетъ и стремнины. Ибо, доведя рѣчь до сего времени и касаясь уже онаго, желаю къ сказанному присовокупить нѣчто и о себѣ, остановиться нѣсколько повѣствованіемъ на томъ, отчего, какъ и чѣмъ начавшись, утвердилась наша дружба, или наше единодушіе, или (говоря точнѣе) наше сродство. Какъ взоръ не охотно оставляетъ пріятное зрѣлище, и если отвлекаютъ его насильно, опять стремится къ тому же предмету; такъ и слово любить увлекательныя повѣствованія. Впрочемъ боюсь трудности предпріятія. Попытаюсь же исполнить сіе, сколько можно, умѣреннѣе. А если и увлекусь нѣсколько любовію; то да извинять страсти, которая, конечно, справедливѣе всякой другой страсти, и которой не покориться есть уже потеря для человѣка съ умомъ.

(15) Аѳины приняли насъ, какъ рѣчный потокъ, — насъ, которые, отдѣлясь отъ одного источника, то-есть отъ одного отечества, увлечены были въ разныя стороны любовію къ учености, и потомъ, какъ-бы по взаимному соглашенію, въ самомъ же дѣлѣ по Божію мановенію, опять сошлись вмѣстѣ. Нѣсколько прежде приняли они меня, а потомъ и Василия, котораго ожидали тамъ съ обширными и великими надеждами; потому что имя его, еще до прибытія, повторялось въ устахъ у многихъ, и для всякаго было важно предвосхитить то, что всѣмъ любезно. Но неизлишнимъ будетъ присовокупить къ слову,

какъ-бы нѣкоторую сладость, небольшой рассказъ, въ напомниманіе знающимъ, и въ наученіе незнающимъ.

Весьма многіе и безразсуднѣйшіе изъ молодыхъ людей въ Аѣинахъ, не только незнатнаго рода и имени, но благородные и получившіе уже извѣстность, какъ беспорядочная толпа, по молодости и неудержимости въ стремленіяхъ, имѣютъ безумную страсть къ софистамъ. Съ какимъ участіемъ охотники до коней и любители зрѣлищъ смотрятъ на состязующихся на конскомъ ристалищѣ? Они вскакиваютъ, восклицаютъ, бросаютъ вверхъ землю, сидя на мѣстѣ какъ будто правятъ конями, бьютъ по воздуху пальцами, какъ бичами, запрягаютъ и перепрягаютъ коней, хотя все это нисколько отъ нихъ не зависитъ. Они охотно мѣняются между собою ѣздками, конями, конюшнями, распорядителями зрѣлищъ; и кто же это? часто бѣдняки и нищіе, у которыхъ нѣтъ и на день достаточнаго пропитанія. Совершенно такую же страсть питаютъ въ себѣ Аѣинскіе юноши къ своимъ учителямъ и къ соискателямъ ихъ славы. Они заботятся, чтобы и у нихъ было больше товарищей, и учителя чрезъ нихъ обогащались. И что весьма странно и жалко, напередъ уже захвачены города, пути, пристани, вершины горъ, равнины, пустыни, каждый уголокъ Аттики и прочей Греціи, даже большая часть самыхъ жителей; потому что и ихъ считаютъ раздѣленными по своимъ скопищамъ. /Посему какъ скоро появляется кто-нибудь изъ молодыхъ людей, и попадаетъ въ руки имѣющихъ на него притязаніе (попадаетъ же или волею, или неволею); у нихъ существуетъ такой аттичскій законъ, въ которомъ

съ дѣломъ смѣшивается шуточное. Новоприбывшій вводится для жительства къ одному изъ прїѣхавшихъ прежде него, другу, или сроднику, или одноплеменнику, или кому-либо изъ отличившихся въ софистикѣ и доставляющихъ доходъ учителямъ, за что у нихъ находится въ особой чести; потому что для нихъ и то уже награда, чтобы имѣть приверженныхъ къ себѣ. Потомъ новоприбывшій терпитъ насмѣшки отъ всякаго желающаго. И сіе, полагаю, заведено у нихъ съ тѣмъ, чтобы сократить высокоуміе поступающаго вновь, и съ самаго начала взять его въ свои руки. Шутки однихъ бываютъ дерзки, а другихъ—болѣе остроумны; сіе соображается съ грубостію или образованностію новоприбывшаго. Такое обхожденіе тому, кто не знаетъ, кажется очень страшнымъ и немилосерднымъ, а тому, кто знаетъ напередъ, оно весьма прїятно и снисходительно; потому что представляющееся грознымъ дѣлается болшею частію для вида, а не дѣйствительно таково. Потомъ новоприбывшаго въ торжественномъ сопровожденіи чрезъ площадь отводятъ въ баню. И это бываетъ такъ: ставъ порядкомъ попарно и въ растояніи другъ отъ друга, идутъ впереди молодаго человѣка до самой бани. А подходя къ ней, поднимаютъ громкій крикъ и начинаютъ плясать, какъ изступленные; крикомъ же означается, что не лзя имъ идти впереди, но должно остановиться, потому что баня не принимаетъ. И въ то же время, выломивъ двери, и громомъ приведя въ страхъ вводимаго, дозволяютъ ему наконецъ входить, и потомъ даютъ ему свободу, встрѣчая изъ бани, какъ человѣка съ пиди равнаго и включеннаго

въ ихъ собратство; и это мгновенное освобожденіе отъ огорченій и прекращеніе оныхъ, во всемъ обрядѣ посвященія, есть самое пріятное.

А я своего великаго Василя не только самъ принималъ тогда съ уваженіемъ, потому что провидѣлъ въ немъ твердость нрава и зрѣлость въ понятіяхъ, но такимъ же образомъ обходиться съ нимъ убѣдилъ и другихъ молодыхъ людей, которые не имѣли еще случая знать его; многими же былъ онъ уважаемъ съ самаго начала по предварительнымъ слухамъ. Чтò же было слѣдствіемъ сего? Почти онъ одинъ изъ прибывшихъ избѣжалъ общаго закона, и удостоенъ высшей чести, не какъ новопоступающій. И сіе было начаткомъ нашей дружбы. Отсюда первая искра нашего союза. Такъ уязвились мы любовію другъ къ другу.

Потомъ присоединилось и слѣдующее обстоятельство, о которомъ также не прилично умолчать. Примѣчаю въ Армянахъ, что они люди не простодушные, но весьма скрытные и непроницаемые. Такъ и въ сіе время нѣкоторые изъ числа болѣе знакомыхъ и дружныхъ съ Василемъ, еще по товариществу отцевъ и прадѣдовъ, которымъ случилось учиться въ одномъ училищѣ, приходятъ къ нему съ дружескимъ видомъ (дѣйствительно же приведены были завистію, а не благорасположеніемъ), и предлагаютъ ему вопросы болѣе спорные, нежели разумные. Давно зная даровитость Василя, и не терпя тогдашней его чести, они покушались съ перваго приѣма подчинить его себѣ. Ибо несносно было, что прежде него облекшіеся въ философскій плащъ и навывкующіе метать словами не имѣютъ никакого преимущества

(17)

+

предъ иноземцемъ и недавно прибывшимъ А я, человекъ привязанный къ Аѳинцамъ и недалновидный (потому что, въря наружности, не подозрѣвалъ зависти), когда стали они ослабѣвать и обращаться уже въ бѣгство, возревновалъ о славѣ Аѳинъ, и чтобы не пала она въ лицѣ ихъ и не подверглась скороу презрѣнiю, возобновивъ бесѣду, подкрѣпилъ молодыхъ людей, и придавъ имъ вѣса своимъ вмѣшательствомъ (въ подобныхъ же случаяхъ и малая поддержка можетъ все сдѣлать) ввелъ, какъ говорится, равныя силы въ битву. Но какъ скоро понялъ я тайную цѣль собесѣдованiя, потому что невозможно стало скрывать ее долѣе, и она сама собою ясно обнаружилась; тогда, употребивъ нечаянный изворотъ, перевернулъ я корму, и ставъ за одно съ Василиемъ, сдѣлалъ побѣду сомнительною. Василiй же понялъ дѣло тотчасъ; потому что былъ пронизателенъ, сколько едва ли кто другой; и исполненный ревности (опишу его совершенно Омировымъ словомъ), словомъ своимъ приводилъ въ замѣшательство ряды сихъ отважныхъ, и не прежде пересталъ поражать силлогизмами, какъ принудивъ къ совершенному бѣгству и рѣшительно взявъ надъ ними верхъ. Этотъ второй случай возжигаетъ въ насъ уже не искру, но свѣтлый и высокiй пламенникъ дружбы. Они же удалились безъ успѣха, не мало укоряли самихъ себя за опрометчивость, но сильно досадовали на меня, какъ на злоумышленника, и объявили мнѣ явную вражду, обвиняли меня въ измѣнѣ, говоря, что я предалъ не ихъ только, но и самые Аѳины, потому что они низложены при первомъ покушенiи и пристыждены однимъ человекомъ,

которому самая новость не позволяла бы на сіе отважиться.

Но такова человѣческая немощь! Когда, надѣясь великаго, вдругъ получаемъ ожидаемое; тогда кажется сіе намъ ниже составленнаго мнѣнія. И Василій подвергся сей же немощи, сдѣлался печаленъ, сталъ скорбѣть духомъ, и не могъ одобрить самъ себя за прїездъ въ Аѳины, искалъ того, на что питалъ въ себѣ надежды, и называлъ Аѳины обманчивымъ блаженствомъ. Въ такомъ онъ былъ положеніи; и я разсѣялъ большую часть скорби его; то представлялъ доказательства, то къ доказательствамъ присоединялъ ласки, рассуждая (конечно и справедливо), что, какъ нравъ человѣка можетъ быть извѣданъ не вдругъ, но только съ продолженіемъ времени и при обращеніи совершенно короткомъ, такъ и ученость познается не по немногимъ и не по маловажнымъ опытамъ. Сямъ привелъ я его въ спокойное расположеніе духа, и послѣ взаимныхъ опытовъ дружбы, больше привязалъ: (19) его къ себѣ. Когда же, по прошествіи нѣкотораго времени, открыли мы другъ другу желанія свои и предметъ оныхъ — любомудріе; тогда уже стали мы другъ для друга все — и товарищи, и сотрапезники, и родные; одну имѣя цѣль, мы непрестанно возрастали въ пламенной любви другъ къ другу. Ибо любовь плотская и привязана къ скоропреходящему, и сама скоро проходитъ, и подобна весеннимъ цвѣтамъ. Какъ пламень, по истребленіи имъ вещества, не сохраняется, но угасаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что горѣло; такъ и страсть сія не продолжается послѣ того, какъ увянетъ воспламенив-

шее ее. Но любовь по Богу и цѣломудренная, и предметомъ имѣетъ постоянное, и сама продолжительна. Чѣмъ большая представляется красота имѣющимъ такую любовь, тѣмъ крѣпче привязываетъ къ себѣ и другъ къ другу любящихъ одно и тоже. Таковъ законъ любви, которая превышаетъ насъ!

Чувствую, что увлекаюсь за предѣлы времени и мѣры; самъ не знаю, какимъ образомъ встрѣчаюсь съ сими реченіями; но не нахожу средствъ удержаться отъ повѣствованія. Ибо, какъ скоро миную что-нибудь, оно мнѣ представляется необходимымъ и лучшимъ того, что было избрано мною прежде. И если бы кто силою повлекъ меня прочь; то со мною произошло бы то же, что бываетъ съ полипами, съ составомъ которыхъ такъ крѣпко сцѣплены камни, что когда снимаешь ихъ съ ложа, не иначе можешь оторвать, развѣ отъ усилія твоего или часть полипа останется на камнѣ, или камень оторвется съ полипомъ. Посему, если кто мнѣ уступитъ, имѣю искомое; а если нѣтъ, буду заимствовать самъ у себя.

(20) Въ такомъ расположеніи другъ къ другу, такими золотыми столпами, какъ говорить Пиндаръ, подперши чертогъ добродѣтельный, простирались мы впередъ, имѣя содѣйственниками Бога и свою любовь. О, перенесу ли безъ слезъ воспоминаніе объ этомъ! Нами водили равныя надежды и въ дѣлѣ самомъ завидномъ — въ ученіи. Но далека была отъ насъ зависть, усерднѣйшими же дѣлало соревнованіе. Оба мы домогались не того, чтобы которому-либо изъ насъ самому стать первымъ, но какимъ бы образомъ уступить первенство другъ другу; потому что каждый изъ насъ славу друга почиталъ соб-

ственной своею. Казалось, что одна душа въ обоихъ поддерживаетъ два тѣла. И хотя не заслуживаютъ вѣроятія утверждающіе, что все разлито во всемъ: однако же должно повѣрить намъ, что мы были одинъ въ другомъ и одинъ у другаго. У обоихъ насъ одно было упражненіе — добродѣтель, и одно усиліе — до отшествія отсюда, отрѣшаясь отъ здѣшняго, жить для будущихъ надеждъ. Къ сей цѣли направляли мы всю жизнь и дѣятельность, и заповѣдію къ тому руководимые, и поощравшіе другъ друга къ добродѣтели. И если не много будетъ сказать такъ, мы служили другъ для друга правиломъ и отвѣсомъ, съ помощію которыхъ распознается, что прямо и что не прямо. Мы вели дружбу и съ товарищами, но не съ наглыми, а съ цѣломудренными, не съ задорными, а съ миролюбивыми, съ которыми можно было не безъ пользы сойдтись; ибо мы знали, что легче заимствовать порокъ, нежели передать добродѣтель, такъ какъ скорѣе заразишься болѣзнію, нежели сообщишь другому свое здоровье. Что касается до уроковъ, то мы любили не столько пріятнѣйшіе, сколько совершеннѣйшіе: потому что и сіе способствуетъ молодымъ людямъ къ образованію себя въ добродѣтели, или въ порокъ. Намъ извѣстны были двѣ дороги: одна — это первая и превосходнѣйшая, вела къ нашимъ священнымъ храмамъ и къ тамошнимъ учителямъ; другая — это вторая и неравнаго достоинства съ первою, вела къ наставникамъ наукъ виѣшнихъ. Другія же дороги — на праздники, въ зрѣлища, въ народныя стеченія, на пиршества, представляли мы желающимъ. Ибо и вниманія достой-

(21)

нымъ не почитаю того, что не ведетъ къ добродѣтели, и не дѣлаетъ лучшимъ своего любителя. У другихъ бываютъ иныя прозванія, или отцевскія, или свои, по роду собственнаго званія и занятія; но у насъ одно великое дѣло и имя — быть и именоваться христіанами. И симъ хвалились мы больше, нежели Гигесъ (положимъ, что это не баснь) обращеніемъ перстня, посредствомъ котораго сталъ онъ царемъ Лидійскимъ, или Мидасъ золотомъ, отъ котораго онъ погибъ, какъ скоро получилъ исполненіе желанія, и сталъ (это другая Фригійская баснь) все обращать въ золото. Что же сказать мнѣ о стрѣлѣ иперборейца Авариса или объ Аргивскомъ пегасѣ, на которыхъ не лзя было такъ высоко подняться въ воздухъ, какъ высоко мы одинъ при посредствѣ другаго и другъ съ другомъ воспаряли къ Богу? Или выразиться короче? Хотя для другихъ (не безъ основанія думаютъ такъ люди благочестивые) душепагубны Аѣины; потому что изобилуютъ худымъ богатствомъ — идолами, которыхъ тамъ больше, нежели въ цѣлой Элладѣ, такъ что трудно не увлечься за другими, которые ихъ защищаютъ и хвалятъ: однако же не было отъ нихъ ни какого вреда для насъ, сжавшихъ и заградившихъ сердце. Напротивъ того (если нужно сказать и то, что нѣсколько необыкновенно), живя въ Аѣинахъ, мы утверждались въ вѣрѣ; потому что узнали обманчивость и лживость идоловъ, и тамъ научились презирать демоновъ, гдѣ имъ удивляются. И ежели дѣйствительно есть, или въ одномъ народномъ вѣрованіи существуетъ, такая рѣка, которая сладка, когда течетъ и чрезъ море, и такое

животное, которое прыгаетъ и въ огнѣ все истребляющемъ; то мы походили на это въ кругу своихъ сверстниковъ. А всего прекраснѣе было то, что и (22) окружающее насъ собратство не было неблагородно, какъ наставляемое и руководимое такимъ вождемъ, какъ восхищающееся тѣмъ же, чѣмъ восхищался Василій, хотя намъ слѣдовать за его пареніемъ и жизнью значило то же, что пѣшимъ поспѣвать за Лидійской колесницей.

Чрезъ сіе самое приобрѣли мы извѣстность не только у своихъ наставниковъ и товарищей, но и въ цѣлой Элладѣ, особливо у знатнѣйшихъ мужей Эллады. Слухъ о насъ доходилъ и за предѣлы ея, какъ сдѣлалось это явно изъ разказа о томъ многихъ. Ибо кто только зналъ Аѳины, тотъ слышалъ и говорилъ о нашихъ наставникахъ; а кто зналъ нашихъ наставниковъ, тотъ слышалъ и говорилъ о насъ. Для всѣхъ мы были и слыли безызвѣстною четою, и въ сравненіи съ нами ничего не значили ихъ Оресты и Пилалы, ихъ Моліониды, прославленные Омиромъ, и которымъ извѣстность доставили общія несчастія и искусство править колесницей, дѣйствуя вмѣстѣ браздами и бичемъ. Но я неприятно увлекся въ похвалы самому себѣ, хотя никогда не принималъ похвалъ отъ другихъ. И ни мало не удивительно, если и въ этомъ отношеніи приобрѣлъ я нѣчто отъ его дружества, если, какъ отъ живаго пользовался уроками добродѣтели, такъ отъ преставившагося пользуюсь случаемъ говорить въ похвалу свою.

Снова да обратится слово мое къ цѣли. Кто, еще (23) до сѣдны, столько былъ сѣдъ разумомъ? Ибо въ

этомъ поставляетъ старость и Соломонъ (Притч. 4, 9.). Кто, не только изъ нашихъ современниковъ, но и изъ жившихъ задолго до насъ, столько былъ уважаемъ и старыми и юными? Кому, по причинѣ назидательной жизни, были менѣе пужны слова? и кто, при назидательной жизни, обладалъ въ большей мѣрѣ словомъ? Какого рода наукъ не проходилъ онъ? Лучше же сказать: въ какомъ родѣ наукъ не успѣлъ съ избыткомъ, какъ-бы занимавшійся этой одной наукой? Такъ изучилъ онъ все, какъ другой не изучаетъ одного предмета; каждую науку изучилъ онъ до такого совершенства, какъ-бы не учился ничему другому. У него не отставали другъ отъ друга и прилежаніе и даровитость, въ которыхъ знанія и искусства почерпаютъ силу. Хотя при напряженіи своемъ всего меньше имѣлъ онъ нужды въ естественной быстротѣ, а при быстротѣ своей всего меньше нуждался въ напряженіи; однако же до такой степени совокуплялъ и приводилъ къ единству то и другое, что не извѣстно, напряженіемъ ли, или быстротою, наиболѣе онъ удивителенъ. /Кто сравнится съ нимъ въ риторствѣ, дышащемъ силою огня, хотя нравами не походилъ онъ на риторовъ? Кто, подобно ему, приводитъ въ надлежащія правила грамматику или языкъ, сводитъ исторію, владѣетъ мѣрами стиха, даетъ законы стихотворству? Кто былъ такъ силенъ въ философіи — въ философіи дѣйствительно возвышенной и простирающейся въ горнее, то-есть въ дѣятельной и умозрительной, а равно и въ той ея части, которая занимается логическими доводами и противоположеніями, а также состязаніями, и назы-

вается діалектикою? Ибо легче было выйдти изъ лабиринта, нежели избѣжать сѣтей его слова, когда находилъ онъ сіе нужнымъ. Изъ астрономіи же, геометріи и науки объ отношеніи числъ изучивъ столько, чтобы искусные въ этомъ не могли приводить его въ замѣшательство, отринувъ онъ все излишнее, какъ бесполезное для желающихъ жить благочестиво. И здѣсь можно подивиться какъ избранному болѣе, нежели отринутому, такъ и отринутому болѣе, нежели избранному. Врачебную науку — этотъ плодъ любомудрія и трудолюбія — содѣлали для него необходимою и собственные тѣлесные недуги и хожденіе за больными; начавъ съ послѣдняго, дошелъ онъ до навыка въ искусствѣ, и изучилъ въ немъ не только занимающееся видимымъ и долу лежащимъ, но и собственно относящееся къ наукѣ и любомудрію. Впрочемъ все сіе, сколько оно ни важно, значить ли что-нибудь въ сравненіи съ нравственнымъ обученіемъ Василія? Кто знаетъ его изъ собственнаго опыта, для того не важны тотъ Миносъ и Радамантъ, которыхъ Эллины удостоили златоцвѣтныхъ луговъ и елисейскихъ полей, имѣя въ представленіи нашъ рай, извѣстный имъ, какъ думаю, изъ Моисеевыхъ и нашихъ книгъ, хотя и разошлись съ нами нѣсколько въ наименованіи, изобразивъ то же самое другими словами.

1241

Въ такой степени приобрѣлъ онъ все сіе; это былъ корабль столько нагруженный ученостію, сколько сіе вмѣстительно для человѣческой природы; потому что далѣе Кадикса и пути нѣтъ. Но намъ должно уже было возвратиться домой, всту-

пить въ жизнь болѣе совершенную, принятыя за исполненіе своихъ надеждъ и общихъ предначертаній. Насталъ день отъѣзда, и какъ обыкновенно при отъѣздахъ, начались прощальныя рѣчи, проводы, упрасиванія остаться, рыданія, объятія, слезы. А никому и ничто не бываетъ такъ прискорбно, какъ Аѣинскимъ совоспитанникамъ разставаться съ Аѣинами и другъ съ другомъ. Дѣйствительно происходило тогда зрѣлище жалостное и достойное описанія. Насъ окружала толпа друзей и сверстниковъ, были даже нѣкоторые изъ учителей; они увѣряли, что ни подъ какимъ видомъ не отпустятъ насъ, просили, убѣждали, удерживали силою. И какъ свойственно сѣтующимъ, чего не говорятъ они, чего не дѣлають? Обвиню при этомъ нѣсколько самъ себя; обвиню (хотя это и смѣло) и сію божественную и неукоризненную душу. Ибо Василій, объяснивъ причины, по которымъ непременно хочеть возвратиться на родину, превозмогъ удерживавшихъ, и они, хотя принужденно, однако же согласились на его отъѣздъ. А я остался въ Аѣинахъ, потому что отчасти (надобно сказать правду) самъ былъ тронуть просьбами, а отчасти онъ меня предалъ и далъ себя уговорить, чтобъ оставить меня, не желавшаго съ нимъ разстаться, и уступить влекущимъ, — дѣло до совершенія своего невѣроятное! Ибо сіе было то же, что разсѣчь на двое одно тѣло, и умертвить насъ обоихъ, или то же, что разлучить тельцевъ, которые, будучи вмѣстѣ вскормлены и пріучены въ одному ярму, жалобно мычатъ другъ о другѣ и не терпятъ разлуки. Но моя утрата была не долговременна; я не выдержалъ

долѣе того, чтобы представлять изъ себя жалкое зрѣлище и всякому объяснять причину разлученія. Напротивъ того, не много времени пробылъ я еще въ Аѳинахъ, а любовь сдѣлала меня Омировымъ конемъ; расторгнувъ узы удерживающихъ, оставляю за собою равнины и несусь къ товарищу.

—(25)

Когда же возвратились мы въ дома, уступивъ нѣчто міру и зрѣлищу, чтобы удовлетворить только желанію многихъ (потому что сами по себѣ не имѣли расположенія жить для зрѣлища и на показъ); тогда, какъ можно скорѣе, вступаемъ въ свои права, и изъ юношей дѣлаемся мужами, мужественно приступая къ любомудрію. И хотя еще не вмѣстѣ другъ съ другомъ, потому что до сего не допускала зависть, однако же неразлучны мы были взаимною любовію. Василия, какъ втораго своего строителя и покровителя, удерживаетъ Кесарійскій городъ, а потомъ занимаютъ нѣкоторыя путешествія, необходимыя по причинѣ разлуки со мною и согласныя съ предположенною имъ цѣлю — любомудріемъ. А меня отводили отъ Василія благоговѣніе къ родителямъ, попеченіе о сихъ старцахъ и постигшія бѣдствія. Можетъ-быть сіе было не хорошо и несправедливо; однако же я удаленъ былъ отъ Василія; и думаю, не отъ сего ли на меня пали всѣ неудобства и затрудненія въ жизни, не отъ сего ли мое стремленіе къ любомудрію не удачно и мало соотвѣтственно желанію и предположенію. Впрочемъ, да устроится жизнь моя, какъ угодно Богу, и о если бы по молитвамъ Василіевымъ она устроилась лучше!

Василія же Божіе многообразное челоѣколюбіе и
Т. IV.

смотря о нашемъ родѣ, извѣдавъ во многихъ встрѣтившихся между тѣмъ обстоятельствахъ и показавъ болѣе и болѣе свѣтлымъ, поставляетъ знаменитымъ и славнымъ свѣтильникомъ Церкви, сопричисливъ пока къ священнымъ престоламъ пресвитерства, и чрезъ одинъ градъ—Кесарію возжигаетъ его для цѣлой вселенной. И какимъ образомъ? Не спѣшно возводитъ его на степень, не вмѣстѣ и омываетъ и умудряетъ, что видимъ нынѣ на многихъ желающихъ предствоятельства, удостоиваетъ же чести по порядку и по закону духовнаго восхожденія. Ибо не хвалю безпорядка и неустройства, какіе у насъ; а есть сему примѣры и между предсѣдателями церковными (не осмѣлюсь обвинять всѣхъ, да сіе и не справедливо). Хвалю же законъ мореходцевъ, по которому управляющему теперь кораблемъ сперва дано было весло, а отъ весла возведенъ онъ на корму, и исполнивъ первыя порученія, послѣ многихъ плаваній по морю, послѣ долговременнаго наблюденія вѣтровъ, посаженъ у кормила. Тотъ же порядокъ и въ военномъ дѣлѣ: сперва воинъ, потомъ начальникъ отряда, наконецъ военачальникъ. И это самый лучший и полезный для подначальныхъ порядокъ. И наше дѣло было бы гораздо достоуважаемѣе, если бы соблюдалось то же. А теперь есть опасность, чтобы самый святѣйшій чинъ не содѣлался у насъ наиболѣе осмѣиваемымъ; потому что предсѣдательство пріобрѣтается не добродѣтелию, но происками, и престолы занимаются не достойнѣйшими, но сильнѣйшими. Самуилъ видящій, *яже на преди* (Ис. 41, 26), во пророкахъ, но также и Сауль отверженный. Ровоамъ, Соломо

новъ сынъ, царемъ; но также и Иероваамъ, рабъ и отступникъ. Нѣтъ ни врача, ни живописца, который бы прежде не вникалъ въ свойства недуговъ, или не смѣшивалъ разныхъ красокъ, или не рисовалъ. А председатель въ Церкви удобно выискивается; не трудившись, не готовившись къ сану, едва посѣянъ, какъ уже и выросъ, подобно исполинамъ въ баснѣ. Въ одинъ день производимъ мы во святые, и велимъ быть мудрыми тѣмъ, которые ничему не учились, и кромѣ одного произволенія, ничего у себя не имѣють, восходя на степень. Низкое мѣсто любить и смиренно стоять, кто достоинъ высокой степени, много занимался Божиимъ словомъ, и многими законами подчинилъ плоть духу. А надменный председательствуетъ, поднимаетъ бровь противъ лучшихъ себя, безъ трепета восходитъ на престоль, не ужасается, видя воздержнаго внизу. Напротивъ того, думаетъ, что, получивъ могущество, сталъ онъ и премудрѣе, — такъ мало знаетъ онъ себя, до того власть лишила его способности разсуждать!

Но не таковъ былъ многообъемлющій и великій Василій. Онъ служитъ образцемъ для многихъ, какъ всѣмъ прочимъ, такъ соблюденіемъ порядка и въ этомъ. Сей истолкователь священныхъ книгъ сперва читаетъ ихъ народу, и сію степень служенія алтарю не считаетъ для себя низкой; потомъ на *сѣдалищи старецъ* (а), потомъ въ санѣ епископовъ *хвалитъ* Господа (Пс. 106, 32.), не вос-

(а) Пресвитеровъ.

хитивъ, не силою присвоивъ власть, не гонясь за честію, но самъ преслѣдуемый честію, и не человѣческою воспользовавшись милостію, но отъ Бога, и Божію пріявъ благодать.

(28) Но да помедлить слово о предсѣдательствѣ; предложимъ же нѣчто о низшей степени его служенія. Каково напримѣръ и сіе, едва не забытое мною и случившееся въ продолженіе описываемаго времени? У правившаго Церковію (б) прежде Василія произошло съ нимъ несогласіе; отъ чего и какъ, лучше о томъ умолчать; довольно сказать, что произошло. Хотя Епископъ былъ мужъ во всемъ прочемъ не недоблественный, даже чудный по благочестію, какъ показало тогдашнее гоненіе (в) и возстаніе противъ него; однако же въ-разсужденіи Василія подвергся онъ человѣческой немощи. Ибо безславное касается не только людей обыкновенныхъ, но и самыхъ превосходныхъ; и единому Богу свойственно быть совершенно непреткновеннымъ и не увлекаться страстьми. Итакъ противъ него (г) возстаютъ избраннѣйшіе и наиболѣе мудрые въ Церкви, если только премудрѣ многихъ тѣ, которые отлучили себя отъ міра и посвятили жизнь Богу, — я разумѣю нашихъ Назореевъ, особенно ревнующихъ о подобныхъ дѣлахъ. Для нихъ было тя-

(б) Евсевій, Епископъ Кесарійскій. Объ избраніи и возведеніи его на кесарійскій престолъ см. Твор. Св. Отц. Т. 2. стр. 134.

(в) Отъ Аріанъ, при Императорѣ Валентѣ.

(г) Противъ Епископа Евсевія.

гостно, что презирается ихъ могущество, оскорбленное и отринутое, и они отваживаются на самое опасное дѣло, замышляютъ отступить и отторгнуться отъ великаго и безмятежнаго тѣла Церкви, отсѣвши и немалую часть народа изъ низкаго и высокаго сословія. И сіе было весьма удобно сдѣлать по тремъ самымъ сильнымъ причинамъ. Василій былъ мужъ уважаемый, и едва ли кто другой изъ нашихъ любомудрцевъ пользовался такимъ уваженіемъ; если бы захотѣлъ, онъ имѣлъ столько силъ, что могъ бы придать смѣлости своимъ защитникамъ. А оскорбившій его находился въ подозрѣніи у города за смятеніе, происшедшее при возведеніи его на престолъ, такъ какъ и санъ предстоятеля полученъ имъ былъ не столько законно и согласно съ правилами, сколько насильственно. Явились также нѣкоторые изъ западныхъ архіереевъ, и они привлекали къ себѣ всѣхъ православныхъ въ Церкви. Что же предпріемлетъ сей доблестный ученикъ Миротворца? Не ему было противоборствовать и оскорбителямъ и ревнителямъ, не его было дѣло заводить прю и расторгать тѣло Церкви, которая была уже борима и находилась въ опасномъ положеніи отъ тогдашняго преобладанія еретиковъ. Употребивъ въ совѣщаніе о семъ меня, искренняго совѣтника, со мною же вмѣстѣ предается онъ бѣгству, удаляется отсюда въ Понтъ, и настоятельствуетъ въ тамошнихъ обителяхъ, учреждаетъ же въ нихъ нѣчто достойное памятованія, и лобызаетъ пустыню вмѣстѣ съ Илією и Іоанномъ, великими хранителями любомудрія, находя сіе болѣе для себя полезнымъ, нежели въ настоящемъ дѣлѣ замыслить что

(29.)

нибудь недостойное любомудрія, и, во время тишины приучившись управлять помыслами, нарушить сіе среди бури.

(30) Но хотя отшельничество его было столь любомудренно и чудно; однако же возвращеніе найдемъ еще болѣе превосходнымъ и чуднымъ. Оно произошло слѣдующимъ образомъ. / Когда мы были въ Понтѣ; поднялась вдругъ градоносная туча, угрожающая пагубою; она сокрушала всѣ Церкви, надъ которыми разражалась, и на которыя простиралъ власть свою златолюбивѣйшій и христоненавистнѣйшій царь, одержимый сими двумя тяжкими недугами — ненасытностію и богохульствомъ, — этотъ послѣ гонителя гонитель, и послѣ отступника хотя не отступникъ, однако же ни чѣмъ не лучшій для христіанъ, особливо же для тѣхъ изъ христіанъ, которые благочестивѣе и чище, — для поклонниковъ Троицы, — что одно и называю я благочестіемъ и спасительнымъ ученіемъ. Ибо мы не взвѣшиваемъ Божества, и единое неприступное Естество не дѣлаемъ чуждымъ для самаго Себя, вводя въ Него инородныя особства; не врачуемъ зла зломъ, и безбожнаго Савелліева сокращенія не упичтожаемъ еще болѣе нечестивымъ раздѣленіемъ и сѣченіемъ, болѣзную которымъ, сомнительный неистовству Арій поколебалъ и растлилъ великую часть Церкви, и Отца не почитивъ, и обезчестивъ Тѣхъ, Которые отъ Отца, введеніемъ неравныхъ степеней Божества. Напротивъ того мы знаемъ единую славу Отца — равночестіе съ Нимъ Единороднаго, и единую славу Сына — равночестіе съ Нимъ Духа. Чѣствуя и признавая Трехъ по личнымъ свойствамъ и Еди-

наго по Божеству, мы разсуждаемъ, что унижить Единое изъ Трехъ значитъ испровергнуть все. Но этотъ царь, ни мало не помышляя о томъ, будучи не въ состояннн простираетъ взоръ горъ, а напротивъ того низводимый ниже и ниже своими совѣтниками, осмѣлился унижить съ собою и Божеское естество. Онъ дѣлается лукавою тварію, низводитъ господство до рабства, и поставивъ на ряду съ тварію Естество несозданное и превысшее времени.) (31) Такъ онъ мудрствуетъ, и съ такимъ нечестіемъ вооружается на насъ ! Ибо не иначе должно представлять себѣ это, какъ варварскимъ нашествіемъ, въ которомъ истребляются не стѣны, не города и дома, или что-либо маловажное, человѣческими руками созидаемое и скоро возстановляемое, но расхищаются самыя души. Вторгается съ царемъ и достойное его воинство, злонамѣренные вожди Церквей, немилосердые четверовластники обладаемой имъ вселенной. Одну часть Церквей они имѣли уже въ своей власти, на другую дѣлали свои набѣги, а третью надѣялись приобрѣсть полномочіемъ и рукою царя, которая или была уже занесена, или по крайней мѣрѣ угрожала. Они пришли испровергнуть и нашу Церковь, всего болѣе полагаясь на низость души въ тѣхъ, о которыхъ предъ симъ сказано, а также на неопытность тогдашняго нашего предстоятеля и на недуги наши. Предстояла великая борьба; въ большей части изъ насъ оказывалась мужественная ревность; но полкъ нашъ былъ слабъ, не имѣлъ защитника и искуснаго сборника, сильнаго словомъ и духомъ. Что жъ сія мужественная, исполненная высокихъ помысловъ и

подлинно христолюбивая душа? Не много нужно было убѣжденій Василию, чтобы онъ явился и сталъ поборникомъ. Напротивъ того, едва увидѣлъ умоляющимъ меня (обоимъ намъ предстоялъ общій подвигъ, какъ защитникамъ праваго ученія), какъ былъ побѣжденъ моленіемъ. Прекрасно и весьма любомудренно разсудилъ онъ самъ въ себѣ по духовному разумѣнію, что, если уже и впасть иногда въ малодушіе, то для сего есть другое время, именно время безопасности, а при нуждѣ — время великодушія; посему тотчасъ отправляется со мною изъ Понта, ревнуетъ объ истинѣ, которая была въ опасности, дѣлается добровольнымъ поборникомъ, и самъ себя предаетъ на служеніе матери-Церкви.

(32) — Но можетъ-быть изъяснилъ онъ столько усердія, и подвизался не соотвѣтственно ревности? Или хотя и мужественно подвизается, но не благоразумно? Или хотя и разсудительно, но не подвергаясь опасностямъ? Или и все сіе было въ немъ совершенно и выше описанія; однако же оставались и нѣкоторые слѣды малодушія? — Нимало. Напротивъ того все вдругъ: примиряется, подаетъ совѣты, приводитъ въ порядокъ воинство, уничтожаетъ встрѣчающіяся препятствія, преткновенія и все то, на что положившись противники, воздвигли на насъ брань. Одно пріемлетъ, другое удерживаетъ, а иное отражаетъ. Для однихъ онъ — твердая стѣна и оплотъ, для другихъ млатъ, сотрясающій камень (Иерем. 23, 29.), и огонь въ терніи (Пс. 117, 12.), какъ говоритъ Божественное Писаніе, удобно истребляющій подобныхъ сухимъ вѣтвямъ и оскорбителей

Божества. А если съ Павломъ подвизался и Варнава, который о семъ говорить и пишетъ; то и за сіе благодареніе Павлу, который его избралъ и содѣлалъ сотрудникомъ въ подвигѣ!) Такимъ образомъ противники остались безъ успѣха, и злые въ первый разъ тогда зло посрамлены и побѣждены; они узнали, что презирающимъ другихъ не безбѣдно презирать и Каппадокіянъ, которымъ всего свойственнѣе неколебимость въ вѣрѣ, вѣрность и преданность Троицѣ; ибо отъ Нея имѣютъ они единеніе и крѣпость, тѣмъ самымъ, что защищаютъ, сами будучи защищаемы, даже еще гораздо больше и крѣпче.

(33)

Вторымъ дѣломъ и попеченіемъ для Василія было — оказывать услуги Предстоятелю, уничтожить подозрѣніе, увѣрить всѣхъ людей, что огорченіе произошло по искушенію лукаваго, что это было нападеніе завидующаго единомушію въ добрѣ, а самъ онъ зналъ законы благопокорности и духовнаго порядка. Посему приходилъ, умудрялъ, повиновался, давалъ совѣты; былъ у Предстоятеля всѣмъ — добрымъ совѣтникомъ, правдивымъ предстателемъ, истолкователемъ Божія слова, наставникомъ въ дѣлахъ, жезломъ старости, опорю Вѣры, самымъ вѣрнымъ въ дѣлахъ внутреннихъ, самымъ дѣятельнымъ въ дѣлахъ внѣшнихъ. Однимъ словомъ, онъ признанъ столько же благорасположеннымъ, сколько прежде почитаемъ былъ недоброжелательнымъ. Съ сего времени и церковное правленіе перешло къ Василію, хотя по каѳедрѣ занималъ онъ второе мѣсто, ибо за оказываемую имъ благорасположенность получилъ въ замѣнъ власть. И было какое-то чудное согласіе

и сочетаніе власти; одинъ управлялъ народомъ, а другой — управляющимъ. Василиій уподоблялся укротителю львовъ, своимъ искусствомъ смиря властвующаго, который имѣлъ нужду въ руководствѣ и поддержкѣ; потому что недавно возведенный на кафедру, показывалъ еще въ себѣ нѣкоторые слѣды мірскихъ привычекъ и не утвердился въ духовномъ, а между тѣмъ вокругъ было сильное волненіе, и Церковь окружали враги. Посему сотрудничество было ему пріятно, и въ Василиево правленіе почиталъ онъ правителемъ себя.

(34) — Много и другихъ доказательствъ Василиевой заботливости и попечительности о Церкви; таковы: смѣлость Василиія предъ начальниками, какъ вообще предъ всѣми, такъ и предъ самыми сильными въ городѣ; его рѣшенія распрей, не безъ довѣрія принимаемыя, а, по произнесеніи его устами, чрезъ употребленіе обратившіяся въ законъ; его представительства за нуждающихся, большею частію въ дѣлахъ духовныхъ, а иногда и въ плотскихъ (потому что и это, покоря людей добрымъ расположеніемъ, пользуетъ не рѣдко душѣ); препитаніе нищихъ, страннопріимство, попеченіе о дѣвахъ, писанные и неписанные уставы для монашествующихъ, чиноположенія молитвъ, благоукрашенія алтаря, и иное, чѣмъ только Божій воистину человекъ и дѣйствующій по Богу можетъ пользоваться народъ. Но еще выше и славнѣе одно слѣдующее его дѣло.

Былъ голодъ, и самый жестокій изъ памятныхъ дотолѣ. Городъ изнемогалъ; ни откуда не было ни помощи, ни средствъ къ облегченію зла. Приморскія страны безъ труда переносятъ подобные не-

достатки ; потому что инымъ сами снабжаютъ , а другое получаютъ съ моря. У насъ же, жителей твердой земли, и избытки бесполезны, и недостатки невознаградимы ; потому что некуда сбыть того , что у насъ есть, и не откуда привезти , чего нѣтъ. Всего же несноснѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ безчувственность и ненасытность имѣющихъ у себя избытки. Они пользуются временемъ , извлекаютъ прибытокъ изъ скудости, собираютъ жатву съ бѣдствій , не внимаютъ тому , что милуй нища взаимъ даетъ Господу (Притч. 19, 7.) ; что продавая пшеницу скупо, отъ народа проклятъ (Притч. 11, 26.) , не слышатъ ни обѣщаній челоуѣколюбивымъ , ни угрозъ безчелоуѣчнымъ ; напротивъ того, они ненасытны сверхъ мѣры , и худо разсуждаютъ , заключая для бѣдныхъ утробу свою, а для себя Божіе милосердіе , тогда какъ сами они имѣютъ болѣе нужды въ послѣднемъ, нежели другіе—въ ихъ милосердіи. Такъ поступаютъ скупающіе и продающіе пшеницу, не стыдятся родства , не благодаря Бога, отъ Котораго имѣютъ избытки , когда другіе терпятъ нужду. (Но Василию надлежало не дожидать хлѣбъ съ неба посредствомъ молитвы и питать народъ бѣгствующій въ пустынь, не источать неоскудѣвающую пищу изъ сосудовъ , наполняемыхъ (что и чудно) чрезъ самое истощаніе , чтобы въ воздаяніе за страннолюбіе препитать питающую , не насыщать тысячи пятью хлѣбами, въ которыхъ вторымъ чудомъ—ихъ остатки , достаточные для многихъ трапезъ. Все сіе было прилично Моисею, Илии и моему Богу, отъ Котораго и первымъ дарована таковая сила ; а можетъ-быть и нужно сіе было

только въ тѣ времена и при тогдашнихъ обстоятельствахъ; потому что знаменія не для вѣрующихъ, но для невѣрныхъ. Но что подобно симъ чудесамъ и ведетъ къ тому же, то замыслилъ и привелъ Василій въ исполненіе съ тою же вѣрою. Ибо, отверзши хранилища имущихъ словомъ и увѣщаніемъ, совершаетъ сказанное въ Писаніи, *раздробляетъ алчущимъ* пищу (Пс. 57, 8.), *насыщаетъ нищія хлѣбомъ* (Пс. 131, 15.), *препитываетъ я въ гладъ* (Пс. 32, 19.), и *души алчущія исполняетъ благъ* (Пс. 106, 9.). И какимъ притомъ образомъ? Ибо и это не мало увеличиваетъ его заслугу. Онъ собираетъ въ одно мѣсто уязвленныхъ голодомъ, а иныхъ даже едва дышащихъ, мужей и женъ, младенцевъ, старцевъ, весь жалкій возрастъ, испрашиваетъ всякаго рода снѣди, какими только можетъ быть утоленъ голодъ, выставляетъ котлы полные овощей и соленыхъ припасовъ, какими питаются у насъ бѣдные; потомъ, подражая служенію самого Христа, Который, препоясавшись лентіемъ, не погнушался умыть ноги ученикамъ, при содѣйствіи своихъ рабовъ или служителей удовлетворяетъ тѣлеснымъ потребностямъ нуждающихся, удовлетворяетъ и потребностямъ душевнымъ, къ напитуанію присоединивъ честь, и облегчивъ ихъ участь тѣмъ и другимъ.

(26) — Таковъ былъ новый нашъ хлѣбодатель и второй Іосифъ! Но можемъ сказать о немъ еще нѣчто и большее. Ибо Іосифъ извлекаетъ прибытокъ изъ гладда, своимъ челоуѣколюбіемъ покупаетъ Египеть, во время обилія заапасшись на время голода, и будучи сему наученъ сновидѣніями другихъ. А Василій

былъ милостивъ даромъ , безъ выгодъ для себя помогать въ раздаяніи хлѣба , имѣлъ въ виду одно , чтобы человѣколюбіемъ приобрѣсть человѣколюбіе и чрезъ здѣшнее *житомльріе* (Лук. 12, 42.) сподобиться тамошнихъ благъ. Къ сему присовокуплялъ онъ и пищу словесную — совершенное благодѣяніе и даеніе истинно высокое и небесное ; потому что слово есть хлѣбъ ангельскій ; имъ питаются и напоются души, алчущія Бога, ищущія не скорогибнущей и преходящей, но вѣчно-пребывающей пищи. И таковой пищи самымъ богатымъ раздаятелемъ былъ сей , во всемъ прочемъ, сколько знаемъ, весьма скудный и убогій, врачевавшій *не гладъ хлѣба, ни жажду воды*, но желаніе слова истинно животворнаго и питательнаго (Амос. 8, 11.), которое хорошо имъ питаемаго ведетъ къ преспѣванію духовнаго возраста. — (27)

За сія и подобныя дѣла (ибо нужно ли останавливаться на подробномъ описаніи оныхъ ?), когда соименный (д) благочестію уже преставился и спокойно испустилъ духъ на рукахъ Василія , возводится онъ на высокій престолъ епископскій , правда, не безъ затрудненій, не безъ зависти и противоборства со стороны какъ предсѣдательствующихъ въ отечествѣ , такъ и присоединившихся къ нимъ самыхъ порочныхъ гражданъ. Впрочемъ надлежало препобѣдить Духу Святому, и Онъ подлинно по превосходству побѣждаетъ. Ибо изъ сопредѣльныхъ странъ воздвигаетъ для помазанія извѣстныхъ благочестіемъ мужей и ревнителей , а въ числѣ ихъ и

(д) Евсевій, Епископъ Кесарійскій.

новаго Авраама , нашего патріарха , моего отца , съ которымъ происходитъ даже нѣчто чудное (е). Не только по причинѣ многихъ лѣтъ оскудѣвъ силами , но и удрученный болѣзнію , находясь при послѣднемъ дыханіи , онъ отваживается на путешествіе , чтобы своимъ голосомъ помочь избранію , и возложивъ упованіе на Духа , (скажу кратко) возложенъ былъ мертвымъ на носила , какъ во гробъ , возвращается же юнымъ , сильнымъ , зрящимъ горѣ , будучи укрѣпленъ рукою , помазаніемъ (а не много сказать) и главою помазаннаго . И къ древнимъ сказаніямъ да будетъ присовокуплено и сіе , что трудъ даруетъ здравіе , что ревность воскрешаетъ мертвыхъ , что скачетъ старость помазанная Духомъ .

(28) Такъ удостоенный предсѣдательства , какъ и свойственно мужамъ , которые содѣлались ему подобными , сподобились таковой же благодати и приобрѣли столько къ себѣ уваженія , Василій ни чѣмъ послѣдующимъ не посрамилъ ни своего любомудрія , ни надежды ввѣрившихъ ему служеніе . Но въ таковой же мѣрѣ оказывался непрестанно превосходящимъ самого себя , въ какой дотолѣ превосходилъ другихъ , разсуждая о семъ превосходно и весьма любомудренно . Ибо быть только не худымъ , или сколько ни есть и какъ ни есть добрымъ , почиталъ онъ добродѣтелию частнаго человѣка . А въ начальникѣ и предстоятелѣ , особливо же въ имѣющемъ подобное (ж) начальство , и то уже порокъ , если не

(е) См. о семъ Тв. Св. Отц. Т. 2. стр. 138, 139.

(ж) Василюу.

многимъ превосходить онъ простолюдиновъ, если не оказывается непрестанно лучшимъ и лучшимъ, если не соразмѣряетъ добродѣтели съ саномъ и высокостію престола. Ибо и тотъ, кто стоитъ высоко, едва успѣваетъ въ половину; и тотъ, кто преизобилуетъ добродѣтелію, едва привлекаетъ многихъ къ посредственности. Лучше же сказать (полюбоумствую о семъ нѣсколько выше), что усматриваю (а думаю, усмотритъ со мною и всякій мудрый) въ моемъ Спасителѣ, когда Онъ былъ съ нами, вообразивъ въ Себѣ и то, что выше насъ, и наше естество, то же, какъ разсуждаю, было и здѣсь. И Христось, по сказанному, *преспѣваше какъ возрастомъ такъ премудростію и благодатію* (Лук. 2, 52.), не въ томъ смыслѣ, что получалъ въ этомъ приращеніе (что могло стать совершеннѣе въ Томъ, Кто совершенъ отъ начала?), но въ томъ разумѣ, что сіе открывалось и обнаруживалось въ Немъ постепенно. И добродѣтель Василіева получила тогда, какъ думаю, не приращеніе, но большій кругъ дѣйствія, и при власти нашла она больше предметовъ, гдѣ показать себя.

Во-первыхъ, дѣлаетъ онъ для всѣхъ явнымъ, что данное ему было не дѣломъ человѣческой милости, но даромъ Божіей благодати. Но то же покажутъ и поступки его со мною. Ибо въ чемъ я соблюдалъ любомудріе при семъ обстоятельстве, въ томъ и онъ держался того же любомудрія. Когда всѣ другіе думали, что я поспѣшу къ новому Епископу, обрадуюсь (что, можетъ-быть, и случилось бы съ другимъ), и лучше съ нимъ раздѣлю начальство, нежели соглашусь имѣть такую же власть, и когда

(39)

обо всемъ этомъ заключали по нашему дружеству ; тогда, избѣгая высокомѣрія, котораго и во всемъ избѣгаю не меньше всякаго другаго, а вмѣстѣ избѣгая и повода къ зависти, особливо пока обстоятельства не пришли еще въ устройство, но находились въ замѣшательствѣ, остался я дома, съ насиліемъ обуздавъ желаніе видѣться съ Василиемъ. А онъ жалуется на сіе, правда, однако же извиняетъ. И послѣ сего, когда пришелъ я къ нему, но, по той же опять причинѣ, не принявъ ни чести вступить на кафедру, ни предпочтенія между пресвитерами, онъ не только не сталъ охуждать сего, но еще (что и благоразумно сдѣлалъ) похвалилъ, и лучше согласился понести обвиненіе въ гордости отъ тѣхъ, которые не понимали такой предусмотрительности, нежели поступить въ чемъ-нибудь вопреки разуму и его внушеніямъ. И чѣмъ другимъ доказалъ бы онъ лучше, что душа его выше всякаго человѣкоугодничества и ласкательства, что у него въ виду одно — законъ добра, какъ не такимъ образомъ мыслей въ-разсужденіи меня, котораго считалъ въ числѣ первыхъ и короткихъ друзей своихъ ?

(40) — Потомъ умягчаетъ и врачуетъ онъ высокомудреннымъ и цѣльбоноснымъ словомъ своимъ тѣхъ, которые возставали противъ него. И достигаетъ сего не угодливостію, и не поступками неблагородными, но дѣйствуя весьма отважно и прилично сану, какъ челоѣкъ, который не смотритъ на одно настоящее, но промышляетъ о будущей благопокорности. Примѣчая, что отъ мягкости нрава происходитъ уступчивость и робость, а отъ суровости — строптивость и своенравіе, онъ помогаетъ одному другимъ, и

упорство растворяетъ кротостію, а уступчивость — твердостію. Рѣдко нужно было прибѣгать ему къ слову, чаще дѣло оказывалось дѣйствительнѣйшимъ къ уврачеванію. Не хитростію порабощалъ онъ, но привлекалъ къ себѣ благорасположеніемъ. Не власть употреблялъ онъ напередъ, но пощадою покорялъ власти, и что всего важнѣе, покорялъ тѣмъ, что всѣ уступали его разуму, признавали добродѣтель его для себя недосыгаемою, и въ одномъ видѣли свое спасеніе — быть съ нимъ и подъ его начальствомъ, а также одно находили опаснымъ — быть противъ него, и отступленіе отъ него почитали отчужденіемъ отъ Бога. Такъ добровольно уступали и покорялись, какъ-бы ударами грома подклоняемые подъ власть; каждый приносилъ свое извиненіе, и сколько прежде оказывалъ вражды, столько теперь благорасположенія и преусубіянія въ добродѣтели, въ которой одной и находилъ для себя самое сильное оправданіе. И только развѣ неизлечимо поврежденный былъ пренебреженъ и отринутъ, чтобы самъ въ себѣ сокрушился и потребился, какъ ржа пропадаетъ вмѣстѣ съ желѣзомъ.

Когда же домашнія дѣла устроились по его мысли и какъ не чаяли невѣрныя, которые не знали его; тогда замышляетъ въ умѣ нѣчто большее и возвышеннѣйшее. Другіе смотрятъ только у себя подъ ногами, расчитываютъ, какъ бы свое только было въ безопасности (если это истинная безопасность), далѣе же не простираются, и не могутъ выдумать или привести въ исполненіе ничего великаго и смѣлаго: но онъ, хотя во всемъ другомъ соблюдалъ умѣренность, въ этомъ же не знаетъ умѣ-

ренности ; напротивъ того , высоко подъявъ главу , и озирая окрестъ душевнымъ окомъ , объемлетъ всю вселенную , куда только пронеслось спасительное слово. Примѣчая же , что великое наслѣдіе Бога , стяжанное Его ученіями , законами и страданіями , *языкъ святъ , царское священіе* (1 Петр. 2, 9.), приведено въ худое положеніе , увлечено въ тысячи мнѣній и заблужденій , и виноградъ , перенесенный и пересаженный изъ Египта — сего безбожнаго и темнаго невѣдѣнія , достигшій красоты и необъятнаго величія , такъ что покрылъ всю землю , распростерся выше горъ и кедровъ , — сей самый виноградъ поврежденъ лукавымъ и дикимъ вепремъ — дьяволомъ (Ис. 79, 9—14.), — примѣчая это , Василий не признаетъ достаточнымъ въ безмолвіи оплакивать бѣдствіе и къ Богу только воздѣвать руки , у Него искать прекращенія обдергающихъ золь , а самому между тѣмъ почивать ; напротивъ того онъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность и отъ себя привнести нѣчто и оказать какую-нибудь помощь. / Ибо что горестнѣе сего бѣдствія ? И о чемъ болѣе должно заботиться взирающему горѣ ? Когда одинъ дѣлаетъ хорошо или худо ; сіе ничего не предвѣщаетъ для цѣлаго общества. Когда цѣлое въ хорошемъ или худомъ положеніи ; тогда по необходимости и каждый членъ общества приходитъ въ подобное же состояніе. Сіе-то представлялъ и имѣлъ въ виду и сей попечитель и предстатель общаго блага. И поелику , какъ думаетъ Содомонъ за-едино съ самою истинною , *моль костель сердце чувственно* (Притч. 14, 30.), и беззаботный бываетъ благодушень , а сострадательный — скорбенъ , неотступный помысль

сушить его сердце : то Василій приходилъ въ содроганіе , скорбѣль , уязвлялся , былъ въ положеніи то Іоны, то Давида, *отрицаешся души* (Іон. 4, 8.), не давалъ ни сна очамъ, ни дреманія вѣждамъ (Пс. 131, 4.), заботами изнурялъ останокъ плотей, пока не находилъ уврачеванія злу. Онъ взыскуеть Божеской или и человѣческой помощи , только бы остановить общій пожаръ и разсѣять облегающую насъ тму.

(43)

И такъ изобрѣтаетъ слѣдующее одно весьма спасительное средство. Сколько могъ, углубившись въ себя самого и затворившись съ Духомъ, напрягаетъ всѣ силы человѣческаго разума, перечитываетъ всѣ глубины Писанія, и ученіе благочестія предастъ письмени. Дѣлаетъ возраженія еретикамъ, борется и препирается съ ними , отражаетъ ихъ чрезмѣрную наглость, и тѣхъ, которые были подъ руками, низлагаетъ вблизи разящимъ оружіемъ устъ, а тѣхъ, которые находились въ дали, поражаетъ стрѣлами писменъ, не менѣе достойныхъ уваженія, какъ и начертанія на скрижаляхъ ; потому что изображаютъ законы не одному іудейскому, малочисленному народу, не о пищѣ и питіи , не о жертвахъ установленныхъ на-время, не о плотскихъ очищеніяхъ, но всѣмъ родамъ, всѣмъ частямъ вселенной, о словѣ истины, которымъ приобрѣтается спасеніе.

Но было у него и другое средство. Поелику, какъ дѣло безъ слова, такъ и слово безъ исполненія, равно не совершенны ; то онъ присовокупляетъ къ слову и содѣйствіе самыхъ дѣлъ. Къ однимъ идетъ самъ , къ другимъ посылаетъ , иныхъ зоветъ къ себѣ, даетъ совѣты, *обличаетъ , запрещаетъ* (2

(44) Тим. 4, 2.), угрожаетъ, укоряетъ, защищаетъ народы, города, людей частныхъ, придумываетъ всѣ роды спасенія, всѣмъ вракуетъ. Сей Веселеиль, архитекторъ Божіей скиини (Исх. 31, 1. 2.), употребляетъ въ дѣло всякое вещество и искусство, все соплетаетъ вмѣстѣ, чтобы составилось преизящество и стройность единой Красоты. / Нужно ли уже говорить о другомъ чемъ?

(45) Между тѣмъ опять пришелъ къ намъ христорборный царь и утѣснитель Вѣры, и чѣмъ съ сильнѣйшимъ противникомъ долженъ онъ былъ имѣть дѣло, тѣмъ съ вящимъ пришелъ нечестіемъ и съ ополченіемъ воспламененнымъ болѣе прежняго, подражая тому нечистому и лукавому духу, который, оставивъ челоуѣка и скитавшись, возвращается къ нему, чтобы, какъ сказано въ Евангеліи (Лук. 11, 24—26), вселиться съ бѣльшимъ числомъ духовъ. Его-то ученикомъ дѣлается царь, чтобы вмѣстѣ и загладить первое свое пораженіе, и присовокупить что-нибудь къ прежнимъ ухищреніямъ. Тяжело и жалко было видѣть, что повелитель многихъ народовъ, удостоенный великой славой, покорившій всѣхъ окрестъ себя державъ нечестія, ниспровергнувшій всѣ преграды, оказался побѣжденнымъ отъ единого мужа и отъ единого города, сдѣлался посмѣшищемъ, какъ самъ примѣчалъ, не только для руководствующихъ имъ поборниковъ безбожія, но и для всѣхъ людей. / Рассказываютъ о царѣ Персидскомъ (3), что, когда шелъ онъ съ войскомъ въ Эл-

(3) Ксерксъ.

ладу, веда всякаго рода людей, кипя гнѣвомъ и надмѣваясь гордостію, тогда не симъ однимъ превозносился, и не только не полагалъ мѣры угрозамъ, но чтобы сильнѣе поразить умы Элиновъ, заставлялъ себя бояться превращеніемъ самыхъ стихій. Носилась молва о какой-то небывалой сушѣ и о какомъ-то небываломъ морѣ сего новаго творца, о воинствѣ плывущемъ по сушѣ и шествующемъ по морю, о похищенныхъ островахъ, о морѣ наказанномъ бичами, и о многомъ другомъ, что, ясно свидѣтельствуя о разстройствѣ умовъ въ воинствѣ и въ военачальникѣ, поражало, однако же, ужасомъ слабодушныхъ, хотя и возбуждало смѣхъ въ людяхъ болѣе мужественныхъ и твердыхъ разсудкомъ. Ни въ чемъ подобномъ не имѣлъ нужды ополчающійся противъ насъ; но, по слухамъ, онъ дѣлалъ и говорилъ, что и того было еще хуже и пагубнѣе. *Положилъ на небеси уста своя, хулу глаголя въ высоту, и языкъ его преиде по земли* (Пс. 72, 9.). — Такъ прекрасно божественный Давидъ, еще прежде насъ, выставилъ на позоръ сего, преклонившаго небо къ землѣ, и къ тварямъ причислившаго премірное Естество, Котораго тварь и вмѣстить не можетъ, хотя Оно и пребывало нѣсколько съ нами, по закону челоувѣколюбія, чтобы привлечь къ Себѣ насъ, поверженныхъ на землю! И какъ ни блистательны первые опыты отважности сего царя, но еще блистательнѣе послѣдніе съ нами подвиги. Какіе же разумію первые опыты? Изгнанія, бѣгства, описанія имуществъ, явные и скрытые навѣты, убѣжденія, когда доставало на сіе времени, принужденія за недостаточностію убѣждений; изгнаіе изъ церковей

исповѣдниковъ праваго и нашего ученія, а введеніе въ Церковь держащихся царевой пагубы, тѣхъ, которые требовали рукописаній нечестія, и составляли писанія еще болѣе ужасныя; сожженіе пресвитеровъ на морѣ; злочестивые военачальники, которые не Персовъ одолѣваютъ, не Скивовъ покоряютъ, не варварскій какой-нибудь народъ преслѣдуютъ, но ополчаются на Церкви, издѣваются надъ алтарями, безкровныя жертвы обагрятъ кровью людей и жертвъ, оскорбляютъ стыдливость дѣвъ. И для чего все это? Для того, чтобы изгнанъ былъ патріархъ Іаковъ, а на мѣсто его введенъ Исавъ, *возненавидѣнный* (Мал. 1, 2.) до рожденія. Таковы сказанія о первыхъ опытахъ его отважности; они и донныѣ, какъ скоро приходятъ на память или пересказываются, извлекаютъ слезы у многихъ.

(47) — Но когда царь, обойдя прочія страны, устремился, съ намѣреніемъ поработить, на сію незаблемую и неуязвимую мать Церквей, на сію единственно еще оставшуюся животворную искру истины: тогда въ первый разъ почувствовалъ безуспѣшность своего замысла; ибо онъ былъ отраженъ, какъ стрѣла ударившаяся въ твердыню, и отскочилъ, какъ порванная вервь. Такого встрѣтилъ онъ предстоятеля Церкви! И къ такому приразившись утесу, сокрушился! Отъ испытанныхъ тогдашнія бѣдствія можно и о другомъ чемъ-нибудь слышать рассказы и повѣствованія (а нѣтъ никого, кто бы не повѣствовалъ о семъ); но всякой удивляется, кто только знаетъ тогдашнія боренія, нападенія, обѣщанія, угрозы, знаетъ, что къ Василию, съ намѣ-

рениемъ уговорить его, присылаемы были то проходящіе должность судей, то люди военнаго званія, то женскіе приставники—эти мужи между женами, и жены между мужами, мужественные только въ одномъ—въ нечестіи, естественно неспособные предаваться распутству, но блудодѣйствующіе языкомъ, которымъ только и могутъ, наконецъ этотъ архимагирь (и), Навузарданъ, грозившій Василию орудіемъ своего ремесла, и отшедшій во огнь, и здѣсь для него привычный.

Но я, какъ можно сокращеніемъ, передамъ слову, что кажется мнѣ наиболее удивительнымъ, и о чемъ не могу умолчать, хотя бы и желалъ. Кто не знаетъ тогдашняго начальника (і) области, который какъ собственную свою дерзость особенно устремлялъ противъ насъ (потому что и крещеніемъ былъ совершенъ или погубленъ у нихъ (к)), такъ сверхъ нужды услуживалъ Повелителю, и своею во всемъ угодливістію на долгое время удержалъ и соблюлъ за собою власть? Къ сему-то правителю, который скрежеталъ зубами на Церковь, принималъ на себя львиный образъ, рыкалъ, какъ левъ, и для многихъ былъ непреступенъ, вводится, или лучше сказать, самъ входитъ и доблественный Василій, какъ призванный на празднество, а не на судъ. Какъ пере-

(и) Главный поваръ у Валента, по имени Демосеенъ, который, будучи присланъ къ Василию, грозилъ убить его своимъ повареннымъ ножомъ. О немъ Св. Василій говаривалъ: «накопецъ есть у насъ и Демосеенъ неграмотный.»

(і) По имени Модеста.

(к) У Аріанъ.

сказать мнѣ достойнымъ образомъ или дерзость правителя, или благоразумное сопротивленіе ему Василия? Для чего тебѣ, сказалъ первый (назвавъ Василия по имени; ибо не удостоилъ наименовать Епископомъ), хочется съ дерзостію противиться такому могуществу, и одному изъ всѣхъ оставаться упорнымъ? Доблественный мужъ возразилъ: въ чемъ и какое мое высокоуміе? не могу понять сего. — Въ томъ, говоритъ первый, что не держишься одной Вѣры съ царемъ, когда всѣ другіе склонились и уступили. — Не сего требуетъ царь мой, отвѣчаетъ Василій: не могу поклониться твари, будучи самъ Божія тварь и имѣя повелѣніе быть богомъ. — Но что же мы, по твоему мнѣнію? спросилъ правитель. Или ничего не значимъ мы, повелѣвающие это? Почему не важно для тебя присоединиться къ намъ, и быть съ нами въ общеніи? — Вы правители, отвѣчалъ Василій, — и не отрицаю, что правители знаменитые, — однако же не выше Бога. И для меня важно быть въ общеніи съ вами (почему и не такъ? и вы Божія тварь); впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ; потому что христіанство определяется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою. — Тогда правитель пришелъ въ волненіе, сильнѣе воскипѣлъ гнѣвомъ, всталъ съ своего мѣста, и началъ говорить съ Васиціемъ суровѣе прежняго. Что же, сказалъ онъ, развѣ не боишься ты власти? — Нѣтъ, — что ни будетъ, и чего ни потерплю. — Даже хотя бы потерпѣлъ ты и одно изъ многаго, что состоитъ въ моей волѣ? — Что же такое? объясни мнѣ это. — Отнятіе имущества, изгнаніе, истязаніе, смерть. —

Ежели можешь, угрожай инымъ; а это ни мало насъ не трогаетъ. — Какъ же это, и почему? спросилъ правитель. — Потому, отвѣчаетъ Василій, что не подлежитъ описанію имущества, кто ничего у себя не имѣетъ, развѣ потребуешь отъ меня и этого волосянаго рубища и немногихъ книгъ, въ которыхъ состоятъ всѣ мои пожитки. Изгнанія не знаю; потому что не связанъ никакимъ мѣстомъ; и то, на которомъ живу теперъ, не мое, и всякое, куда меня ни кинуть, будетъ мое. Лучше же сказать, вездѣ Божіе мѣсто, гдѣ ни буду я *пресельникомъ и пришлецемъ* (Пс. 38, 13.). А истязанія что возмутъ, когда нѣтъ у меня и тѣла, развѣ разумѣешь первый ударъ, въ которомъ одномъ ты и властенъ? Смерть же для меня благодѣтельна: она скорѣе препешлетъ къ Богу, для Котораго живу и тружусь, для Котораго большею частію себя самого я уже умеръ, и къ Которому давно поспѣшаю. — Правитель, изумленный сими словами, сказалъ: такъ и съ такою свободою никто доселѣ не говаривалъ передо мною, — и при этомъ присвокупилъ свое имя. — Можетъ-быть, отвѣчалъ Василій, ты не встрѣчался съ Епископомъ: иначе, безъ сомнѣнія, имѣя дѣло о подобномъ предметѣ, услышалъ бы ты такія же слова. Ибо во всемъ иномъ, о правитель, мы скромны и смиренѣ всякаго, — это повелѣваетъ намъ заповѣдь, и не только предъ такимъ могуществомъ, но даже предъ кѣмъ бы то ни было, не поднимаемъ брови: а когда дѣло о Богѣ, и противъ Него дерзаютъ возставать, тогда, презирая все, мы имѣемъ въ виду одного Бога. Огонь же, мечъ, дикіе звѣри и терзающіе плоть когти скорѣе будутъ для насъ на-

302

(50)

слаждениемъ, нежели произведуть ужасъ. Сверхъ этого оскорбляй, грози, дѣлай все, что тебѣ угодно, пользуйся своею властію. Пусть слышитъ о семъ и царь, что ты не докоришь себѣ насъ и не заставишь приложиться къ нечестію, какими ужасами ни будешь угрожать.

(51) Когда Василій сказалъ сіе, а правитель, выслушавъ, узналъ, до какой степени неустрашима и неодолима твердость его, тогда уже не съ прежними угрозами, но съ нѣкоторымъ уваженіемъ и съ уступчивостію велитъ ему выйдти вонъ и удалиться. А самъ, какъ можно поспѣшнѣе, представъ царю, говорить: « побѣждены мы, царь, настоятелемъ сея Церкви. Это мужъ, который выше угрозы, тверже доводовъ, сильнѣе убѣжденій. Надобно подвергнуть искушенію другихъ, не столько мужественныхъ, а его или открытою силой должно принудить, или и не ждать, чтобы уступилъ онъ угрозамъ. »

(52) Послѣ сего царь, вина самъ себя и будучи побѣжденъ похвалами Василію (и врагъ дивится доблести противника), не велитъ дѣлать ему насилія; и какъ желѣзо, хотя умягчается въ огнѣ, однако же не престааетъ быть желѣзомъ; такъ и онъ, перейдивъ угрозы въ удивленіе, не принявъ общенія съ Василіемъ, стыдяся показать себя перемѣнившимся, но ищетъ оправданія наиболѣе благоприличнаго. И сіе покажетъ слово. Ибо въ день Богоявленія, при многочисленномъ стеченіи народа, въ сопровожденіи окружающей его свиты, вошедъ во храмъ и присоединясъ къ народу, симъ самымъ показываетъ видъ единенія. Но не должно преидти молчаніемъ

и сего. Когда вступилъ онъ внутрь храма, и слухъ его, какъ громомъ, пораженъ былъ начавшимся псалмопѣніемъ; когда увидѣлъ онъ море народа, а въ алтарѣ и близъ онаго не столько человѣческое, сколько ангельское благолѣпіе, и впередъ всѣхъ въ прямомъ положеніи стоялъ Василій, какимъ въ словѣ Божіемъ описывается Самуилъ (1 Цар. 7, 10.), не восклоняющійся ни тѣломъ, ни взоромъ, ни мыслию (какъ будто бы въ храмѣ не произошло ничего новаго), но пригвожденный (скажу такъ) къ Богу и къ престолу, а окружающіе его стояли въ какомъ-то страхѣ и благоговѣніи; когда, говорю, царь увидѣлъ все сіе, и не находилъ примѣра, къ которому бы могъ примѣнить видимое: тогда пришелъ онъ въ изнеможеніе какъ человѣкъ, и взоръ и душа его отъ изумленія покрываются мракомъ и приходятъ въ круженіе. Но сіе не было еще примѣтнымъ для многихъ. Когда же надобно было царю принести къ божественной трапезѣ дары, приготовленные собственными его руками (1), и по обычаю никто до нихъ не касался (не извѣстно было, приметъ ли Василій); тогда обнаруживается его немощь. Онъ колеблется на ногахъ, и если бы одинъ изъ служителей алтаря, подавъ руку, не поддержалъ колеблющагося, и онъ упалъ, то паденіе сіе было бы достойно слезъ. О томъ же, что и съ какимъ любомудріемъ вѣщалъ Василій самому царю (ибо въ другой разъ, бывъ

(1) По изъясненію Никиты, дары сіи состояли въ золотыхъ сосудахъ.

у насъ въ церкви, вступилъ онъ за завѣсу, и имѣлъ тамъ, какъ весьма желалъ, свиданіе и бесѣду съ Василиемъ), нужно ли говорить что иное, кромѣ того, что окружавшіе царя и мы, вошедшіе съ ними, слышали тогда Божіи глаголы. Таково начало и таковъ первый опытъ царскаго къ намъ снисхожденія; симъ свиданіемъ, какъ потокъ, остановлена большая часть обидъ, какія дотолѣ наносили намъ.

(54) — Но вотъ другое происшествіе, которое не мало-важнѣе описанныхъ. Злые превозмогли; Василию опредѣлено изгнаніе, и ничего не доставало къ исполненію опредѣленія. Наступила ночь; приготовлена колесница; враги рукоплескали; благочестивые уныли; мы окружали путника съ охотою готовившагося къ отъѣзду; исполнено было и все прочее, нужное къ сему прекрасному поруганію. И что же? Богъ разоряетъ опредѣленіе. Кто поразилъ первенцевъ Египта, ожесточившагося противъ Израиля, Тотъ и теперь поражаетъ болѣзнію сына царева. И какъ мгновенно! Здѣсь писаніе объ изгнаніи, а тамъ опредѣленіе о болѣзни; и рука лукаваго писца удержана, святой мужъ спасается, благочестивый дѣлается даромъ горячки, вразумившей дерзкаго царя! Что справедливѣе и скоропостижнѣе сего? А послѣдствія были таковы. Царевъ сынъ страдалъ и изнемогалъ тѣломъ; сострадалъ съ нимъ и отецъ. И что же дѣлаетъ отецъ?—Отвсюду ищетъ помощи, избираетъ лучшихъ врачей, совершаетъ молебствія съ усердіемъ, какого не оказывалъ дотолѣ, и повергшись на землю, потому что зло-страданіе и царей дѣлаетъ смиренными. И въ этомъ

ничего нѣтъ удивительнаго ; и о Давидѣ написано, что сначала также скорбѣлъ о сынѣ (2 Цар. 12, 16.). Но какъ царь нигдѣ не находилъ врачевства отъ болѣзни, то прибѣгаетъ къ Василиевой вѣрѣ. Впрочемъ, стыдясь недавняго оскорбленія, не самъ отъ себя приглашаетъ сего мужа, но просить его поручаетъ людямъ наиболѣе къ себѣ близкимъ и привязаннымъ. И Василій пришелъ, не отговариваясь, не упоминая о случившемся, какъ сдѣлалъ бы другой; вмѣстѣ съ его пришествіемъ облегчается болѣзнь, отецъ предается благимъ надеждамъ. И если бы къ сладкому не примѣшивалъ онъ горечи, и призвавъ Василія, не продолжилъ въ то же время вѣрить не-православнымъ; то можетъ-быть царевъ сынъ, получивъ здравіе, былъ бы спасенъ отцовыми руками, въ чемъ были увѣрены находившіеся при этомъ и принимавшіе участіе въ горести.

Сказываютъ, что въ скоромъ времени случилось то же и съ областнымъ начальникомъ. Постигшая болѣзнь и его подклоняетъ подъ руку Святаго. Для благоразумныхъ наказаніе дѣйствительно бываетъ урокомъ; для нихъ злостраданіе нерѣдко лучше благоденствія. Правитель страдалъ, плакалъ, жаловался, посылалъ къ Василію, умолялъ его, взывалъ къ нему: «ты удовлетворенъ; подай спасеніе!» И онъ получилъ просимое, какъ самъ сознавался и увѣрялъ многихъ не знавшихъ о семъ; потому что не переставалъ удивляться дѣламъ Василиевымъ и пересказывать о нихъ.

Но таковы были и такой имѣли конецъ поступки Василиевы съ этими людьми; а съ другими не поступалъ ли Василій иначе? не было ли у него

маловажныхъ ссоръ и за малости? не оказалъ ли въ чемъ меньшаго любомудрія, такъ что это было бы достойно молчанія, или не очень похвально? Нѣтъ. Но кто на Израиля нѣкогда воздвигъ губителя Адера (3 Цар. 11, 14.), тотъ и противъ Василія воздвигаетъ правителя Понтійской области, по-видимому негодующаго за одну женщину, а въ дѣйствительности поборствующаго нечестію и возставшаго на благочестіе. Умалчиваю о томъ, сколько какихъ оскорбленій причинилъ онъ сему мужу (а то же будетъ сказать) и Богу, противъ Котораго и за Котораго воздвигнута была брань. Одно то передаю слову, что наиболѣе и оскорбителя постыдило, и подвижника возвысило, если только высоко и велико быть любомудрымъ, и любомудріемъ одерживать верхъ надъ многими.

(50) — Одну женщину, знатную по мужъ, который недавно кончилъ жизнь, преслѣдовалъ товарищъ сего суди, принуждая ее противъ воли вступить съ нимъ въ бракъ. Не зная, какъ избѣжать преслѣдованій, она пріемлетъ намѣреніе, не столько смѣлое, сколько благоразумное, прибѣгаетъ къ священной трапезѣ, и Бога избираетъ защитникомъ отъ нападеній. И если сказать предъ самою Троицею (употреблю между похвалами сіе судебное выраженіе), что надлежало дѣлать не только великому Василю, который въ подобныхъ дѣлахъ для всѣхъ былъ законодателемъ, но и всякому другому, гораздо низшему предъ Василемъ, впрочемъ іерею? Не должно ли было вступить въ дѣло, удержать прибѣгшую, позаботиться о ней, подать ей руку помощи, по Божію челоуколюбію и по закону, почтив-

шему жертвенники? Не должно ли было рѣшиться скорѣе все сдѣлать и претерпѣть, нежели согласиться на какую-либо противъ нея жестокость, и тѣмъ какъ поругать священную трапезу, такъ поругать и вѣру, съ какою умоляла бѣдствовавшая? — Нѣтъ, говоритъ новый судія, надлежало покориться моему могуществу, и христіанамъ стать измѣнниками собственныхъ своихъ законовъ. — Одинъ требовалъ просительницу, другой всѣми мѣрами ее удерживалъ; и первый выходилъ изъ себя, а наконецъ посылаетъ нѣсколькихъ чиновниковъ обыскать опочивальню Святаго, не потому, чтобы находилъ сіе нужнымъ, но для того болѣе, чтобы опозорить его. Что ты говоришь? Обыскивать домъ сего безстрастнаго, котораго охраняють Ангелы, на котораго жены не смѣютъ и взирать! Не только еще велитъ обыскать домъ, но самого Василя представить къ нему и подвергнуть допросу, не кротко и человѣколюбиво, но какъ одного изъ осужденныхъ. Одинъ явился, а другой предсѣдалъ исполненный гнѣва и высокомѣрія. Одинъ предстоялъ, какъ и мой Иисусъ предъ судією Пилатомъ; и громы медлили; *оружіе Божіе* было уже *очищено*, но отложено, *лукъ напряжень*, но удержанъ (Пс. 7, 13.), открывая время покаянію: таковъ законъ у Бога!

— (57)

Посмотри на новую борьбу подвижника и гонителя! Одинъ приказывалъ Василию совлечь съ себя верхнее рубище. Другой говоритъ: если хочешь, скину предъ тобою и хитонъ. Одинъ грозилъ побоями безплотному; другой преклонялъ уже выю. Одинъ грозилъ строгать когтями; другой отвѣчаетъ: оказавъ мнѣ услугу такими терзаніями, уврачуешь

мою печень, которая, какъ видишь, много беспокоить меня.—Такъ они препирались между собою. Но городъ, какъ скоро узналъ о несчастіи и общей для всѣхъ опасности (такое оскорбленіе почиталъ всякій опасностію для себя), весь приходитъ въ волненіе и воспламеняется; какъ рой пчель, встревоженный дымомъ, другъ отъ друга возбуждаются и приходятъ въ смятеніе всѣ сословія, всѣ возрасты, а болѣе всѣхъ оружейники и царскіе ткачи, которые въ подобныхъ обстоятельствахъ, по причинѣ свободы, какою пользуются, бываютъ раздражительнѣе и дѣйствуютъ смѣлѣе. Все для каждого стало оружіемъ, случилось ли что подъ руками по ремеслу, или встрѣтилось прежде другаго; у кого пламенники въ рукахъ, у кого занесенные камни, у кого поднятыя палки; у всѣхъ одно направленіе, одинъ голосъ и общая ревность. Гнѣвъ—страшный воинъ и военачальникъ. При такомъ воспламененіи умовъ и женщины не остались безоружными (у нихъ ткацкія берда служили вмѣсто копій), и одушевленные ревностію перестали уже быть женщинами, напротивъ того самонадѣянность превратила ихъ въ мужчинъ. Коротко сказать: думали, что, расторгнувъ на части правителя, раздѣлятъ между собою благочестіе. И тотъ у нихъ былъ благочестивѣе, кто первый бы наложилъ руку на умыслившаго такую дерзость противъ Василія. Чтò же строгій и дерзкій судія? — Сталъ жалкимъ, бѣднымъ, самымъ смиреннымъ просителемъ. Но явился сей безъ крови мученикъ, безъ ранъ вѣнценосецъ, и удержавъ силою народъ, обуздываемый уваженіемъ, спасъ своего просителя и оскорбителя. Такъ

сотворилъ Богъ святыхъ, *творяи вся и претворяи* (Амос. 5, 8.) въ лучшее, Богъ, Который *гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Притч. 3, 34.). Но Раздѣливый море, Пресѣкшій рѣку, Премѣнившій законы стихій, воздѣланіемъ рукъ Воздвигшій побѣдные памятники, чтобъ спасти народъ бѣгствующій, чего не сотворилъ бы, чтобъ и Василія исхитить изъ опасности? — 1581

Съ сего времени брань отъ міра прекратилась, и возымѣла отъ Бога правый конецъ, достойный Василіевой вѣры. Но съ сего же времени начинается другая брань, уже отъ Епископовъ и ихъ споборниковъ; и въ ней много безславія, а еще больше вреда подчиненнымъ. Ибо кто убѣдитъ другихъ соблюдать умѣренность, когда таковы предстоятели? — Къ Василію давно не имѣли расположенія по тремъ причинамъ. Не были съ нимъ согласны въ разсужденіи Вѣры, а если и соглашались, то по необходимости, принужденные множествомъ. Не всеѣмъ отказались и отъ тѣхъ низостей, къ какимъ прибѣгали при рукоположеніи. А то, что Василій далеко превышалъ ихъ славою, было для нихъ всего тягостнѣе, хотя и всего стыднѣе признаться въ томъ. Произошла еще и другая распря, которою подновилось прежнее. Когда отечество наше раздѣлено на два воеводства, два города (м) сдѣланы въ немъ главными, и къ новому отошло многое изъ принадлежавшаго старому; тогда и между Еписко-

(м) Кесарія и Тиана. Епископомъ въ послѣднемъ городѣ былъ Авенъ, который и объявилъ свои притязанія на нѣкоторыя части Василіевой архіепископій, имѣвшей престоль въ Кесаріи.

нами произошли замѣнительства. Одинъ (п) думалъ, что съ раздѣломъ гражданскимъ дѣлится и церковное правленіе; посему присвоивалъ себѣ, что приписано вновь къ его городу, какъ принадлежащее уже ему, а отнятое у другаго. А другій (о) держался стараго порядка и раздѣла, какой былъ издревле отъ отцевъ. Отъ сего частію уже произошли, а частію готовы были произойти многія непріятности. Новый Митрополитъ отвлекалъ отъ сѣзда на соборы, расхищалъ доходы. Пресвитеры Церквей—иные были склоняемы на его сторону, другіе замѣняемы новыми. Отъ сего происходило, что положеніе Церквей дѣлалось хуже и хуже отъ раздора и сѣченія; потому что люди бываютъ рады нововведеніямъ, съ удовольствіемъ извлекаютъ изъ нихъ свои выгоды, и легче нарушить какое-нибудь постановленіе, нежели возстановить нарушенное. Болѣе же всего раздражали новаго Митрополита Таврскіе всходы и проходы, которые были у него передъ глазами, а принадлежали Василию; въ великое также ставилъ онъ пользоваться доходами отъ святаго Ореста, и однажды отняты даже были мулы у самого Василія, который ѣхалъ своей дорогой; разбойническая толпа возбранила ему продолжать далѣе путь. И какой благовидный предлогъ! Духовные дѣти, спасеніе душъ, дѣло Вѣры—все это служить прикровеніемъ ненасытимости (дѣло самое нетрудное!). Къ этому присовокупляется правило, что не дол-

(п) Анеимъ. (о) Св. Василій.

жно платить дани неправославнымъ (а кто оскорбляетъ насъ, тотъ неправославецъ).

Но Святый, во-истину Божій и горняго Иерусалима Митрополить, не увлекся съ другими въ паденіе, не потерпѣлъ того, чтобы оставить дѣло безъ вниманія, и не слабое придумалъ средство къ прекращенію зла. Посмотримъ же, какъ оно было велико, чудно и (что болѣе сказать?) достойно его только души. Самый раздоръ употребляетъ онъ въ поводъ къ приращенію Церкви, и случившемуся даетъ самый лучшій оборотъ, умноживъ въ отечествѣ число Епископовъ. А изъ сего что происходитъ? — Три главныя выгоды. Попеченіе о душахъ приложено большее; каждому городу даны свои права; а тѣмъ и вражда прекращена.

Для меня было страшно сіе измышленіе; я боялся, чтобы самому мнѣ не стать придаткомъ, или не знаю, какъ назвать сіе приличіе. Всему удивляюсь въ Василіи, даже не могу и выразить, сколь велико мое удивленіе; но (признаюсь въ немощи, которая и безъ того уже не безъизвѣстна многимъ) не могу похвалить сего одного — этого нововведенія касательно меня и этой невѣроимчивости; самое время не истребило во мнѣ скорби о томъ. Ибо отсюда низринулись на меня всѣ неудобства и замѣшательства въ жизни. Отъ сего не могъ я ни быть, ни считаться любомудрымъ, хотя въ послѣднемъ не много важности. Развѣ въ извиненіе мужа сего приметъ кто отъ меня то, что онъ мудествовалъ выше, нежели по-человѣчески, что онъ, прежде нежели преселился изъ здѣшней жизни, поступалъ уже во всемъ по духу, и умѣя уважать дружество,

не оказывалъ ему уваженія только тамъ, гдѣ надлежало предпочесть Бога и чаемому отдать преимущество предъ тлѣннымъ.

(60) — Боюсь, чтобы избѣгая обвиненія въ нерадѣніи отъ тѣхъ, которые требуютъ описанія всѣхъ дѣлъ Василовыхъ, не сдѣлаться виновнымъ въ неумѣренности предъ тѣми, которые хвалятъ умѣренность; потому что и самъ Василій не презиралъ умѣренности, особенно хвалилъ правило, что умѣренность во всемъ есть совершенство, и соблюдалъ оное въ продолженіе всей своей жизни. Впрочемъ, оставляя безъ вниманія тѣхъ и другихъ, любителей и излишней краткости и чрезмѣрной обширности, продолжу еще слово.

Каждый преуспѣваетъ въ чемъ-нибудь своемъ, а нѣкоторые и въ нѣсколькихъ изъ многочисленныхъ видовъ добродѣтелей; но во всемъ никто не достигалъ совершенства, — безъ всякаго же сомнѣнія не достигъ никто изъ извѣстныхъ намъ. Напротивъ того, у насъ тотъ совершеннѣйшій, кто успѣлъ во многомъ, или въ одномъ преимущественно. Василій же столько усовершеншился во всемъ, что сталъ какъ бы образцевымъ произведеніемъ природы. Разсмотримъ сіе такъ.

Хвалить ли кто нестяжательность, жизнь скудную и не терпящую излишествъ? Но что же бывало когда у Василя, кромѣ тѣла и необходимыхъ покрововъ для плоти? Его богатство — ничего у себя не имѣть, и жить съ единымъ крестомъ, который почиталъ онъ для себя дороже многихъ стяжаній. Не возможно всего пріобрѣсть, хотя бы кто

и захотѣлъ; но надобно умѣть все презирать, и такимъ образомъ казаться выше всего. Такъ разсуждалъ, такъ вель себя Василій. И ему не нужны были ни алтари, ни суетная слава, ни народное провозглашеніе: «Кратесь даетъ свободу Фивяину Кратесу.» Онъ старался быть, а не казаться только совершеннымъ, жилъ не въ бочкѣ и не среди торжища, гдѣ могъ бы всѣмъ наслаждаться, самый недостатокъ обращая въ новый родъ изобилія. Но безъ тщеславія былъ убогъ и нестяжатель, и любя извергать изъ корабля все, что когда ни имѣлъ, легко преплылъ море жизни.

Достойны удивленія воздержаніе и довольство малымъ; похвально не отдаваться во власть сластолюбію и не раболѣпствовать несносному и низкому властелину—чреву. Кто же до такой степени былъ почти невкушающимъ нищи и (не много будетъ сказать) безплотнымъ? Многояденіе и пресмыщеніе отринувъ онъ, предоставивъ людямъ, которые уподобляются безсловеснымъ и ведутъ жизнь рабскую и пресмыкающуюся. А самъ не находилъ великаго ни въ чемъ томъ, что, пройдя чрезъ гортань, имѣетъ равное достоинство; но пока былъ живъ, поддерживалъ жизнь самымъ необходимымъ, и одну зналъ роскошь—не имѣть и вида роскоши, но взирать на крины и на птицъ, у которыхъ и красота безъискусственна и пища вездѣ готова,—взирать сообразно съ высокимъ наставленіемъ (Матѣ. 6, 26—28.) моего Христа, обнищавшаго для насъ и плотію, чтобы обогатились мы Божествомъ. Отъ сего-то у Василія одинъ былъ хитонъ, одна была верхняя ветхая риза; а сонъ на голой землѣ, бдѣніе, неупотребленіе омо-

веній составляли его украшеніе; самую вкусною вечерю и снѣдію служили хлѣбъ и соль — новаго рода приправа, и трезвенное и неоскудѣвающее питіе, какое и не трудившимся приносить источники. А этимъ же, или не оставляя этого, облегчать и врачевать свои недуги было у него общимъ со мною правиломъ любомудрія. Ибо мнѣ, скуднему въ другомъ, надлежало сравниться съ нимъ въ скорбной жизни.

(62)

— Велики дѣвство, безбрачная жизнь, вчиненіе съ Ангелами—существами одинокими, помедлю говорить: со Христомъ, Который, благоволивъ и родиться для насъ рожденныхъ, раждается огъ Дѣвы, узаконяя тѣмъ дѣвство, которое бы возводило насъ отсель, ограничивало міръ, лучше же сказать, изъ одного міра препосылало въ другой міръ, изъ настоящаго въ будущій. Но кто же лучше Василия или дѣвство чтить, или предписывалъ законы плоти, не только собственнымъ своимъ примѣромъ, но и произведеніями своихъ трудовъ? Кѣмъ устроены обители дѣвъ? Кѣмъ составлены письменныя правила, которыми онъ уцѣломудривалъ всякое чувство, приводилъ въ благоустройство каждый членъ тѣла, и убѣждалъ хранить истинное дѣвство, обращая внутреннюю красоту отъ видимаго къ незримому, изнуря вѣншее, отнимая у пламени стараемое вещество, сокровенное же открывая Богу—единому Жениху чистыхъ душъ, Который вводитъ къ Себѣ души бодрствующія, если исходятъ во срѣтеніе Ему съ свѣтло-горащими свѣтильниками и съ обильнымъ запасомъ елея.

Много было споровъ и разногласій о жизни пу-

стынической и уединенно-общежительной. Безъ сомнѣнія та и другая имѣетъ въ себѣ и доброе и худое не безъ примѣси. Какъ первая, хотя въ большей степени безмолвна, благоустроена и удобнѣе собираетъ къ богомыслию, но, поелику не подвергается испытаніямъ и сравненіямъ, бываетъ не безъ надменія; такъ другая, хотя въ большей степени дѣятельна и полезна, но не изъята отъ мятежей. И Василій превосходнѣйшимъ образомъ соединилъ и слилъ оба сіи рода жизни. Построилъ скиты и монастыри не вдали отъ общинъ и общежитій, не отдѣляя однихъ отъ другихъ, какъ-бы нѣкоторою стѣною, и не разлучалъ, но вмѣстѣ и привелъ въ ближайшее соприкосновеніе и разграничилъ, чтобы и любомудріе не было необщительнымъ, и дѣятельность не была нелюбомудренною; но какъ море и суша дѣлятся между собою своими дарами, такъ и они бы совокупно дѣйствовали къ единой славѣ Божіей. — (63)

Что еще? Прекрасны человеколюбіе, питаніе нищихъ, вспомоствованіе человѣческой немощи. Отойди нѣсколько отъ города, и посмотри на новый городъ (п), на сіе хранилище благочестія, на сію общую сокровищевлагательницу избыточествующихъ, въ которую по увѣщаніямъ Василія вносятся не только избытки богатаго, но даже и послѣднія достоянія, и здѣсь ни моли до себя не допускаютъ, ни татей не радуютъ, но спасаются и отъ нападе-

(п) Страннопримный домъ, построенный Св. Василиемъ близъ Бесаріи.

ній зависти и отъ разрушительнаго времени. Здѣсь учится любомудрію болѣзнь, ублажается несчастіе, испытывается сострадательность. Въ сравненіи съ симъ заведеніемъ что для меня и седмивратные и Египетскіе Оивы, и Вавилонскія стѣны, и Карійскія гробницы Мавзола, и пирамиды, и неисчетное количество мѣди въ Колоссѣ, или величіе и красота храмовъ уже не существующихъ, но составляющихъ предметъ удивленія для людей, и описываемыхъ въ исторіяхъ, хотя строителямъ своимъ не принесли они никакой пользы, кромѣ незначительной славы? Для меня гораздо удивительнѣе сей краткій путь ко спасенію, сіе самое удобное восхожденіе къ небу. Теперь нѣтъ уже предъ нашими взорами тяжкаго и жалкаго зрѣлища; не лежатъ передъ нами люди еще до смерти умершіе и омертвѣвшіе большею частію тѣлесныхъ своихъ членовъ, гонимые изъ городовъ, изъ домовъ, съ торжищъ, отъ водъ, отъ людей наиболѣе имъ любезныхъ, узнаваемые только по именамъ, а не по тѣлеснымъ чертамъ. Ихъ не кладутъ товарищи и домашніе при мѣстахъ народныхъ собраній и сходбищъ, чтобъ возбуждали своею болѣзнію не столько жалость, сколько отвращеніе, слагая жалобныя пѣсни, если у кого остается еще голосъ. Но къ чему описывать всѣ наши злостраданія, когда недостаточно къ сему слово? Василиій преимущественно предъ всѣми убѣждалъ, чтобы мы, какъ люди, не презирали людей, безчеловѣчіемъ къ страждущимъ не безчестили Христа—единую всѣхъ Главу; но чрезъ бѣдствія другихъ благоустроили собственное свое спасеніе, и имѣя нужду въ милосердіи, свое мило-

сердіе давали въ-заимъ Богу. Посему этотъ благородный, рожденный отъ благородныхъ и сіяющій славою, мужъ не гнушался и лобзаніемъ устъ чтить болѣзнь, обнималъ недужныхъ какъ братьевъ, не изъ тщеславія (такъ подумалъ бы иной; но кто былъ столько далекъ отъ сея страсти, какъ Василій?), но чтобы научить своимъ любовудріемъ—не оставлять безъ услугъ страждущія тѣла. Это было и многовѣщее и безмолвное увѣщаніе. И не городъ только пользовался симъ благодѣяніемъ, а область и другія мѣста лишены были онаго. Напротивъ того, всѣмъ предстоятелямъ народа предложилъ онъ общій подвигъ — человѣколюбіе и великодушіе къ несчастнымъ. У другихъ — приготовители снѣдей, роскошныя трапезы, поварскія, искусно приправленныя снѣди, красивыя колесницы, мягкія и волнующіяся одежды; а у Василія—больные, цѣленіе ранъ, подражаніе Христу, не только словомъ, но и дѣломъ очищающему проказу. (61)

Что скажутъ намъ на сіе тѣ, которые обвиняютъ его въ гордости и надменности — эти злые судіи толикихъ доблестей, повѣряющіе правіло не правілами? Возможно ли, хотя лобызать прокаженныхъ и смиряться до такой степени, однако же и превозноситься предъ здоровыми? Возможно ли — изнурять плоть воздержаніемъ, но и надмевать душу пустымъ тщеславіемъ? Возможно ли, хотя осуждать фарисея, проповѣдовать объ униженіи гордыни, знать, что Христосъ снишелъ до рабія зрака, вкушалъ пищу съ мытарями, умывалъ ноги ученикамъ, не возгнушался крестомъ, чтобы пригвоздить къ нему мой грѣхъ, а что и сего необмы-

чайнѣ, видѣтъ Бога распятаго, распятаго среди разбойниковъ, осмѣиваемаго мимоходящими — Бога неодолимаго и превьшаго страданій; однако же парить самому надъ облаками, никого не признавать себѣ равнымъ, какъ представляется сіе клеветущимъ на Василия? Напротивъ того думаю, что кичливостію назвали они постоянство, твердость и непоколебимость его нрава. А также, разсуждаю, они способны называть и мужество дерзостію, и осмотрительность робостію, и цѣломудріе чловѣко-ненавистничествомъ, и правдивость необщительностію. Ибо не безъ основанія заключили нѣкоторые, что пороки идутъ слѣдомъ за добродѣтелями, и какъ-бы сосѣдственны съ ними, что не обучившійся различать сему подобнаго всего легче можетъ принимать вещь не за то, что она въ дѣйствительности.

Кто больше Василия читлъ добродѣтель, или наказывалъ порокъ, или оказывалъ благосклонность къ отличившимся и суровость къ погрѣшившимъ? Часто улыбка его служила похвалою, а молчаніе — выговоромъ, подвергающимъ злое укоризнамъ собственной совѣсти. Но если бы кто былъ неговорливъ, нешутливъ, не охотникъ до собраній, и для многихъ не нравился тѣмъ, что не бываетъ всѣмъ для всѣхъ и не всѣмъ угождаетъ, что изъ сего? Для имѣющихъ умъ не скорѣе ли заслуживаетъ онъ похвалу, нежели порицаніе? Развѣ иный станетъ винить и льва за то, что смотритъ не обезьяной, но грозно и царски, что у него и прыжки благородны, вмѣстѣ удивительны и пріятны; а представляющихъ на зрѣлищѣ будетъ хвалить за пріятность и снисходительность, потому что угождаютъ народу

и возбуждаютъ смѣхъ громкими пощечинами другъ другу? Но если бы и того стали мы искать въ Василии; кто былъ столько пріятель въ собраніяхъ, какъ извѣстно сіе мнѣ, который всего чаще имѣлъ случай видѣть его? кто могъ увлекательнѣе его бесѣдовать, шутить назидательно, уязвлять не оскорбляя, выговора не доводить до наглости, а похвалы до потачки, но въ похвалѣ и выговорѣ избѣгать неумѣренности, пользоваться ими съ разсужденіемъ и наблюдая время, по законамъ Соломона, назначающаго *время всякой вещи* (Екклес. 3, 1.)?

Но что сіе значить въ сравненіи съ совершенствомъ Василія въ словѣ, съ силою дара учить, покоровшею ему міръ? Доселѣ медлимъ еще при подножіи горы, не восходя на ея вершину; доселѣ плаваемъ по заливу, не пускаясь въ широкое и глубокое море. Думаю, если была (Ис. 27, 15.), или будетъ (1 Кор. 15, 52.) труба, оглашающая большую часть воздуха, если представишь или гласъ Божій объемлющій міръ, или, въ слѣдствіе новаго явленія и чуда, потрясающуюся вселенную; то сему можно уподобить голосъ и умъ Василіевъ, которые столько превзошли и оставили ниже себя всякій голосъ и умъ, сколько превосходимъ мы естество безсловесныхъ.

Кто больше Василія очистилъ себя Духу и приуготовился, чтобы стать достойнымъ истолкователемъ божественнаго Писанія? Кто больше его просвѣтился свѣтомъ вѣдѣнія, прозрѣлъ въ глубины Духа, и съ Богомъ изслѣдовалъ все, что вѣдомо о Богѣ? Кто обладалъ словомъ, лучше выражающимъ мысль, такъ что по примѣру многихъ, у которыхъ

или мысль не находить слова, или слово отстаёт отъ мысли, не имѣлъ онъ недостатка ни въ томъ ни въ другомъ, но одинаково достоинъ похвалы за мысль и за слово, вездѣ оказывался равенъ самому себѣ и въ подлинномъ смыслѣ совершенъ? О Духъ засвидѣтельствовано, что Онъ *вся испытуетъ, и глубины Божія* (1 Кор. 2, 10.), не по тому, что не знаетъ, но по тому, что увеселяется созерцаніемъ. А Василиемъ испытаны всѣ глубины Духа, и изъ сихъ-то глубинъ почерпалъ онъ нужное, чтобы образовать нравы, научать высокой рѣчи, отвлекать отъ настоящаго и преселять въ будущее. Похваляются у Давида красота и величіе солнца, скорость его теченія и сила, потому что оно сіяетъ *какъ женихъ, величественно какъ исполинъ*, и протекая дальній путь, имѣетъ столько силы, чтобы равномерно освѣщать отъ края до края, и по мѣрѣ разстояній не уменьшать теплоты (Пс. 18, 6. 7.). А въ Василии красотою была добродѣтель, величіемъ—богословіе, шествіемъ—непрестанное стремленіе и восхожденіе къ Богу, силою—сѣяніе и раздаяніе слова. И потому мнѣ не коснѣя можно сказать: *во всю землю изыде вѣщаніе его, и въ концы вселенныя глаголы его*, что Павелъ сказалъ объ Апостолахъ (Рим. 10, 18.), заимствовавъ слова у Давида (Пс. 18, 5.). Что иное составляетъ сегодня пріятность собранія? Что услаждаетъ на пиршествахъ, на торжищахъ, въ церквахъ, увеселяетъ начальниковъ и подчиненныхъ, монаховъ и уединенно-общественныхъ, людей бездолжностныхъ и должностныхъ, занимающихся любомудріемъ виѣшнимъ, или нашимъ? Вездѣ одно и величайшее услажденіе—

это писанія и творенія Василиевы. Послѣ него не нужно писателямъ инаго богатства, кромѣ его писаній. Умолкаютъ старыя толкованія Божія слова, надъ которыми потрудились нѣкоторые, возглашаются же новыя; и тотъ у насъ совершеннѣйшій въ словѣ, кто преимущественно предъ другими знаетъ Василиевы писанія, имѣетъ ихъ въ устахъ и дѣлаетъ внятными для слуха. Въмѣсто всѣхъ одинъ онъ сталъ достаточенъ учащимся для образованія. Это одно скажу о немъ. (67)

Когда имѣю въ рукахъ его *Шестодневъ*, и произношу устно; тогда бесѣдую съ Творцемъ, постигаю законы творенія, и дивлюсь Творцу болѣе, нежели прежде, имѣвъ своимъ наставникомъ одно зрѣніе. Когда имѣю предъ собою его обличительныя слова на еретиковъ; тогда вижу Содомскій огонь, которымъ испепеляются лукавые и незаконныя языки и самый Халанскій столпъ, ко вреду созидаемый и прекрасно разрушаемый. Когда читаю слова о Духѣ; тогда Бога, Котораго имѣю, обрѣтаю вновь, и чувствую въ себѣ дерзновеніе вѣщать истину, восходя по степенямъ его богословія и созерцанія. Когда читаю прочія его толкованія, которыя онъ уясняетъ и для людей *малозрѣщихъ, написавъ трижды на твердыхъ скрижаляхъ своего сердца* (Притч. 22, 21.); тогда убѣждаюсь не останавливаться на одной буквѣ, и смотрѣть не на поверхность только, но простирается далѣе, изъ одной глубины поступать въ новую глубину, призывая бездною бездну и приобрѣтая свѣтомъ свѣтъ, пока не достигну высшаго смысла. Когда займусь его похвалами подвижникамъ; тогда презираю

тѣло, собесѣдую съ похваляемыми, возбуждаюсь къ подвигу. Когда читаю нравственныя и дѣятельныя его слова; тогда очищаюсь въ душѣ и въ тѣлѣ, дѣлаюсь угоднымъ для Бога храмомъ, органомъ, въ который ударяетъ Духъ, пѣснословцемъ Божіей славы и Божія могущества, и чрезъ то преобразуюсь, прихожу въ благоустройство, изъ одного человѣка дѣлаюсь другимъ, измѣняюсь божественнымъ измѣненіемъ.

(28) — Поелику же упомянулъ я о богословіи и о томъ, сколько высокоглаголивъ былъ въ этомъ Василій; то присовокуплю къ сказанному и слѣдующее. Ибо для многихъ всего полезнѣе не потерпѣть вреда, возымѣвъ о немъ худое мнѣніе. Говорю же сіе людямъ злонамѣреннымъ, которые помогаютъ собственнымъ недостаткамъ, приписывая ихъ другимъ. За правое ученіе, за единеніе и собожественность (или не знаю какъ назвать точнѣе и яснѣе) въ Святой Троицѣ Василій охотно согласился бы не только лишиться престоловъ, которыхъ не домогался и въ-началѣ, но даже бѣжать ихъ, и самую смерть, а прежде смерти мученія, встрѣтилъ бы онъ какъ пріобрѣтеніе, а не какъ бѣдствіе. Сіе и доказалъ уже онъ тѣмъ, что сдѣлалъ и что претерпѣлъ; когда за истину осужденный на изгнаніе о томъ только позаботился, что одному изъ провожатыхъ сказалъ: возми записную книжку, и слѣдуй за мной. Между тѣмъ вмѣнялъ онъ въ необходимость *устроить словеса на судъ*, пользуясь въ семъ совѣтомъ божественнаго Давида (Пс. 111, 5.), и отложить не на-долго время брани, потерпѣть владычество еретиковъ, пока не наступитъ время свободы и не

придасть дерзновенія языку. Еретики подѣскивались, чтобы уловить ясное реченіе о Духѣ, что Онъ Богъ;—сіе справедливо, но казалось злочестивымъ для нихъ и для злаго предстателя нечестія. Имъ хотѣлось изгнать изъ города Василія — сіи уста Богословія, а самимъ овладѣть Церковію, и обративъ ее въ засаду для своего зловѣрія, производить отсюда, какъ изъ крѣпости, набѣги на другихъ. Но Василій иными реченіями Писанія и несомнѣнными свидѣтельствами, имѣющими такую же силу, а также неотразимостію умозаключеній, столько стѣснилъ прекословившихъ, что они не могли противиться, но были связаны собственными своими выраженіями, что и доказываетъ особенную силу его слова и благоразуміе. То же доказываетъ и слово, какое онъ написалъ о семъ, вода писаломъ, омакаемымъ въ сосудѣ Духа. Между тѣмъ Василій медлилъ до времени употребить собственное реченіе. прося у самого Духа и у искреннихъ поборниковъ Духа не огорчаться его осмотрительностію; потому что, когда время поколебало благочестіе, стоя за одно реченіе, можно неумѣренностію все погубить. И поборникамъ Духа нѣтъ никакого вреда отъ малаго измѣненія въ реченіяхъ, когда подъ другими словами узнаютъ они тѣ же понятія; потому что спасеніе наше не столько въ словахъ, сколько въ дѣлахъ. Не слѣдовало бы отвергать Иудеевъ, если бы, требуя удержать на-время слово: помазанникъ, вмѣсто слова: Христось, согласились они присоединиться къ намъ. Напротивъ того величайшій вредъ будетъ для цѣлаго, если Церковію будутъ владѣть еретики. А что Василій, преиму-

щественно предъ всѣми, исповѣдывалъ Духа Богомъ, сіе доказывается тѣмъ, что онъ многократно, если только представлялся случай, проповѣдывалъ сіе всенародно, а также и наединѣ съ ревностію свидѣтельствовалъ предъ тѣми, которые спрашивали. Но еще яснѣе выразилъ сіе въ словахъ ко мнѣ, предъ которымъ въ бесѣдѣ о такихъ предметахъ у него не было ничего сокровеннаго. И не просто подтверждалъ онъ это, но, что рѣдко дѣлывалъ прежде, присовокуплялъ самыя страшныя на себя заклинанія, что, если не будетъ чтить Духа единосущнымъ и равночестнымъ Отцу и Сыну, то да лишень будетъ самаго Духа. Если же кто, хотя въ этомъ, признаетъ меня участникомъ его мыслей; то открою вѣчто, можетъ-быть, неизвѣстное многимъ. Когда, по тѣснотѣ времени, налагалъ онъ на себя осторожность; тогда предоставлялъ свободу мнѣ, котораго, какъ почтеннаго неизвѣстностію, никто не сталъ бы судить и изгонять изъ отечества,—предоставлялъ съ тѣмъ, чтобы наше благовѣствованіе было твердо при его осторожности и моемъ дерзновеніи.

И сего коснулся я не въ защищеніе его славы (Василій выше всѣхъ обвинителей, если бы и нашлись еще какіе), но въ предостереженіе тѣхъ, которые за опредѣленіе благочестія принимаютъ тѣ одни реченія, какія находятся въ писаніяхъ сего мужа, чтобы они не возъмѣли слабѣйшей вѣры, и въ оправданіе своего зловѣрія не обратили его богословія, какое, по внушенію Духа, изложилъ онъ примѣнительно ко времени, но чтобы, внимая въ смыслъ написаннаго, и въ цѣль, съ какою написано,

паче и паче восходили къ истинѣ и заграждали уста нечестивымъ. О если бы богословіе его было моимъ богословіемъ, и богословіемъ всѣхъ единомысленныхъ со мною! Я столько полагаюсь на чистоту Василиевой въ семь вѣры, что кромѣ всего прочаго и ее готовъ раздѣлить съ нимъ; пусть предъ Богомъ и предъ людьми благомыслящими вмѣнится моя вѣра ему, а его мнѣ! Ибо не называемъ противорѣчащими другъ другу Евангелистовъ за то, что одни занимались болѣе челоуѣчествомъ Христовымъ, а прочіе богословіемъ; одни начали тѣмъ, что относится къ намъ, а другіе тѣмъ, что превыше насъ. Раздѣлили же такимъ образомъ между собою проповѣдь для пользы, какъ думаю, пріемлющихъ и по внушенію глаголющаго въ нихъ Духа.

Но поелику въ ветхомъ и въ новомъ Завѣтѣ было много мужей извѣстныхъ благочестіемъ, законодателей, военачальниковъ, пророковъ, учителей, мужественныхъ до крови; то, сличивъ съ ними Василія, и отсюда составимъ о немъ понятіе. Адамъ удостоенъ быть рукотвореніемъ Божиимъ, вкушать райское наслажденіе и принять первый законъ, но (чтобы при уваженіи къ прародителю не сказать чего-либо хульнаго) не соблюлъ заповѣди. Василій же и принялъ и сохранилъ заповѣдь, отъ древа познанія не потерпѣлъ вреда, и пройдя мимо пламеннаго меча, (совершенно знаю) достигъ рая. *Енохъ упова первый призываети Господа* (Быт. 4, 26.). Но Василій и призвалъ и другимъ проповѣдалъ, — что гораздо важнѣе призванія. Енохъ преложень, принявъ сіе преложеніе въ награду за малое благочестіе

(71) — (потому что вѣра состояла еще въ тѣняхъ), и тѣмъ избѣжалъ опасностей послѣдующей жизни. Но для Василія, совершенно испытаннаго въ жизни совершенной, цѣлая жизнь была предложениемъ. Ною поручены были ковчегъ и сѣмена втораго міра, повѣренныя малому древу и спасаемыя отъ водъ. Но Василій избѣжалъ потопа нечестія, содѣлалъ городъ свой ковчегомъ спасенія, легко преплывающимъ пучину ересей, и обновилъ изъ него цѣлый міръ. Великъ Авраамъ, патріархъ и жрецъ необычайной жертвы, который рожденнаго по обѣтованію приводитъ къ Даровавшему, какъ готовую жертву и поспѣшающую на закланіе. Но не меньше жертва и Василія, который самого себя принесъ Богу, и въ-замѣнъ не получилъ ничего равночестнаго такой жертвѣ (да и могло ли что быть равночестнымъ?), а потому и совершилъ жертвоприношеніе. Исаакъ былъ обѣтованъ еще до рожденія. Но Василій былъ самообѣтованъ, помявъ Ревекку, то-есть Церковь, не издалека, но вблизи, не чрезъ посольство домохадца, но данную и ввѣренную Богомъ. Онъ не былъ перехитренъ касательно предпочтенія дѣтей, но непогрѣшительно удѣлилъ каждому должное, разсудивъ по Духу. Хвалю лѣствицу Іакова, и столпъ, который помазалъ онъ Богу, и борьбу его съ Богомъ, если это была борьба, а не приравненіе, какъ думаю, человѣческой мѣры къ Божіей высотѣ, отъ чего и носить онъ на себѣ знаменія побѣжденнаго естества. Хвалю благопопечительность сего мужа о стадѣ, и его благоденствіе, и двѣнадцать патріарховъ происшедшихъ отъ него, и раздѣлъ благословенія, и знаменитое при семъ пророчество о бу-

душемъ. / Но хвалю также лѣствицу, которую не видѣлъ только Василій, но прошелъ постепенными восхожденіями въ добродѣтели; хвалю не помазанный, но воздвигнутый имъ Богу столпъ, который предаеть позору нечестивыхъ; хвалю борьбу, въ которой боролся не съ Богомъ, но за Бога, низлагая ученіе еретиковъ; хвалю и пастырское его искусство, которымъ обогатился, пріобрѣтя большее число овецъ знаменанныхъ, нежели не знаменанныхъ; хвалю и доброе многочадіе рожденныхъ по Богу и благословеніе, которымъ подкрѣпилъ многихъ. / Иосифъ былъ раздавателемъ хлѣба, но для одного Египта, притомъ не многократно, и хлѣба тѣлеснаго. А Василій былъ раздавателемъ для всѣхъ, всегда, и хлѣба духовнаго, что для меня важнѣе Иосифова житомѣрія. И онъ былъ искушенъ съ Иовомъ Авситидійскимъ, и побѣдилъ, и при концѣ подвиговъ громко провозглашено о немъ, что не поколебалъ его никто изъ многихъ покушавшихся привести въ колебаніе, но что со многимъ превосходствомъ низложилъ онъ искушителя, и заградилъ уста неразумію друзей, которые не знали тайны страданія. *Моисей и Ааронъ во іереехъ его* (Пс. 38, 6.)—тотъ великій Моисей, который казнилъ Египеть, спасъ народъ при знаменіяхъ и чудесахъ многихъ, входилъ внутрь облака и далъ двоякій законъ, внѣшній—законъ буквы, и внутренній—законъ духа; и тотъ Ааронъ, братъ Моисеевъ и по тѣлу и по духу, который припосилъ жертвы и молитвы за народъ, былъ таинникомъ священной и великой скиніи, юже водрузи Господь, а не чловѣкъ (Евр. 8, 2.). Но Василій — ревнитель обонхъ

не тѣлесными, а духовными и словесными бичами наказуетъ племя еретическое и египетское, люди же избранны, ревнители добрымъ дѣломъ (Тит. 2, 14.), преводить въ землю обѣтованія, пишутъ законы на скрижаляхъ, не сокрушаемыхъ, но спасаемыхъ, не прикровенные, но всецѣло духовные; входятъ во святая-святыхъ, не единожды въ годъ, но многократно и (можно сказать) ежедневно, и оттуда открываетъ намъ Святую Троицу, очищаетъ людей не на время установленными кропленіями, но вѣчными очищеніями. Что превосходнѣе всего въ Иисусѣ?—Военачаніе, раздѣлъ жребіевъ и овладѣніе Святою землею. А Василій развѣ не предводитель, не военачальникъ спасаемыхъ чрезъ вѣру, не раздаятель различныхъ у Бога жребіевъ и обителей, которыя раздѣляетъ предводимымъ? Посему можетъ сказать и сіи слова: *ужа нападоша ми въ державныхъ* (Пс. 98, 6.), *въ руку Твоею жребій мой* (Пс. 30, 16.)—жребій, гораздо драгоценнѣйшій земныхъ и удобопохищаемыхъ. И (не будемъ упоминать о Судіяхъ, или знаменитѣйшихъ изъ Судей) *Самуилъ въ призывающихъ имя Его* (Пс. 38, 6.), отданъ Богу до рожденія, и тотчасъ послѣ рожденія священъ, помазуетъ изъ рога царей и священниковъ. И Василій не освященъ ли Богу съ младенчества, отъ утробы матерней: не отданъ ли Ему и съ хламидою (1 Цар. 2, 19.); не помазанникъ ли Господень, взирающій въ пренебесное и Духомъ помазующій совершенныхъ? Славенъ Давидъ между царями, и хотя повѣствуется о многихъ побѣдахъ и торжествахъ его надъ врагами, однако же главнѣйшее его отличіе—кротость, а до

(72) -

царствованія — сила гуслей, отражающая лукаваго духа (1 Цар. 16, 23.). Соломонъ просилъ у Бога широту сердца, и получивъ, столько преуспѣлъ въ премудрости и созерцаніи, что сталъ славнѣе всѣхъ современниковъ. И Василій, по моему разсужденію, ни мало не уступалъ одному въ кротости, другому въ мудрости; посему усмирять онъ дерзость бѣснующихся царей, и не одна южская, или другая какая царица приходила отъ конецъ земли по слуху о мудрости его, но мудрость его стала извѣстна во всѣхъ концахъ земли. Умолчу о послѣдующей жизни Соломоновой; она всѣмъ извѣстна, хотя и пощадимъ ее. (Ты хвалишь дерзновеніе Илии предъ учителями, и огненное его восхищеніе? Хвалишь прекрасное наслѣдіе Елиссея — милоть, за которою послѣдовалъ и духъ Илинъ? Похвали же и жизнь Василиеву во огнѣ, то-есть во множествѣ искушеній, и спасеніе чрезъ огнь, воспламеняющій, но не сожигающій (извѣстное чудо въ купинѣ), а также прекрасный кожанный покровъ дарованный свыше, то-есть безплотность. Оставляю прочее: юношей орошенныхъ въ огнѣ; бѣглеца пророка, молящагося во чревѣ китовомъ, и ищедшаго изъ звѣря, какъ изъ чертога; праведника, во рвѣ связывавшаго ярость львовъ, и подвигъ седми Маккаевевъ, съ іереемъ и матерью освящаемыхъ Богу кровію и всѣми родами мученій. Василій подражалъ ихъ терпѣнію, и стяжалъ ихъ славу.

Перехожу къ новому Завѣту, и сравнивъ съ Василіемъ прославившихся въ ономъ, почту ученика по учителямъ. Кто Предтеча Іисусовъ? Іоаннъ, какъ гласъ — Слова, и какъ свѣтильникъ — Свѣта,

взыгралъ предъ Иисусомъ во чревѣ, и предшествовалъ Ему во адѣ, предпосланный Иродовымъ неистовствомъ, чтобы и тамъ проповѣдать Градущаго. И если кому слово мое кажется смѣлымъ, пусть напередъ приметъ во вниманіе, что я не предпочитаю, даже не равняю Василія съ тѣмъ, кто больше всѣхъ рожденныхъ женами, а хочу показать въ Василіи ревнителя, который имѣетъ нѣкоторыя отличительныя черты Іоанновы. Ибо для учащихся не мало важно и малое подражаніе великимъ образцамъ. И Василій не явственное ли изображеніе Іоаннова любомудрія? И онъ обиталъ въ пустынь; и у него одеждою по ночамъ была власяница—незнаемая и непоказываемая другимъ; и онъ любилъ такую же пищу, очищая себя Богу воздержаніемъ; и онъ сподобился быть проповѣдникомъ, хотя и не предтечею Христовымъ; и къ нему исходили, не только всѣ окрестныя, но и живущіе внѣ предѣловъ страны; и онъ сталъ среди двухъ Завѣтовъ, разрѣшая букву одного и обнаруживая духъ другаго, разрѣшеніе видимаго обращая въ полноту сокровеннаго. /И онъ подражалъ въ ревности Петру, въ неутомимости Павлу, а въ вѣрѣ—обоимъ симъ именитымъ и переименованнымъ Апостоламъ, въ велегласіи же—сынамъ Заведеевымъ, въ скудости и неизлишествѣ—всѣмъ ученикамъ. А за сіе ввѣряются ему и ключи небесныя; не только отъ Іерусалима до Илирика, но гораздо большій кругъ объемлетъ онъ Евангеліемъ; и хотя не именуется, однако же дѣлается сыномъ громовымъ. И онъ, возлежа на лонѣ Иисусовомъ, извлекаетъ отсюда силу слова и глубину мыслей.

Статья Стефаномъ,

хотя и готовъ былъ, воспрепятствовало ему то, что уваженіемъ къ себѣ удерживалъ побивающихъ камнями. Но я намѣренъ сказать еще короче, не входя о семъ въ подробности. Иное изъ совершенствъ самъ онъ избрѣлъ, въ другомъ подражалъ, а въ иномъ превзошелъ, и тѣмъ, что преуспѣвалъ во всемъ, сталъ выше всѣхъ извѣстныхъ нынѣ.

Сверхъ всего скажу еще объ одномъ, и притомъ кратко. /Такова доблесть сего мужа, таково обиліе славы, что многое маловажное въ Василии, даже тѣлесные его недостатки, другіе думали обратить для себя въ средство къ славѣ. Таковы были блѣдность лица, отращеніе на немъ волосъ, тихость походки, медленность въ рѣчахъ, необычайная задумчивость и углубленіе въ себя, которое во многихъ, по причинѣ неискуснаго подражанія и неправильнаго разумѣнія, сдѣлалось угрюмостью. Таковы же были: видъ одежды, устройство кровати, приемы при вкушеніи пищи, что все дѣлалось у него не по намѣренію, но просто, и какъ случилось. И ты увидишь многихъ Василиевъ по наружности; это — изваянія представляющія тѣнь Василиеву; ибо много сказать, чтобы они были и эхомъ. Эхо, хотя окончаніе только реченій, однако же повторяетъ явственно; а эти люди болѣе отстоятъ отъ Василія, нежели сколько желаютъ къ нему приблизиться. Справедливо же ставилось въ немалую, а даже въ великую честь, если кому случалось или близкимъ быть къ Василію, или приеслуживать ему, или замѣнить на память что-либо имъ сказанное или сдѣланное, въ шутку ли то, или съ намѣреніемъ, чѣмъ, сколько знаю, и я неоднократно хвалился; потому

(77)

Зу...

что у Василя и необдуманное было драгоценнѣе и замѣлательнѣе сдѣланнаго другими съ усиленіемъ.

(78) — Когда же, теченіе скончавъ и вѣру соблюдши, возжелалъ онъ разрѣшиться, и наступило время къ принятію вѣщевъ; когда услышалъ онъ не то повелѣніе: *взыди на гору, и скончайся* (Втор. 32, 49, 50.), но другое: «*скончайся, и взойди къ намъ*»: тогда совершаетъ онъ чудо не меньше описанныхъ. Будучи уже почти мертвъ и бездыханенъ, оставивъ большую часть жизни, оказывается онъ еще крѣпкимъ при произнесеніи исходной своей рѣчи, чтобы отойти отсель съ вѣщаніями благочестія, и на рукоположеніе искреннѣйшихъ своихъ служителей подаетъ руку и духъ, чтобы алтарь не лишенъ былъ его учениковъ и помощниковъ въ священствѣ.

Коснѣтъ, правда, слово коснуться послѣдующаго, однако же коснется, хотя говорить о семъ и приличнѣе было бы другимъ, а не мнѣ, который (сколько ни учился любомудрію) не умѣю соблюсти любомудрія въ скорби, когда привожу себѣ на память общую потерю и скорбь, какая объяла тогда вселенную.

(79) — /Василій лежалъ при послѣднемъ издыханіи, призываемый къ горнему ликостоянію, къ которому съ давняго времени простиралъ свои взоры. Вокругъ него волновался весь городъ; нестерпима была потеря; жаловались на его отшествіе, какъ на притѣсненіе, думали удержать его душу, какъ будто можно было захватить и насильно остановить ее руками и молитвами (горестъ дѣлала ихъ безразсудными); и всякій, если бы только возможно, го-

товъ былъ приложить ему что-нибудь отъ своей жизни. Когда же всѣ ихъ усилія оказались напрасны (надлежало обличиться тому, что онъ человѣкъ), и когда, изрекши послѣднее слово: *въ руцѣ Твои предложу духъ мой* (Пс. 30, 6.), поемлемый Ангелами, радостно испустилъ онъ духъ, впрочемъ тайноводствовавъ прежде присутствующихъ, и усовершенствовавъ своими наставленіями: тогда открывається чудо замѣчательнѣйшее изъ бывшихъ когда-либо. Святый былъ выносимъ подъземлемый руками святыхъ. Но каждый заботился о томъ, чтобы вѣзяться или за воскриліе ризъ, или за сѣнь, или за священныи одръ, или коснуться только (ибо что священнѣе и чище его тѣла?), или даже идти подлѣ несущихъ, или насладиться однимъ зрѣніемъ (какъ бы и оно доставляло пользу). Наполнены были торжища, переходы, вторыя и третьи жилья; тысячи всякаго рода и возраста людей, дотолѣ незнаемыхъ, то предшествовали, то сопровождали, то окружали одръ и тѣснили другъ друга. Псалмопѣнія заглушаемы были рыданіями; и любомудріе разрѣшилось горестію. Наши препирались съ посторонними, съ язычниками, съ іудеями, съ пришлецами, а они съ нами, о томъ, кто больше насладится зрѣлищемъ и извлечетъ для себя большую пользу. Скажу въ заключеніе, что горесть окончилась дѣйствительнымъ бѣдствіемъ: отъ тѣсноты, стремленія и волненія народнаго не малое число людей лишились жизни, и кончина ихъ была ублажаема, потому что преселились отсюда вмѣстѣ съ Василіемъ, и стали (какъ сказалъ бы иный усерднѣйшій) надгробными жертвами. Когда же тѣло съ

трудомъ укрѣлось отъ хищныхъ рукъ, и оставило позади себя сопровождающихъ; предается оно гробу отцевъ, и къ іереямъ прилагается архіерей, къ проповѣдникамъ — великій гласъ, оглашающій еще мой слухъ, къ мученикамъ — мученикъ.

И теперь онъ на небесахъ, тамъ, какъ думаю, приноситъ за насъ жертвы и молится за народъ (ибо, и оставивъ насъ, не вовсе оставилъ); а я — Григорій, полумертвый, полуосвѣченный, отторгнутый отъ великаго союза (какъ и свойственно разлученному съ Василиемъ), влекущій жизнь болѣзненную и неблагоуспѣшную, не знаю, чѣмъ кончу, оставшись безъ его руководства. Впрочемъ и донынѣ подаетъ онъ мнѣ совѣты, и если когда преступаю предѣлы должнаго, уцѣломудриваетъ меня въ ночныхъ видѣніяхъ.

(81) — Но если я примѣшиваю къ похваламъ слезы, живописую словомъ жизнь сего мужа, предлагаю будущимъ временамъ общую картину добродѣтели, для всѣхъ Церквей и душъ начертаніе спасенія, на которое взирая, какъ на одушевленный законъ, можемъ устроить жизнь: то вамъ, просвѣщеннымъ его ученіемъ, подамъ ли другой какой совѣтъ, кромѣ того, чтобы, всегда обращая взоръ къ нему, какъ-бы еще видающему васъ и вами видимому, у совершились вы духомъ! И такъ всѣ вы предстоящіе мнѣ, весь Василиевъ ликъ, всѣ служители алтаря, всѣ низшіе служители Церкви, всѣ духовные и мірскіе, приступите и составьте со мною похвалу Василию: пусть каждый расскажетъ объ одномъ какомъ-нибудь изъ его совершенствъ; пусть ищутъ въ немъ сѣдацие на престолахъ — за-

конодателя, гражданскіе начальники — градостроителя, простолюдины — учителя благочинія, ученые — наставника, дѣвы — невѣстоводителя, супруги — наставника въ цѣломудріи, пустынники — окрыляющаго, живущіе въ обществѣ — судію, любители простоты — путеводителя, ведущіе жизнь созерцательную — богослова, живущіе въ веселіи — узду, бѣдствующіе — утѣшеніе, сѣдина — жезлъ, юность — дѣтвоеженіе, нищета — снабдителя, обиліе — домостроителя. Думаю, что и вдовы восхваляютъ покровителя, сироты — отца, нищія — нищелюбца, странные — страннолюбца, братія — братолюбца, больные — врача, отъ всякой болѣзни подающаго врачевство, здравые — охранителя здравія, и всѣ — *всѣмъ бывшаго* *вся* (1 Кор. 9, 22.), да всѣхъ, или какъ можно большее число людей, приобщаетъ.

(12)

Сіе тебѣ, Василій, отъ меня, котораго голосъ былъ для тебя нѣкогда весьма пріятенъ, отъ меня — равнаго тебѣ саномъ и возрастомъ! И если оно близко къ достоинству; то сіе — твой даръ; ибо на тебя надѣясь, приступалъ я къ слову о тебѣ. Если же оно далеко отъ достоинства и гораздо ниже надеждъ; могъ ли что сдѣлать я, сокрушенный старостію, болѣзнію и скорбію о тебѣ? Впрочемъ и Богу угодно то, что по силамъ. Призри же на меня свыше, божественная и священная глава, и даннаго мнѣ, для моего вразумленія, *пакостника плоти* (2 Кор. 12, 7.) утиши твоими молитвами, или научи меня сносить его терпѣливо, и всю жизнь мою направь къ полезнѣйшему! А если преставлюсь, и тамъ прими мя въ кровы свои, чтобы, сожительствуя другъ съ другомъ, чище и

совершенно́е созерца́я святу́ю и блаженну́ю Троицу, о Которой нынѣ имѣемъ нѣкоторое познаніе, остави́ть намъ на семъ свое желаніе, и получи́ть сіе въ воздаяніе за то, что мы и ратовали и были ратуемы.

Таково тебѣ отъ меня слово! Кто же восхвалитъ меня, который послѣ тебя оставлю жизнь, если и доставлю слову нѣчто достойное похвалы, о Христвъ Исусъ Господъ нашемъ, Которому слава во вѣки? Аминь.

С Л О В О 44,

**НА НЕДЕЛЮ НОВУЮ, НА ВЕСНУ И НА ПАМЯТЬ
МУЧЕНИКА МАМАНТА.**

Древенъ и съ доброю цѣлю установленъ законъ чтить день Обновленія, лучше же сказать, съ днемъ Обновленія чтить новыя благодѣянія, и чтить не однажды, но многократно, всякій разъ какъ съ новымъ обращеніемъ года возвращается тотъ же день, дабы дарованное благо со временемъ не изгладилось изъ памяти, и не исчезло, потерявшись въ глубинѣ забвенія. Обновляются, какъ читаемъ у Исаи, *острови къ Богу* (41, 1.): что бы ни надлежало разумѣть подъ сими островами, а по моему мнѣнію разумѣть должно Церкви не давно устроенныя изъ язычниковъ, возникающія изъ горькаго невѣрія и получающія твердость удобовосходимую для Бога. Обновляется, у другаго Пророка, (Иерем. 1, 18.) *стѣна мѣдяна*, то-есть, какъ думаю, душа твердая и златовидная, новоутвержденная въ благочестіи. Мы имѣемъ повелѣніе *пѣть Господеви пѣснь нову* (Пс. 149, 1.), увлечены ли мы были грѣхомъ въ Вавилонъ, въ эту лукавую слитность, и потомъ счастливо возвратились во

Іерусалимъ, и какъ тамъ, бывъ не землѣ чуждой, не могли пѣть божественной пѣсни, такъ здѣсь составили и новую пѣснь и новый образъ жизни, или постоянно пребывали и преуспѣвали въ добрѣ, и иное уже совершили, а иное еще совершаемъ при помощи Святаго и обновляющаго Духа. Обновляется, и притомъ весьма великолѣпно, Скинія свидѣнія, которую Богъ показалъ, Веселіилъ совершилъ, а Моисей водрузилъ. Обновляется и царство Давидово, даже не однажды, но въ первый разъ при помазаніи, а въ другой—при провозглашеніи Давида царемъ. *Быша же обновленіа во Іеросалимѣхъ, и зима бѣ* (Іоан. 10, 22.), то-есть зима невѣрія. И пришелъ Іисусъ—Богъ и храмъ, Богъ вѣчный, храмъ новый, въ одинъ день разоряемый, въ три дня возстановляемый и пребывающій во вѣки, да буду я спасенъ, воззванъ отъ древняго паденія, и содѣлаюсь новою тварію, возсозданный таковымъ челоуѣколюбіемъ. Божественный Давидъ желаетъ сердца чистаго, въ немъ созидаемаго, и духа праваго, обновляемаго во утробѣ его, не потому, чтобы не имѣлъ (кому же и имѣть, какъ не великому Давиду?) но потому, что признаетъ новымъ настоящее непрестанно прилагаемое къ прошедшему. Но какая мнѣ нужда говорить о большемъ числѣ обновленій? Могу объяснить настоящее обновленіе, которое нынѣ празднуемъ—отъ смерти переходя къ жизни. Обновленіе, обновленіе нашъ праздникъ, братія; да повторяется сіе неоднократно отъ удовольствія! И какое еще обновленіе? Кто знаетъ, пусть научить сему, а не знающій да обновитъ слухъ!

Богъ есть свѣтъ неприступный, Онъ непрерывенъ, не начинался, не прекратится; Онъ неизмѣняемъ, вѣчно-сіяющъ и трисіятеленъ: не многіе (думаю же, едвали и не многіе) созерцаютъ Его во всей полнотѣ. Силы окружающія Бога и служебные духи—суть вторые свѣты, отблески Свѣта перваго. А свѣтъ, который у насъ, не только начался въ послѣдствіи, но пресѣкается ночью, и самъ равномерно пресѣкаетъ ночь. Онъ ввѣренъ зрѣнію, разлитъ въ воздухъ, и самъ пріемлетъ то, что отдаетъ; ибо доставляетъ зрѣнію возможность видѣть, и первый бываетъ видимъ посредствомъ зрѣнія, разлитый же вокругъ видимыхъ предметовъ сообщаетъ имъ видимость. Богъ, восхотѣвшій устроить сей міръ, который состоитъ изъ видимаго и невидимаго, и служить великимъ и дивнымъ проповѣдникомъ Его величія, сей Богъ для существъ присносущныхъ Самъ есть Свѣтъ, а не иной кто (ибо нуженъ ли свѣтъ вторичный для тѣхъ, которые имѣютъ Свѣтъ высочайшій?). А существа дольнія и насъ окружающія прежде всего осіяваетъ Онъ симъ видимымъ свѣтомъ. Ибо великому Свѣту прилично было начать мірозданіе сотвореніемъ свѣта, которымъ уничтожаетъ Онъ тму и бывшіе дотолѣ нестроеніе и безпорядокъ. И, какъ разсуждаю, въ-началѣ Богъ сотворилъ не этотъ органическій и солнечный свѣтъ, но не заключенный въ тѣлѣ и въ солнцѣ, а потомъ уже данный солнцу освѣщать всю вселенную. Когда для другихъ тварей осуществилъ Онъ прежде вещество, а въ-послѣдствіи облекъ въ форму, давъ каждому существу устройство частей, очертавіе и величину; тогда, чтобы содѣлать еще большее

чудо, осуществилъ здѣсь форму прежде вещества (ибо форма солнца—свѣтъ), а потомъ уже присовокупляетъ вещество, создавъ око дня, то-есть солнце. По сему къ днямъ причисляется нѣчто первое, второе, третье и такъ далѣе до дня седмаго, упокоевающаго отъ дѣлъ, и сими днями раздѣляется все сотворенное, приводимое въ устройство по неизреченнымъ законамъ, а не мгновенно производимое ¹²³ Всемогущимъ Словомъ, для Котораго помыслить или изречь значить уже совершить дѣло. Если же послѣднимъ явился въ міръ человекъ, почтенный Божіимъ рукотвореніемъ и образомъ; то сіе ни мало не удивительно: ибо для него, какъ для царя, надлежало приготовить царскую обитель, и потомъ уже ввести въ нее царя въ сопровожденіи всѣхъ тварей.

Итакъ, если бы мы пребыли тѣмъ, чѣмъ были, и сохранили заповѣдь, то сдѣлались бы тѣмъ, чѣмъ не были, и пришли бы къ древу жизни отъ древа познанія. Чѣмъ же бы мы сдѣлались? Безсмертными и близкими къ Богу. Но поелику завистию лукаваго *смерть въ міръ вниде* (Прем. Солом. 2, 24.) и овладѣла человекомъ чрезъ обольщеніе; то Богъ, ставъ человекомъ, страждетъ какъ человекъ, и унищаваетъ до воспріятія плоти, чтобы мы обогатились Его нищетою. Отсюда смерть, и гробъ, и воскресеніе. Отсюда новая тварь, и по праздникъ праздникъ; и я опять учредитель торжества, праздную обновленіе моего спасенія.

«Что же?» скажешь. «Развѣ не обновленія день былъ и первый Воскресный день, послѣдовавшій за оною священною и свѣтоносною ночью? Для чего

даешь сіе наименованіе нынѣшнему дню , о празд-
нолюбець, вымышляющій многія веселія?» — То былъ
день спасенія, а это день воспоминанія спасенія.
Тотъ день разграничиваетъ собою погребеніе и вос-
кресеніе , а этотъ есть чисто день новаго рожде-
нія, чтобы, какъ первое твореніе начинается днемъ
недѣльнымъ (а сіе видно изъ того, что седьмой отъ
него день дѣлается субботою, потому что онъ день
упокоенія отъ дѣлъ), такъ и второе твореніе начи-
налось опять тѣмъ же днемъ; потому что онъ есть
первый въ числѣ послѣдующихъ за нимъ, и осмый
въ числѣ предшествующихъ ему — день изъ высо-
кихъ высокій, изъ дивныхъ дивный; ибо ведетъ къ
горнему состоянію. О семъ днѣ, мнѣ кажется, га-
дательствуетъ и божественный Соломонъ, повелѣ-
вая давать *часть седмимъ*, то-есть настоящей
жизни, и *осмимъ* (Еккл. 11, 2.), то-есть жизни
будущей, какъ отъ здѣшняго благодѣланія, такъ и
отъ тамошняго возстановленія. Но и великій Да-
видъ въ честь сего же дня воспѣваетъ псалмы свои:
о *осмомъ* (Пс. 6 и 11.), такъ какъ сему же дню
обновленій воспѣваетъ другой псаломъ (29), име-
нующаго какое-то *обновленіе дому*; а сей домъ — мы,
которые удостоились быть, именоваться и содѣло-
ваться храмомъ Божиимъ.

Вотъ вамъ слово о днѣ Обновленія! Но и сами
обновитесь, и совлекшись ветхаго человѣка, во об-
новленіи жизни (Рим. 6, 4.) жительствуйте, нало-
живъ узду на все, отъ чего бываетъ смерть, об-
учивъ всѣ члены, возненавидѣвъ или излевавъ вся-
кую негодную снѣдь древа, и для того только на-
матую древнее, чтобы избѣгать его *Красень* на

видъ и добръ въ снѣдь былъ тотъ плодъ, который
 умертвилъ меня. Будемъ бѣгать доброцѣвности,
 станемъ смотрѣть на самихъ себя. *Да не попы-*
дять ты доброты похоть, ниже да восхитиши-
ся въждами (Притч. 6, 25.), если можно, даже и
 бѣлаго взгляда, помня Еву, сію сладкую приман-
 ку, драгоценную отраву. Спасетъ ли того чужая,
 кого погубила своя? Да не услаждается гортань
 твоя, въ которой бываетъ поглощено все, что да-
 ютъ ей, и многоцѣнное, прежде нежели ею приня-
 то, дѣлается ничего нестоящимъ по принятіи. Тебя
 изнѣжило обоняніе? бѣгай благовоній. Разслаби-
 ло осязаніе? откажись отъ всего, что гладко и
 мягко. Убѣдилъ слухъ? затвори двери всякой
 обольстительной и празднои бесѣды. *Отверзай уста*
твоя слову Божію (Притч. 31, 81.), чтобы при-
 влечь Духъ, а не похитить себѣ смерти. Если оболь-
 щаетъ тебя что-нибудь запрещенное, вспомни, кто
 ты былъ, и отъ чего погибъ. Если хотя нѣсколько
 уклонился ты отъ здраваго смысла; войди въ себя,
 пока не совершенно обезумѣлъ и подвергся смерти,
 изъ ветхаго стань новымъ, и празднои обновленіе
 души. Гнѣвъ питай на одного только змія, чрезъ
 котораго ты палъ. Всю вождельвательную силу
 твою устреми къ Богу, а не къ чему-либо иному
 злокозненному и обманчивому. Во всемъ да на-
чальствуетъ разсудокъ, и лучшее въ тебѣ да не
увлекается худшимъ. Не питай ненависти, и при-
 томъ безъ причины, къ брату своему, за котораго
 Христось умеръ и, будучи Богомъ и Владыкой,
 сталъ твоимъ братомъ. Не завидуй благоуспѣвшему
 ты, который самъ возбудилъ къ себѣ зависть, по-

вѣрилъ, что тебѣ завидуютъ, и чрезъ то низложенъ. Не презирай слезъ ты, который самъ претерпѣлъ достойное многихъ слезъ, и потомъ помилованъ. Не отталкивай отъ себя бѣднаго ты, который обогащенъ Божествомъ; въ противномъ случаѣ по крайней мѣрѣ не обогащайся во вредъ бѣдному; ибо и это уже много значить при нашей ненасытности. Не презирай странника, за котораго Христосъ былъ странникомъ (а у Христа всѣ мы странники и пришельцы), да не будешь по-прежнему устраненъ изъ рая. Нуждающемуся въ кровѣ, пищѣ и одеждѣ, доставь сіе ты, который пользуешься этимъ, и еще сверхъ нужды. Не люби богатства, если оно не помогаетъ бѣднымъ. Прощай — получившій прощеніе; милуй — помилованный. Человѣколюбіемъ приобрѣтай человѣколюбіе, пока есть къ тому время. Да обновится у тебя вся жизнь, да обновятся всѣ пути твоей дѣятельности. Живущія подъ игомъ супружества! дайте нѣчто и Богу, потому что вы связаны. Дѣвы! отдайте Богу все; потому что вы свободны. Не будьте хищницами рабскаго сластолюбія, избегающія свободы тѣмъ, что живете съ мужьями, хотя они вамъ не мужья. Не терплю, чтобы вы непрестанно страдали сладострастными воспоминаніями. Ненавижу знакомства чрезъ воздухъ. Сильные, убойтесь Сильнѣйшаго; сѣдящіе на высокихъ престолахъ, устращитесь Вышняго! Не дивись тому, что постоянно. Не презирай того, что постоянно. Не сжимай крѣпко того, что взятое въ руки расплывается. Не ревнуй о томъ, что достойно не зависти, а ненависти. Не возносьсь высоко, чтобы не пасть глубже. Не

„ставъ въ великое, что кажешься лучше худыхъ, но скорби, что превосходятъ тебя добрые. Не смѣйся паденію ближняго; самъ ходи, сколько можешь, не преткновенно, но и лежащему на землю подавай руку. Въ печали не теряй надежды на благоденствіе, и при успѣшномъ теченіи дѣлъ жди печали. Въ одинъ годъ бываютъ четыре годовыя времени; одно мгновеніе производитъ многіе перевороты. Удовольствіе да пресѣкается у тебя заботою, а скорбь—лучшею надеждою. Такъ обновляется чловѣкъ, такъ чувствуется день обновленія, такимъ наслажденіемъ, такими яствами. *Да не яви́шися, сказано, предо Мною (χεῖρός) тощъ* (Исх. 23, 15.), но принеси съ собою что-нибудь доброе. А теперь явился (*καὶνός*) новъ, съ иными нравами, всецѣло измѣненъ. *Древняя мимойдоша, се быша вся нова* (2 Кор. 5, 17.). Сіе плодоноси празднику, измѣнись добрымъ измѣненіемъ, и даже въ такомъ случаѣ не думай о себѣ высоко, но скажи съ Давидомъ: *сія измѣна десницы Вышняго* (Пс. 76, 11.), отъ Котораго все благоуспѣшное въ людяхъ. Слово Божіе хочетъ, чтобы ты не на одномъ мѣстѣ стоялъ, но былъ приснодвиженъ, благодвиженъ, совершенно новозданъ, и если согрѣшаешь, обращай отъ грѣха, а если благоуспѣваешь, еще болѣе напрыгадь силы. Вчера вѣра твоя была сообразна съ обстоятельствами времени, нынѣ познай вѣру Божію. *Доколь храмлешь на обѣ плеснь* (3 Цар. 18, 21.)? Долго ли будешь готовить нужное къ строенію? Займись наконецъ самою постройкою. Вчера вмѣнялъ ты себѣ въ честь казаться; нынѣ вмѣни въ большую себѣ честь быть тѣмъ на самомъ

дѣлѣ. Долго ли у тебя будутъ однѣ грезы? Поза-
 боться когда-нибудь и о дѣйствительности! Вчера
 ты былъ любителемъ зрѣлищъ; окажись нынѣ люби-
 телемъ созерцаній. Вчера былъ ты злорѣчивъ, наглъ,
 нынѣ говори одно доброе и будь кротокъ. Вчера пре-
 давался ты пїанству; нынѣ служи цѣломудрію. Нынѣ
 пьешь вино; завтра пей воду. Нынѣ *сладкосерд-*
ствуешь на одрѣхъ отъ костей слоновыхъ и ма-
жешься первыми вонями (Амос. 6, 4. 6.); завтра
 ложись на голой землѣ и бодрствуй. Изъ смѣюща-
 гося сдѣлайся задумчивымъ, вмѣсто щегольскихъ
 одеждъ надѣнь рубище, вмѣсто высокомѣрнаго и
 напыщеннаго вида прими простую наружность, изъ
 златоносца стань нищетолюбцемъ, изъ высококѣ-
 наго поникшимъ къ землѣ. Если такъ будешь раз-
 суждать и поступать; то будетъ небо новое и
 земля новая для тебя, постигающаго какъ прочее
 такъ и сему основаніе. =

Но перейдемъ уже и къ тому, чтобы воспразд-
 новать прилично времени. Ибо все прекрасно сте-
 кается къ торжеству и сорадуется. Смотри, каково
 видимое! Царица годовыхъ временъ исходитъ во
 срѣтеніе царицѣ дней, и приноситъ отъ себя въ
 даръ все, что есть прекраснѣйшаго и прїятнѣйшаго.
 Нынѣ небо прозрачно; нынѣ солнце выше и зла-
 товиднѣе, нынѣ кругъ луны свѣтлѣе и сонмъ звѣздъ
 чище. Нынѣ вступаютъ въ примиреніе волны съ
 берегами, облака съ солнцемъ, вѣтры съ воздухомъ,
 земля съ растеніями, растенія со взорами. Нынѣ
 источники струятся прозрачнѣе, нынѣ рѣки текутъ
 обильнѣе, разрѣшившись отъ зимнихъ узъ; лугъ
 благоухаетъ, растеніе цвѣтетъ, трава посѣкается, и

агнцы скачуть на злчныхъ поляхъ. Уже корабль выводится изъ пристани съ восклицаніями, при томъ большею частію богоугодными, и окривляется парусомъ; дельфинъ, съ возможнымъ удовольствіемъ перевода дыханіе и поднимаясь на-верхъ, играетъ около корабля и неумоимо сопровождаетъ пловцевъ. Уже земледѣлецъ водружаетъ въ землю плугъ, возводя взоръ горѣ и призывая въ помощь Подателя плодовъ; уже ведетъ онъ подъ ярмо вола—оратая, нарѣзываетъ пышную борозду, и веселится надеждами. Уже пасущіе овецъ и воловъ настраиваютъ свирѣли, наигрываютъ пастушескую пѣснь, и встрѣчаютъ весну подъ деревьями и на утесахъ; уже садовникъ ухаживаетъ за деревьями; птицеловъ заготавливаетъ клетки, осматриваетъ лучки, замѣчаетъ полетъ птицъ; рыболовъ всматривается въ глубины, очищаетъ сѣти, и сидитъ на камняхъ. Уже трудолюбивая пчела, расправивъ крылья и оставивъ улей, показываетъ свою мудрость, летаетъ по лугамъ, собираетъ добычу съ цвѣтовъ, и иная обдѣлываетъ соты, переплетая шестиугольные и одна на другую опрокинутыя чашечки, и смыкая ихъ попеременно, то прямо, то подъ угломъ, вмѣстѣ для красоты и для прочности; а иная складываетъ медъ въ сіи хранилища, и воздѣмываетъ для пришлаго гостя сладкій и безъ плуга возвращенный плодъ. О если бы поступали такъ и мы, Христовъ пчельникъ, мы—имѣющіе передъ собою такой образецъ мудрости и трудолюбія! Уже птица вьетъ себѣ гнѣздо; одна прилетаетъ въ него временно, другая живетъ въ немъ постоянно, а иная летаетъ вокругъ, оглашаетъ лѣсъ и

какъ-бы разговариваетъ съ человѣкомъ. Все воспѣваетъ Бога и славить Его безсловесными гласами. И чрезъ меня за все приносится благодареніе Богу. Такимъ образомъ хвалебная ихъ пѣснь дѣлается моею, отъ нихъ и я беру поводъ къ пѣснословію. Ибо нынѣ выражаетъ радость свою все живущее, и у насъ наслаждается всякое чувство. Нынѣ высоковынный и рыный конь, наскучивъ стоять подъ кровлей и разорвавъ привязь, скачетъ по полю и красуется при рѣкахъ.

Что еще? Нынѣ Мученики подъ открытымъ небомъ совершаютъ торжественное шествіе, къ свѣтлымъ алтарямъ созываютъ народъ христілюбивый и возвѣщаютъ свои подвиги. Къ ихъ числу принадлежатъ и мой вѣнценосецъ (онъ мой, хотя и не у меня: да падетъ зависть! говорю знающимъ), знаменитѣйшій Мамантъ, и пастырь и мученикъ. Онъ прежде доилъ ланей, которыя одна предъ другою поспѣшали напитать праведника необыкновеннымъ млекою; а теперь пасетъ народъ матери градовъ, и сегодня, среди многихъ тысячъ отвсюду поспѣшающихъ людей, празднуетъ обновленіе весны,—какъ отличающейся красотами добродѣтелей, такъ достойной Пастырей и торжественныхъ словъ.

Скажу еще короче: нынѣ весна естественная, весна духовная, весна для душъ, весна для тѣлъ, весна видимая, весна невидимая; и о если бы мы сподобились ея тамъ, прекрасно измѣнившись здѣсь, и обновленными преиди въ новую жизнь, о Христе Іисусе Господѣ нашемъ, Которому всякая слава и честь и держава со Святымъ Духомъ, во славу Бога Отца, аминь!

С Л О В О 45,

НА СВЯТУЮ ПАСХУ.

На стражи моей стану, говоритъ чудный Аввакумъ (2, 1.). Стану съ нимъ нынѣ и я, по даннымъ мнѣ отъ Духа власти и созерцанію; *посмотрю* и узнаю, что будетъ мнѣ показано и что *возглажено*. Я стоялъ и смотрѣлъ: и вотъ мужъ восшедшій на облака, мужъ весьма высокій, и *образъ его яко образъ Ангела* (Суд. 13, 6.), и одежда его, какъ блистаніе мимолетающей молніи. Онъ *воздѣлъ* руку къ востоку, воскликнулъ громкимъ голосомъ (а гласъ его, какъ гласъ трубы, и вокругъ его какъ-бы множество вой небесныхъ) и сказалъ: «нынѣ спасеніе міру, міру видимому и міру невидимому! Христось изъ мертвыхъ, — *возстаньте съ Нимъ* и вы; Христось во славу Своей, — *восходите* и вы; Христось изъ гроба, — *освобождайтесь отъ узъ грѣха*; отверзаются врата ада, истребляется смерть, отлагается ветхій Адамъ, совершается новый: *аще кто во Христѣ, нова тварь* (2 Кор. 5, 17.); *обновляйтесь*». Такъ говорилъ онъ, а другіе воспѣли

то же, что и прежде, когда явился намъ Христосъ чрезъ долнее рожденіе: *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во чловѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. 2, 14.).

Съ ними и я (о если бы имѣть мнѣ и голосъ достойный ангельской пѣсни, и оглашающій концъ міра!) вѣщаю вамъ такъ: Пасха, Господня Пасха! и еще скажу въ честь Троицы: Пасха! Она у насъ праздниковъ праздникъ и торжество торжество; столько превосходитъ всѣ торжества, не только чловѣческія и земныя, но даже Христовы и для Христа совершаемыя, сколько солнце превосходитъ звѣзды. Прекрасно у насъ и вчера блистало и осіявалось все свѣтомъ, какимъ наполнили мы и частныя дома и мѣста общественныя, когда люди, всякаго почти рода и всякаго званія, щедрыми огнями просвѣтили ночь, въ образъ великаго свѣта, свѣта, какимъ небо сіяетъ свыше, озаряя цѣлый міръ своими красотами; свѣта премірнаго, который въ Ангелахъ, первой свѣтлой природѣ послѣ Перваго Естества, изъ Него исходитъ, — и Свѣта въ Троицѣ, Которою составленъ всякій свѣтъ, отъ недѣлимаго Свѣта раздѣляемый и украшаемый. Но прекраснѣе и блистательнѣе нынѣшня свѣтозарность: потому что вчерашній свѣтъ былъ предтечею великаго воскресшаго Свѣта, и какъ-бы предпразднственнымъ веселіемъ; а нынѣ празднуемъ самое воскресеніе, не ожидаемое еще, но уже совершившееся и примиряющее собою весь міръ.

Посему иные пусть принесутъ какіе ни есть другіе плоды, и всякій пусть предложитъ времени свой даръ — даръ праздничный, большой или

малый, но духовный и Богу угодный, сколько у каждого достанетъ на то силъ. Ибо даръ соразмѣрный достоинству едва ли принесутъ и Ангелы — существа первыя, духовныя и чистыя, зрители и свидѣтели горней славы, хотя они способны къ совершеннѣйшему пѣснословію. А я принесу въ даръ слово, какъ лучшее и драгоцѣннѣйшее изъ всего, что имѣю, наипаче же, когда воспѣваю Слово за благодареніе къ разумному естеству. Съ сего и начну. Ибо, принося въ жертву слово о великой Жертвѣ и о величайшемъ изъ дней, не могу не востечь къ Богу и не въ Немъ положить для себя начало. И вы, услаждающіеся подобными предметами, чтобы выйдти вамъ отсель насладившимися дѣйствительно неудобостоцаемымъ, поелику слово у меня о Богѣ и божественно, очистите и умъ, и слухъ, и мысль. Слово же будетъ самое полное и вмѣстѣ самое краткое; какъ не огорчить недостаткомъ, такъ не наскучить и излишествомъ.

Богъ всегда былъ, есть и будетъ, или лучше сказать, всегда есть: ибо слова: былъ и будетъ, означаютъ дѣленія нашего времени и свойственны естеству переходящему: а Сый — всегда. И симъ именемъ именуетъ Онъ Самъ Себя, бесѣдуя съ Моисеемъ на горѣ (Исх. 3, 14.); потому что сосредоточиваетъ въ Себѣ Самомъ всецѣлое бытіе, которое не начиналось и не прекратится. Какъ нѣкое море сущности не опредѣленное и безконечное, простирающееся за предѣлы всякаго представленія о времени и ествѣ, однимъ умомъ (и то весьма не ясно и недостаточно — не въ-разсужденіи того, что есть въ Немъ Самомъ, но въ-разсужденіи того, что

окрестъ Его), чрезъ набрасываніе нѣкоторыхъ очертаній, отгѣняется Онъ въ одинъ какой-то обликъ дѣйствительности, убѣгающій прежде, нежели будетъ уловленъ, и ускользящей прежде, нежели умопредставленъ, столько же осіявающій владычественное въ насъ, если оно очищено, сколько быстрота летящей молніи осіяваетъ взоръ. И сіе, кажется мнѣ, для того, чтобы постигаемымъ привлекать къ Себѣ (ибо совершенно непостижимое безнадежно и недоступно), а не постижимымъ приводить въ удивленіе, чрезъ удивленіе же возбуждать большее желаніе, и чрезъ желаніе очищать, а чрезъ очищеніе содѣлывать богоподобными; и когда содѣлаемся такими, уже бесѣдовать какъ съ присными (дерзнуть слово изречь нѣчто смѣлое) — бесѣдовать Богу, вступившему въ единеніе съ богами и познанному ими, можетъ-быть столько же, сколько Онъ знаетъ познающихъ Имъ (1 Кор. 13, 12.).

Итакъ Божество безпредѣльно и неудобосозерцаемо. Въ немъ совершенно постижимо сіе одно — Его безпредѣльность; хотя иной и почитаетъ принадлежностію простаго естества — быть или во все непостижимымъ, или совершенно-постижимымъ. Но изслѣдуемъ, что составляетъ сущность простаго естества; потому что простота не составляетъ еще его естества, точно такъ же, какъ и въ сложныхъ существахъ не составляетъ естества одна только сложность. Разумъ, разсматривая безпредѣльное въ двухъ отношеніяхъ — въ отношеніи къ началу и въ отношеніи къ концу (ибо безпредѣльное простирается далѣе начала и конца, и не заключается между ними), когда устремить взоръ свой на горнюю

бездну, и не находить, на чемъ остановиться, или гдѣ положить предѣлъ своимъ представленіямъ о Богѣ, тогда безпредѣльное и неизслѣдимое называется безначальнымъ; а когда, устремившись въ дольную бездну, испытываетъ подобное прежнему, тогда называетъ его безсмертнымъ и нетлѣннымъ; когда же сводить въ единство то и другое, тогда именуетъ вѣчнымъ; ибо вѣчность не есть ни время, ни часть времени, потому что она неизмѣрима. Но что для насъ время, измѣряемое теченіемъ солнца, то для вѣчныхъ вѣчность, нѣчто спротяженное съ вѣчными существами и какъ-бы нѣкоторое временное движеніе и разстояніе.

Симъ да ограничится нынѣ любомудрствованіе наше о Богѣ; потому что нѣтъ времени распространяться, и предметъ моего слова составляетъ не богословіе, но Божіе домостроительство. Когда же именую Бога; разумѣю Отца и Сына и Святаго Духа, какъ не разливая Божества далѣе сего числа Лиць, чтобы не ввести множества боговъ, такъ не ограничивая меньшимъ числомъ, чтобы не осуждали насъ въ скудости Божества, когда впадемъ или въ іудейство, защищая единоначаліе, или въ язычество, защищая многоначаліе. Въ обоихъ случаяхъ зло равно, хотя отъ противоположныхъ причинъ. Таково Святое-Святыхъ, сокрываемое и отъ самыхъ Серафимовъ и прославляемое тремя Святынями, которыя сходятся въ единое Господство и Божество, о чемъ другой нѣкто прекрасно и весьма высоко любомудрствовалъ прежде насъ.

Но поелику для Благости не довольно было упражняться только въ созерцаніи Себя самой, а надле-

жало, чтобы благо разливалось, шло далѣе и далѣе, чтобы число облагодѣтельствованныхъ было, какъ можно, большее (ибо сіе свойственно высочайшей Благодати); то Богъ измышляетъ, во-первыхъ, Ангельскія и небесныя силы. И мысль стала дѣломъ, которое исполнено Словомъ и совершено Духомъ. Такъ произошли вторыя свѣтлости, служители первой Свѣтлости, разумѣть ли подъ ними разумныхъ духовъ, или какъ-бы невещественный и безплотный огонь, или другое какое естество, наиболѣе близкое къ сказаннымъ. Хотѣлъ бы я сказать, что они неподвижны на зло и имѣютъ только движеніе къ добру, какъ сущіе окрестъ Бога и непосредственно озаряемые отъ Бога (ибо земное пользуется вторичнымъ озареніемъ); но признавать и называть ихъ не неподвижными, а неудободвижными, убѣждаетъ меня Денница — по свѣтлости, а за превозношеніе ставшій и называемый тмою, съ подчиненными ему богоотступными силами, которыя чрезъ свое удаленіе отъ добра стали виновниками зла, и насъ въ оное вовлекаютъ. Такъ и по такимъ причинамъ сотворенъ Богомъ умный міръ, сколько могу о семъ любуясь, малымъ умомъ взвѣсивая великое.

Поелику же первыя твари были благоугодны Богу; то измышляетъ другой міръ — вещественный и видимый; и это есть стройный составъ неба, земли и того, что между ними, удивительный по прекраснымъ качествамъ каждой вещи, и еще болѣе достойный удивленія по стройности и согласію цѣлаго, въ которомъ, и одно къ другому и все ко всему, состоитъ въ прекрасномъ соотношеніи, служа

Зрѣт

къ полнотѣ единого міра. А симъ Богъ показалъ, что Онъ силенъ сотворить не только сродное, но и совершенно чуждое Себѣ естество. Сродны же Божеству природы умныя и однимъ умомъ постигаемыя, совершенно же чужды твари подлежащія чувствамъ, а и изъ сихъ послѣднихъ еще далѣе отстоять отъ Божественнаго естества твари вовсе неодушевленные и недвижимыя.

Итакъ умъ и чувство, столь различныя между собою, стали въ своихъ предѣлахъ, и изразили собою величіе Зиждительнаго Слова, какъ безмолвныя хвалители и ясноглаголивые проповѣдники великолѣпія. Но еще не было смѣшенія изъ ума и чувства, сочетанія противоположныхъ — сего опыта высшей Премудрости, сей щедрости въ образованіи естествъ; и не все богатство Благости было еще обнаружено. Восхотѣвъ и сіе показать, художническое Слово созидаетъ живое существо, въ которомъ приведены въ единство то и другое, то-есть невидимое и видимая природа, созидаетъ, говорю, челоуѣка; и изъ сотвореннаго уже вещества взявъ тѣло, а отъ Себя вложивъ жизнь (что въ словѣ Божіемъ извѣстно подъ именемъ души и образа Божія), творить какъ-бы нѣкоторый вторый міръ, въ маломъ великій; поставляетъ на землѣ инаго ангела, изъ разныхъ природъ составленнаго поклонника, зрителя видимой твари, таинника твари умосозерцаемой, царя надъ тѣмъ, что на землѣ, подчиненнаго горнему царству, земнаго и небеснаго, временнаго и безсмертнаго, видимаго и умосозерцаемаго, ангела, который занимаетъ средину между величіемъ и низостию, одинъ и тотъ же есть духъ и плоть, —

духъ ради благодати, плоть ради превозношенія, духъ, чтобы пребывать и прославлять Благодѣтеля, плоть, чтобы страдать, и страдая припомянуть и поучаться, сколько ущедренъ онъ величіемъ; творить живое существо, здѣсь предуготовляемое и преселяемое въ иной міръ, и (что составляетъ конецъ тайны) чрезъ стремленіе къ Богу достигающее обоженія. Ибо умѣряемый здѣсь свѣтъ истинны служитъ для меня къ тому, чтобы видѣть и сносить свѣтлость Божію, достойную Того, Кто связуетъ и разрѣшаетъ, и опять совокупить превосходнѣйшимъ образомъ.

Сего человѣка, почтивъ свободою, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чѣмъ и вложившему сѣмена онаго, Богъ поставилъ въ рай (что бы ни значилъ сей рай) дѣлателемъ безсмертныхъ растеній — можетъ-быть божественныхъ помысловъ, какъ простыхъ, такъ и болѣе совершенныхъ, поставилъ нагимъ по простотѣ и безыскусственной жизни, безъ всякаго покровя и огражденія, ибо таковымъ надлежало быть первозданному. Даетъ и законъ для упражненія свободы. Закономъ же была заповѣдь: какими растеніями ему пользоваться, и какого растенія не касаться. А послѣднимъ было древо познанія, и насажденное въ-началѣ не злонамѣренно, и запрещенное не по зависти (да не отверзаютъ при семь устъ богоборцы, и да не подражаютъ змію!); напротивъ того оно было хорошо для употребляющихъ благовременно (потому что древо сіе, по моему умозрѣнію, было созерцаніе, къ которому безопасно приступать могутъ только опытно усовершенствовавшіеся), но не хорошо для

простыхъ еще и для неумѣренныхъ въ своемъ желаніи, подобно какъ и совершенная пища не полезна для слабыхъ и требующихъ молока.

Когда же, по зависти діавола и по обольщенію жены, которому она сама подверглась какъ слабѣйшая, и которое произвела какъ искусная въ убѣжденіи (о немощь моя! ибо немощь прародителя есть и моя собственная), человекъ забылъ данную ему заповѣдь и побѣжденъ горькимъ вкушеніемъ; тогда чрезъ грѣхъ дѣлается онъ изгнанникомъ, удаляемымъ въ одно время и отъ древа жизни, и изъ рая, и отъ Бога, облекается въ кожанья ризы (можетъ быть въ грубѣйшую, смертную и противоборствующую плоть), въ первый разъ познаетъ собственный стыдъ, и укрывается отъ Бога. Впрочемъ и здѣсь пріобрѣтаетъ нѣчто, именно смерть — въ преступленіе грѣха, чтобы зло не стало бессмертнымъ. Такимъ образомъ самое наказаніе дѣлается человеколюбимъ. Ибо такъ, въ чемъ я увѣренъ, наказываетъ Богъ.

Но въ прегражденіе многихъ грѣховъ, какіе произрасталъ корень поврежденія отъ разныхъ причинъ и въ разныя времена, человекъ и прежде вразумляемъ былъ многообразно: словомъ, Закономъ, Пророками, благодареніями, угрозами, карами, наводненіями, пожарами, войнами, побѣдами, пораженіями, знаменіями небесными, знаменіями въ воздухѣ, на землѣ, на морѣ, неожиданными переворотами въ судьбѣ людей, городовъ, народовъ (все сіе имѣло цѣлю загладить поврежденіе); наконецъ стало нужно сильнѣйшее врачевство, по причинѣ сильнѣйшихъ педуговъ: человекоубійствъ, прелюбо-

дѣяній, клятвопреступленій, муженеистовства, и сего послѣдняго и перваго изъ всѣхъ золъ—идолослуженія и поклоненія твари вмѣсто Творца. Поелику все сіе требовало сильнѣйшаго пособія; то и подается сильнѣйшее. И оно было слѣдующее.

Само Божіе Слово, превѣчное, невидимое, непостижимое, безтѣлесное, Начало отъ Начала, Свѣтъ отъ Свѣта, Источникъ жизни и безсмертія, Отпечатокъ Первообраза, Печать не переносимая, Образъ неизмѣняемый, опредѣленіе и слово Отца, приходитъ къ Своему образу, носитъ плоть ради плоти, соединяется съ разумною душою ради моей души, очищая подобное подобнымъ, дѣлается человѣкомъ по всему, кромѣ грѣха. Хотя чревоноситъ Дѣва, въ которой душа и тѣло предочищены Духомъ (ибо надлежало и рожденіе почтить, и дѣвство предпочесть); однако же Происшедшій есть Богъ и съ воспринятымъ (а) отъ Него, единое изъ двухъ противоположныхъ—плоти и Духа, изъ которыхъ Одинъ обожилъ, другая обожена.

О новое смѣшеніе! о чудное раствореніе! Сый начинаетъ бытіе; Несозданный созидается; Необъемлемый объемлется чрезъ разумную душу, посредствующую между Божествомъ и грубою плотію; Богатѣй обнищаетъ — обнищаетъ до плоти моей, чтобы мнѣ обогатиться Его Божествомъ; Исполненный истощается—истощается не надолго въ славѣ Своей, чтобы мнѣ быть причастникомъ полно-

(а) Человѣческимъ естествомъ.

ты Его. Какое богатство благодати! Что это за таинство о мнѣ? Я получилъ образъ Божій, и не сохранилъ его; Онъ воспринимаетъ мою плоть, чтобы и образъ спасти, и плоть обезсмертить. Онъ вступаетъ во второе съ нами общеніе, которое гораздо чуднѣе перваго, поколику тогда даровалъ намъ лучшее, а теперь воспріемлетъ худшее; но сіе болѣе перваго, сіе выше для имѣющихъ умъ.

«Но что намъ до сего?» — скажетъ, можетъ-быть, какой-нибудь чрезъ-мѣру ревностный любитель праздниковъ. «Гони коня къ цѣли, — любомудрствуй о томъ, что относится къ празднику, и для чего собрались мы нынѣ.» Такъ и сдѣлаю, хотя началъ нѣсколько отдаленно, къ чему принужденъ усердіемъ и словомъ.

Для любителей учености и изящества не худо, можетъ-быть, кратко разобрать наименованіе самой Пасхи; ибо такое отступленіе будетъ не недостойно слышанія. Великая и досточтимая Пасха называется у Евреевъ пасхою на ихъ языкѣ (гдѣ слово сіе значитъ: прехожденіе) — исторически, по причинѣ бѣгства и преселенія изъ Египта въ Хананею, а духовно, по причинѣ прехожденія и восхожденія отъ дольняго къ горнему и въ землю обѣтованія. Но на многихъ мѣстахъ Писанія находимъ встрѣчающимся, что нѣкоторыя названія изъ неясныхъ измѣнены въ яснѣйшія, или изъ грубыхъ въ благоприличнѣйшія; то же усматриваемъ и здѣсь. Ибо нѣкоторые, принявъ слово сіе за наименованіе спасительнаго страданія, потомъ приспособивъ къ эллинскому языку, по перемѣненіи Ф на П, и К на Х,

наименовали день сей Пасхою (б). А привычка къ измѣненному слову сдѣлала его употребительнѣйшимъ; потому что оно нравилось слуху народа, какъ реченіе болѣе благочестное.

Божественный Апостолъ прежде насъ еще сказалъ, что весь Законъ есть *стѣнь грядущихъ* (Кол. 2, 17.) и умопредставляемаго. И Богъ, глаголавшій съ Моисеемъ, когда давалъ о семъ законы, говорить: *виждь, да сотвориши* вся по образу показанному тебѣ на горѣ (Исх. 25, 40.), давая симъ разумѣть, что видимое есть нѣкоторый оттънокъ и предназначеніе невидимаго. И я увѣренъ, что ничего не установлено было напрасно, безъ основанія, съ цѣлюю низкою и недостойною Божія законодательства и Моисеева служенія, хотя и трудно для каждой тѣни изобрѣсть особое умозрѣніе, объясняющее всѣ подробности узаконеннаго касательно самой скинии, мѣрѣ, вещества, левитовъ носившихъ ее и служившихъ при ней, и касательно жертвъ, очищеній и приношеній. Сіе удобосозерцаемо только для тѣхъ, которые подобны Моисею добродѣтелю, и наиболѣе приближаются къ нему ученостию. Ибо и на самой горѣ является Богъ человѣкамъ, частію Самъ нисходя съ Своей высоты, а частію насъ возводя отъ дольней низости, чтобы Недостижимый былъ постигнутъ смертною природою, хотя въ малой мѣрѣ и сколько для ней безопасно. Да и невозможно, чтобы дебелость перстнаго тѣла и ума — узника постигала Бога иначе, какъ при Божіемъ пособіи. Посему и тогда не всѣ, какъ извѣстно,

(б) Отъ *пасхоу*, стражду.

удостоены одинакаго чина и мѣста; но одинъ удостоенъ того, а другой—другаго, каждый же, какъ думаю, по мѣрѣ своего очищенія. А иные и совершенно были удалены, и получили дозволеніе слышать одинъ гласъ свыше; это тѣ, которые нравами уподоблялись звѣрямъ и недостойны были божественныхъ таинствъ. Впрочемъ мы, избравъ средину между тѣми, которые совершенно грубы умомъ, и тѣми, которые слишкомъ предаются умозрѣніямъ и пареніямъ ума, чтобы не остаться вовсе недѣтельными и неподвижными, а также и не стать пытливыми сверхъ мѣры, не уклониться и не удалиться отъ предположеннаго предмета (одно было бы вѣчто іудейское и низкое, другое же походило бы на толкованіе сновъ; а то и другое равно предосудительно), будемъ бесѣдовать о семъ по мѣрѣ возможности, не вдаваясь въ крайнія нелѣпости, достойныя осмѣянія.

Разсуждаю же такъ. Поелику насъ, которые въ началѣ пали чрезъ грѣхъ и сластолюбіемъ вовлечены даже въ идолопоклонство и незаконное кровопролитіе, надлежало опять возвести и привести въ первобытное состояніе, по великому милосердію Бога, Отца нашего, не потервѣвшаго, чтобы оставалось поврежденнымъ такое произведеніе руки Его — человѣкъ: то какимъ образомъ возсозидается онъ? и что при семъ происходитъ? Не одобрено сильное врачевство, какъ невѣрное и способное произвести новыя раны, по причинѣ затвердѣвшей отъ времени опухоли; усмотрѣнь же для исправленія кроткій и человѣколюбивый способъ врачеванія; потому что и кривая вѣтвь не выноситъ внезапна-

го перегиба и усилія спрямляющей руки, и скорѣе может переломиться, нежели выпрямиться. Горячій и старый конь не терпитъ мучительной узды безъ какой-нибудь лести и ласки. Посему дается намъ въ помощь Законъ, какъ-бы стѣна поставленная между Богомъ и идолами, чтобъ отводить отъ идоловъ и приводить насъ къ Богу. И въ началѣ позволяетъ онъ иное маловажное, чтобы приобрѣсть важнѣйшее. Дозволяетъ пока жертвы, чтобы возстановить въ насъ вѣдѣніе о Богѣ. Потомъ, когда наступило время, отмѣняетъ и жертвы, постепенными лишеніями премудро измѣняя насъ, и навывшихъ уже къ благопокорности приводя къ Евангелію. Такъ и на сей конецъ взошелъ писанный Законъ, собирающій насъ ко Христу; и такова, по моему разсужденію, причина жертвъ!

Но чтобы позналъ ты глубину мудрости и богатство неизслѣдимыхъ судовъ Божіихъ, самая жертвы не оставилъ Богъ вовсе неосвященными, несовершенными и ограничивающимися однимъ пролитіемъ крови; но къ подзаконнымъ жертвамъ присоединяется великая и относительно къ первому Естеству, такъ сказать, незакалаемая Жертва—очищеніе не малой части вселенной, и не на малое время, но цѣлаго міра и вѣчное. Для сего берется овца (Исх. 12, 5.) по незлобію и какъ одѣніе древней наготы; ибо такова Жертва за насъ принесенная, которая есть и именуется одеждою нетлѣнія. Совершенно, не только по Божеству, въ сравненіи съ Которымъ ничего нѣтъ совершеннѣе, но и по воспріятому естеству, которое помазано Божествомъ, стало тѣмъ же съ Помазавшимъ и, осмѣ-

люсь сказать, купно-Богомъ. *Мужескъ полъ*; потому что приносится за Адама, лучше же сказать, потому что крѣпче крѣпкаго, перваго падшаго подъ грѣхъ, особенно же потому что не имѣеть въ Себѣ ничего женскаго, несвойственнаго мужу, а напротивъ того, по великой власти, силою расторгаетъ дѣвственныя и матернія узы, и рождается отъ пророчицы мужескъ полъ, какъ благовѣствуетъ Исаія (Ис. 8, 3.). *Единоольтно*, какъ *солнце правды* (Мал. 4, 2.), или оттолѣ (в) выходящее, или описываемое видимымъ и къ Себѣ возвращающееся, и какъ *благословенный вѣнецъ благодати* (Пс. 64, 12.), повсюду Самъ Себѣ равный и подобный, а сверхъ сего и какъ то, чѣмъ оживотворяется кругъ добродѣтелей, непримѣтно между собою сливающихся и растворяющихся по закону взаимности и порядка. *Непорочно* и нескверно; потому что врачуетъ отъ позора и отъ недостатковъ и сквернъ, произведенныхъ поврежденіемъ; ибо хотя воспринялъ на Себя наши грѣхи и понесъ болѣзни, но Самъ не подвергся ничему, требующему уврачеванія. *Искушенъ* былъ по *всяческимъ* по подобію нашему, но *развѣ грѣха* (Евр. 4, 15.); потому что гонитель *Свѣта*, Который во тмѣ свѣтитсѣ, *Его не объятъ* (Іоан. 1, 5.). Чтò еще? Упоминается *первый мѣсяцъ*, или лучше сказать, *начало мѣсяцей* (Исх. 12, 2.), или потому что онъ былъ такимъ у Евреевъ издавна, или потому что сдѣлался такимъ въ-послѣдствіи, съ сего именно времени, и отъ таинства принялъ наименование перваго. *Въ деслтый мѣсяца* (3) —

(в) Съ небесъ.

это самое полное изъ числъ, первая изъ единицъ совершенная единица, и родительница совершенства. Соблюдается до пятого дня (6); можетъ-быть потому что жертва моя есть очистительная для чувствъ, отъ которыхъ мое паденіе и въ которыхъ брань, такъ какъ они приѣмлютъ въ себя жало грѣха. Избирается же не *отъ агнецъ* только, но и изъ худшей природы, изъ стоящихъ по лѣвую руку, *отъ козлищъ* (5); потому что закалается не за праведныхъ только, но и за грѣшныхъ, и за послѣднихъ, можетъ-быть, тѣмъ паче, что имѣемъ нужду въ большемъ челоуколюбіи. Ни мало же не удивительно, что особенно требуется овца по каждому дому, а если нѣтъ, то по бѣдности чрезъ складчину *по домоу отечества*. Ибо всего лучше, чтобы каждый самъ собою достаточенъ былъ къ приобрѣтенію совершенства, и зовущему Богу приносилъ жертву живую, святую, всегда и во всемъ освящаемую. Если же нѣтъ; то долженъ употребить къ сему содѣйственниками сродныхъ ему по добродѣтели и по добонравныхъ. Сіе, какъ думаю, значить, въ случаѣ нужды, приобщать къ жертвѣ сосѣдей. Потомъ священная ночь, противоборница этой ночи — настоящей слитной жизни, ночь, въ которую истребляется первородная тма, все приходитъ во свѣтъ, въ порядокъ и въ свой видъ, прежнее безобразіе приѣмлетъ благообразность. Потомъ бѣжимъ отъ Египта, мрачнаго гонителя — грѣха, бѣжимъ отъ Фараона, невидимаго мучителя и отъ немилосердныхъ приставниковъ, преселяясь въ горній міръ; освобождаемся отъ *бренія* и *плинодъланія*, отъ состава сей тлѣнной и поплзновенной плоти, всего чаще имъ чѣмъ

не управляемой кромѣ бранныхъ помысловъ. Потомъ закалается агнецъ, и честною кровію печатлѣются дѣла и умъ, или сила и дѣятельность — сіи *подвои* (7) нашихъ дверей, разумію движенія мысли и мнѣнія, прекрасно отверзаемая и заключаемая умозрѣніемъ; потому что и для понятій есть нѣкоторая мѣра. Потомъ послѣдняя и тягчайшая казнь гонителямъ, подлинно достойная ночи: Египетъ плачетъ надъ первенцами собственныхъ помысловъ и дѣлъ (что называется въ Писаніи племенемъ халдейскимъ отъятымъ (Ис. 48, 14.) и вавилонскими младенцами, разбиваемыми и сокрушаемыми о камень, Пс. 136, 9.). Вездѣ у Египтянъ рыданіе и вопль; а отъ насъ отступить тогда ихъ губитель, чти помазаніе и страшась его. Потомъ отъятіе кваса въ продолженіе седми дней (число самое таинственное и состоящее въ близкомъ отношеніи къ сему міру), отъятіе давняго и застарѣваго поврежденія (а не хлѣбной и жизненной закваски), чтобы не имѣть при себѣ въ пути египетскаго теста и остатковъ фарисейскаго и безбожнаго ученія. Египтяне будутъ плакать; а нами да снѣтся агнецъ *къ вечеру* (6); потому что при концѣ вѣковъ страданіе Христово. И Христось, разрушая грѣховную тму, вечеромъ пріобщаетъ учениковъ таинству. Не *вареный*, но *печеный* (8. 9.), чтобы у насъ въ словѣ не было ничего необдуманнаго и водянистаго и удобно-распускающагося, но чтобы оно было твердо и плотно, искушено огнемъ очистительнымъ, свободно отъ всего грубаго и излишняго, чтобы добрыми углями, воспламеняющими и очищающими нашу мысленную способность, по-

могъ намъ Пришедшій огня воврещи на землю (Лук. 12, 49.), которымъ потребляются худые навыки, и Поспѣшающей возжечь его. А что въ словѣ плотянаго и питательнаго, пусть будетъ снѣдено и потреблено съ внутренностями и сокровенностями ума, и подвергнуто духовному переваренію — все до головы и до ногъ, то-есть до первыхъ умозрѣній о Божествѣ и до послѣднихъ разсужденій о воплощеніи. Но ничего не вынесемъ, ничего не оставимъ до утрѣи (10); потому что многія изъ нашихъ таинствъ не должны быть разглашаемы постороннимъ, потому что по прошествіи сей ночи нѣтъ очищенія, потому что не похвально до другаго времени откладывать тѣмъ, которые приняли слово. Какъ хорошо и богоугодно, чтобы гнѣвъ не продолжался чрезъ цѣлый день, но прекращался до захожденія солнца (разумѣть ли сіе о дѣйствительномъ времени, или таинственно; ибо не безопасно для насъ гнѣвающихся видѣть зашедшимъ Солнце правды); такъ сего брашна не должно оставлять на всю ночь и отлагать къ слѣдующему дню. А кости и неснѣдное, то-есть для насъ неудоборазумѣваемое, да не сокрушатся (10), чрезъ худое раздѣленіе и разумѣніе (повременю говорить о томъ, что кости Іисуса не сокрушены и въ историческомъ смыслѣ, хотя распинатели и желали ускорить смерть по причинѣ субботы), и да не будутъ извержены и расхищены, чтобы святая не дати псамъ — злымъ терзателямъ слова, и не повергнуть свиніямъ того, что въ словѣ свѣтло какъ бисеръ, но да сожжеться сіе огнемъ, которымъ поपालются и все-сожженія, все испытующимъ и вѣдущимъ Духомъ

истончаваемыя и соблюдаемыя, а не гибнущія и не разсѣваемыя по водамъ, какъ поступилъ Моисей съ слитою Израильтянами главою тельца, въ укоризну ихъ жестокосердія.

Не должно оставить безъ вниманія и образъ вкушенія, потому что Законъ не умолчалъ и сего, но и объ этомъ сокрылъ умозрѣніе въ буквѣ. Потребимъ жертву *со тщаніемъ, снѣдая опрѣсноки съ горькимъ зеліемъ* (8), препоясавъ чресла, и надѣвъ сапоги, и подобно старцамъ опершись на жезлы (11). *Со тщаніемъ*, чтобы не сдѣлать того, что заповѣдь запрящаетъ Лоту, не будемъ *озираться, ниже стоимъ во всемъ предѣлѣ, въ горѣ спасемъ*, да не купно яты будемъ содомскимъ и необычнымъ огнемъ (Быт. 19, 17), и да не отвердѣемъ въ соляной столпъ отъ возвращенія къ худшему, что производится медленіемъ. *Съ горькимъ зеліемъ*; потому что жизнь по Богу горька и трудна, особливо для начинающихъ, и она презираетъ удовольствія. *Ибо хотя новое иго благо, и бремя легко, какъ слышишь (Матѣ. 11, 30.)*, но оно таково по причинѣ надежды и воздаянія, которое несравненно щедрѣе, нежели чего заслуживало бы здѣшнее злостраданіе. *А безъ сего кто не сознается, что Евангеліе гораздо труднѣе и тягостнѣе законныхъ постановленій? Законъ возбраняетъ совершеніе грѣховъ, а намъ обращаются въ вину и причины, почти какъ дѣйствія. Законъ говоритъ: не прелюбы сотвориши (Матѣ. 5, 27.)*. А ты не имѣй и вождельнія, не возжигай страсти любопытнымъ и внимательнымъ воззрѣніемъ. Въ Законѣ сказано: *не убіеши (21)*. А ты не только не мсти за ударъ, но

даже отдай себя въ волю бiющему. Столько послѣднее любомудреннѣе перваго! Законъ говорить: не во лжу кленешися (33). А ты вовсе не кленись, ни мало, ни много; потому что клятва раждает клятвопреступленіе. Законъ говорить: не совокупляй домъ къ дому, и село къ селу (Ис. 5, 8.), убога насильствуя (Иезек. 22, 29.). А ты отдай съ готовностію и пріобрѣтенное правдою, обнажи себя для нищихъ, чтобы съ легкостію взять тебѣ крестъ и обогатиться невидимымъ. Чресла несвязанные и неопоясанные пусть будутъ у безсловесныхъ; потому что они не имѣютъ разума, господствующаго надъ сластолюбіемъ (не говорю пока, что и они знаютъ предѣлъ естественнаго движенія). А ты поясомъ и цѣломудріемъ укроти въ себѣ похотливость и это *ржаніе*, какъ говоритъ Божественное Писаніе (Иерем. 5, 8.), порицая гнусность страсти, чтобы тебѣ чистому вкусить Пасху, *умертвивъ уды лже на земли* (Кол. 3, 5.), и подражая поясу Іоанна, пустытника, Предтечи и великаго проповѣдника истины. Знаю и другой поясъ, именно воинскій и означающій мужество, по которому нѣкоторые называются *добропоясниками* (*) (Ис. Нав. 4, 13.) и *единопоясниками Сирскими* (4 Цар. 24, 2.). О немъ и Богъ говоритъ, бесѣдуя съ Іовомъ: *ни, но препояши яко мужъ чресла твоя* (Іов. 40, 2.), и дай мужественный отвѣтъ. И божественный Да-

(*) По славянскому переводу: *вооруженными на рать*. Собственнѣе же *добропоясникъ* значить: тяжело вооруженный, а *единопоясникъ* — легко вооруженный.

видъ хвалится, что Богъ препоясуетъ его силою (Пс. 17, 33.), и самого Бога представляетъ онъ облекшимся въ силу и препоясавшимся (Псал. 92, 1.), очевидно противъ нечестивыхъ, если кому не угодно разумѣть подъ симъ преизобиліе и вмѣстѣ какъ-бы ограниченіе силы, въ какомъ смыслѣ Богъ и свѣтомъ одѣвается яко ризою (Пс. 103, 2.). Ибо кто устоитъ предъ неограниченнымъ Его могуществомъ и свѣтомъ? Спрашиваю: что общаго между чреслами и истиною? Что разумѣтъ святой Павелъ, говоря: *станите убо препоясани чресла ваша истиною* (Ефес. 6, 14.)? Не то ли, что созерцательность обуздываетъ въ насъ вождельвательную силу, и не позволяетъ ей стремиться инуда? Ибо любовь къ чему бы то ни было одному не позволяетъ съ такою же силою стремиться къ другимъ удовольствіямъ.

Кто намѣревается вступить въ землю святую и носящую на себѣ слѣды Божіи: тотъ да *иззуетъ сапоги*, какъ и Моисей на горѣ (Исх. 3, 5.), чтобы не внести чего-либо мертваго и составляющаго среду между Богомъ и человѣками. Также, если какой ученикъ посылается на благовѣствованіе, ему, какъ любомудренному и чуждому всякаго излишества, должно не только не имѣть при себѣ мѣди, жезла и болѣе одной ризы, но и быть не обуевнымъ, чтобы видимы были *красны ноги благовѣствующихъ миръ* (Ис. 52, 7.) и всѣ прочія блага. Но кто бѣжитъ отъ Египта и отъ всего египетскаго, тотъ долженъ быть въ сапогахъ, для безопасности какъ отъ чего другаго, такъ отъ скорпіоновъ и змѣевъ, которыхъ Египетъ производитъ во множе-

ствѣ, чтобъ не потерпѣть вреда отъ блюдущихъ пяту, на которыхъ повелѣно намъ наступать (Лук. 10, 19.).

О жезлѣ же и сокровенномъ знаменованіи онаго думаю такъ. Мнѣ извѣстенъ жезлъ употребляемый для опоры, а также жезлъ пастырскій и учительскій, которымъ обращаютъ на путь словесныхъ овецъ. Но теперь повелѣваетъ законъ взять тебѣ жезлъ для опоры, чтобы ты не преткнулся мыслию, когда слышишь о крови, страданіи и смерти Бога, и думая стать защитникомъ Божіимъ, не впалъ въ безбожіе. Напротивъ того смѣло и не сомнѣваясь ѣшь Тѣло и пей Кровь, если желаешь жизни. Безъ невѣрія внимай ученію о Плоти и не соблазняйся, слушай ученіе о страданіи, стой опершись, твердо, неизменно, ни мало не колеблясь предъ противниками, ни мало не увлекаясь ученіями вѣроятности, поставь себя на высоту, поставь ноги во дворяхъ *Иерусалима* (Пс. 121, 2.), утверди на камнѣ, да не подвижутся стопы твои (Пс. 16, 5.), шествующія по Богу. Чтò скажешь? Такъ угодно было Богу, чтобы ты вышелъ изъ *Египта*, отъ печи жезльзны (Втор. 4, 20.), оставилъ тамошнее многобожіе, и веденъ былъ Моисеемъ — законодателемъ и военачальникомъ.

Предложу тебѣ совѣтъ и неприличный мнѣ, лучше же сказать, совершенно приличный, если будешь смотрѣть духовно. Возми у Египтянъ въ заемъ золотые и серебряные сосуды и иди съ ними; запасись на путь чужимъ, лучше же сказать, своимъ собственнымъ. Тебѣ должно получить плату за рабство и плинюодѣланіе; ухитрись какъ-нибудь вы-

требовать ее, возми у нихъ обманомъ. Да! Ты здѣсь бѣдствовалъ, боролся съ брениемъ — съ симъ обременительнымъ и нечистымъ тѣломъ, строишь чужіе и непрочные города, которыхъ *память погибаетъ съ шумомъ* (Псал. 9, 7.). Чтò же? Ужели выйдти тебѣ ни съ чѣмъ, безъ вознагражденія? Ужели оставишь Египтянамъ и сопротивнымъ силамъ, чтò они худо приобрѣли, и еще хуже расточаютъ? Это не ихъ собственность; они насильно себѣ присвоили, похитили у Того, Кто сказалъ: *Мое серебро и Мое злато* (Агг. 2, 9.); И дамъ его, кому хочу. Вчера принадлежало имъ — такъ было понущено; а нынѣ Владыка приноситъ и даетъ тебѣ, который употребишь хорошо и спасительно. Приобрѣтемъ сами себѣ *други отъ мамоны неправды, да егда оскудѣемъ* — во время суда, возьмемъ свое назадъ (Лук. 16, 9.). Если ты Рахиль или Лія, душа патриаршеская и великая; украдь идоловъ, какихъ найдешь у отца своего, не для того, чтобы ихъ сберечь, но чтобы уничтожить. Если ты мудрый Израильтянинъ; перенеси ихъ въ землю обѣтованія. Пусть гонитель скорбитъ и о семь, и перехитренный узнаеть, что онъ напрасно мучительствовалъ и поработалъ лучшихъ себя.

Если такъ поступишь, такъ выйдешь изъ Египта: несомнѣнно знаю, что столпъ огненный и облачный будетъ указывать тебѣ путь и днемъ и ночью, пустыня сдѣлается не дикою, море раздѣлится, Фараонъ погрязнетъ, одождится хлѣбъ, камень источить воду, Амаликъ будетъ низложенъ, не оружіемъ только, но и бранноносными руками праведниковъ, изображающими вмѣстѣ и молитву и непобѣдимое

знаменіе Креста, рѣка остановится въ теченіи, солнце станеть, луна замедлитъ въ пути, стѣны падутъ и безъ стѣннбитныхъ орудій, предшествовать будутъ шершни (Второз. 7, 20.), пролагая путь Израилю и отражая иноплеменниковъ; и не продолжая слова скажу: все то, что повѣствуется за симъ и вмѣстѣ съ симъ, дано тебѣ будетъ отъ Бога.

Таковъ праздникъ, который празднуешь ты нынѣ! Таково пиршество, которое предлагается тебѣ въ день рожденія ради тебя Родившагося, и въ день погребенія ради тебя Пострадавшаго! Таково для тебя таинство Пасхи! Сіе преднаписалъ Законъ, сіе совершилъ Христось — разоритель буквы, совершитель духа, Который, Своими страданіями уча страдать, Своимъ прославленіемъ даруетъ возможность съ Нимъ прославиться.

Остается изслѣдовать вопросъ и догмать, оставляемый безъ вниманія многими, но для меня весьма требующій изслѣдованія. Кому и для чего пролита сія изліянная за насъ кровь — кровь великая и преславная Бога и Архіерея и Жертвы? Мы были во власти лукаваго, проданные подъ грѣхъ и сластолюбіемъ купившіе себѣ поврежденіе. А если цѣна искупленія дается не яному кому, какъ содержащему во власти; спрашиваю: кому и по какой причинѣ принесена такая цѣна? Если лукавому; то какъ сіе оскорбительно! Разбойникъ получаетъ цѣну искупленія, получаетъ не только отъ Бога, но самаго Бога, за свое мучительство беретъ такую безмѣрную плату, что за нее справедливо было пощадить и насъ! А если Отцу; то, во-первыхъ, ка-

кимъ образомъ? Не у Него мы были въ плѣну. А во-вторыхъ, по какой причинѣ кровь Единороднаго пріятна Отцу, Который не принялъ и Исаака, приносимаго отцемъ, но замѣнилъ жертвоприношеніе, вмѣсто словесной жертвы давъ овна? Или изъ сего видно, что пріемлетъ Отецъ, не потому что требовалъ или имѣлъ нужду, но по домостроительству и потому что человѣку нужно было освятиться человѣчествомъ Бога, чтобы Онъ Самъ избавилъ насъ, преодолевъ мучителя силою, и возвелъ насъ къ Себѣ чрезъ Сына посредствующаго и все устрояющаго въ честь Отца, Которому оказывается Онъ во всемъ покорствующимъ? Таковы дѣла Христовы; а большее да почтено будетъ молчаніемъ.

Мѣдный же змій хотя и повѣшенъ противъ угрызающихъ змиевъ, однако же не какъ образъ Пострадавшаго за насъ, но какъ изображающій противное, и взирающихъ на него спасаетъ не чрезъ увѣренность, что онъ живъ, но потому, что низложенный (чего и достоинъ былъ) самъ умерщвленъ и умерщвляетъ съ собою подчинившіяся ему силы. И какое приличное ему отъ насъ надгробіе? *Гдѣ ти смерте жало? гдѣ ти аде побѣда* (1 Кор. 15, 55.)? Ты низложенъ Крестомъ, умерщвленъ Животодавцемъ, бездыханенъ, мертвъ, недвижимъ, бездѣйственъ, и хотя сохраняешь образъ змія, но преданъ позору на высотѣ!

Но причастимся Пасхи, нынѣ пока прообразовательно, хотя и откровеннѣе, нежели въ Ветхомъ Заветѣ. Ибо подзаконная Пасха (осмѣливаюсь сказать, и говорю) была еще болѣе неяснымъ прообразованіемъ прообразованія. А въ-послѣдствіи и скоро

причастямся совершеннѣе и чище, когда Слово будетъ пить съ нами сіе *ново въ царствіи Отца* (Матѳ. 26, 29.), открывая и преподавая, что нынѣ явлено Имъ въ нѣкоторой мѣрѣ; ибо познаваемое нынѣ всегда ново. Въ чемъ же состоитъ это питіе и это вкушеніе?— Для насъ въ томъ, чтобы учиться, а для Него, чтобы учить и сообщать ученикамъ Своимъ слово; ибо ученіе есть пища и для питающаго.

Но приступите, и мы приобщимся закона, по Евангелію, а не по писмени, совершенно, а не несовершенно, вѣчно, а не временно. Сдѣлаемъ для себя главою не дольний Іерусалимъ, но горнюю митрополю—городъ, не воинствами нынѣ попираемый, но прославляемый Ангелами. Не будемъ приносить въ жертву *тельцевъ юныхъ* и *агнцевъ роги износлихъ* и *пазнокти* (Пс. 68, 32.), въ которыхъ много мертвеннаго и безчувственнаго. Но *пожремъ* Богу *жертву хвалы* (Пс. 49, 14.) на горнемъ жертвенникѣ съ горними ликами. Пройдемъ первую завѣсу, приступимъ ко второй завѣсѣ, припикнемъ во Святаѣ-Святыхъ. Скажу еще болѣе: принесемъ въ жертву Богу самихъ себя, лучше же, будемъ ежедневно приносить и всякое движеніе. Все примемъ ради Слова, въ страданіяхъ будемъ подражать Страданію, кровію почтимъ Кровь, охотно взойдемъ на крестъ. Вождельныи гвозди, хотя и очень болѣзненны. Ибо страдать со Христомъ и за Христа вождельннѣе, нежели наслаждаться съ другими.

Если ты Симонъ Киринейскій; то возми крестъ

Т. IV.

12

и послѣдуй. Если ты распять со Христомъ, какъ разбойникъ; то, какъ благопризнательный, познай Бога. Если Онъ и со *беззаконными вмѣшлся* (Марк. 15, 28.) за тебя и за твой грѣхъ; то будь ты ради Его исполнителемъ закона. И распинаемый поклонись Распятому за тебя, извлеки пользу даже изъ порочной своей жизни, купи смертію спасеніе, войди со Іисусомъ въ рай, чтобы узнать, откуда ты ниспалъ, созерцай тамошнія красоты, а ропотника оставь съ его хулами умереть внѣ. Если ты Іосифъ Аримаѳейскій, проси тѣла у распинающаго; очищеніе міра пусть будетъ твоимъ очищеніемъ. Если ты Никодимъ—нощный боготецъ; положи Его во гробъ съ благовонными мастями. Если ты одна или другая изъ Марій, или Саломія, или Іоанна; плачь рано, старайся первая увидѣть отъятый камень, а можетъ-быть и Ангеловъ, и самого Іисуса; скажи что-нибудь, слушай гласа; и если услышишь: *не прикасайся Мнѣ* (Іоан. 20, 17.), стань вдали, почти Слово, но не оскорбляйся. Онъ знаетъ, кому явиться прежде другихъ. Обнови воскресеніе; Евѣ, которая пала первая, помоги первой привѣтствовать Христа и возвѣстить ученикамъ. Будь Петромъ и Іоанномъ, спѣши ко гробу, теки то *скорѣе*, то *скупѣе* (Іоан. 20, 4.), соревнуя добрымъ соревнованіемъ. Если превзошли тебя скоростію; то преобладай тщаніемъ, не прикинувъ только во гробъ, но взойдя внутрь. Если какъ *Томас* не будешь вмѣстѣ съ собранными учениками, которымъ является Христосъ; не будь невѣренъ послѣ того, какъ увидишь. А если не вѣришь; повѣрь сказывающимъ. Если же и имъ не вѣришь; увѣрься язвами гвоз-

динными. Если снисходитъ во адъ; нисходи съ Нимъ и ты, познай и тамошнія Христовы тайны: какое домостроительство и какая причина двойкаго снисхожденія? всёхъ ли безъ изытія спасаетъ явившись тамъ, или однихъ вѣрующихъ? Если восходитъ на небо; восходи съ Нимъ и ты, будь въ числѣ сопровождающихъ или срътающихъ Его Ангеловъ, вели *взяться вратамъ* (Пс. 23, 7.), сдѣлаться выше, чтобы пріять Возвысившагося страданіемъ; недоумѣвающимъ по причинѣ тѣла и знаковъ страданій, безъ которыхъ снисшелъ, и съ которыми восходитъ, и потому вопрошающимъ: *кто есть сей Царь славы?* — отвѣтуй: *Господь крѣпокъ и силенъ — силенъ* какъ во всемъ, что всегда творилъ и творить, такъ и въ нынѣшней брани и побѣдѣ за челоуѣчество; и на двукратный вопросъ дай двукратный отвѣтъ. Если будутъ дивиться, говоря, какъ въ лицедѣйственномъ представленіи у Исаи: *кто сей пришедый отъ Едома и отъ земныхъ?* и отъ чего у Безкровнаго и Безтѣлеснаго *червлены ризы*, какъ у винодѣлателя, истоптавшаго полное точило (Ис. 63, 1—3.)? — ты укажи на лѣпоту одежды пострадавшаго тѣла, украшеннаго страданіемъ и просвѣтленнаго Божествомъ, которое всего любезнѣе и прекраснѣе.

Что скажутъ намъ на сіе клеветники, злые цѣнители Божества, порицатели достохвальнаго, обьятыя тмою при самомъ Свѣтѣ, невѣжды при самой Мудрости, тѣ, за которыхъ Христось напрасно умеръ, неблагодарныя твари, созданія лукаваго? Это ставишь ты въ вину Богу — Его благодѣаніе? Потому Онъ малъ, что для тебя смирилъ Себя?

что къ заблудшему пришелъ *Пастырь добрый*, полагающій душу за овцы (Иоан. 10, 11.); пришелъ на тѣ горы и холмы, на которыхъ приносилъ ты жертвы, и обрѣлъ заблудшаго, и обрѣтеннаго воспріалъ на тѣ же рамена, на которыхъ понесъ крестное древо, и воспринятаго опять привелъ къ горней жизни, и приведеннаго сопрічислилъ къ пребывающимъ въ чинѣ своемъ? что *возжегъ свѣтильникъ* — плоть Свою, и *помель храмину* — очищая міръ отъ грѣха, и *сыскала драхму* — царскій образъ, заваленный страстями; по обрѣтеніи же драхмы, созываетъ пребывающія въ любви Его силы, дѣлаетъ участниками радости тѣхъ, которыхъ сдѣлалъ таинниками Своего домостроительства (Лук. 15, 8. 9.)? что лучезарнѣйшій Свѣтъ слѣдуетъ за предтекшимъ свѣтильникомъ, Слово за гласомъ, Женихъ — за невѣстоводителемъ, приготовляющимъ Господу *люди избранны* (Тит. 2, 14.) и предпочающимъ водою для Духа? Сіе ставишь въ вину Богу? За то считаешь Его низкимъ, что *препоисуется лентіемъ*, и умываетъ ноги учениковъ (Иоан. 13, 4. 5.), и указываетъ совершеннѣйшій путь къ возвышенію — смиреніе? что смиряется ради души, преклонившейся до земли, чтобы возвысить съ Собою склоняемое долу грѣхомъ? Какъ не поставишь въ вину того, что Онъ ѣсть съ мытарями и у мытарей, что учениками имѣетъ мытарей, да и Самъ пріобрѣтетъ нѣчто? Чтò же пріобрѣтетъ? — Спасеніе грѣшниковъ. Развѣ и врача обвинить иной за то, что наклоняется къ ранамъ и терпитъ зловопіе, только бы подать здравіе болящимъ? Обвинить и того, кто изъ состраданія наклонился къ

ямъ, чтобы, по закону (Исх. 23, 5. Лук. 14, 5.), спасти упавшій въ нее скоть?

Правда, что Онъ былъ посланъ, но какъ чело-
вѣкъ (потому что въ Немъ два естества; такъ, Онъ
утомлялся, и алкалъ, и жаждалъ, и былъ въ боре-
ннѣ, и плакалъ—по закону тѣлесной природы); а
если посланъ и какъ Богъ, что изъ сего? Подъ по-
сольствомъ разумнѣй благоволеніе Отца, къ Ко-
торому Онъ относитъ дѣла Свои, чтобы почтить
безлѣтное начало и не показаться противникомъ
Богу. О Немъ говорится, что преданъ (Рим. 11,
25.); но написано также, что Самъ Себя предалъ
(Ефес. 5, 2. 25.). Говорится, что Онъ воскрешенъ
Отцемъ и вознесенъ (Дѣян. 3, 15. 1, 11.); но на-
писано также, что Онъ Самъ Себя воскресилъ и
восшелъ опять на небо (1 Сол. 4, 14. Еф. 4, 10.)—
первое по благоволенію, второе по власти. Но ты
выставляешь на видъ уничтожительное, а проходишь
молчаніемъ возвышающее. Разсуждаешь, что Онъ
страдалъ, а не присовокупляешь, что страдалъ доб-
ровольно. Сколько и нынѣ страждетъ Слово! Одни
чтутъ Его какъ Бога, и сливаютъ; другіе безче-
стятъ Его какъ плотъ, и отдѣляютъ. На которыхъ
же болѣе прогнѣвается Онъ, или лучше сказать, ко-
торымъ отпустить грѣхъ? Тѣмъ ли, которые сли-
ваютъ, или тѣмъ, которые разсѣкаютъ злочестиво?
Ибо первымъ надлежало раздѣлить, а послѣднимъ
соединить,—первымъ относительно къ числу, а по-
слѣднимъ относительно къ Божеству. Ты соблазня-
ешься плотію? И Іудеи также соблазнялись. Не на-
зовешь ли Его и Самаряниномъ? О томъ, что да-
лѣе, умолчу. Ты невѣруешь въ Его Божество? Но

въ Него и бѣсы вѣровали, о ты, который невѣрнѣ бѣсовъ и несознательнѣ Іудеевъ! Одни наименованіе Сына признавали означющимъ равночестіе, а другіе узнавали въ изгоняющемъ Бога; ибо въ семь убождало претерпѣваемое отъ Него. А ты ми равенства не принимаешь, ни Божества не исповѣдуешь въ Немъ. Лучше было бы обрѣзаться и стать бѣсноватымъ (скажу нѣчто смѣшное), нежели въ необрѣзаніи и въ здоровомъ состояніи имѣть лукавыя и безбожныя мысли.

Но брань съ ними или прекратимъ, если пожелають, хотя и поздно, уцѣломудриться, или отложимъ до времени, если не захотятъ сего, но останутся такими же, каковы теперь. Ни мало и ни чего не убоимся, подвизаясь за Троицу и съ Троицею. Теперь же нужно намъ представить кратко содержаніе слова. Мы получили бытіе, чтобы благоденствовать; и благоденствовали послѣ того, какъ получили бытіе. Намъ ввѣренъ былъ рай, чтобы насладиться; намъ дана была заповѣдь, чтобы, сохранивъ ее, заслужить славу, — дана не потому что Богъ не зналъ будущаго, но потому что Онъ постановилъ законъ свободы. Мы обольщены, потому что возбудили зависть; пали, потому что преступили законъ; постились, потому что не соблюли поста, будучи препобѣждены древомъ познанія; ибо древняя и современная намъ была сія заповѣдь, служившая какъ-бы пѣстуномъ для души и обузданіемъ въ наслажденіи; и мы ей справедливо подчинены, чтобы соблюденіемъ ея возвратить себѣ то, что потеряли несоблюденіемъ. Мы возымѣли нужду въ Богѣ воплотившемся и умерщвленномъ,

чтобы намъ ожить. Съ Нимъ умерли мы, чтобы очиститься; съ Нимъ воскресли, потому что съ Нимъ умерли; съ Нимъ прославились, потому что съ Нимъ воскресли. Много было въ то время чудесъ: Богъ распинаемый, солнце омрачающееся, и снова возгорающееся (ибо надлежало, чтобы и твари сострадали Творцу), завѣса раздравшаяся, кровь и вода излившіяся изъ ребра (одна, потому что Онъ былъ человѣкъ, другая, потому что Онъ былъ выше человѣка), земля колеблющаяся, камни расторгающіеся ради Камня, мертвецы возставшіе въ увѣреніе, что будетъ послѣднее и общее воскресеніе, чудеса при погребеніи, которыя воспоешь ли кто достойно? Но ни одно изъ нихъ не уподобляется чуду моего спасенія. Немногія капли крови возсозидаютъ цѣлый міръ, и для всѣхъ людей дѣлаются тѣмъ же, чѣмъ бываетъ закваска для молока, собирая и связуя насъ во-едино.

Но великая и священная Пасха, и очищеніе всего міра!—буду бесѣдовать съ тобою, какъ съ чѣмъ-то одушевленнымъ. Слово Божіе, и свѣтъ, и жизнь, и мудрость, и сила!—всѣ твои наименованія меня радуютъ. Порожденіе, исхожденіе, и отпечатлѣніе великаго Ума! Умопредставляемое Слово, и Человѣкъ умосозерцаемый, Который *носишь всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. 1, 3.)! Прими теперь слово сіе, не начатокъ, но, можетъ-быть, послѣднее мое плодоприношеніе; слово вмѣстѣ благодарственное и молитвенное, чтобы мнѣ не терпѣть другихъ скорбей кромѣ необходимыхъ и священныхъ, въ которыхъ протекла жизнь моя. Останови или мучительную власть надо мною тѣла (ибо видишь,

Господи, какъ она велика и обременительна), или приговоръ Твой, если отъ Тебя низлагаемся. Если же разрѣшусь, какимъ желаю, и буду принять въ небесныя крѣвы; то, можетъ-быть, и тамъ возложу угодное на святой жертвенникъ Твой, Отче, и Слово, и Душе Святой. Ибо Тебѣ подобаесть всякая слава, честь и держава во вѣки, аминь.

ПОСЛАНИЕ I,

КЪ МОНАХУ ЕВАГРІЮ,

о Божествѣ.

Весьма дивлюсь ясности твоего ума и прихожу въ крайнее изумленіе отъ того, что, чрезъ точные вопросы свои, дѣлаешься ты виновникомъ такихъ умозрѣній и столь важныхъ изслѣдованій, когда приводишь меня въ необходимость говорить и трудиться надъ доказательствами тѣмъ, что предлагаешь мнѣ необходимые и полезные вопросы. Ибо, послѣ твоихъ вопросовъ, и мнѣ совершенно необходимо дать ясныя на нихъ отвѣты. Такъ и теперь предложенный тобою вопросъ былъ слѣдующаго содержанія: какъ представить себѣ естество (иный правильнѣ назвалъ бы се е сущностію, а не естествомъ) Отца и Сына и Святаго Духа? простымъ, или сложнымъ? Если оно просто: то какъ заключаетъ въ себѣ Три — число наименованныхъ выше? Чтò просто, то одновидно и нечисленно; а чтò подлежить счисленію, то необходимо разсѣкается, хотя бы и не было счисляемо; и разсѣкаемое подлежить страданію: ибо сѣченіе есть страданіе. И такъ если естество Всесовершеннаго просто; то

напрасно нареченіе Именъ : а если нареченіе Именъ истинно, и должно вѣровать въ Имена ; то не имѣть уже мѣста одновидность и простота. Посему какое же естество Божіе ?— спрашивалъ ты меня.

Слово истины представить на сіе объясненія со всею тщательностію ; оно не будетъ, по недостатку доказательствъ, неразумно замѣнять ихъ призракомъ безотчетной вѣры, не покусится нетвердость своего убѣжденія закрывать свидѣтельствами древнихъ басней : по точнымъ изслѣдованіемъ и прямыми заключеніями приведетъ въ ясность достовѣрность умозрѣнія. Да поступитъ же слово наше съ сего, и да скажемъ, какъ должно представлять себѣ Божество, простымъ ли чѣмъ, или тройственнымъ ? Ибо такъ говорить и вѣровать принуждаетъ насъ тройственность именъ. И нѣкоторые, употребивъ во зло сіи имена, составили нетвердыя и совершенно неумѣстныя ученія, полагая, что съ произношеніемъ именъ вмѣстѣ и сущность терпитъ уже раздѣленіе. Но намъ, какъ и самъ ты говоришь, должно оставить таковыхъ, нетвердо доказывающихъ пріемлемое ими ученіе ; устремимъ же умъ свой на правильное усвоеніе познанія. Итакъ прежде опредѣлимъ, что такое есть Богъ ; потомъ тщательно займемся доказательствами.

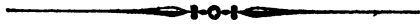
Сущность Божія, безъ сомнѣнія, проста и нераздѣльна, по самому естеству имѣя въ себѣ простоту и безтѣлесность. Но можетъ быть противорѣчить сему понятіе о раздѣльности именъ, числомъ три уничтожая одновидность Всесовершеннаго. Не уже ли же ради одновидности необходимо намъ оставить исповѣданіе Отца и Сына и Святаго Духа ?

Ни какъ. Ибо нареченіе именъ не повредитъ нераздѣльному единству Всесовершеннаго. Умопостижаемое, хотя и многоименно (у каждаго народа оно именуется весьма многими именами), однако же выше всякаго наименованія; потому что для умосозерцаемаго и безплотнаго нѣтъ ни одного собственнаго имени. И какъ наименовать собственно то, что не подлежитъ нашимъ взорамъ, чего во все не можемъ уловить человѣческими чувствами? Но для точнѣйшаго уразумѣнія цѣлаго возьмемъ малѣйшую частицу умосозерцаемаго — душу. Душа называется именемъ женскаго рода, но не имѣетъ въ себѣ никакого женственнаго свойства, такъ какъ, по существу своему, она ни мужескій полъ, ни женскій. Подобнымъ образомъ и раждаемый душею λόγος (слово), хотя имѣетъ имя мужскаго рода, однако же и онъ, какъ извѣстно, состоитъ внѣ всякой, мужской ли то или женской, тѣлесности. А если и послѣднія изъ умосозерцаемыхъ — душа и слово, не имѣютъ собственныхъ именъ: то какъ можно сказать, что собственными именами называются такіе предметы, которые въ ряду умосозерцаемыхъ суть первые и даже выше умосозерцаемаго? Но хотя употребленіе именъ полезно по необходимости, такъ какъ оно ведетъ насъ къ составленію понятія о предметахъ умосозерцаемыхъ; однако же нѣкоторые, думая, что вмѣстѣ съ наименованіями и самая сущность грубымъ образомъ дѣлится на части, представляютъ въ мысляхъ своихъ нѣчто во всѣхъ отношеніяхъ недостойное Божественнаго. Намъ же, цѣнителямъ истины, должно знать, что божественная и нераздѣльная сущность Всесовершеннаго

не сложна и единовидна, но, для пользы нашего душевнаго спасенія, какъ сказали мы, дѣлится, по-видимому, наименованіями, и допускаетъ необходимость дѣленія. Какъ душа, которая сама есть существо умосозерцаемое, поражаетъ множество безпредѣльныхъ мыслей, однако же не дѣлится отъ того, что подлежитъ мышленію, и отъ предшествовавшихъ въ ней мыслей не истощается въ богатствѣ мыслей, но болѣе обогащается, нежели оскудѣваетъ; и какъ сіе самое приносимое и общее всѣмъ слово не отдѣльно отъ души, его произносящей, но тѣмъ не менѣе бываетъ въ то же время и въ душахъ слушающихъ, такъ что и отъ первой не отлучается, и въ послѣднихъ находится, производя же болѣе единеніе, нежели раздѣленіе ихъ и нашихъ душъ: такъ и ты представляй Сына нимало неотлучнымъ отъ Отца, и опять Духа Святаго неотлучнымъ отъ Сына, подобно какъ мысль въ умѣ. Какъ между умомъ, мыслію и душею невозможно представить какого-либо дѣленія и сѣченія; такъ равно невозможно представлять никакого дѣленія или сѣченія между Святымъ Духомъ, и Спасителемъ, и Отцемъ: потому что, какъ сказали мы, естество умосозерцаемаго и Божественнаго нераздѣльно. Или еще: какъ невозможно найдти дѣленія между кругомъ солнечнымъ и лучемъ, по причинѣ неизмѣняемости, безтѣлесности, простоты и недѣлимости, напротивъ того лучъ соединенъ съ кругомъ и наоборотъ, кругъ, подобно роднику, потоками изливаетъ на все лучи, какъ-бы наводная насъ свѣтомъ и вдругъ погружая въ море красоты: такъ, подобно какимъ-то лучамъ, ниспосланы къ намъ,

отъ Отца свѣтоносный Иисусъ и Святыи Духъ. Ибо какъ лучи свѣта, по природѣ своей имѣя между собою нераздѣльное соотношеніе, отъ свѣта не отлучаются, другъ отъ друга не отсѣкаются, и до насъ низводятъ даръ свѣта: такимъ же образомъ и Спаситель нашъ и Святыи Духъ — какъ сугубый лучъ Отца, и намъ преподаютъ свѣтъ истины, и пребываютъ соединены со Отцемъ. И какимъ образомъ изъ воднаго источника, дающаго безъ оскудѣнія сладкую воду, иногда обильная и неудержимая струя, выходя въ-началѣ изъ одного ключа единымъ токомъ, въ теченіи сѣчется на два ручья и, если смотрѣть на образовавшіеся ручьи, имѣетъ двойное теченіе, въ самой же сущности отъ такого дѣленія ничего не терпитъ, потому что токъ, хотя раздѣляется положеніемъ ручьевъ, однако же сохраняетъ одно и то же качество влаги, и каждый изъ означенныхъ ручьевъ, хотя представляется теряющимся вдали и далеко отстоящимъ отъ источника, но, по непрерывности теченія въ источникѣ, относительно къ началу, соединенъ съ источникомъ, его порождающимъ: подобнымъ образомъ и Богъ всѣхъ благъ, Строитель истины, Отецъ Спасителя, первая вина жизни, стебель безсмертія, источникъ присносущной жизни, ниспослалъ намъ сугубый умосозерцаемый даръ—Сына и Святаго Духа, но Самъ, по Своей сущности, не потерпѣлъ отъ сего никакого ущерба (ибо не подвергся какому-либо умаленію въ слѣдствіе пришествія Ихъ къ намъ). Они, снисшедши къ намъ, тѣмъ не менѣе пребываютъ неотлучными отъ Отца. Ибо, какъ сказали мы въ началѣ, естество Вссовершенныхъ нераздѣльно.

Весьма многое, достопочтеннѣйшій, и гораздо больше, чѣмъ сказано, можно было бы найдти къ ясному изложенію самаго необходимаго вопроса объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, какъ именно надлежитъ понимать оный: но поелику для тебя и для подобныхъ тебѣ не трудно и изъ немногаго познать многое, то по сей причинѣ призналъ я справедливымъ здѣсь прекратить слово о семъ членѣ ученія.

ПОСЛАНИЕ 2,

КЪ НЕКТАРІЮ, ЕПИСКОПУ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМУ.

По-видимому, настрашая жизнь наша во всемъ оставлена безъ Божія попеченія, которое охраняло Церкви во времена, намъ предшествовавшія. И у меня до того упалъ духъ отъ бѣдствій, что я не считаю несчастіями собственныхъ скорбей въ жизни своей, хотя онѣ весьма тяжки и многочисленны и, приключившись кому иному, показались бы неудобовыносимыми, но смотрю на одни общія страданія Церквей, объ уврачеваніи которыхъ если не заботиться въ настоящее время, то дѣло дойдетъ постепенно до совершенной безнадежности. Еретики Аріане и Евдоксіане, не знаю кѣмъ подвигнутые къ безумію, какъ будто получивъ на то свободу, выставляютъ на показъ свой недугъ, собирая Церкви, какъ будто дѣлаютъ сіе по праву. А спорливые послѣдователи Македонія дошли до такого безумія, что, присвоивъ себѣ имя епископовъ, появляются въ нашихъ мѣстахъ, называя рукоположителемъ своихъ Елевсіа. Домашнее же наше зло — Евномій не до-

вольствуется чѣмъ-нибудь обыкновеннымъ, но считаетъ для себя потерю, если не всѣхъ увлекъ съ собою въ погибель. Но это еще сносно; всего же тягостнѣе въ церковныхъ бѣдствіяхъ дерзость Аполлинаристовъ, которымъ, не знаю какъ, твоя святость попустила присвоить себѣ наравнѣ съ нами власть имѣть свои собранія. Безъ сомнѣнія ты, по Божіей благодати, весьма свѣдуешь въ божественныхъ таинствахъ, не только можешь защитить правое ученіе, но знаешь и то, что выдуманно еретиками противъ здоровой вѣры, — впрочемъ и отъ нашего можетъ-быть смиренія не безвременно будетъ твоей пречестности услышать, что въ рукахъ у меня есть Аполлинаріево сочиненіе, въ которомъ излагаемое превосходитъ всякое еретическое ученіе. Ибо въ немъ утверждается, что плоть, принятая Единороднымъ Сыномъ Божіимъ въ дѣлѣ домостроительства для обновленія естества нашего, не въ послѣдствіи приобщена, но отъ начала было въ Сынѣ сіе тѣлесное естество, и въ доказательство таковой нелѣпости, худо воспользовавшись однимъ изреченіемъ Евангельскимъ, Аполлинарій приводитъ: *никто же взыде на небо, токмо сшедый съ небесе Сынъ человѣческой* (Іоан. 3, 13.), — какъ будто Онъ былъ уже Сыномъ человѣческимъ еще до снисшествія на землю, и снисшелъ, принеся съ Собою собственную плоть, ту, которую имѣлъ на небѣ, предвѣчную и принадлежащую къ сущности. Приводитъ еще и Апостольское одно изреченіе, оторвавъ оное отъ цѣлаго состава рѣчи: *второйъ человекъ съ небесе* (1 Кор. 15, 47.). Потомъ доказываетъ, что сей приходящій свыше человекъ не

имѣть ума, и Божество Единороднаго, восполняющее въ Немъ мѣсто ума, составляетъ часть чело-
вѣческаго состава и именно третію; потому что
въ Немъ есть душа и тѣло по челоувѣчеству, а ума
нѣтъ, но мѣсто ума восполняетъ Божіе Слово. И
это еще не самое худшее; напротивъ того, всего
нестерпимѣе, что, по разсужденію Аполлинарія, самъ
Единородный Богъ, Судія всѣхъ, Начальникъ жиз-
ни и Истребитель смерти, смертенъ, пріялъ стра-
даніе собственнымъ Божествомъ Своимъ, и во вре-
мя тридневнаго умерщвленія плоти, соумерщвлялось
и Божество, и такимъ образомъ воскрешено опять
отъ смерти Отцемъ. Долго было бы пересказывать
все прочее, что еще присовокупляетъ онъ къ та-
ковымъ нелѣпостямъ. Посему, если такъ умствующіе
имѣютъ право имѣть свои собранія, да раз-
судить твоя испытанная во Христѣ мудрость, что,
когда мы несогласны съ ними въ образѣ мыслей,
дать имъ право имѣть свои собранія значитъ не
иное что, какъ признать, что ученіе ихъ истиннѣе
нашего. Ибо, если дозволяется имъ, какъ благоче-
стивымъ, учить сообразно съ ихъ образомъ мыслей
и свободно проповѣдывать содержимое ими ученіе,
то не явно ли симъ осуждается ученіе Церкви,
какъ будто истина на ихъ сторонѣ? Ибо не есте-
ственно быть истинными двумъ противнымъ уче-
ніямъ объ одномъ и томъ же. Какъ же твой вели-
кодаровитый и высокій умъ потерпѣлъ, чтобы не
воспользоваться обычною свободою къ уврачеванію
такого зла? Но если прежде не было сдѣлано сего,
по крайней мѣрѣ теперь да возстанетъ твое не
укоризненное въ добродѣтели совершенство и вну-

шить благочестивѣйшему Царю, что не будетъ никакой пользы отъ всей заботливости его о Церк-вахъ, если такое зло, стремящееся къ ниспроверженію здравой вѣры, усилится по причинѣ данной имъ свободы.

ПОСЛАНИЕ 3,

**КЪ ПРЕСВИТЕРУ КЛЕДОНІЮ, ПРОТИВЪ АПОЛЛИНА-
РІЯ—ПЕРВОЕ.**

*Честнѣйшему, боголюбивѣйшему брату и
сопресвитеру Кледонію Григорій желаетъ о
Господѣ радоваться.*

Хочу знать, что это за нововведеніе въ Церкви, по которому, всякому хотящему и, по Писанію, *мимоходящему* (Пс. 79, 13.), позволительно паству, хорошо обученную, расторгать и расхищать, производя на нее нашествія украдкою, лучше же сказать, внушая ей разбойническія и странныя ученія. Если бы тѣ, которые наступаютъ на насъ нынѣ, и могли осудить насъ за что-нибудь касательно Вѣры; то имъ не надлежало отваживаться на такія дѣла, не вразумивъ насъ предварительно. Прежде надобно было или убѣдить, или захотѣть убѣдиться, если только и мы что-нибудь значимъ, какъ люди богобоязненные, потрудившіеся ради слова и сдѣлавшіе нѣчто полезное для Церкви;

тогда, если бы и новое было введено, имѣли бы можетъ-быть въ семъ какое-нибудь извиненіе оскорбителя. Но когда вѣра наша проповѣдана письменно и не письменно, здѣсь и въ отдаленныхъ странахъ, съ опасностями и безъ опасностей; какъ одни рѣшаются на такое дѣло, а другіе молчатъ? И не то еще тяжело (хотя и сіе не легко), что они лжеученіе свое, съ помощію людей злонамѣренныхъ, вливаютъ въ умы простодушныхъ, но то, что и на насъ клеветуютъ, называя единомысленными и согласными съ ними, надѣваютъ приманку на уду, и чрезъ этотъ обманъ злобно выполняютъ свою волю, и нашу простоту, по которой мы смотрѣли на нихъ, какъ на братій, а не какъ на чужихъ, обращаютъ въ пособіе своей злобѣ. И не довольно сего; но, какъ слышу, говорятъ, что они приняты Западнымъ Соборомъ, который прежде, какъ всякому извѣстно, осудилъ ихъ. Но если послѣдователи Аполлинаріевы или нынѣ приняты, или прежде были пріемлемы; то пусть докажутъ сіе, и мы успокоимся. Тогда явно будетъ, что они согласны съ правымъ ученіемъ; иначе не возможно было бы имъ сего и достигнуть. Докажутъ же, безъ сомнѣнія, или соборнымъ свиткомъ, или общительными посланіями; ибо таковъ законъ Соборовъ. Если же это одни слова и вымысль, изобрѣтенный ими для благовидности и для того, чтобы пріобрѣсть вѣроятіе у народа достовѣрностію лицъ, то научи ихъ молчать, и обличи. Сіе почитаемъ приличнымъ и образу жизни и православію твоему.

Да не обольщаютъ они другихъ, и сами да не обольщаются, пріемля, что человекъ Господень, какъ

они говорятъ, лучше же сказать, Господь нашъ и Богъ, не имѣеть ума (а). Мы не отдѣляемъ въ Немъ человѣка отъ Божества, но улимъ, что одинъ и тотъ же — прежде не человѣкъ, но Богъ и Сынъ Единородный, предвѣчный, не имѣющій ни тѣла, ни чего-либо тѣлеснаго, а наконецъ и человѣкъ, воспріятый для нашего спасенія, подлежащій страданію по плоти, безстрастный по Божеству, ограниченный по тѣлу, не ограниченный по духу; одинъ и тотъ же — земный и небесный, видимый и умопредставляемый, вмѣстимый и невмѣстимый, чтобы всецѣлымъ человѣкомъ и Богомъ возсозданъ былъ всецѣлый человѣкъ падшій подъ грѣхъ. Если кто не признаетъ Марію Богородицею; то онъ отлученъ отъ Божества. Если кто говоритъ, что Христось, какъ чрезъ трубу, прошелъ чрезъ Дѣву, а не образовался въ ней Божески вмѣстѣ и человѣчески, — Божески, какъ родившійся безъ мужа, человѣчески, какъ родившійся по закону чревоношенія; то и онъ также безбоженъ. Если кто говоритъ, что въ Дѣвѣ образовался человѣкъ, и потомъ уступилъ мѣсто Богу; то онъ осужденъ: ибо это значить не рожденіе Бога признавать, но избѣгать рожденія. Если кто вводитъ двухъ сыновъ — одного отъ Бога и Отца, а другаго отъ Матери, а не одного и того же; то да лишится онъ всыновленія, обѣщаннаго право вѣрующимъ. Ибо хотя два естества — Богъ и человѣкъ (какъ въ человѣкѣ душа и тѣло), но не два сына, не два Бога (какъ и здѣсь не два человѣка, хотя Павелъ

(а) То-есть ума человѣческаго.

2 Кор. 4, 16. наименовалъ человѣкомъ и внѣшнее и внутреннее въ человѣкѣ). Кратко сказать: въ Спасителѣ есть иное и иное: потому что не тождественны невидимое съ видимымъ и довременное съ тѣмъ, что подъ временемъ; но не имѣеть въ Немъ мѣста иный и иный. Сего да не будетъ! Ибо то и другое въ сраствореніи— и Богъ вочеловѣчился, и человѣкъ обожился, или какъ ни наименовалъ бы кто сіе. Когда же говорю: иное и иное, разумѣю сіе иначе, нежели какъ должно разумѣть о Троицѣ. Тамъ Иный и Иный, чтобы не слить намъ *Упостасей*, а не иное и иное: ибо Три *Упостаси* по Божеству суть едино и тождественны. Если кто говоритъ, что во Христѣ Божество, какъ въ пророкѣ, благодатно дѣйствовало, а не существенно было сопряжено и сопрягается: то онъ да не будетъ имѣть въ себѣ лучшаго вдохновенія, а напротивъ того да исполнится противнаго! Если кто не поклоняется Распятому; то онъ да будетъ анаѳема, и да причтется къ богоубійцамъ. Если кто говорить, что Христось сталъ совершенъ чрезъ дѣла, и что Онъ, или по крещеніи, или по воскресеніи изъ мертвыхъ, удостоенъ всыновленія (подобно какъ язычники допускають боговъ сопричтенныхъ); да будетъ анаѳема: ибо то не Богъ, что получило начало, или преуспѣваетъ, или усовершается, хотя и приписывается сіе Христу (Лук. 2, 52.), относительно къ постепенному проявленію. Если кто говоритъ, что теперъ отложена Имъ плоть, и Божество пребываетъ обнаженнымъ отъ тѣла, а не признаеть, что съ воспріятымъ человѣчествомъ и теперъ пребываетъ Онъ, и придетъ; то да не узрять

таковий славы Его пришествія! Ибо гдѣ теперь тѣло, если не съ Воспріявшимъ оное? Оно не въ солнцѣ, какъ пустословятъ Манихеи, положено, чтобы прославиться безславіемъ; оно не разлилось и не разложилось въ воздухѣ, какъ естество голоса и изліяніе запаха и полетъ неостанавливающейся молніи. Иначе какъ объяснить то, что Онъ былъ осваемъ по воскресеніи (Іоан. 20, 27.), и нѣкогда явится тѣмъ, которые Его прободали (Іоан. 19, 37.)? Божество само по Себѣ невидимо. Но, какъ думаю, Христось придетъ, хотя съ тѣломъ, впрочемъ такимъ, какимъ явился, или показался, ученикамъ на горѣ, когда Божество препобѣдило плоть.

Но какъ сіе говоримъ въ отклоненіе подозрѣнія, такъ и слѣдующее пишемъ въ исправленіе нововведенія. Если кто говоритъ, что плоть сошла съ неба, а не отъ земли и не отъ насъ; да будетъ онъ анаема. Ибо слова Писанія: *второй человекъ съ небесе, и: якоже небесный, тацы же и небесніи* (1 Кор. 15, 47. 48.), *и: никтоже взыде на небо, токмо сшедый съ небесе, Сынъ человѣческой* (Іоан. 3, 13.), и тому подобныя, должно разумѣть сказанными по причинѣ соединенія съ небеснымъ; такъ же какъ и сказанное, что *все стало Христомъ* (1 Кор. 8, 6.), и что Христось вселяется въ сердца наши (Еф. 3, 17.), относится не къ видимому, но къ умосозерцаемому въ Богѣ; потому что срастворяются какъ естества, такъ и наименованія, и переходятъ одно въ другое по закону тѣснѣйшаго соединенія. Если кто понадѣялся на человекъ не имѣющаго ума: то онъ дѣйствительно не имѣетъ ума, и не достоинъ быть всецѣло спасенъ; ибо не-

воспріятое не уврачевано; но что соединилось съ Богомъ, то и спасается. Если Адамъ палъ одною половиною; то и воспріята и спасена одна половина. А если палъ всецѣлый; то со всецѣлымъ Рождшимся соединился и всецѣло спасается. Посему да не завидуютъ намъ во всесовершенномъ спасеніи, и да не приписываютъ Спасителю однихъ только костей, жилъ и облика человѣческаго. Если онъ человѣкъ не имѣющій души; то сіе говорятъ и Аріане, чтобы приписать страданіе Божеству; такъ какъ что приводило въ движеніе тѣло, то и страдало. Если же Онъ человѣкъ, имѣющій душу, то, не имѣя ума, какъ могъ быть человѣкомъ? — Человѣкъ не есть животное неразумное. И необходимость потребуетъ допустить, при образѣ и покровѣ человѣческомъ, душу какого-нибудь коня, или вола, или другаго животнаго неразумнаго. А таково будетъ и спасаемое. Итакъ я обмануть самую Истиною, и превозношусь, когда почтенъ другой. Если же Онъ человѣкъ разумный, а не лишенный ума; то да умолкнуть безумствующіе.

Но говорятъ: « вмѣсто ума достаточно Божества.» Что же мнѣ до этого? — Божество съ одною плотію еще не человѣкъ, а также и съ одною душею, или съ плотію и душею, но безъ ума, который преимущественно отличаетъ человѣка. Итакъ, чтобы оказать мнѣ совершенное благодѣяніе, соблюди цѣлаго человѣка, и присоеди́ни Божество.

Но говоришь: « Онъ не совмѣщаль въ Себѣ двухъ совершенныхъ ». Не совмѣщаль, если представляешь сіе тѣлообразно. Сосудъ величиною въ одинъ медимнъ не вмѣститъ двухъ медимновъ; также мѣсто

занимаемое однимъ тѣломъ, не вмѣститъ двухъ или болѣе тѣлъ. Если же представляешь сіе, какъ мысленное и безтѣлесное; то смотри: и я вмѣщаю въ себѣ душу, и слово, и умъ, и Духа Святаго; и еще прежде меня міръ сей, то-есть сія совокупность видимаго и невидимаго, вмѣщала въ себѣ Отца и Сына и Святаго Духа. Такова природа всего умопредставляемаго, что оно не тѣлообразно и нераздѣлимо соединяется и съ подобнымъ себѣ и съ тѣлами. И многіе звуки вмѣщаются въ одномъ слухѣ, и зрѣніе многихъ помѣщается на однихъ и тѣхъ же видимыхъ предметахъ, а обоняніе — на тѣхъ же обоняемыхъ; но чувства не стѣняются, или не вытѣняются, одно другимъ, и ощущаемые предметы не умаляются отъ множества ощущающихъ. Притомъ, какъ умъ человѣка или Ангела можно назвать совершеннымъ въ сравненіи съ Божествомъ, такъ чтобы присутствіемъ бѣльшаго вытѣснялось другое? Не лзя назвать совершеннымъ какое-нибудь освѣщеніе въ сравненіи съ солнцемъ, и небольшую влагу — въ сравненіи съ рѣкою. Возьмемъ для примѣра что-нибудь маловажное, — освѣщеніе дома и влагу земную, чтобы такимъ образомъ совмѣстились предметы большіе и совершеннѣйшіе. Ибо какъ совмѣстятъ въ себѣ двѣ совершенныя вещи, домъ — освѣщеніе и солнце, а земля — влагу и рѣку? Разсмотримъ сіе; потому что предметъ сей дѣйствительно достоинъ великаго вниманія. Развѣ не знаютъ, что совершенное относительно къ одному можетъ быть несовершеннымъ относительно къ другому, какъ напримѣръ несовершенны холмъ относительно къ горѣ, зерно горчичное от-

носително къ бобу или къ другому какому изъ большихъ сѣмень, хотя само оно и называется бѣльшимъ въ сравненіи съ сѣменами однородными; или, если угодно, Ангелъ относительно къ Богу, и чловѣкъ къ Ангелу? Посему нашъ умъ есть нѣчто совершенное и владычественное, но только относительно къ душѣ и тѣлу, а не просто совершенное; относительно же къ Богу онъ есть нѣчто рабское и подчиненное, а не равновладычественное и не равночестное. И Моисей—*богъ Фараону*, и *рабъ Божій*, какъ написано (Исх. 7, 1. Числ. 12, 7.). И звѣзды свѣтятъ ночь, но при солнцѣ скрываются, такъ что днемъ не лзя ихъ и замѣтить. И небольшой свѣтильникъ, поднесенный къ большому горящему костру, не исчезаетъ, и невидимъ, и неразличимъ, но все представляется однимъ костромъ; потому что препобѣждаетъ превосмогающее.

Но ты говоришь: «умъ нашъ осужденъ.» — Что же плоть? развѣ не осуждена? Или отринь и плоть—по причинѣ грѣха, или допусти и умъ—ради спасенія. Если воспринято худшее, чтобъ оно освятилось воплощеніемъ; почему не быть воспринятымъ лучшему, чтобъ оно освятилось вочловѣченіемъ? Если брение приняло въ себя закваску и содѣлалось новымъ смѣшеніемъ; то какъ же, о мудрые, не принять въ себя закваску образу и не сраствориться съ Богомъ, обожившись чрезъ Божество? Присовокупимъ и слѣдующее. Если умъ, какъ грѣховный и осужденный, совершенно презрѣнъ, и потому воспринято тѣло, а умъ оставленъ; то извинительны погрѣшающіе умомъ. Ибо, по словамъ твоимъ, Божіе свидѣтельство ясно показало

невозможность уврачевать его. Скажу еще болѣе: ты, превосходнѣйшій, какъ кланяющійся плоти, тогда какъ я кланяюсь человѣку, безчестишь мой умъ для того, чтобы съ плотію связать Бога, какъ будто бы ни съ чѣмъ инымъ не связуемаго, и для сего отъемлешь средостѣніе. А какъ разсуждаю я — человѣкъ нелюбомудрый и неученый? — Умъ соединяется съ умомъ, какъ съ ближайшимъ и болѣе сроднымъ, а потомъ уже съ плотію, при посредствѣ ума между Божествомъ и дебелостію.

Какую же у нихъ видимъ причину вочеловѣченія, или (какъ они говорятъ) воплощенія? Если ту, чтобы вмѣстился Богъ иначе невмѣстимый, и во плоти, какъ-бы подъ завѣсою, бесѣдовалъ съ людьми; то это будетъ у нихъ одна нарядная личина и зрѣлищное лицедейство. Не говорю уже о томъ, что можно было иначе бесѣдовать съ нами, какъ прежде въ купинѣ огненной и въ человѣческомъ образѣ. Если же ту, чтобы разрушить осужденіе грѣха, освятить подобное подобнымъ; то нужны были Ему какъ плоть ради осужденной плоти, и душа ради души, такъ и умъ ради ума, который въ Адамѣ не только палъ, но, какъ говорятъ врачи о болѣзняхъ, первый былъ пораженъ. Ибо что приняло заповѣдь, то и не соблюло заповѣди; и что не соблюло, то отважилось и на преступленіе; и что преступило, то наиболѣе имѣло нужду въ спасеніи; а что имѣло нужду въ спасеніи, то и воспріято. Слѣдовательно воспринять умъ. Итакъ сіе, противъ ихъ воли, доказано теперь съ геометрическою, какъ говорятъ они, необходимостію и строгими доводами. А ты поступаешь подобно тому,

какъ если бы у человѣка, который повредилъ себѣ глазъ и потомъ повредилъ еще ногу, вылечилъ ты ногу, и глазъ оставилъ невылеченнымъ; или если бы когда живописецъ написалъ что-нибудь худо, написанное замѣнилъ ты другимъ, а живописца не тронулъ, какъ сдѣлавшаго свое дѣло.

Если же вынужденные сими умозаключеніями прибѣгаютъ они къ той мысли, что Богу, и не воспринявъ ума, можно было спасти человѣка; то скажемъ: конечно, Ему можно было спасти человѣка, и не воспринявъ плоти, единымъ хотѣніемъ; такъ какъ и все прочее Онъ производитъ и производилъ безъ тѣла. Посему вмѣстѣ съ умомъ отъими и плоть, чтобы тебѣ въ своемъ безуміи дойти до совершенства.

Но они вводятся въ обманъ Писаніемъ, и потому прибѣгаютъ къ плоти, не зная образа выраженія обычнаго Писанію. Вразумимъ ихъ и въ этомъ. Что Христосъ въ Писаніи вездѣ называется человѣкомъ и Сыномъ человѣческимъ, нужно ли говорить о семъ людямъ знающимъ? Если же они опираются на словахъ: *Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14.), и на семъ основаніи обрѣзываютъ у человѣка лучшую его часть, какъ сапожники толстыя мѣста у кожъ, чтобы только слѣпить Бога съ плотію; то слѣдовало бы имъ сказать, что Богъ есть Богъ однихъ тѣлъ, а не душъ, на основаніи сказаннаго въ Писаніи: *якоже далъ еси Ему власть всякія плоти* (Іоан. 17, 2); и: *къ Тебѣ всяка плоть придетъ* (Пс. 64, 3.); и *да благословитъ всяка плоть, то-есть всякій человѣкъ, имя святое Его* (Пс. 144, 21.); или опять надлежало бы имъ

сказать, что отцы наши пришли во Египетъ безплотными и невидимыми, — и что одна только душа Іосифова заключена была въ узы Фараономъ, также на основаніи написаннаго: *въ седмидесятихъ и пяти душахъ снидоша во Египеть* (Второз. 10, 22.), и: *жельзо пройде душа его* (Пс. 104, 18.), — такая вещь, которая не можетъ быть связана. Тѣ, которые утверждаютъ сіе, не знаютъ, что подобныя наименованія берутся совмѣстительно, такъ что подѣ частью разумѣется цѣлое. Такъ, сказано, что *птеныцы врановы* призываютъ Бога (Пс. 146, 9.), въ означеніе цѣлаго рода пернатыхъ; упоминаются *Плеяды и Есперъ и Арктуръ* (Іов. 9, 9.), въ означеніе всѣхъ звѣздъ и Божія о нихъ промышленія. Притомъ не иначе могла быть выражена любовь Божія къ намъ, какъ чрезъ упоминаніе о плоти; потому что Онъ ради насъ нисшелъ и до худшаго. Ибо всякій здравомыслящій сознается, что плоть маловажнѣе души. Посему изреченіе: *Слово плоть бысть*, какъ мнѣ кажется, равносильно сказанному, что Онъ сдѣлался *грѣхомъ* (2 Кор. 5, 21.) и *клятвою* (Гал. 3, 13.), не потому, что Господь въ сіе претворился (какъ сіе возможно?), но потому, что чрезъ воспріятіе сего воспріалъ наши беззаконія и понесъ болѣзни. И такъ сего достаточно въ настоящемъ случаѣ, по причинѣ ясности и удобопонятности для многихъ. Ибо пишемъ сіе съ намѣреніемъ не книгу сочинить, но остановить обольщеніе. Болѣе же совершенное и пространное слово о семъ, если угодно, предложимъ послѣ.

Нѣтъ, впрочемъ, нужды оставлять безъ вниманія то, что важнѣе сказаннаго доселѣ. О если бы отсѣ-

чены были отъ насъ тѣ, которые возмущаютъ васъ и вводятъ новое іудейство, новое обрѣзаніе и новыя жертвы! Если это такъ; что препятствуетъ для отверженія ихъ снова родиться Христу, снова быть предану Іудею, и распяту, и погребену, и воскреснуть, чтобы исполнилось все въ прежнемъ порядкѣ, согласно съ принятымъ у Эллиновъ круговращеніемъ, по которому то же движеніе звѣздъ ведетъ за собою тѣ же событія. Какое это дополненіе, по которому иное изъ совершившагося тогда имѣетъ еще мѣсто, а иное оставлено, пусть объяснятъ сіи мудрецы, хвастающіеся множествомъ книгъ. Поелику же, надмеаясь книгою своею о Троицѣ, они клеветуютъ на насъ, будто бы Бѣра наша не здравая, и многихъ обольщаютъ; то необходимо нужно знать, что Аполлинарій, хотя присвоилъ Святому Духу именованіе Божества, однако же не сохранилъ у Него силы Божества. Ибо составлять Троицу изъ великаго, большаго и величайшаго, какъ-бы изъ сіянія, луча и солнца (то-есть изъ Духа, Сына и Отца), что ясно написано въ его книгахъ, есть такая лѣствица Божества, которая не на небо ведетъ, но низводитъ съ неба. Но мы знаемъ Бога Отца и Сына и Святаго Духа; и это не голыя именованія, которыми различается неравенство достоинствъ и силъ, но единое и то же какъ наименованіе, такъ и естество Божества, единая сущность и сила. Если же кто полагаетъ, что говоримъ сіе правильно, а между тѣмъ обвиняетъ насъ въ общеніи съ еретиками; то пусть это будетъ доказано кѣмъ-нибудь изъ нашихъ: тогда или оправдаемся, или отступимъ отъ общенія. А преж-

де суда небезопасно вводить новое какъ въ другомъ чемъ, такъ въ дѣлѣ столь важномъ и касающемся такихъ предметовъ.

Сіе мы уже засвидѣтельствовали и предъ Богомъ и предъ людьми, и теперь готовы засвидѣтельствовать. И будь увѣренъ, не писали бы сего нынѣ, если бы не видѣли, что Церковь раздирается и разсѣкается какъ иными чудовищными лжеученіями, такъ и нынѣшнимъ сонмищемъ суетности. Если же кто-нибудь, когда говоримъ и свидѣтельствуемъ сіе, или изъ какихъ-нибудь выгодъ, или по страху человѣческому, или по неумѣстному малодушію, или по неимѣнію Пастыря и руководителя, или по привязанности къ странностямъ и по готовности къ нововведеніямъ, презираетъ насъ, какъ недостойныхъ вниманія, обращается же къ подобнымъ людямъ и раздираетъ прекрасное тѣло Церкви; то, кто бы онъ ни былъ, понесетъ на себѣ осужденіе и дастъ отвѣтъ Богу въ день суда. Если же обширныя книги, новыя псалтири, противорѣчація Давиду, и пріятныя стихи почитаются третьимъ завѣтомъ; то и мы станемъ псалмопѣвствовать, писать много и слагать стихи: *мню бо и азъ Духа Божія имѣти* (1 Кор. 7, 40), если только это благодать Духа, а не человѣческое нововведеніе. Я хочу, чтобы ты засвидѣтельствовалъ сіе предъ многими, дабы не пало на насъ, что оставлено нами безъ вниманія такое зло, и по нашему нерадѣнію лукавое ученіе распространяется и усиливается.

ПОСЛАНИЕ 4,

КЪ КЛЕДОНІЮ ПРОТИВЪ АПОЛЛИНАРІЯ—ВТОРОГО.

Поелику многіе, приходя къ твоему благочестію, требуютъ утвержденія въ Вѣрѣ, а потому ты съ любовію просилъ у меня краткаго опредѣленія и правила излагающаго образъ моихъ мыслей; то писалъ я твоему благочестію, что я (о чемъ ты зналъ и прежде моего писанія) никогда ничего не предпочиталъ и не могу предпочитать Никейской Вѣрѣ, изложенной святыми Отцами, собравшимися въ Никеи для низложенія Аріанской ереси, но при помощи Божіей держусь и буду держаться сея Вѣры, проясняя только не полно сказанное въ ней о Святомъ Духѣ; потому что не возникалъ еще тогда вопросъ о томъ, что въ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ должно признавать единое Божество, Духа исповѣдуя Богомъ. Посему кто такъ думаетъ и учитъ, съ тѣмъ и ты, подобно мнѣ, имѣй общеніе; а держащихся инаго ученія отвращайся и почитай чуждыми Богу и вселенской Церкви. Поелику же предлагается вопросъ и о Божіемъ вочеловѣченіи или воплощеніи: то увѣрай всякаго о мнѣ, что

Сына Божія, рожденнаго отъ Отца, и потомъ отъ Святыя Дѣвы Маріи, своєю во едино, и не именую двумя сынами, но покланяюсь единому и тому же въ нераздѣльномъ Божествѣ и въ нераздѣльной чести. Если же кто или теперь несогласенъ, или послѣ не будетъ согласоваться съ симъ; то онъ дастъ предъ Богомъ отвѣтъ въ день суда. Таково въ краткихъ словахъ и такой силы мое возраженіе и противоположеніе на безумное ихъ мнѣніе касательно ума: ибо почти одни они, чему учать, то на самомъ дѣлѣ претерпѣваютъ, по безумію отсѣкая умъ.

А чтобы не обвиняли меня въ томъ, что прежде принималъ, а теперь отвергаю вѣру возлюбленнаго Виталія, которую онъ изложилъ письменно, по требованію блаженнаго Дамаса, Епископа Римскаго; то и о семъ объяснюсь кратко. Они, когда богословствуютъ при искреннихъ своихъ ученикахъ и посвященныхъ въ ихъ тайны, подобно какъ Манихей при своихъ такъ называемыхъ избранныхъ, тогда, обнаруживая предъ ними весь свой недугъ, едва присвояютъ Спасителю и тѣло. Но когда общими понятіями о вочеловѣченіи, какія представляетъ Писаніе, бывають обличены и приведены въ затрудненіе: тогда исповѣдуютъ благочестивыя реченія, но касательно ума прибѣгаютъ къ хитрости; не говорятъ, что Христосъ есть челоуѣкъ, не имѣющій души, слова (а) и ума, и несовершенный; но вмѣсто

(а) Слово (*λογος*), у Св. Богослова, вѣроятно, имѣеть то же значеніе, какое приписываетъ оному Св. Дамаскинъ въ Изложеніи

193. души, слова и ума вводятъ самое Божество, будто бы соединено было съ плотію Оно одно, а не что либо наше и человѣческое, хотя безгрѣшное выше нашего естества и есть очищеніе нашихъ немощей. Такимъ образомъ и сіи слова: *мы же умъ Христовъ имамы* (1 Кор. 2, 16.), толкуютъ они худо и весьма нелѣпо, подъ умомъ Христовымъ разумѣя Божество, а не какъ мы понимаемъ, что имѣющими умъ Христовъ называются очистившіе свой умъ чрезъ подражаніе тому уму, какой ради насъ воспринять Спасителемъ, и по возможности сообразующіеся съ симъ умомъ; равно какъ можно было бы сказать, что имѣють плоть Христову тѣ, которые обучили плоть свою, и въ этомъ отношеніи стали *стѣлесниками и спричастниками* (Еф. 3, 6.) Христовыми. И *якоже облекохомся во образъ перстнаго, такъ сказано, да облечемся и во образъ небснаго* (1 Кор. 15, 49.). Равнымъ образомъ они учатъ, что совершенный человѣкъ есть не человѣкъ искушенный по всяческимъ, что только сродно намъ, развѣ грѣха (Евр. 4, 15.), но соединеніе Божества и плоти: это, говорятъ они, совершенно. Ухищряются они также въ объясненіи слова: *вочеловѣченіе*. *Вочеловѣчился*, толкуютъ они, не значитъ: былъ въ человѣкѣ, котораго тѣснѣйшимъ образомъ

православной Вѣры (книг. 2. гл. 27.), гдѣ говорится: «Въ разумномъ существѣ одна способность созерцательная, а другая дѣятельная. Созерцательная постигаетъ, какова вещь; а дѣятельная разсматриваетъ, и опредѣляетъ надлежащую цѣну того, что должно дѣлать. Созерцательная способность называется *умъ*, а дѣятельная *логос* (слово).»

соединилъ съ Собою, по сказанному: *Самъ бо вѣдѣше, что бѣ въ человѣцѣхъ* (Іоан. 2, 25.), но значить, говорятъ и учать они, что Онъ бесѣдовалъ и жилъ вмѣстѣ съ человѣками; и въ подтвержденіе сего прибѣгають къ изреченію: *по семъ на земли явися, и съ человѣки поживе* (Варух. 3, 38.). Къ чему еще спорить съ ними? Отвергая человѣка и внутренній образъ, чрезъ вводимую ими новую и только видимую личину, они очищаютъ одно внѣшнее наше, до того противорѣча самимъ себѣ, что ради плоти иногда и другое объясняютъ грубо и плотски (отсюда произошли у нихъ новое іудейство, тысящелѣтнее ни на чемъ неоснованное наслажденіе въ раю, и мнѣніе — что мы опять воспримемъ почти то же и для того же употребленія, что имѣемъ теперѣ), а иногда вводятъ болѣе призракъ плоти, нежели дѣйствительную плоть, вводятъ такую плоть, которая не испытываетъ ничего свойственнаго намъ, даже и того, что свободно отъ грѣха; и въ подтвержденіе сего берутъ Апостольское слово, только не Апостольски понимаемое и изрекаемое, а именно, что Спаситель нашъ *въ подобіи человѣчествъ былъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ* (Фил. 2, 7.), какъ будто сими словами означается не человѣчскій образъ, но какое-то обманчивое представленіе и призракъ. Итакъ поелику тѣ же слова, если понимать ихъ хорошо, согласны съ благочестіемъ, и если толковать худо, заключаютъ въ себѣ злочестіе; что удивительнаго, если и Виталіево писаніе я, убѣждаемый въ томъ собственнымъ желаніемъ, принималъ въ благочестивомъ смыслѣ, а другіе оскорбляются смысломъ на-

писаннаго? Мнѣ кажется, что и самъ Дамась, разсмотрѣвъ дѣло вновь и вмѣстѣ услышавъ, что они остаются при прежнихъ толкованіяхъ, отлучилъ ихъ отъ Церкви, и письменное изложеніе вѣры ихъ изгладилъ съ произнесеніемъ анаѣмы, огорчившись на нихъ за самый обманъ, какому подпаль по простотѣ.

Посему, будучи такъ ясно обличены, пусть не гнѣваются, но усрамятся и сотрутъ съ дверей это свое великое и удивительное предначертаніе и воззваніе Православія, и не стануть уже входящихъ встрѣчать прежде всего вопросомъ и различеніемъ, что должно поклоняться не человѣку Богоносцу, но Богу плотноосцу. Можетъ ли что быть безумнѣе сего, хотя и высоко думаютъ о семъ реченіи эти новые проповѣдники истины? Оно не болѣе какъ софистическая забава, состоящая въ быстротѣ превращенія, проворное перекидываніе камней, увеселяющее невѣждъ; на самомъ же дѣлѣ оно есть нѣчто изъ смѣшнаго смѣшное, изъ неразумнаго неразумное. Ибо если кто-нибудь, измѣнивъ слова: *человѣкъ и плоть*, изъ которыхъ первое нравится намъ, а второе имъ, въ слово — *Богъ*, употребить потомъ чудное это и боголюбезное превращеніе; что тогда выйдетъ? То, что должно поклоняться не плоти богоносной, но Богу человѣко-посцу. Какая нелѣпость! Сегодня только возвѣщаютъ намъ мудрость, сокровенную отъ временъ Христовыхъ; что подлинно достойно слезъ! Ибо если Вѣра началась только за тридцать до сего лѣтъ, а почти четыреста лѣтъ протекло со времени явленія Христова; то, въ продолженіе столь долга-

го времени, суетно было наше благовѣствованіе, суетна была и вѣра наша, напрасно мученики прі-
яли мученичество, напрасно столь многіе и вели-
кіе предстоятели управляли людьми, и благодать
состоитъ въ стихахъ, а не въ вѣрѣ.

Но кто не подивится ихъ учености? Сами они
ясно различаютъ касающееся до Христа, и то, что
Онъ родился, былъ искушаемъ, алкалъ, жаждалъ,
утруждался, спалъ, приписываютъ естеству человѣ-
ческому, а то, что Онъ былъ прославленъ Ангела-
ми, побѣдилъ искушителя, напиралъ народъ въ
пустынь и напиралъ чудесно, ходилъ по морю,
присвоаютъ Божеству: также говорятъ, что слова:
гдѣ положисте Лазаря? (Іоан. 11, 34.) свойствен-
ны нашему естеству, а сказанное: *Лазаре, гряди
вонъ* (Іоан. 11, 43.), и воскресеніе четвероднев-
наго мертвеца, принадлежатъ тому, что выше насъ;
равнымъ образомъ то, что Онъ скорбѣлъ, былъ
распятъ и погребенъ, относится къ завѣсѣ; а то,
что Онъ уповалъ, и воскресъ, и восшелъ на небо,
относится къ внутреннему сокровищу. Послѣ сего
обвиняютъ они насъ, будто бы вводимъ два есте-
ства совершенныя или противоположныя, и раз-
дѣляемъ сверхъестественное и чудное единеніе.
Имъ надлежало бы или не дѣлать того, въ чемъ
обвиняютъ другихъ, или не обвинять въ томъ, что
сами дѣлаютъ, — если бы только умѣли быть вѣр-
ными сами себѣ, а не высказывали вмѣстѣ и соб-
ственного мнѣнія, и мнѣнія противниковъ. Таково
неразуміе: оно въ противорѣчии — и само съ собою
и съ истиною, такъ что они или не понимаютъ,
или не стыдятся своего затруднительнаго поло-

женія. И если кто думаетъ, что пишу и говорю это добровольно, а не по крайнему принужденію, и что отвращаюсь единенія, а не особенно о немъ стараюсь; тому да будетъ извѣстно, что онъ превратно разсуждаетъ, и не угадалъ моего желанія. Для меня нѣтъ, и не было, ничего предпочтительнѣе мира, въ чемъ увѣряютъ самыя дѣла; хотя единомысліе совершенно преграждается тѣмъ, что дѣлаютъ и предпріемлютъ противъ меня.

СТИХОТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО

ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА.

ПѢСНОПѢНІЯ ТАИНСТВЕННЫЯ.

С Л О В О 1,

О НАЧАЛАХЪ.

Знаю, что на непрочной ладѣ пускаюсь въ дальнее плаваніе, или на малыхъ крыльяхъ уношусь къ звѣздному небу—я, въ которомъ родилась мысль открыть Божество, или опредѣленія великаго Бога, и ключъ для всего; тогда какъ и небеснымъ умамъ не достаетъ силъ возблагодарить предъ Богомъ, сколько должно. Впрочемъ, поелику Божеству часто бываетъ пріятенъ даръ не столько полной, сколько угодной Ему, хотя и скудной, руки, то смѣло изреку слово.

Но кто злочестивъ, бѣги прочь! Мое слово простирается или къ очищеннымъ, или къ трудящимся надъ очищеніемъ себя. Оскверненные же? Какъ звѣри, прикасавшіеся къ горѣ, когда съ вершины ея возсіялъ Христось, и писалъ на скрижаляхъ Моисею законъ (Исх. 19, 13.), немедленно были побиваемы отторгавшимися камнями; такъ будетъ и съ ними. Такъ слово отъ нашего лика гонить злыхъ, которые имѣютъ богоборное сердце.

А я положу на страницы предисловіемъ какъ-бы то же, что древле богомудрые мужи — Моисей и

Исаія (говору это знающимъ), когда одинъ давалъ новописанный законъ, а другой напоминалъ о законѣ нарушенномъ, чтобы привести въ трепеть жестокосердый народъ, представили во свидѣтельство слова. *Вонми небо, и да слышитъ земля глаголы мои* (Второз. 32, 1. Иса. 1, 2.)! Духъ Божій! Ты возбуди во мнѣ умъ и языкъ, содѣлай ихъ громозвучною трубою истины, чтобы уследились всѣ, прильпившіеся сердцемъ ко всецѣлому Божеству!

Единъ есть Богъ безначальный, безвиновный, неограниченный ни чѣмъ или прежде бывшимъ, или послѣ имѣющимъ быть, и въ прошедшемъ и въ будущемъ объемлющій вѣчность, безпредѣльный, благого, великаго, Единороднаго Сына великій Отецъ, Который въ рожденіи Сына не потерпѣлъ ничего свойственнаго тѣлу, потому что Онъ—Умъ.

Единъ есть Богъ иный, но не иный по Божеству,—сіе Слово онаго Бога, живая печать Отчая, единый Сынъ Безначальнаго, и Единственный Единственнаго, во всемъ равный Отцу (кромѣ того, что одинъ всецѣло пребываетъ Родителемъ, а другой — Сыномъ), Міроположникъ и Правитель, сила и мысль Отца.

Единъ Духъ — Богъ отъ благого Бога. Да погибнетъ всякій, кого не отпечатлѣлъ такъ Духъ, чтобы являлъ Его Божество, у кого или въ глубинѣ сердца есть зло, или языкъ нечистъ,—эти люди полусвѣтлые, завистливые, эти самоученые мудрецы, — этотъ источникъ загражденный (Притч. 25, 27.), свѣтильникъ сокрытый въ темной пазухѣ (Лук. 11, 33.)!

С Л О В О 2,

О СЫНѢ.

Прежде всего прославимъ Сына, чья кровь — очищеніе нашихъ немощей. Ибо, по причинѣ возставшаго на Бога, зломудреннаго, самоубійственнаго языка, нужно, чтобы и смертный помогъ небеснымъ.

Ничего не было прежде великаго Отца; потому что Онъ все имѣетъ въ Себѣ. И Его знаетъ неотлучный отъ Отца — Отцемъ рожденный, безлѣтний Сынъ, великаго Бога Слово, Образъ Первообраза, Естество равное Родителю. Ибо слава Отца — великій Сынъ. А какъ явился Онъ отъ Отца — знаетъ единый Отецъ и Явившійся отъ Отца; потому что никто не былъ близъ Божества.

Впрочемъ то несомнѣнно извѣстно и всякому человѣку и мнѣ, что Божеству не лъзя приписывать моего рожденія, то-есть теченія, безславнаго съченія. Если я дѣлаюсь родителемъ не безъ страданія, потому что составленъ изъ частей, то не слѣдуетъ изъ сего, чтобы подлежалъ страданію, кто вовсе несложенъ и безтѣлесенъ. Ибо что удивительнаго, если у тѣхъ, которые далеки между собою по естеству, и рожденія инаковы? Если время старѣе меня;

то оно не прежде Слова, у Котораго Родитель безлѣтенъ.

Какъ Отецъ ничего не оставляетъ для умопредставленія выше безначальнаго Божества; такъ и Сынъ Отчій имѣеть началомъ безлѣтнаго Отца, подобно тому какъ начало свѣта есть великій и прекрасный кругъ солнечный. Впрочемъ всякое подобіе ниже великаго Бога, и опасно, чтобы, поставивъ нѣчто между присносущнымъ Отцемъ и присносущнымъ Сыномъ, не отторгнуть намъ Царя-Сына отъ Царя-Отца. Ибо предполагать, что время, или хотѣніе, прежде Бога, по моему мнѣнію, значитъ разсѣкать Божество. Родитель великъ какъ Богъ, какъ родитель. Но если для Отца всего выше не имѣть никакой причины досточтимаго Божества; то и достопокланяемому Рожденію великаго Отца не менѣе высоко имѣть такое начало. Не отсѣкай Бога отъ Бога; потому что не знаешь такого сына, который бы далеко отстоялъ отъ Отца.

А слова: *не рожденный и рожденіе отъ Отца* не равнозначительны слову: Божество. Иначе кто произвелъ сіи два рода Божества? Въ отношеніи къ Богу оба они не входятъ въ понятіе сущности; естество же, по моему разумѣнію, неразсѣкаемо. Если Слову принадлежитъ рожденіе; то Отецъ, будучи безплотенъ, не приѣмлетъ ничего свойственнаго плоти (человѣческой умъ никогда не дойдетъ до такого нечестія, чтобы помыслить сіе); и ты имѣешь Сына-Бога, достойную славу Родителя.

Если же ты, суемудрый, желая возвеличить Божество великаго Отца, и напрасно вселяя въ сердце пустой страхъ, отринувъ рожденіе, и Христа

низводишь въ рядъ тварей; то оскорбилъ ты Божество Обоихъ. Отецъ лишень у тебя Сына, и Христость не Богъ, если только Онъ сотворень. Ибо все, чего когда-либо не было, принадлежитъ къ тварямъ; а Рожденное по важнымъ причинамъ пребываетъ, и всегда будетъ, равнымъ Богу. Какое же основаніе тому, что ты, наилучшій, чрезъ Христовы страданія, въ послѣдствіи, когда преселишься отсель, станешь богомъ, а Христось подобнымъ тебѣ рабомъ, вмѣсто Божеской чести припишется Ему только превосходство между рабами?

Если, какъ ковачъ, намѣреваясь сдѣлать колесницу, готовитьъ молотъ, такъ и великій Богъ въ послѣдствіи времени создалъ полезное орудіе, чтобы первородною рукою пріобрѣсть меня; то тварь во многихъ отношеніяхъ будетъ превосходнѣе небеснаго Христа, если только Слово для твари, а не тварь для Христа. Но кто же бы сталъ утверждать сіе? Если же Онъ принялъ плоть, чтобы помочь твоимъ немощамъ; а ты за сіе приводишь въ мѣру преславное Божество: то погрѣшилъ Милосердствовавшій о тебѣ. А для меня тѣмъ болѣе Онъ чуденъ, что и Божества не умалилъ, и меня спасъ, какъ врачъ, приникнувъ на мои зловонные струны.

Онъ былъ смертенъ, но Богъ; родъ Давидовъ, но Адамовъ Создатель; плотоносець, но безтѣлесенъ; по матери — Дѣвъ описанъ, но неизмѣримъ. Ясли вмѣстили Его, но звѣзда вела къ Нему волхвовъ, и принесшіе дары пришли и преклонили предъ Нимъ колѣна. Какъ человекъ, былъ Онъ въ бореніи, но, какъ неодолимый, въ троекратной борь-

бѣ препобѣдилъ искушителя. Вкушалъ Онъ пищу, но напиталъ тысячи, и воду претворилъ въ вино. Крестился; но очистилъ грѣхи; но Духъ громогласно провозгласилъ Его Сыномъ Безначальнаго. Какъ смертный погружался Онъ въ сонъ, и какъ Богъ укрощалъ море. Утомлялся Онъ въ пути; но у изнемогшихъ укрѣплялъ силы и колѣна. Молился; но Кто же внялъ умиленнымъ мольбамъ погибающихъ? Онъ былъ Жертва, но и Архіерей; Жрецъ, но и Богъ; принесъ въ даръ Богу кровь, но очистилъ весь міръ; вознесенъ на крестъ, но ко кресту пригвоздилъ грѣхъ. Къ чему же перечислять все подробно? Онъ приложился къ мертвецамъ, но возбужденъ изъ мертвыхъ, а прежде Самъ воскресилъ мертвецовъ. Если одно показывало нищету смертнаго; то другое—богатство Безплотнаго. По крайней мѣрѣ ты, видя въ Немъ свойственное смертнымъ, не безчести Божества. Оно содѣлало славнымъ и перстный образъ, который изъ любви къ тебѣ образовалъ нетлѣнный Сынъ.

С Л О В О 3,

О СВЯТОМЪ ДУХЪ.

Что медлишь, душа моя? Воспой и славу Духа; не отдѣлай въ словѣ Того, Кто не исключенъ по естеству. Съ трепетомъ чтимъ великаго Духа: Онъ мой Богъ, Имъ позналъ я Бога, Онъ Самъ есть Богъ, и меня въ той жизни творить богомъ. Онъ всемогущъ; Онъ раздатель даровъ, предметъ пѣснопѣній чистаго лика небесныхъ и земныхъ; Онъ Жизнеподатель, сѣдитъ на превознесенномъ престолѣ, исходитъ отъ Отца. Онъ Божія сила, Самовластитель. Онъ не Сынъ (потому что единъ есть благій Сынъ единаго Всеблагаго), но Онъ и не внѣ невидимаго Божества, а равночестенъ.

Кто же хочетъ Божество небснаго Духа найти на страницахъ богодухновеннаго закона; тотъ увидитъ многія частыя и вмѣстѣ сходящіяся стези, если только пожелаетъ видѣть, если сколько-нибудь сердцемъ привлекъ чистаго Духа, и умъ у него острозрителенъ. А если кто потребуетъ открытыхъ словъ вселюбезнаго Божества; то пусть знаетъ, что неблагоразумно его требованіе. Ибо доколѣ большей части смертныхъ не было явлено

Божество Христово, не надлежало возлагать невѣроятнаго бремени на сердца до крайности немощныя. Не для начинающихъ благовременно совершеннѣйшее слово. Кто станетъ слабымъ еще глазамъ показывать полный блескъ огня, или насыщать ихъ непомѣрнымъ свѣтомъ? Лучше постепенно приучать ихъ къ яркому блеску, чтобы не повредить и самыхъ источниковъ сладостнаго свѣта. Такъ и слово, открывъ прежде всецѣлое Божество Царя-Отца, стало озарять свѣтомъ великую славу Христову, являемую немногимъ разумнымъ изъ людей, а потомъ, яснѣе открывъ Божество Сына, осіяло намъ и Божество свѣтозарнаго Духа. И для тѣхъ проливалъ оно малый свѣтъ, большую же часть предоставило намъ, которымъ потомъ обильно и въ огненныхъ языкахъ раздѣленъ Духъ, показавшій явные признаки Своего Божества, когда Спаситель вознесся отъ земли. Знаю же, что Богъ есть огонь для злыхъ и свѣтъ для добрыхъ.

Такъ доказалъ я тебѣ Божество Духа. Если же ты приходишь въ удивленіе, частію слыша о Сынѣ и не-Сынѣ единаго Божества, а частію убѣжденный противоположными, удобоизвращаемыми мѣстами Писанія; то и здѣсь Самъ Богъ снизойдетъ и подастъ мнѣ слово.

Отъ одного первозданнаго произошли жена и Снѣъ, и половина и порожденіе четы по законамъ брака, и нерожденная и рожденный, хотя тотъ и другая равно челоуѣкъ. Помня сіе, и ты не унижай Божества, не предпочитай Одного, унижая Другаго. Одно есть естество неизмѣримое, несозданное, безлѣтное, благое, свободное и равночестное.

Единъ есть Богъ въ трехъ Озареніяхъ управляющій міромъ. Ими и я возбуждаюсь къ новой жизни, когда, погребая смерть въ купѣли, возвращаюсь ко свѣту. Ибо Троичное Божество даровало мнѣ силу возсіять свѣтоноснымъ. Нѣтъ, не обману тебя, любитель очищенія. Если бы я, омытый Божествомъ, сталъ разсѣкать свѣтлое Божество; то лучше бы... но боюсь докончить недоброе слово. Я входилъ въ купѣль въ надеждѣ сподобиться Божія дара. Если всего меня очистилъ Богъ; то весь Онъ для меня досточтимъ. Но неравный Божій даръ да получить тотъ злочестивый смертный, который самъ разсѣкаетъ свое Божество!

Если въ Божіемъ словѣ и у богоносныхъ мужей слышишь или о Сынѣ, или о благомъ Духѣ, будто бы Они имѣютъ второе мѣсто по Богъ Отцѣ; то совѣтую тебѣ здѣсь, въ словахъ глубокой мудрости, находить тотъ смыслъ, что она не Божество разсѣкаетъ, но восходитъ къ единому безначальному корню, дабы ты видѣлъ единство державы, а не разность досточтимости.

Изъ Единицы Троица, и изъ Троицы опять Единица. — Здѣсь не то же, что ключевая жила, ключъ и большая рѣка, и между тѣмъ единый токъ, въ трехъ видахъ стремящійся по землѣ; не то же, что свѣща изъ пылающаго костра, опять въ него влагаемая; не то же, что слово, исходящее изъ ума и въ немъ пребывающее; не то же, что отблескъ колеблющихся и освѣщенныхъ солнцемъ водъ, мелькающій на стѣнѣ, ни на одно мгновеніе не останавливающейся, но прежде приближенія удаляющійся и прежде удаленія приближающійся; не то же, — пото-

му что естество Божіе не есть что-либо непостоянное или текучее, или опять сливающееся; напротивъ того Богу свойственна неизмѣнность.

А ты, мудрствуя такъ, приноси въ сердцѣ чистую жертву. Въ трехъ Свѣтахъ одно естество неподвижно. Единица не безчисленна; потому что покоится въ трехъ Добротахъ. Троица не въ разной мѣрѣ досточтима; потому что естество неразсѣкаемо. Въ Божествѣ Единица, но тречисленны Тѣ, Которымъ принадлежитъ Божество. Каждый есть единый Богъ, если именуешь одного. И опять, единый Богъ безначальный, изъ Котораго богатство Божества, когда слово упоминаетъ о Трехъ. Въ первомъ случаѣ проповѣдуется смертнымъ досточтимостью Трехъ Свѣтовъ; во второмъ мы славимъ пресвѣтлое единодержавіе, и не восхищаемся многоначальнымъ соборомъ боговъ. Ибо, по моему разсужденію, многоначаліе есть то же, что и совершенное безначаліе, находящееся во взаимной борьбѣ. А борьба предполагаетъ раздоръ; а раздоръ быстро ведетъ къ разрушенію. Посему многоначаліе да будетъ у меня, какъ можно, дальше отъ Божества!

Тремя богами можно было бы назвать тѣхъ, которыхъ раздѣляли бы между собою время, или мысль, или держава, или хотѣніе — такъ что каждый никогда бы не былъ тождественъ съ прочими, но всегда находился съ ними въ борьбѣ. Но у моеи Троицы одна сила, одна мысль, одна слава, одна держава; а чрезъ сіе не нарушается и единичность, которой великая слава въ единой гармоніи Божества.

Сіе только свѣту, который во мнѣ, открыло
Троичное сіяніе изъ-за воскрилій завѣсы внутрь
Божія храма, за которыми сокрыто царственное
естество Божіе. А если нѣчто большее открыто
Ангельскимъ ликамъ; то еще гораздо болѣе вѣдомо
Самой Троицѣ.

С Л О В О 4,

О М І Р Ъ.

Воспоемъ и твореніе великаго Бога, опровергнувъ ложныя мнѣнія.

Единъ Богъ; а что представляли эллинскіе мудрецы о матеріи и формѣ, будто онѣ собезначальны, то ни на чемъ не основанная баснь. Какъ всѣ сіи почтенныя формы, сдѣланныя у нихъ богами, не существовали отъ начала, но получили бытіе по волѣ великаго Бога; такъ видѣлъ ли кто когда-нибудь матерію безъ формы? Или кто нашелъ форму безъ матеріи, хотя и очень много трудился въ сокровенныхъ изгибахъ ума? А я не находилъ ни тѣла безцвѣтнаго, ни безтѣлеснаго цвѣта. Кто отдѣлялъ другъ отъ друга то, чего не отдѣлила природа, но свела во едино? Но отдѣлимъ форму отъ матеріи. Разсуди же: если бы онѣ были вовсе несоединимы, то какъ бы сошлись вмѣстѣ, или какъ бы образовался міръ, когда онѣ совершенно отдѣльны? А если соединяемы; то какъ соединились? Кто кромѣ Бога слилъ ихъ между собою? Но если Богъ — соединитель; то Его же признай и Творцемъ всего. И горшечникъ на своемъ колесѣ даетъ форму

глинѣ , и плавильщикъ золота—золоту, и каменотесець—камнямъ. Уступи же, любитель безначалія, уступи Богу нѣчто большее нашего смысла; и это большее пусть будетъ матерія съ движущимися формами. Помыслилъ много—художный родитель всяческихъ—Божій Умъ, и произошла матерія облеченная въ формы; потому что Онъ не походитъ на живописца, въ которомъ видимый передъ очами образъ возбудилъ нѣчто подобное сему образу, чего не могъ бы начертать одинъ умъ.

И ты, злая тма манихейская, не была отъ начала равнопрестольною высочайшему Свѣту! Если былъ Богъ, то не было тмы; потому что зло не могло спорить о равенствѣ съ Богомъ. Если была тма; то ты не даешь мѣста Богу: Ему неприлично быть въ согласіи съ тмою. Если же представишь ихъ въ борьбѣ; преодолѣть сильнѣйшее. А если скажешь, что они равносильны; кто третій приводитъ ихъ въ единство своею мудростію, и прекращаетъ борьбу? И то весьма удивительно, что, возбудивъ ужасную вражду, тотчасъ забываешь о сей борьбѣ и представляешь враждующихъ согласными. Я состою изъ души и тѣла. И душа есть струя безконечнаго свѣта—Божества; а тѣло производишь ты отъ темнаго начала. И столь далекихъ между собою ты сводишь во едино. Если я составляю одну общую природу; то вражда мною прекращена. А если жестокая вражда во мнѣ непримирима; то я не составляю одной природы, сопряженной изъ души и тѣла. Ибо не враждебныя, но дружественныя начала даютъ общее произведеніе. Такой мракъ облежитъ твое сердце!

А по моему ученію, единъ есть Богъ безначальный, ни съ кѣмъ не борющійся, единъ благій Свѣтъ, сила высокошественныхъ умовъ, простыхъ и сопряженныхъ, небесныхъ и земныхъ; а тма привзошла въ послѣдствіи, и есть не какая-либо удобоописуемая самостоятельная природа, но нашъ собственно грѣхъ. Грѣхъ же есть нарушеніе заповѣди, подобно какъ ночь есть захожденіе солнца, немощная старость — минованіе юности, и ужасная зима — слѣдствіе удаленія солнечнаго вверхъ.

Первѣйшій изъ небесныхъ свѣтовъ, по гордости своей утративъ свѣтъ и славу, преслѣдуетъ всегдашнюю ненавистію человѣческой родъ. Отъ него и первый человѣкъ вкусилъ убійственнаго грѣха и смерти, которая по его ухищренію возгнѣла во мнѣ пламень. Такова природа высоко родившагося зла, которому онъ отцемъ! Ржа — пагуба твердому железу; а я — самоубійца насадилъ въ себѣ пагубу — грѣхъ, по своему умышленію послѣдовавъ коварнымъ внушеніямъ завистника.

Если же и тогда былъ ты, міръ, близокъ къ славѣ безначальной Троицы; то почему поставили тебя въ такой дали христоносные Свѣты, свѣдущіе въ Божественномъ; и почему весьма не многое число лѣтъ считается послѣ того, какъ водрузило тебя великое Божіе Слово? Но если водружень ты въ послѣдствіи; то спрашиваю: поелику Богу не лъзя приписать недѣятельности и несовершенства; то чѣмъ занята была Божія мысль прежде, нежели Всевышній, царствуя въ пустотѣ вѣковъ, создалъ вселенную и украсилъ формами? — Она созерцала вожделѣнную свѣтлость Своея доброты, равную и рав-

но совершенную свѣтозарность трисіяннаго Божества, какъ извѣстно сіе единому Божеству, и кому открылъ то Богъ. Мірородный Умъ разсматривалъ также въ великихъ Своихъ умопредставленіяхъ Имъ же составленные образы міра, который произведенъ въ послѣдствіи, но для Бога и тогда былъ настоящимъ. У Бога все предъ очами, и что будетъ, и что было, и что есть теперь. Для меня такой раздѣлъ положенъ временемъ, что одно впереди, другое позади; а для Бога все сливается въ одно, и все держится въ мышцахъ великаго Божества. Посему внимайте, что изобрѣлъ мой умъ.

Все породилъ въ себѣ Умъ, а рожденіе во-внѣ совершилось въ послѣдствіи благовременно, когда открыло великое Божіе Слово. Онъ восхотѣлъ создать умныя природы, небесную и земную—сіи проницаемыя свѣтомъ зеркала перваго Свѣта, чтобъ одна, сія горѣ, пребывала великою свѣтоносною служительницею Царя, другая же имѣла славу здѣсь. Онъ источаетъ имъ Божество, чтобы царствовать въ большемъ числѣ небесныхъ умовъ, и для большаго числа быть блаженнотворнымъ свѣтомъ. Ибо таково свойство Царя моего,—сообщать блаженство. Но чтобы тварь, приближаясь къ Богу, не пожелала равной съ Богомъ славы и не погналась за свѣтомъ и славой, тогда какъ всего лучше соблюдать мѣру, а чрезмѣрность всего хуже; высокое Слово, благопромышляя о будущихъ тваряхъ, отдалило какъ отъ Троицы все окружающее престолъ Свѣта, такъ отъ Ангельскихъ ликовъ смертную природу. Впрочемъ не очень много отдалило Оно служебную Ангельскую природу, а гораздо болѣе нашу природу;

потому что мы произошли изъ персти, соединенной съ Божествомъ: природа же простая совершеннѣе.

Изъ міровъ одинъ сотворенъ прежде. Это — иное небо, обитель богоносцевъ, созерцаемая единымъ умомъ, пресвѣтлая: въ нее вступить въ послѣдствіи человѣкъ Божій, когда, очистивъ умъ и плоть, совершится богомъ. А другой — тлѣнный міръ созданъ для смертныхъ, когда надлежало устроиться и лѣпотѣ свѣтилъ, проповѣдающихъ о Богѣ красотою и величіемъ, и царственному чертогу для Образа Божія. Но первый и послѣдній міръ созданы Словомъ великаго Бога.

С Л О В О Ъ,

О ПРОМЫСЛѢ.

Такъ водруженъ широко основанный міръ великимъ безконечнымъ Умомъ, Который все носитъ въ Себѣ и Самъ превышаетъ всего. Но что за помыслъ объять необъятное? Богъ, какъ скоро устроилъ міръ, съ перваго же мгновенія, по великимъ и непреложнымъ законамъ, движетъ и водить его, какъ кубарь, ходящій кругами подъ ударомъ. Ибо не самослучайно естество сего обширнаго и прекраснаго міра, которому не лзя и вообразить чего-либо подобнаго, и въ продолженіе толикаго времени предоставленъ онъ не самослучайнымъ законамъ. Видалъ ли кто домъ, или корабль, или быструю колесницу, или щитъ и шлемъ, которые бы не были сдѣланы руками? Міръ не простоялъ бы столько времени, если бы въ немъ было безначаліе. И ликъ пѣвецъ разстроится, если никто имъ не править. Вселенной же не свойственно имѣть инаго Правителя, кромѣ Того, Кто устроилъ ее.

Ты, который представляешь звѣзды вождями нашего рожденія, нашей жизни и цѣлаго міра, скажи: какое еще иное небо прострешь надъ самыми звѣз-

дами, и надъ нимъ поставишь ли еще новое и новое, чтобы было кому водить водящихъ? Подъ одною звѣздою родится одинъ царь и много другихъ людей, изъ которыхъ инъ добръ, а другой худъ, одинъ витія, другой купецъ, третій бродяга, инаго же высокій престоль дѣлаеть надменнымъ. Для многихъ, родившихся подъ разными звѣздами, равная участь и на морѣ и на войнѣ. Кого связывали звѣзды, тѣхъ не связалъ между собою одинакій конецъ. А другихъ, хотя раздѣлили звѣзды, одинакая соединила кончина. Если для каждаго есть своя какая-то первая необходимость; то сіе чистая баснь. А если и надъ нею господствуетъ еще общая сильнѣйшая, и есть звѣзды противныя звѣздамъ; то кто же смѣшалъ ихъ? Ибо кто сочеталъ, тотъ, если захочетъ, и расторгнетъ союзъ. А если совершилъ сіе Богъ; то какъ же стало первымъ то, что замѣнило у тебя моего Бога, если и самага Бога не подчинишь своимъ звѣздамъ? Если же нѣтъ господствующаго, то какъ будетъ стоять міръ? — Я не вижу этой возможности, — хотя бы кто и желалъ такими разсужденіями изгнать Бога. Ибо необходимо надобно кому-нибудь управлять, или Богу, или звѣздамъ.

А я знаю слѣдующее: Богъ управляетъ вселенною. Божіе Слово и здѣсь и тамъ распредѣляетъ все, чему положено въ Его совѣтѣ быть на небеси и на землѣ; и однимъ тварямъ даны навсегда непреложно постоянная стройность и теченіе, а другимъ удѣлена жизнь измѣняющаяся и принимающая многіе виды. О нихъ иное явилъ намъ Богъ, а иное блюдетъ въ табулицахъ Своей премудрости, чѣмъ хо-

четь обличить пустое тщеславіе смертнаго; одно поставилъ Онь здѣсь, а другое явится въ послѣдніе дни. И земледѣлецъ пожинаетъ все зрѣлое; такъ и Христось, наилучшій судія моей жизни.

Таково мое слово; оно независимо отъ звѣздъ и идетъ своимъ путемъ. Говори ты мнѣ о своихъ гороскопахъ, о мелкихъ частяхъ зодіакальнаго круга и о мѣрахъ пути; разорай у меня законы жизни — страхъ злочестивыхъ и надежду добрыхъ, борющуюся до конца! Если все даетъ звѣздный кругъ; то и я влекусь его же вращеніемъ. И самое хотѣніе производится во мнѣ тѣмъ же кругомъ; нѣтъ у меня никакой силы воли или ума, которая бы вели меня къ добру; но и къ этому влечетъ меня небо.

Не упоминай мнѣ о великой славѣ Христовой, звѣздѣ благовѣстницѣ, которая съ востока путеводела волхвовъ въ тотъ городъ, гдѣ возсіялъ Христось — безлѣтній сынъ смертнаго рода! Она не въ числа тѣхъ, истолкователями которыхъ астрологи, но необыкновенная и не являвшаяся прежде сего, а замѣченная въ Еврейскихъ книгахъ. Изъ нихъ предугадывавъ о звѣздѣ, посвятившіе жизнь звѣздословію Халдеи, когда съ удивленіемъ отличили ее отъ множества наблюдаемыхъ ими звѣздъ, и примѣтили, что съ новымъ сіяніемъ несется она съ востока по воздуху въ Еврейскую землю, заключили о рожденіи Царя. И въ то именно время, какъ, вмѣстѣ съ небожителями, поклонились Царю астрологи, отпало у нихъ попеченіе о своемъ искусствѣ.

Но пусть текутъ своимъ путемъ, какой указалъ имъ Царь-Христось, сіи огнистыя, вѣчнодвижущіяся,

несовратимыя съ своихъ путей звѣзды, какъ неподвижныя, такъ и блуждающія, описывающія, какъ говорятъ, одни и тѣ же круги; и мы оставимъ безъ изслѣдованія, возможна ли природа огня, поддерживаемая безъ питанія, или есть нѣкоторое, такъ называемое, пятое тѣло. Чтó же касается до насъ, пойдемъ своимъ путемъ. Ибо мы, хотя узники земныя, однако же поспѣшаемъ къ разумному и небесному естеству.

С Л О В О 6,

О ВЪ УМНЫХЪ СУЩНОСТЯХЪ.

Какъ солнечный лучъ изъ безоблачнаго неба, встрѣтившись съ видимыми еще отражающими его облаками, изъ которыхъ идетъ дождь, распространяетъ многоцвѣтную радугу, и весь окружающій эфиръ блещетъ непрерывными и постепенно слабѣющими кругами: такъ и природа свѣтовъ поддерживается въ бытіи тѣмъ, что высочайшій Свѣтъ лучами Своими непрестанно осіяваетъ умы низшіе. И источникъ свѣтовъ — Свѣтъ неизменяемъ, непостижимъ, убѣгаетъ отъ быстроты приближающагося къ Нему ума, всегда упреждаетъ всякую мысль, чтобы мы въ желаніяхъ своихъ простирались непрестанно къ новой высотѣ. А свѣты вторичные послѣ Троицы, имѣющей царственную славу, суть свѣтозарные, невидимые Ангелы. Они свободно ходятъ окрестъ великаго престола; потому что суть умы быстро движные, пламень и божественные духи, скоро переносящіеся по воздуху. Они усердно служатъ высокимъ велѣніямъ. Они просты, духовны, провикнуты свѣтомъ, не отъ плотей ведутъ начало (потому что всякая плоть едва огустьѣтъ, какъ уже и

разрушается), и не входят въ плоти, но пребываютъ, какими созданы. Желалъ бы я сказать, что они вовсе неодолимы зломъ, но удержу слишкомъ борзо несущагося коня, станувъ броздами ума. Изъ нихъ одни предстоятъ великому Богу, другіе своимъ содѣйствіемъ поддерживаютъ цѣлый міръ; и каждому дано особое начальство отъ Царя, имѣтъ подъ надзоромъ людей, города и цѣлыя народы, и даже распорядить словесными жертвами земнородныхъ.

Но на что рѣшишься, духъ мой? Въ трепетъ приходитъ умъ, приступая къ небеснымъ красотамъ; стало передо мною темное облако, и недоумѣваю, простиратъ ли впередъ, или остановить мнѣ слово. Вотъ путникъ пришелъ къ крутоберегой рѣкѣ и хочетъ ее перейти: но вдругъ поколебалась мысль; онъ медлитъ своей переправой, долго борется въ сердцѣ, стоя на берегу; то необходимостію вложена въ него смѣлость, то страхъ связалъ рѣшимость; не разъ заносилъ онъ ногу свою въ воду, и не разъ отступалъ назадъ; однако же послѣ всей борьбы нужда побѣдила страхъ. Такъ и я, приближаясь къ невидимому Божеству, съ одной стороны о тѣхъ, которые предстоятъ чистому Всецарю и преисполнены свѣтомъ, боюсь сказать, что и они доступны грѣху, дабы чрезъ сіе и многимъ не проложить пути къ пороку; а съ другой стороны опасаюсь изобразить въ пѣсни моей неизмѣняемую доброту, такъ какъ вижу и совратившагося князя злобы. Ибо Благому не свойственно было насаждать въ насъ злое свойство, и въ тѣхъ, кого любить, возбуждать мятежъ и ненависть. Не лзя также

предположить, чтобы зло равномошно было добру и имѣло особенную природу, или въ послѣдствіи происшедшую, или безначальную, какъ Самъ Царь. Но когда недоумѣвалъ я о семъ, вложилъ мнѣ Богъ слѣдующую мысль.

Первое чистое естество Божества всегда неизмѣнно, и никогда не бываетъ вмѣсто единаго мнѣгима. Ибо есть ли что-нибудь совершеннѣе Божества, во что могло бы Оно уклониться? А множественность есть уклоненіе существа отъ себя самого. Второе мѣсто занимаютъ великіе служители высочайшаго Свѣта, столько же близкіе къ первообразной Добротѣ, сколько эфиръ къ солнцу. А въ третіихъ слѣдуемъ мы — воздухъ. И одно Божіе естество совершенно неизмѣнно; ангельское же естество неудобопреклонно ко грѣху; а мы, третій родъ, удобопреклонны, и чѣмъ дальше отъ Бога, тѣмъ ближе ко грѣху.

Посему-то самый первый свѣтоносецъ, превознесшись высоко, когда, отличенный преимущественною славой, возмечталъ о царственной чести великаго Бога, — погубилъ свою свѣтозарность, съ безчестіемъ ниспалъ сюда, и захотѣвъ быть богомъ, весь сталъ тмою. Хотя и легокъ онъ по природѣ, однако же низринулся до низкой земли. Съ тѣхъ поръ преслѣдуетъ онъ ненавистію тѣхъ, которые водятся благоразуміемъ, и раздраженный своею утратою преграждаетъ всѣмъ небесный путь, не хочеть, чтобы Божія тварь приближалась къ Божеству, отъ Котораго онъ отпалъ, но пожелалъ, чтобы и люди участвовали съ нимъ въ грѣхѣ и омраченіи

И сей завистникъ изринулъ изъ рая вождѣвшихъ имѣть равную Божіей славу.

Такъ онъ за превозношеніе низринуть съ своего небеснаго круга; но ниспалъ не одинъ. И поелику погубила его дерзость; то увлекъ въ паденіе многихъ, именно всѣхъ, кого научилъ грѣху, какъ злоумышленникъ, склонившій къ измѣнѣ царское воинство, увлекъ—изъ зависти къ богомудрому сонму Царяющаго въ горнихъ, и изъ желанія царствовать надъ многими злыми. Съ тѣхъ поръ явились во множествѣ надземныя злобы, демоны, послѣдователи злаго царя—человѣкоубійцы, немощные, темные, зловѣщіе призраки ночи, лжецы, дерзкіе, наставники въ грѣхахъ, бродяги, винопійцы, смѣхолобцы, смѣхотворы, прорицатели, двурѣчивые, любители ссоръ, кровопійцы, преисподніе, скрывающіеся, безстыдные, учителя волшебства. Они, приходя, манятъ къ себѣ, и ненавидятъ тѣхъ, кто имъ отдается. Они вмѣстѣ и ночь и свѣтъ, чтобы уловлять то явно, то обманомъ. Таково это воинство, таковъ и вождь!

Но Христось не истребилъ его единымъ движеніемъ воли, которымъ создалъ цѣлый міръ, и которымъ могъ бы погубить и его, если бы захотѣлъ; потому что трудно укрыться отъ разгнѣваннаго Бога. Однако же не оставилъ Онъ свободнымъ врага моего, но попустилъ ему быть въ одно время среди добрыхъ и злыхъ, и воздвигъ между ними жестокую взаимную брань, чтобы какъ врагъ подвергался и здѣсь ужасному позору, сражаясь съ тѣми, которые немощнѣе его, такъ подвизающіеся въ добродѣтели всегда имѣли славу свою, очищаясь въ

жизни, какъ золото въ горнилѣ. Въ послѣдствіи же, можетъ-быть и скоро, когда вещество сгоритъ и наступитъ огненное воздаяніе, понесетъ наказаніе сей неукротимый, много напередъ смиренный въ мучимыхъ служителяхъ своихъ. Ибо такова казнь породившему зло!

Сему научилъ меня Духъ о свѣтозарности ангельской, какъ первой, такъ и послѣдней. Но и здѣсь она нашла мѣру. И эта мѣра—Богъ. Поколикъ приближается кто къ Царю, потолику дѣлается онъ свѣтомъ, а съ просвѣтлѣніемъ приобрѣтаетъ и славу.

С Л О В О 7,

О Д У Ш Ъ.

Душа есть Божіе дыханіе, и будучи небесною, она терпитъ смѣшеніе съ перстнымъ. Это свѣтъ заключенный въ пещерѣ, однакожъ божественный и неугасимый. Ибо образу великаго Бога не прилично разрушиться безславно, какъ разрушаются пресмыкающіяся и неразумныя животныя, — хотя грѣхъ и усиливался содѣлать его смертнымъ.

Душа не естество истребительнаго огня; потому что пожирающему не свойственно одушевлять пожираемое. Она не естество воздуха, то выдыхаемаго, то вдыхаемаго, и никогда не остающагося въ покоѣ. Она не кровавый токъ пробѣгающій въ тѣлѣ, даже не гармонія составныхъ частей тѣла, приводимыхъ въ единство; потому что не одно и то же естество плоти и безсмертной формы. Да и какое преимущество имѣли бы добродѣтельные предъ самыми порочными, если раствореніе стихій сдѣлало ихъ или добрыми, или худыми? Почему и у безсловесныхъ нѣтъ разумной природы, такъ какъ и у безсловесныхъ есть гармонія формы и смертной плоти? По сему ученію, тотъ и лучшій, въ комъ есть благоустройство стихій. Но такъ разсуждали

въ томъ предположеніи, что одушевляющимъ должно признать то, съ удаленіемъ чего и душа оставляетъ тѣло. Почему же не назовешь одушевляющимъ и пищу, безъ которой вовсе невозможно жить смертному; такъ какъ одно питаніе укрѣпляетъ?

Знаю и другое ученіе, котораго никакъ не приму; потому что у меня не какая-нибудь общая, всѣмъ раздѣленная и по воздуху блуждающая душа. Въ противномъ случаѣ, всѣ бы и вдыхали и выдыхали одинаковую душу, и всѣ тѣ, которые живутъ на свѣтѣ, испустивъ духъ, пребывали бы въ другихъ живущихъ: потому что и естество воздуха въ разныя времена бываетъ разлито въ разныхъ вещахъ. А если душа есть нѣчто пребывающее; что она имѣла сама въ себѣ, и что составляло мой зародышъ—также живое существо въ утробѣ раждающей, если меня (1) привлекла она извнѣ? И если предположишь, что раждающая есть мать многихъ дѣтей; то долженъ вмѣнить ей въ честь то, что она издержала большее число душъ.

И то не умныхъ людей ученіе, а пустая книжная забава, будто бы душа постоянно мѣняетъ разныя тѣла; каждое сообразно прежней жизни, доброй или худой, въ награжденіе за добродѣтели, или въ нѣкоторое наказаніе за грѣхи. Они то облачаютъ, то разоблачаютъ неприлично душу, какъ человѣка въ одежды; напрасно утруждая себя, вертя колесо злочестиваго Иксиена, заставляютъ ее быть то звѣремъ, то растеніемъ, то человѣкомъ, то птицею, то змѣею, то псомъ, то рыбою, а иногда тѣмъ и другимъ

(1) Душу.

по два раза, если такъ оборотится колесо. Гдѣ жъ этому конецъ? А я никогда не видывалъ мудраго звѣря, имѣющаго даръ слова, или говорящаго терна. Ворона всегда болтлива; безгласная рыба всегда плаваетъ въ соленой влагѣ. Если же, какъ говорятъ и сами изобрѣтатели сего пустаго ученія, будетъ душѣ еще послѣднее воздаяніе, то она потерпитъ наказаніе или безъ плоти, — и сіе весьма удивительно, — или съ плотію, — тогда которую изъ многихъ предашь огню? Всего же непонятнѣе, какимъ образомъ послѣ того, какъ ты соединялъ меня со многими тѣлами, и эта связь сдѣлала меня знающимъ многое, одно только избѣгло отъ моего ума, а именно: какую кожу носилъ я напередъ, какую потомъ, и во сколькихъ умиралъ; потому что мой узоналагатель не столько богатъ былъ душами, сколько — мѣшками. Или, и это было слѣдствіемъ долговременнаго скитанія, что я впалъ въ забвеніе прежней жизни?

Теперь выслушай наше превосходнѣйшее ученіе о душѣ. А мы постараемся усладить нѣсколько пѣснь, начавъ ее такъ:

Было время, когда высокое Слово Ума, слѣдуя великому Уму Отца, водрузило несуществовавшій дотоль міръ. Оно рекло, и совершилось все, что было Ему угодно. Но когда все это — земля, небо и море, составило міръ, нуженъ сталъ зритель Премудрости — матери всего, и благоговѣйный царь земный. Тогда Слово рекло: «пространное небо населяютъ уже чистые и присно-живущіе служители, непорочные умы, добрые Ангелы, ибнословцы, немолчно воспѣвающіе Мою славу. Но земля укра-

шастся одними неразумными животными. Потому угодно Мнѣ создать такой родъ тварей, въ которомъ бы заключалось то и другое, родъ тварей среднихъ между смертными и бессмертными, разумнаго челоуѣка, который бы увеселялся Моими дѣлами, былъ мудрымъ таинникомъ небеснаго, великимъ владыкою земли, новымъ Ангеломъ изъ персти, пѣснопѣвцемъ Моего могущества и Моего ума.» Такъ рекло Слово, и, взявъ часть новосозданной земли, бессмертными руками составило мой образъ и удѣлило ему Своей жизни; потому что послало въ него духъ, который есть струя невидимаго Божества. Такъ изъ персти и дыханія созданъ челоуѣкъ—образъ Бессмертнаго; потому что въ обоихъ царствуетъ естество ума. Посему, какъ земля, привязанъ я къ здѣшней жизни, и какъ частица Божественнаго, пошу въ груди любовь къ жизни будущей.

Такъ сопряженъ былъ первородный челоуѣкъ; а въ послѣдствіи тѣло берется отъ плотей, душа же примѣшивается недовѣдомымъ образомъ, приводя со-виѣ въ перстный составъ, какъ знаетъ сіе Соединившій, Который и въ началѣ вдохнулъ ее и сопрягъ образъ Свой съ землею. А иной, пришедши на помощь моей пѣсни, смѣло и слѣдуя многимъ, присовокупить и слѣдующее разсужденіе. Какъ тѣло, первоначально растворенное въ насъ изъ персти, содѣлалось въ послѣдствіи потокомъ челоуѣческихъ тѣлъ, и отъ первоизданнаго корня не прекращается, въ одномъ челоуѣкѣ заключаая другихъ: такъ и душа, вдохнутая Богомъ, съ сего времени со-приводитъ въ образуемый составъ челоуѣка, раж-

даяся вновь, изъ первоначальнаго сѣмени удѣляемая многимъ, и въ смертныхъ членахъ всегда сохраняя постоянный образъ. Посему-то душа получаетъ въ удѣлъ умное господство. Но какъ въ тонкихъ трубахъ и сильное дыханіе, даже весьма искуснаго человѣка, производитъ звуки слабыя и нестройныя, и когда даны ему въ руки трубы широкаго размѣра, тогда изливаютъ онѣ совершеннѣйшій звукъ; такъ и душа, оказывающаяся безсильною въ немощномъ составѣ, проявляется въ составѣ укрѣпившемся, и обнаруживаетъ тогда весь умъ.

Но поелику нетлѣнный Сынъ создалъ Своего человѣка съ тѣмъ, чтобы онъ пріобрѣлъ новую славу и, измѣнивъ въ себѣ земное въ послѣдніе дни, какъ богъ, шествовалъ отсюда къ Богу; то и не представилъ его собственной свободѣ, и не связалъ его совершенно, но, вложивъ законъ въ его природу, и напечатлѣвъ въ сердцѣ добрыя склонности, поставилъ среди вѣчноцвѣтущаго рая, хотя въ такомъ равновѣсіи между добромъ и зломъ, что онъ могъ по собственному выбору склониться къ тому или другому, однако же чистымъ отъ грѣха и чуждымъ всякой двуличности. А рай, по моему разсужденію, есть небесная жизнь. Въ немъ-то поставилъ Богъ человѣка, чтобы онъ былъ неослабнымъ дѣлателемъ Божіихъ словесъ. Запретилъ же ему употребленіе одного растенія, которое было совершеннѣе другихъ, заключая въ себѣ силу къ полному различенію добра и зла. Ибо совершенное хорошо для преуспѣвшихъ, а не для начинающихъ. Послѣднимъ оно столько же обременительно, сколько совершенная пища младенцу. Но когда, по ухищренію за-

вистливаго челоуѣкоубійцы, внявъ убѣдительности женскаго слова, челоуѣкъ вкусилъ преждевременно сладкаго плода, и облекся въ кожанья ризы—тяжелую плоть, и сталъ трупоносцемъ, потому что смертію Христосъ положилъ предѣлы грѣху; тогда исшелъ онъ изъ рая на землю, изъ которой былъ взятъ, и получилъ въ удѣлъ многотрудную жизнь; а къ драгоцѣнному растенію приставилъ Богъ хранителемъ Свою пламенѣющую ревность, чтобы какою Адамъ, подобно прежнему, не взошелъ внутрь преждевременно, и прежде нежели бѣжалъ пожирающей снѣди сладкаго древа, находясь еще во злѣ, не приблизился къ древу жизни. Какъ увлеченный бурными волнами мореходецъ отнесенъ назадъ, и потомъ, или отдавъ парусъ на волю легчайшему вѣянію, или съ трудомъ на веслахъ, пускается снова въ плаваніе; такъ и мы, далеко отплывшіе отъ великаго Бога, опять не безъ труда совершаемъ вождѣльное плаваніе. И этотъ новонасажденный грѣхъ къ злосчастнымъ людямъ перешелъ отъ прародителя; отсюда прозябъ колосъ.

С Л О В О 8,

О ЗАВѢТАХЪ И О ПРИШЕСТВІИ ХРИСТОВОМЪ.

Теперь вникни въ значеніе двоякаго закона, обнародованнаго подъ именемъ ветхаго и подъ именемъ новаго, и даннаго сперва Евреямъ, потому что они первые познали царствующаго въ горнихъ Бога, а потомъ и всѣмъ концамъ земли. Ибо Богъ всевѣдецъ управляетъ человѣкомъ, изрекая ему повелѣнія не противорѣчащія, какъ дѣлаетъ какой-нибудь несвѣдущій умъ, и не измѣняющіяся, что ставится въ вину даже смертнымъ. Таково мое понятіе о помощи возлюбившаго насъ Бога.

Злобный врагъ, послѣ того, какъ извергъ изъ рая перваго Адама, оболъстивъ его вредоноснымъ плодомъ челоуѣкоубійственнаго древа, подобно тому, какъ поражаютъ оружіемъ воинство, въ которомъ убитъ предводитель, старался и въ дѣтяхъ Адамовыхъ насадить зло и смерть. Онъ съ злохитреннымъ умышленіемъ, отвлекши челоуѣка отъ небеснаго Бога, обратилъ его взоры на звѣздное небо, сіяющее свѣтозарными красотами, и на изображенія людей умершихъ, какія соорудила любовь, и ввела въ славу баснь, сперва принятая съ вѣроу незложелательными друзьями, потомъ пикѣмъ не

уличенная во лжи, съ теченіемъ же лѣтъ непрестанно пріобрѣтавшая новую силу. И священный Еврейскій родъ погубилъ умъ, не покаялся про рокамъ, которые жаловались, умоляли и непрестанно угрожали гнѣвомъ Царя, а въ прежнія времена даже убивалъ ихъ. Самые цари не имѣли страха Божія, но большею частію оказались злонравными; и при нихъ не вовсе были оставлены роши, высоты горъ и кровавыя жертвы демонамъ. За сіе Евреи навлекли на себя ревнивый гнѣвъ великаго Бога, и погибли; а вмѣсто ихъ вступилъ на путь я, чтобы, возбудивъ въ нихъ соревнованіе, заставить и ихъ возвратиться къ благочестивой вѣрѣ во Христа, послѣ поздняго раскаянія, когда насытятся скорбію о предпочтеніи имъ нововведеннаго народа, заступившаго ихъ мѣсто.

Но сіе будетъ въ послѣдствіи. Поелику же Евреи презрѣли законъ; то родъ человѣческій удостоенъ, наконецъ, слѣдующей чести, по мановенію безсмертнаго Отца и дѣйствіемъ Сына. Христось, когда увидѣлъ, что душепагубный грѣхъ истребилъ въ человѣческомъ тѣлѣ все, что было вложено небеснаго, и хитрый змій царствуетъ надъ людьми, тогда, для возвращенія Себѣ Своего достоянія, не другихъ помощниковъ послалъ противъ болѣзни (потому что въ великихъ страданіяхъ слабое врачество недостаточно), но Самъ, истощивъ славу, какую имѣлъ, какъ безматерній Сынъ безсмертнаго Бога Отца, явился безъ отца необычнымъ для меня сыномъ, даже не необычнымъ, потому что произошелъ отъ меня, и Безсмертный, ставъ смертнымъ, пришелъ чрезъ Матерь-Дѣву, чтобы Цѣлому

спасти цѣлаго человѣка. И поелику чрезъ преступное вкушеніе палъ цѣлый Адамъ; то, по человѣческимъ и вмѣстѣ не человѣческимъ законамъ, воплотившись въ честной утробѣ жены не познавшей брака (о, чудо не вѣроятное для немощнѣйшихъ!), пришелъ Богъ и вмѣстѣ смертный, сочетавшій во едино два естества — одно сокровенное и другое видимое для людей, и изъ которыхъ одно было Богъ, а другое родилось для насъ въ послѣдокъ дней. Въ двухъ естествахъ единый есть Богъ — мой Царь и Христось; потому что соединенъ съ Божествомъ и изъ Божества сталъ человѣкъ, чтобы, явившись среди земнородныхъ другимъ, новымъ Адамомъ, уврачевать прежняго Адама. Но Онъ явился, закрывшись отвсюду завѣсою, потому что иначе невозможно было бы приблизиться къ моимъ немощамъ, и притомъ нужно было, чтобы змій почитающій себя мудрымъ, приступивъ къ Адаму, сверхъ чаянія встрѣтилъ Бога, и о крѣпость Его сокрушилъ свою злобу, какъ шумное море сокрушается о твердый утесъ. Когда же явился Христось; при Его рожденіи поколебались земля и небо. Небесный ликъ возгласилъ пѣсноушнїя, а звѣзда съ востока указывала путь волхвамъ — служителямъ новорожденного Царя, приносящимъ Ему дары.

Таково мое слово о новомъ рожденіи Христовомъ! Здѣсь нѣтъ ничего позорнаго; потому что позоренъ одинъ грѣхъ. А во Христѣ не имѣеть мѣста позорное; потому что Его (а) создало Слово,

(а) То-есть человечество Иисуса Христа.

а не отъ челоѣческаго сѣмени сталъ Онъ челоѣкомъ. Но изъ плоти пречистой неневѣстной Матери, которую предварительно очистилъ Духъ, ишелъ самосозданный челоѣкъ; принялъ же очищеніе ради меня. Ибо и все законное исполнилъ, какъ думаю, для того, чтобы воздать Закону и награду, какъ воспитателю, и погребальную честь, какъ отмѣняемому.

Но когда явился Предреченный пресвѣтлымъ свѣтильникомъ великаго Свѣта, предтечею въ рожденіи, предтечею и въ словѣ, вопіющимъ среди пустыни, что Христосъ мой есть Богъ; тогда сталъ Онъ посредникомъ двухъ народовъ, одного дальняго, другаго ближяго (потому что былъ общимъ для нихъ краеугольнымъ камнемъ), и даровалъ смертнымъ двоякое очищеніе — одно вѣчнаго Духа, и имъ очистилъ во мнѣ прежнее поврежденіе, рождаемое отъ плоти, — другое — наша крови (ибо своею называю ту кровь, которую истощилъ Христосъ Богъ мой), искупленіе первородныхъ немощей и избавленіе міра.

Если бы я былъ не челоѣкъ измѣняемый, а не преодолимый; то была бы нужна мнѣ только заповѣдь великаго Бога, и она бы меня украшала, спасала и вела къ высокой славѣ. Но теперь не богомъ создалъ меня Богъ, а поставилъ въ равновѣсіи удобопреклоннымъ туда и сюда; потому и поддерживаетъ меня многими опорами, изъ которыхъ одною служитъ для людей благодать омовенія. Какъ некогда Еврейскія дѣти спасались отъ погубленія Христовою кровію, и очищали праги дверей, между тѣмъ какъ въ одну ночь погибли всѣ перво

родные Египта; такъ и это для меня есть печать избавляющаго насъ отъ золь Бога, и для младенцевъ только печать, а для возрастныхъ врачевство и совершеннѣйшая божественная печать Христа Свѣтодавца, чтобы, спасшись изъ глубины скорбей и облегчивъ нѣсколько выю отъ бремени, обратилъ я стопы свои къ жизни. Ибо и путникъ, отдохнувъ отъ утомленія, воздвигаетъ укрѣпленные въ силахъ колѣна. Какъ общее всѣхъ достояніе — воздухъ, земля, широкое небо и все, что влечетъ за собою кругъ годовыхъ временъ, такъ общимъ достояніемъ чловѣковъ содѣлалась и спасительная купѣль.

С Л О В О 9,

О ЧЕЛОВЪЧЕСКОЙ ДОБРОДѢТЕЛИ (а).

Люблю я добродѣтель; однакожь это не научило меня тому, что такое добродѣтель, и откуда она прійдетъ ко мнѣ, который такъ много люблю ее. А неудовлетворенное желаніе мучить. Если добродѣтель есть чистый потокъ, не смѣшанный съ водами, которыя стекаютъ со всякаго мѣста и отъ снѣговъ и отъ дождей; то спрашиваю: кто находилъ ее на землѣ? Ибо всякій, или имѣлъ въ себѣ сердечную нечистоту, или принялъ ее въ себя, — между тѣмъ какъ влачить тяжелое тѣло и со-внѣ возмущается врагомъ нашея жизни, который омрачаетъ и очерняетъ насъ бездною. Да и несвойственно было бы мнѣ, который самъ не иное что, какъ отвердѣвшій токъ, и непрестанно влекусь потокомъ жизни, — быть чѣмъ-то нетекучимъ. Если же добродѣтель не совершенно сребристый потокъ, но пріемлетъ въ

(а) Какъ сіе, такъ и слѣдующія стихотворенія причисляются къ таинственнымъ Никитой Давидомъ. Настоящее стихотвореніе у Епѣлія есть 58-е и подписывается — *εις εαυτόν*.

себя и худшее, и есть нестройная смѣсь; то скажи: какъ же она добродѣтель? По крайней мѣрѣ у меня не мало трудится надъ этимъ быстрый умъ. Снѣгъ по природѣ холоденъ и бѣлъ, а огонь—красноватъ и тепелъ. И они несоединимы между собою; а соединяемые насильно, скорѣе разрушаются, нежели входятъ въ соединеніе. Какъ же къ добродѣтели привзошло гнусное, унижающее во мнѣ образъ Божій; какъ къ образу великаго Бога прикоснулся злорадный грѣхъ, если я дѣйствительно богъ, и не напрасно хвалюсь тѣмъ, что составляю Твое достояніе, Боже? Слышу о прекрасной рѣкѣ Алфеѣ, что она протекаетъ чрезъ горькое море, а сладкія воды ея (къ удивленію!) не терпятъ вреда въ продолженіе сего теченія. Но какъ для воздуха порча—туманъ, и для тѣлесныхъ членовъ—болѣзнь; такъ для добродѣтели—наша грѣховная ночь.

Часто заносилъ я ногу, чтобы шествовать къ небу, но тяжкія и снѣдающія сердце заботы низлагали меня на землю. Не рѣдко также озарялъ меня пречистый свѣтъ Божества; но вдругъ становилось предо мною облако, закрывало великое сіяніе и сокрушало духъ мой тѣмъ, что свѣтъ убѣгалъ отъ приближавшагося къ нему. Что значитъ эта несообщимость? Или смертному написанъ такой законъ, чтобы я всегда томился желаніемъ? Или это къ моей же пользѣ, чтобы мнѣ съ трудомъ приобрѣтать, и съ трудомъ сохранять? Ибо то и прочно, надъ чѣмъ работалъ умъ. Какъ хитрый звѣрь закрываетъ одни слѣды другими; такъ часто врагъ затмѣвалъ во мнѣ способность различать доброе и злое, чтобы этою хитростію ввести въ заблужденіе

ловца добродѣтели. Одно предписываетъ мнѣ плоть, другое — заповѣдь; одно — Богъ, другое — завистникъ; одно — время, другое — вѣчность. А я дѣлаю, что ненавижу, услаждаюсь зломъ, и внутренно горькимъ, злораднымъ смѣхомъ смѣюсь ужасной участи; для меня и гибель пріятна. То я низокъ, то опять пре-выспренъ. Сегодня отвращаюсь презорства, а на утро самъ презритель. Какъ мѣняются времена, такъ мѣняюсь и я, и подобно полипу, принимаю на себя цвѣтъ камней. Горячія проливаю слезы; но не выплаканъ съ ними грѣхъ. Хотя изсякъ ихъ потокъ; однако же новыми преступленіями приготовляю въ себѣ другой; а средства врачеванія мною отринуты. По плоти я дѣвственникъ; но не знаю ясно, дѣвственникъ ли и въ сердцѣ. Стыдъ потупляетъ глаза, а умъ безстыдно подѣмлетъ ихъ вверхъ. Зорокъ я на чужіе грѣхи, и близорукъ для своихъ. На словахъ я небесенъ, а сердцемъ припнулъ къ землѣ. Спокоенъ я и тихъ; но едва подуетъ хотя легкій вѣтръ, вздымаюсь бурными волнами, и волненіе не прекратится, пока не наступитъ тишина; а тогда не очень удивительно утихнуть и гнѣву.

Не рѣдко и того, кто шелъ добрымъ путемъ съ благими надеждами, и простирался уже выше посредственной добродѣтели, вдругъ низвергалъ съ высоты губительный врагъ; и какъ будто восходилъ онъ по песку, который подъ петвердой ногою катится назадъ. Снова простираюсь вверхъ, и снова возвращаюсь назадъ съ большимъ прежняго срамомъ. Всегда я въ пути, всегда въ великомъ страхѣ; и едва лишь сдѣлаю нѣсколько шаговъ впередъ,

тотчасъ слѣдуетъ паденіе. Долга моя жизнь, а не хотѣлось бы разстаться съ жизнію. Желая уврачеванія; но уврачеваніе отъ меня далеко; потому что съ продолженіемъ дней собираю я больше грѣховъ. Посему-то въ нашемъ родѣ да будетъ непреложно извѣстною слѣдующая истина :

Первое, чистое естество—Троица, а потомъ ангельская природа; въ-третьихъ же—я человѣкъ, поставленный въ равновѣсіи между жизнію и болѣзненною смертію, я, которому предназначена величественная цѣль, но достигаемая съ трудомъ, если только, хотя нѣсколько, отверста мною дверь грѣховной жизни; ибо такой подвигъ назначенъ Богомъ моему уму. И тотъ изъ насъ совершеннѣйшій, кто среди многихъ золъ носить въ себѣ немногіе кумиры грѣха, кто, при помощи великаго Бога, храня въ сердцѣ пламенную любовь къ добродѣтели, посѣщаетъ на высоту, а грѣхъ гонить отъ себя прочь, подобно тому, какъ токъ рѣки, влившейся въ другую быструю и мутную и неукротимую рѣку, хотя и смѣшивается съ нею, однако же превосходствомъ своей чистоты закрываетъ грязный ея токъ. Такова добродѣтель существа сложнаго; большее же совершенство предоставлено существамъ небеснымъ. А ежели кто еще на землѣ увидѣлъ Бога, или, восхитивъ отселѣ на небо тяжелую плоть, востекъ къ Царю; то сіе—Божій даръ. Смертнымъ же да будетъ положена мѣра!

Но вотъ вложу тебѣ въ мысль и о томъ слово, какъ взойдти на верхъ великой добродѣтели, которая одна—Чистому чистая жертва. Не думаю, что сіе возможно здѣсь. Ибо здѣсь многослойный ту-

манъ лежитъ на глазахъ. Вождельнно и то, если и вмѣстѣ съ сею жизнію оставлю многоплачевныя грѣхи. Добродѣтель — не даръ только великаго Бога, почтившаго Свой образъ; потому что нужно и твое стремленіе. Она не произведеніе твоего только сердца; потому что потребна превосходнѣйшая сила. Хотя и очень остро мое зрѣніе, однако же видитъ зримые предметы не само собою и не безъ великаго свѣтила, которое освѣщаетъ мои глаза и само видимо для глазъ. И къ преуспѣванію моему нужны двѣ доли отъ великаго Бога, именно: первая и послѣдняя, а также одна доля и отъ меня. Богъ сотворилъ меня воспріимчивымъ къ добру, Богъ подаетъ мнѣ и силу, а въ серединѣ я — текущій на поприщѣ. Я не очень легокъ на ногу, но не безъ надежды на награду напрягаю свои мышцы въ бѣгу; потому что Христосъ — мое дыханіе, моя сила, мое чудное богатство. Онъ содѣлываетъ меня и зоркимъ, и добросовѣстнымъ. А безъ Него всѣ мы — смертныя игральщица суеты, живые мертвецы, смердящіе грѣхами. Ты не видывалъ, чтобы птица летала, гдѣ нѣтъ воздуха, чтобы дельфинъ плавалъ, гдѣ нѣтъ воды; такъ и человѣкъ безъ Христа не заноситъ вверхъ ноги.

Не думай о себѣ слишкомъ высоко, и не полагайся на свой умъ, хотя ты и очень велемудръ. Если и видишь кого ниже себя; не превозносишь, какъ всѣхъ превзошедшій и находящійся близко къ цѣли. Тотъ не достигъ еще цѣли, кто не увидѣлъ предѣла своего пути. Много надобно имѣть страха, но не должно приходиться и въ излишнюю робость. Высота низлагаетъ на землю, надежда возноситъ

къ небу; а на великую гордыню гнѣвается Богъ. За иное можешь взятъ руками, инаго касайся только надеждой; а отъ инаго вовсе откажись. И то признакъ цѣломудрїя — знать мѣру своей жизни. Равно для тебя худо — и отложить благую надежду, и возымѣть слишкомъ смѣлую мысль, что не трудно быть совершеннымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ твой умъ стоитъ на худой дорогѣ. Всегда старайся, чтобы стрѣла твоя попадала въ самую цѣль, смотри, чтобы не залетѣть тебѣ далѣе заповѣди великаго Христа, остерегайся и не вполне исполнить заповѣдь; въ обоихъ случаяхъ цѣль не достигнута. И излишество бываетъ часто бесполезно, когда, желая новой славы, напрягаемъ стрѣлу сверхъ мѣры.

Если будешь много о себѣ думать; то напомню тебѣ, откуда пришелъ ты въ жизнь, чѣмъ былъ прежде, чѣмъ — когда лежалъ въ матерней утробѣ, и чѣмъ будешь въ послѣдствїи, а именно: прахомъ и снѣдію червей; потому что принесешь съ собою къ мертвецамъ не болѣе, какъ и самый немощный. А если будешь низко о себѣ думать; то напомню тебѣ, что ты Христова тварь, Христово дыханіе, Христова честная часть, а потому вмѣстѣ небесный и зѣмный, приснопамятное твореніе — созданный богъ, чрезъ Христовы страданія шествующій въ нетлѣнную славу. Посему не угождай плоти, чтобы не полюбить до излишества настоящую жизнь. Но старайся соорудить прекраснѣйшій храмъ; потому что человекъ есть храмъ великаго Бога. И тотъ сооружаетъ себя въ сей храмъ, кто отрѣшается отъ земли и непрестанно шествуетъ къ небу. И сей-то храмъ совѣтую тебѣ охранять такъ, чтобы онъ

благоухаль отъ всѣхъ твоихъ дѣлъ и словъ, чтобы всегда пребывалъ въ немъ Богъ, чтобы онъ всегда былъ совершенъ, и притомъ существенно, а не наружно. Не раскрашенный, разноцвѣтный и блещущій поддѣльными красотами корабль веди по морскому хребту, но крѣпко сколоченный гвоздями, удобный для плаванія, искусно оснащенный руками художника и быстро движущійся по водамъ.

Пусть всякій простирается впередъ, всѣ же да держатся Бога: кто мудръ, кто силенъ, кто богатъ или бѣденъ, всѣ да емлются за сію необманчивую опору! Здѣсь должно привязать челнъ свой всякому, особливо же мнѣ, который сижу на высокомъ престолѣ, и посредствомъ жертвъ возвожу людей къ небу,—мнѣ, которому, если въ омраченномъ сердцѣ обезящу Христа, въ такой же мѣрѣ угрожаетъ скорбь, въ какой предлежитъ добрая слава, если приближаюсь къ Божеству. Ибо какъ по Божіимъ мѣрамъ отмѣривается мѣра нашей жизни; такъ по мѣрамъ жизни отмѣривается и Божія мѣра.

Такъ разсуждая, и здѣсь безбѣдно совершишь поприще жизни, и послѣ въ тотъ день, когда разрѣшится сія примрачная жизнь, въ добромъ сопровожденіи самого Бога, преселишься отсюда.

С Л О В О 10,

О ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПРИРОДѢ (а).

Вчера, сокрушенный своими скорбями, сидѣлъ я одинъ, вдали отъ людей, въ тѣнистой рощѣ, и снѣдался сердцемъ. Въ страданіяхъ люблю я такое врачество, и охотно бесѣдую наединѣ съ своимъ сердцемъ. Вѣтерки жужжали и, вмѣстѣ съ поющими птицами, съ древесныхъ вѣтвей ниспосылали добрый сонъ даже и слишкомъ изнемогшему духомъ. А на деревьяхъ, любимцы солнца, сладкозвучные кузнечики изъ музыкальныхъ гортаней оглашали весь лѣсъ своимъ щебетаньемъ. Неподалеку была прохладная вода, и тихо струясь по увлажненной ею рощѣ, омывала мои ноги. Но мною такъ же сильно, какъ и прежде, владѣла скорбь. Ничто окружающее не развлекало меня; потому что мысль, когда обременена горестями, нигдѣ не хочетъ встрѣтить утѣшенія. И я, увлекаемый круженіемъ парашаго ума, видѣлъ въ себѣ такую борьбу противоположныхъ помысловъ.

(а) У Бяллія стихотв. 13.

Кто я былъ? Кто я теперь? И чѣмъ буду?—Ни я не знаю сего, ни тотъ, кто обильнѣе меня мудростію. Какъ покрытый облакомъ, блуждаю туда и сюда; даже и во снѣ не вижу, чего бы желалъ, потому что и низко, и погрязъ въ заблужденіяхъ, всякій, на комъ лежитъ темное облако дебелой плоти. Развѣ тотъ премудрѣе меня, кто больше другихъ обольщенъ лживостію собственнаго сердца, готоваго дать отвѣтъ на все?

Я существую. Скажи: что это значитъ? Иная часть меня самого уже прошла, иное я теперь, а инымъ буду, если только буду. Я не что-либо не премѣнное, но токъ мутной рѣки, который непрестанно притекаетъ и на минуту не стоитъ на мѣстѣ. Чѣмъ же изъ этого (б) назовешь меня? Что наиболѣе, по твоему, составляетъ мое я?—Объясни мнѣ сіе; и смотри, чтобы теперь этотъ самый я, который стою передъ тобою, не ушелъ отъ тебя. Никогда не перейдешь въ другой разъ по тому же току рѣки, по которому переходилъ ты прежде. Никогда не увидишь человѣка такимъ же, какимъ видѣлъ ты его прежде.

Сперва заключался я въ тѣлѣ отца, потомъ приняла меня мать, но какъ нѣчто общее обоемъ; а потомъ сталъ я какая-то сомнительная плоть, что-то не похожее на человѣка, срамное, не имѣющее вида, не обладающее ни словомъ ни разумомъ; и матерняя утроба служила мнѣ гробомъ. И вотъ

(б) Изъ того, чѣмъ я былъ, емь и буду.

мы отъ гроба до гроба живемъ для тлѣнія! Ибо въ этой самой жизни, которую прохожу, вижу одну трату лѣтъ, которая мнѣ приноситъ гибельную старость. А если тамъ, какъ говоритъ Писаніе, приметъ меня вѣчная и нетлѣнная жизнь; то скажи: настоящая жизнь, вопреки обыкновенному твоему мнѣнію, не есть ли смерть, а смерть не будетъ ли для тебя жизнію?

Еще не родился я въ жизнь. Для чего же крушусь при видѣ бѣдствій, какъ нѣчто приведенное въ свой составъ? Это одно и непреложно для существъ однодневныхъ; это одно для меня сродно, непоколебимо, не старѣется, послѣ того, какъ, вышедъ изъ нѣдръ матери, пролилъ я первую слезу, прежде нежели коснулся жизни, оплакавъ всѣ тѣ бѣдствія, съ которыми долженъ встрѣтиться. Говорятъ, что есть страна, подобная древнему Криту, въ которой нѣтъ дикихъ звѣрей, и также есть страна, гдѣ неизвѣстны хладные снѣги. Но изъ смертныхъ никто еще не хвалился тѣмъ, что онъ, не испытавъ тяжелыхъ бѣдствій жизни, преселился отсель. Безсиліе, нищета, рожденіе смерти, вражда, злые люди — эти звѣри моря и суши, всѣ скорби — вотъ жизнь! И какъ много я видѣлъ напастей, и напастей ни чѣмъ не услажденныхъ; такъ не видалъ ни одного блага, которое бы совершенно изъято было отъ скорби, съ тѣхъ поръ, какъ пагубное вкушеніе и зависть противника заклеили меня горькою опалой

Къ тебѣ обращаюсь, плоть, къ тебѣ, столько неисцѣльной, къ тебѣ—льстивому моему врагу и противнику, никогда не прекращающему нападеній. Ты

злбно ласкающійся звѣрь, ты (что всего страннѣе) охлаждающій огонь. И великое было бы чудо, если бы напоследокъ и ты сдѣлалась когда-нибудь ко мнѣ благорасположенною!

И ты, душа моя (пусть и тебѣ сказано будетъ приличное слово), кто, откуда и что такое? Кто сдѣлалъ тебя трупоносицею, кто твердыми узами привязалъ къ жизни, кто заставилъ непрестанно тяготѣть къ землѣ? Какъ ты — духъ смѣсилась съ дебелостію, ты — умъ сопряглась съ плотію, ты — легкая сложилась съ тяготою? Ибо все это противоположно и противоборствуетъ одно другому. Если ты вступила въ жизнь, будучи посѣяна вмѣстѣ съ плотію, то сколько пагубно для меня такое сопряженіе! Я образъ Божій, и родился сыномъ срама, со стыдомъ долженъ матерью своего достоинства наименовать похотѣніе; потому что началомъ моего прозябенія было истекшее сѣмя, и оно сотлѣло, потомъ стало человѣкомъ, и вскорѣ будетъ не человѣкомъ, но прахомъ, — таковы послѣднія мои надежды! А если ты, душа моя, что-нибудь небесное; то желательно знать, откуда ведешь начало? И если ты Божіе дыханіе и Божій жребій, какъ сама думаешь; то отложи неправду, и тогда повѣрю тебѣ; потому что въ чистомъ не свойственно быть и малой сквернѣ. Тма — не доля солнца, и свѣтлый духъ никогда не былъ порожденіемъ духа лукаваго. Какъ же ты возмущаешься столько отъ прираженій губительнаго веліара, хотя и сопряжена съ небеснымъ духомъ? Если и при такой помощи клонишься ты къ землѣ; то, увы! увы! сколь мощенъ твой губительный грѣхъ! А если ты во

мнѣ не отъ Бога; то какая твоя природа? Какъ страшно, не надмеваюсь ли напрасною славой!

Божіе созданіе, рай, эдемъ, слава, надежда, заповѣдь, дождь—истребитель міра, дождь—огнь съ небеси, а потомъ Законъ—писанное врачевство, а потомъ Христось, соединившій Свой образъ съ нашимъ, чтобы и моимъ страданіямъ подалъ помощь страждущій Богъ, и содѣлалъ меня богомъ чрезъ свое челоѡчество.... Но мое сердце ни чѣмъ не приводится въ чувство. Въ самоубійственномъ изступленіи, подобно вепрямъ, намираемъ мы на мечъ. Какое же благо жизни? — Божій свѣтъ. Но и его преграждаетъ мнѣ завистливая и ужасная тма. Ни въ чѣмъ не имѣю преимущества, если только не преимуществуютъ предо мною злые. О, если бы при большихъ трудахъ имѣтъ мнѣ равную съ ними долю! Я поверженъ въ изнеможеніе, пораженъ Божіимъ страхомъ, сокрушенъ дневными и ночными заботами. Этотъ высоковоинный и поползновенный гонитъ меня сзади, наступилъ на меня пятою. Говори ты мнѣ о всѣхъ страхованіяхъ, о мрачномъ тартарѣ, о пламенѣющихъ бичахъ, о демонахъ—истязателяхъ нашихъ душъ:— для злыхъ все это баснь! Для нихъ всего лучше то, что подъ ногами. Ихъ ни мало не приводитъ въ разумъ угрожающее мученіе. Лучше было бы беззаконникамъ остаться въ послѣдствіи ненаказанными, нежели мнѣ пынѣ сокрушаться о бѣдствіяхъ грѣха.

Но что говорить о людяхъ? Къ-чему такъ подробно описывать скорби нашего рода? Все имѣетъ свои горести. И земля не непоколебима; и ее приводитъ въ содроганіе вѣтръ. Времена года стреми-

тельно уступаютъ мѣсто одно другому. Ночь гонитъ день, буря помрачаетъ воздухъ; солнце затмѣваетъ красоту звѣздъ, а облако — красоту солнца. Луна возражается вновѣ. Звѣздное небо видимо только въ половину. И ты, денница, былъ нѣкогда въ ангельскихъ ликахъ, а теперь, ненавистный, со стыдомъ спалъ съ неба! Умилосердись надо мною царственная, досточтимая Троица! И Ты не вовсе избѣгла отъ языка безразсудныхъ одьодневныхъ тварей! Сперва Отець, потомъ великій Сынъ, а потомъ Духъ великаго Бога были предметомъ хулы!

Къ чему приведешь ты меня, зломудренный языкъ? Гдѣ прекратятся мои заботы? Остановись. Все ниже Бога. Покорствуй Слову. Не напрасно (возобновлю опять пѣснь) сотворилъ меня Богъ. Отъ нашего малодушія такая мысль. Теперь мракъ, а потомъ дастся разумъ, и все уразумѣешь, когда будешь или созерцать Бога, или горѣть въ огнѣ.

Какъ скоро воспѣлъ мнѣ сіе любезный умъ, утихла моя скорбь. Поздно пришелъ я домой изъ тѣнистой рощи, и иногда смѣюсь надъ разсуждающими иначе, а иногда, если умъ въ борьбѣ съ самимъ собою, томлю скорбію сердце.

С Л О В О 11,

О МАЛОЦѢННОСТИ ВЪНШНЯГО ЧЕЛОВѢКА И О СУВѢ НАСТОЯЩАГО (а).

Кто я былъ? Кто я теперь? И чѣмъ буду по прошествіи не долгаго времени? Куда приведешь, и гдѣ поставишь, Безсмертный, великую тварь, ежели есть великое между тварями? А по моему мнѣнію, мы ничего не значащія однодневныя твари и напрасно поднимаемъ высоко брови, ежели въ насъ то одно и есть, что видятъ люди, и ничего не имѣемъ мы, кромѣ гбнущей жизни.

Телець, едва оставилъ нѣдра раждающей, уже и скачетъ, и крѣпко сжимаетъ сладкіе сосцы, а на третьемъ году носить ярмо, влачить тяжелую колесницу и могучую выю влагаетъ въ крѣпкій навыйникъ. Пестровидный олень, едва изъ матерней утробы, и тотчасъ твердо становится на ноги подлѣ своей матери, бѣжить отъ кровожадныхъ псовъ

(а) У Билія стихотвореніе 14-е: *о малоцѣнности въшняго человека.*

и отъ быстрого коня, скрывается въ чащахъ густаго лѣса. Медвѣди, порода губительныхъ вепрей, львы, равный въ скорости вѣтру тигръ и рыси, лишь въ первый разъ завидать желѣзо, тотчасъ у нихъ ошестинилась шерсть, и съ яростію бросаются они на сильныхъ звѣролововъ. Не давно еще покрытый перьями птенецъ, едва оперился, и высоко надъ гнѣздомъ кружится по просторному воздуху. Золотая пчела, оставила только пещеру, и вотъ строить себѣ противоположную обитель, и домъ наполняетъ сладкимъ плодомъ; а все это—трудъ одной весны. У всѣхъ у нихъ готовая нища, всѣмъ пиръ даетъ земля. Не разсѣкаютъ они яраго моря, не пашутъ земли; нѣтъ у нихъ хранилищъ, нѣтъ виночерпцевъ. И быстролетную птицу питають крылья, а звѣрей—дебри. Если и трудятся, то у нихъ небольшая однодневная работа. А огромный левъ, какъ слыхалъ я, растерзавъ звѣря, имъ умерщвленнаго, гнушается остатками своего пира. Притомъ сказываютъ, что онъ, попеременно, въ одинъ день вкушаетъ пищу, а въ другой однимъ питіемъ прохлаждаетъ жадную гортань, чтобы приучить къ воздержности чрево. Такъ жизнь ихъ не обременена трудами. Подъ камнемъ или вѣтвями всегда готовый у нихъ домъ. Они здоровы, сильны, красивы. Когда же смирить болѣзнь; безпечально выпускають послѣднее дыханіе, не сопровождаютъ другъ друга плачевными пѣснями, и друзья не рвутъ на себѣ волосъ. Скажу еще болѣе: они безтрепетно теряють жизнь; и звѣрь, умирая, не боится никакого зла. —

Посмотри же на жалкій человѣческій родъ; то—
Т. IV.

гда и самъ скажешь съ стихотворцемъ (б): «нѣтъ ничего немощиѣ челоуѣка». Я плодъ истекшаго сѣмени; съ болѣзнями родила меня мать, и вскармленъ я съ великими и тяжкими трудами. Сперва мать носила меня въ объятіяхъ — сладостный трудъ! а потомъ не безъ болѣзненныхъ воплей сошель я на землю; потомъ сталъ ходить по землѣ какъ четвероногій, пока не поднялся на колеблющіяся ступни, поддерживаемый чужими руками. Со временемъ въ намекахъ нѣмотствующаго голоса проблеснулъ мой умъ. А потомъ уже подъ руководствомъ другихъ я выплакалъ себѣ слово. Въ двадцать лѣтъ собрался я съ силами, но прежде сего, какъ подвизавшійся на поприщѣ, встрѣтилъ много поражений. Иное остается при мнѣ, другое для меня погибло, а надъ инымъ (да будетъ извѣстно тебѣ, душа моя!) будешь еще трудиться, проходя жизнь — это стремленіе во всемъ тебѣ противное, этотъ дикій потокъ, это волнующееся море, то здѣсь, то тамъ воскипающее отъ непрестанныхъ порывовъ вѣтра. Часто обуреваюсь собственнымъ своимъ безразсудствомъ; а оно навелъ на меня противникъ нашей жизни — демонъ.

Если вѣрно уставишь вѣсы, и взвѣсишь все, что въ жизни пріятнаго, и что прискорбнаго; то одна чаша, до верха нагруженная зломъ, пойдетъ къ землѣ, а другая напротивъ, съ благами жизни, побѣжитъ вверхъ. Война, море, воздѣлываніе земли, трудъ, разбойники, пріобрѣтеніе имущества, описи

(б) Гомеръ, въ Одиссеѣ 18, 130.

имѣній, сборщики податей, ходатаи по дѣламъ, записи, судьи, неправдивый начальникъ—все это еще дѣтскія игрушки въ многотрудной жизни. Посмотри и на пріятность жизни: пресыщеніе, обремененіе, пѣніе, смѣхи, гробъ, всегда наполненный сотлѣвшими мертвецами; брачные дары, бракъ, бракъ второй, если расторгся прежній, прелюбодѣи, поимка прелюбодѣевъ; дѣти—тревожная скорбь; красота—невѣрная приманка; безобразіе—невинное зло; заботы о добрыхъ дѣтяхъ, печаль о худыхъ; богатство и нищета—сугубое зло, презорство, гордость—все это какъ шаръ, летающій изъ рукъ въ руки у молодыхъ людей.

Итакъ, смотря на сіе, снѣдаюсъ сердцемъ, если почитаютъ лучшимъ то, въ чемъ больше зла, нежели добра. Не плачешь ли, слыша, сколько было скорбей у жившихъ до насъ? Впрочемъ не знаю, будешь ли ты при этомъ плакать, или смѣяться. Мудрецы древности находили для себя приличнымъ и то и другое; и у одного изъ нихъ извлекало слезы, а въ другомъ возбуждало смѣхъ, что Трояне и Ахеи, другъ на друга бросаясь, бились и взаимно себя истребляли за прелюбодѣйную жену; что брань была у Куретовъ и у браннолюбивыхъ Этолянъ за свиную голову и за щетину молодого кабана; что Эаковы сыны, при всей великой славѣ, умерли, одинъ среди враговъ отъ неистовой руки, а другой отъ женолюбія; что именитъ былъ Амфитріоновъ сынъ, но и этотъ всеразясій погибъ отъ ядоносной одежды. Не избѣжали злой участи и Киръ и Крезъ, а равно и наши, какъ будто вчерашніе только, цари. И тебя, почитавшійся

сыномъ змія, неудержимая сила — Александръ, погубило вино, когда обошелъ ты цѣлую землю! Какое преимущество между согнившими? Тотъ же прахъ, тѣ же кости — и ирой Атридъ и нишій Иръ, царь Константинъ и мой служитель; и кто злострадалъ, и кто благоденствовалъ, у всѣхъ нѣтъ ничего кромѣ гроба.

Такова здѣшняя участь; но что же въ другой жизни? Кто скажетъ, что приноситъ неправеднымъ послѣдній день? Тамъ клокочущій пламень, ужасная тма удалившимся отъ свѣта, червь, всегдашнее памятованіе нашихъ грѣховъ. Лучше бы тебѣ, грѣшникъ, не вступать во врата жизни, и если вступилъ, всему разрушиться на-равнѣ со звѣрами, чѣмъ послѣ того, какъ терпишь здѣсь столько скорбей, понести еще наказаніе, которое тяжелѣе всего претерпѣваемаго тобою въ здѣшней жизни! Гдѣ великая слава моего прародителя? — Погублена снѣдію. Гдѣ премудрый Соломонъ? — Покоренъ женами. Гдѣ этотъ Иуда, сопричисленный къ двѣнадцати? — За малую корысть объять тмою.

Молю Тебя, Царь мой Христось: подай, Блаженный, Твоему служителю немедленное исцѣленіе отъ золь, преселивъ его отсель! Для людей одно только благо, и благо прочное, — это небесныя надежды. Ими дышу я нѣсколько; а къ прочимъ благамъ чувствую великое отвращеніе. И я готовъ предоставить существамъ однодневнымъ все то, что влечется по землѣ, отечество и чужую сторону, престолы и сопряженныя съ ними почести, близкихъ, чужихъ, благочестивыхъ, порочныхъ, откровенныхъ, скрытныхъ, смотрящихъ не завистливымъ

окомъ, снѣдаемыхъ внутренно самоубійственнымъ грѣхомъ. Другимъ уступаю пріятности жизни; а самъ охотно ихъ избѣгну.

О какъ продолжительною сдѣлали жизнь эту бѣдствія!—Долго ли мнѣ сидѣть у гноища? Какъ будто всѣ блага нашей жизни заключены въ одномъ утѣшеніи—изо дня въ день то принимать въ себя, то извергать отмѣренное. Не многимъ пользуется гортань; а все прочее переходитъ въ стокъ нечистоты. Еще зима, еще лѣто; то весна, то осень попеременно; дни и ночи—двойные призраки жизни; небо, воздухъ, море—во всемъ этомъ, и что неподвижно, и что вращается, ничего для меня нѣтъ новаго, всѣмъ я пресыщенъ. Другую даруй мнѣ жизнь и другой міръ, для котораго охотно несущи всѣ тяжести трудовъ. Лучше бы мнѣ умереть, когда заключилъ Ты меня въ матернюю утробу; ибо, какъ скоро началъ я жизнь, моимъ удѣломъ стали тма и слезы.

Что это за жизнь?—Воспрянувъ изъ гроба, иду къ другому гробу, и возставъ изъ могилы, буду погребенъ въ нещадномъ огнѣ. Да и это время, пока дышу, есть быстрый потокъ бѣгущей рѣки, въ которой непрестанно одно уходитъ, другое приходитъ, и ничего нѣтъ постоянного. Здѣсь все одинъ прахъ, который закидываетъ мнѣ глаза, и я дальше и дальше отпадаю отъ Божія свѣта, ощущаю, по стѣнѣ, хватаясь за то и другое, брожу внѣ великой жизни. Отважусь на одно правдивое слово: человекъ есть Божія игра, подобная одной изъ тѣхъ, какія видимъ въ городахъ. Сверху надѣта личина, которую сдѣлали руки; когда же она

снята, каменію отъ стыда, явившись вдругъ инымъ. Такова вся жизнь жалкихъ смертныхъ. У нихъ на сердцѣ лежитъ мечтательная надежда, но тѣшатся ею недолго.

А я, который емлюсь за Христа, никогда не отрѣшусь отъ Него, пока связанъ узами сей перстной жизни. Во мнѣ двойная природа. Тѣло сотворено изъ земли, потому и преклонно къ своей перстной еи персти. А душа есть Божіе дыханіе, и всегда желаетъ имѣть лучшую участь пренебесныхъ. Какъ потокъ течетъ изъ источника по ровному мѣсту, а пламеньющій огонь знаетъ одинъ неизмѣнный путь—возноситься вверхъ: такъ и челоуѣкъ великъ; онъ даже Ангелъ, когда, подобно змѣѣ, совлекши съ себя пестровидную старость, восходитъ отсель. Торжествуйте іереи, я умеръ! И вы, злые сосѣди, не прійдете уже отъ меня въ трепеть, какъ прежде! Вы сами себя заграждаете великое милосердіе присноживущаго Царя. А я, оставивъ все, имѣю одно—крестъ, свѣтлый столпъ моей жизни. Когда же буду восхищенъ отсель, и коснусь пренебесныхъ жертвъ, къ которымъ не приближается скрытное зло—зависть; тогда (если позволено сказать) и за завистливыхъ буду беззавистно молиться.

(в) Кто я? Откуда пришелъ въ жизнь? И послѣ того, какъ земля приметъ меня въ свои нѣдра, какимъ явлюсь изъ возставшаго праха? Гдѣ поставитъ меня великій Богъ? И, исхитивъ отсель, введетъ ли

(в) У Биллія начинается отсель стихотвореніе 15, подъ заглавіемъ: *О путяхъ жизни.*

въ спокойную пристань? Много путей многобѣдственной жизни, и на каждомъ встрѣчаются свои скорби; нѣтъ добра для людей, къ которому бы не примѣшивалось зло; и хорошо еще, если бы горести не составляли большей мѣры! Богатство не вѣрно; престолъ — киченіе сновидца; быть въ подчиненіи тягостно; бѣдность — узы; красота — кратковременный блескъ молніи; молодость — временное воскипѣніе; сѣдина — скорбный закатъ жизни; слова летучи; слава — воздухъ; благородство — старая кровь; сила — достояніе и дикаго вепря; пресыщеніе нагло; супружество — иго; многочадіе — необходимая забота; безчадіе — болѣзнь; народныя собранія — училище пороковъ; недѣятельность разслабляетъ; искусства приличны пресмыкающимся по землѣ; чужій хлѣбъ горекъ; воздѣлывать землю трудно; большая часть мореплавателей погибли; отечество — собственная яма; чужая сторона — укоризна. Смертнымъ все трудно; все здѣшнее — смѣхъ, пухъ, тѣнь, призракъ, роса, дуновеніе, перо, паръ, сонъ, волна, потокъ, слѣдъ корабля, вѣтеръ, прахъ, кругъ вѣчно кружащійся, возобновляющій все подобное прежнему, и неподвижный и вертящійся, и разрушающійся и непремѣнный — во временахъ года, дняхъ, ночахъ, трудахъ, смертяхъ, заботахъ, забавахъ, болѣзняхъ, паденіяхъ, успѣхахъ.

И это дѣло Твоей премудрости, Родитель и Слово, что все непостоянно, чтобы мы сохраняли въ себѣ любовь къ постоянному! Все обтекъ я на крылахъ ума — и древнее, и новое; и ничего нѣтъ немощнѣе смертныхъ. Одно только прекрасно и прочно для человѣка: взявъ крестъ, преселиться

отселѣ. Прекрасны слезы и воздыханія, умъ питающійся божественными надеждами, и озареніе пренебесной Троицы, вступающей въ общеніе съ очищенными. Прекрасны отрѣшеніе отъ неразумной персти, нерастлѣніе образа, пріятого нами отъ Бога. Прекрасно жить жизнью чуждою жизни, и, одинъ міръ промѣнявъ на другій, терпѣливо переносить всѣ горести.

С Л О В О 12 (а),

БЛАЖЕНСТВА И ОПРЕДѢЛЕНІЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

Блаженъ, кто ведетъ пустынную жизнь, не имѣеть общенія съ привязанными къ землѣ, но обожилъ свой умъ.

Блаженъ, кто, въ общеніи со многими, не развлекается многимъ, но преселилъ къ Богу всецѣлое сердце.

Блаженъ, кто, вмѣсто всѣхъ стяжаній, приобрѣлъ Христа, у кого одно стяжаніе — крестъ, который и несетъ онъ высоко.

Блаженъ, кто господинъ своихъ чистыхъ отъ неправды стяжаній, и подастъ нуждающимся божескую руку.

Блаженна жизнь счастливыхъ дѣвственниковъ, которые, отряси плоть, близки къ чистому Божеству.

Блаженъ, кто, уступивъ немногое законамъ брака, приноситъ въ даръ Христу большую часть любви.

(а) У Билія стихотвореніе 16-е.

Блаженъ, кто, воспріавъ на себя власть надъ народомъ, чистыми и великими жертвами примиряетъ Христа съ земнородными.

Блаженъ, кто, принадлежа къ стаду, занимаетъ мѣсто между пасомыми, какъ совершеннѣйшая овца Христова.

Блаженъ, кто, въ высокихъ пареніяхъ очищеннаго ума, видитъ свѣтозарность небесныхъ свѣтовъ.

Блаженъ, кто многотрудными руками чтитъ царя, и для многихъ служитъ закономъ жизни.

Всѣ они наполняютъ собою небесныя точила — эти влагалища для плода нашихъ душъ, хотя каждая добродѣтель ведетъ въ особое мѣсто; потому что много обитателей для многихъ родовъ жизни.

Блаженъ, кто показалъ великій духъ, обвинявшій страстями, кто проводитъ здѣшнюю жизнь въ слезахъ, кто всегда алчетъ небесной снѣди, кто чрезъ кротость дѣлаетъ себя наслѣдникомъ великихъ обѣтованій, кто своею сострадательностію привлекаетъ къ себѣ великое Божіе милосердіе, кто другъ мира и чистъ сердцемъ, кто терпитъ великія скорби ради Христа — великой славы, и самъ идетъ во срѣтеніе великой славы.

Иди, какою хочешь изъ этихъ, стезею. Если пойдешь всѣми; это всего лучше. Если пойдешь немногими, — второй тебѣ вѣнецъ. А если пойдешь и одною, но превосходно; — и то пріятно. Всѣмъ уготованы обители по достоинству — и совершеннѣйшимъ и менѣе совершеннымъ.

И Раавъ неблагочинную вела жизнь, но и ту содѣлала славною чрезъ свое превосходное странполюбіе. Мытарь за одно — за смиренномудріе

получилъ преимущество предъ фарисеями, который много превозносился. "Лучше дѣвственная жизнь; подлинно лучше! — но если она предана міру и земному, то хуже супружества. Высока жизнь цѣломудренныхъ нестяжателей, привитающихъ въ горахъ; но гордость и ихъ низлагала неоднократно; потому что они, не измѣряя своей добродѣтели другими совершеннѣйшими образцами, иногда въ сердцахъ своемъ именуютъ высоту, что не высоко, а не рѣдко, при пламенѣющемъ умѣ, ноги, какъ горячіе кони, несутъ ихъ далѣе цѣли. Посему, или на легкихъ крылахъ несись все выше и выше, или, оставаясь внизу, совершай безопасное теченіе, не страшась, что какая-нибудь тяжесть преклонитъ крылья твои къ землѣ, и ты, вознесшись, падешь жалкимъ паденіемъ. —

Малый корабль, скрѣпленный частыми гвоздями, поднимаетъ больше груза, нежели большой корабль худо связанный. Тѣсный путь устроенъ къ Божиимъ вратамъ; но многія стези выводятъ на одну дорогу. Пусть одни идутъ тою, а другіе — другою стезею, какую кому указываетъ природа, только бы всякій вступилъ на тѣсный путь. Не всѣмъ равно пріятна одна снѣдь; и христіанамъ приличенъ не одинъ образъ жизни.

Для всѣхъ превосходны слезы, бдѣнія и труды. Для всѣхъ хорошо обуздывать ярость безпокойныхъ страстей, преодолевать невоздержность, подкланяться подъ державную руку Христову и трепетать грядущаго дня (б). Если же идешь совершенно

(б) Суда по всеобщемъ воскресеніи.

горящимъ путемъ; ты уже не смертный, но, по Григоріеву слову, одинъ изъ небожителей.

(в) Поклялся я самимъ Словомъ, Которое для меня есть высочайшій Богъ, Начало отъ Начала — отъ безсмертнаго Отца, Образъ Первообраза, естество равное Отчему, Богъ пришедшій съ небесъ и вступившій въ человѣческую жизнь, — поклялся я, ни умомъ, замыслившимъ вражду, не унижать великій Умъ, ни чуждымъ словомъ — Слово. А если бы, послѣдовавъ внушеніямъ богоборныхъ временъ, сталъ я разсѣкать Божество прѣсвѣтлой Троицы; если бы мой умъ обольстился высокимъ престоломъ, или подалъ я руку искательству другихъ; если бы предпочелъ я Богу смертнаго помощника, привязавъ корабль свой къ хрупкому камню; если бы въ счастіи возгордился я сердцемъ, или опять, встрѣтившись съ напастями, унылъ духомъ; если бы сталъ я судить судъ, уклонившись сколько-нибудь отъ закона; если бы человѣческой гордости отдалъ я предпочтеніе предъ преподобными; если бы, видя, какъ злые наслаждаются тишиною, а добрые разбииваются объ утесы, уклонился я отъ праваго пути; если бы зависть изсушила мое сердце; если бы посмѣялся я паденію другихъ, хотя и не святыхъ, какъ будто бы самъ стою неподвижною ногою; если бы отъ умножившейся желчи палъ мой умъ; если бы языкъ побѣждалъ безъ узды, и похотливое око

(в) У Биллія начинается здѣсь стихотвореніе 17-е, подъ заглавіемъ: *клятвы или клятвенные обѣты*. Впрочемъ самъ Биллій въ толкованіи своемъ замѣчаетъ, что стихотвореніе сіе въ рукописи соединено съ предыдущимъ.

увлекло за собою сердце; если бы возненавидѣлъ я кого напрасно; если бы коварно или явно сталъ я мстить своему врагу; если бы отпустилъ я отъ себя нищаго съ пустыми руками, или съ сердцемъ жаждущимъ небеснаго слова: то Христосъ да будетъ милосердъ къ другому, а не ко мнѣ; мои же труды, до самой сѣдины, да развѣваетъ вѣтеръ!

Такими законами связалъ я жизнь свою. А если въ желаемомъ достигну конца; то по Твоей благодати, Нетлѣнный!

СТИХИ О САМОМЪ СЕБѢ,

**ВЪ КОТОРЫХЪ СВ. ВОГОСЛОВЪ СКРЫТЫМЪ ОБРА-
ЗОМЪ ПОЩРЯЕТЪ И НАСЪ КЪ ЖИЗНИ ВО ХРИСТА.**

Царь мой, Христось! Ты чистыми дланями служителя Твоего Моисея, крестообразно воздѣтыми на горѣ, низложилъ нѣкогда губительную силу Амалика. Ты простертыми руками Даніила связалъ во рвѣ страшныя пасти львовъ и ужасныя острія ихъ когтей. Черезъ Тебя молящійся и во утробѣ звѣря простирающій руки Іона исшелъ изъ великаго кита; и въ Ассирійскомъ пламени трехъ мужественныхъ юношей, какъ скоро воздвигли они длани, покрыло росоносное облако. Ты Самъ нѣкогда ходилъ по кипящему морю, усмиралъ волны и силу вѣтровъ, извлекалъ изъ моря обуреваемыхъ вѣтрами учениковъ; Ты разрѣшалъ отъ болѣзней и души и тѣлесныя составы многихъ; какъ Богъ, принявшій на Себя естество человѣческое, вступалъ въ общеніе съ смертными. И Богомъ былъ Ты отъ вѣка, человѣкомъ же явился намъ напоследокъ, чтобы послѣ того, какъ Самъ Ты сталъ человѣкомъ, меня содѣлать богомъ. Будь и ко мнѣ ми-

лосердымъ Богомъ, Блаженный, и спаси меня! Будь и ко мнѣ милосердымъ Богомъ, и прійди къ зовущему! прійди, милосердый Боже, подай мнѣ руку и спаси меня, который стражду отъ брани, отъ звѣрей, отъ пламени, отъ вѣтровъ, и на небо только возвожу взоры! Ибо для меня и звѣрями, и свирѣпою волною моря, и плачевною бранію, и стремленіемъ палящаго огня—всѣмъ бывають злые люди, губители моей жизни, люди, которые всего болѣе ненавидятъ любящихъ Бога, не боясь суда, угрожающаго имъ въ послѣдствіи, не уважая и людей, отвращающихся злочестивца. Отъ нихъ огради меня, Христе, и милостиво соблюди, покрывъ Своими крылами! Удали отъ служителя Твоего, Царь, обременительныя бѣдствія; да не возмущаютъ ума моего тяжкія заботы, какія міръ и царствующій въ мірѣ возбуждаютъ въ жалкихъ смертныхъ, какъ ржа желѣзо истнѣвая въ нихъ боговидный образъ, и лучшую часть человѣка обращая въ ничто сродное персти, чтобы не душа восторгала горѣ тяготящую къ землѣ персть, но персть низлагала на землю крылатую душу, оплототворивъ злосчастную перстными дѣлами!

Для смертныхъ двое есть вратъ страшной смерти. Одни источаютъ изъ сердца мутный потокъ грѣха; у нихъ всегда на умѣ дѣла вредоносныя: плотоугодіе, оскорбительная наглость, губительные замыслы; они, возлюбивъ свою участь, и сами себя поощряя на всякое преступленіе, услаждаются грѣхомъ. Другіе же чистыми очами ума видятъ Бога, отвращаются наглости — сего порожденія безстыднаго міра, живутъ безъ скорбей подъ сѣнію плоти,

ускоренными стопами попирають землю, съ легко-
стію слѣдуя за зовущимъ Богомъ и Духомъ, и воз-
сіяютъ въ послѣдствіи, какъ таинники сокровенной
жизни Царя-Христа, когда она явится во свѣтъ.
Но и они, будучи данниками нужды, искушаются
худыми терніями жизни, а злобный врагъ демонъ
для немощныхъ смертныхъ измыслилъ изъ сего ты-
сячи жалъ смерти, часто подъ благовидною личи-
ною скрывая жалкую пагубу, чтобы уловить про-
тивоборствующаго; онъ такъ же готовитъ гибельный
конецъ людямъ, какъ уда въ водѣ приносить смерть
рыбамъ, которыя, желая жизни, но поглощая толь-
ко собственную свою пагубу, неожиданно привле-
каютъ уду въ свою внутренность. И ко мнѣ этотъ
коварный, такъ какъ зналъ я, что онъ тма, облек-
шись въ прекрасную наружность, приступалъ въ
подобіи свѣта, въ надеждѣ, что и я, возлюбившій
добродѣтель, приближусь къ пороку, когда и мой
легкій умъ увлечется въ пагубу.

Меня не связало супружество — этотъ потокъ
жизни, эти узы тагчайшія изъ всѣхъ, какія нала-
гаетъ на людей вещество, какъ начало трудовъ.
Меня не плѣнили прекрасныя волны шелковыхъ
одеждъ; не любилъ я продолжительныхъ трапезъ, не
любилъ пресыщать прожорливое чрево—эту поги-
бельную мать плотоугодія; не любилъ я жить въ
огромныхъ и великолѣпныхъ домахъ; не разслаб-
лялъ я сердца музыкальными звуками, нѣжно по-
трясающими слухъ; меня не упоевало нѣгою рос-
кошное испареніе благовонныхъ мазей. И серебро
и золото предоставлялъ я другимъ, которые, сядя
надъ несмѣтнымъ богатствомъ, любятъ предаваться

заботамъ, и не много находятъ для себя услажденія, но много труда. Для меня пріятенъ кусокъ хлѣба; у меня сладкая приправа — соль; а столъ приготовленъ безъ трудовъ, и питіе трезвенное — вода. Мое лучшее богатство — Христось, Который непрестанно возносить умъ мой горѣ, а не поля засѣяныя пшеницею, не прекрасныя рощи, не стада воловъ или тучныхъ овецъ, не дорогіе служители — одинъ со мною родъ, но отдѣленный отъ меня древнимъ мучительствомъ, которое на рожденныхъ одною землею (землею, или Богомъ) наложило двоякое именованіе — благородства и рабства, что подтвердилъ и недобрый законъ. Ни къ чему не нужны мнѣ — ничтожная честь, которая проходитъ скорѣе разливающагося дыханія, и скорогибнущая слава; не важно для меня получить отъ царя награды при Дворѣ; никогда не обольщало меня желаніе судейскаго мѣста, на которомъ, засѣдая величаво, могъ бы я высоко поднять вверхъ брови; не важно для меня имѣть могущество въ городахъ или между гражданами, — увеселяться самыми лживыми и ничтожными грезами, которыя какъ приходятъ одна за другою, такъ и улетаютъ, или хватать руками мимотекущій потокъ, какъ нѣчто твердое ловить тѣнь и сжимать ее руками, простирати длани къ туману и осязать его. Таковъ человѣческій родъ, таково и человѣческое счастье: оно подобно самымъ непримѣтнымъ слѣдамъ корабля, которые нарѣзываются спереди и исчезаютъ сзади! — Одна слава была для меня пріятна — отличатся познаніями, какія собрали Востокъ и Западъ и краса Элады — Аѳины; надъ симъ я трудился много и долгое

время. Но все свои познания, повергнувъ долу, положилъ я къ стопамъ Христовымъ, чтобы они уступили Слову великаго Бога, Которое затмѣваетъ Собою всякое извѣтiе и многообразное слово ума чловѣческаго.

Но, избѣжавъ инаго, не избѣжалъ я невѣроятной вражды непріязненнаго, который съ лицомъ дружественнымъ строить мнѣ козни. Откровенно повѣдаю всѣмъ мое бѣдствiе, чтобы другiе могли спастись отъ ухищренiй пресмыкающагося звѣря.

Услуживая родителямъ, которые обременены были старостiю и жестокою скорбiю, потому что изъ дѣтей остался у нихъ я одинъ—слабая надежда, небольшое мерцанiе уже несуществующаго великаго свѣтила,—услуживая родителямъ, думалъ я исполнить угодное Тебѣ и законамъ Твоимъ, Царь мой Христось; потому что Ты, Блаженный, даруешь дѣтей смертнымъ, чтобы имѣли въ нихъ помощь, и ими, какъ жезломъ, подпирали дрожащiе члены. А изъ всѣхъ, которые чтутъ Тебя, мои родители особенно заботятся о благочестiи; избѣгнувъ опасности скорбной жизни, они привязали корабль свой къ Твоимъ чистымъ заповѣдамъ. Ты для нихъ начало и конецъ. Матерь моя, наслѣдовавъ отъ отцевъ богоугодную Вѣру, и на дѣтей своихъ наложила золотую сiю цѣпь. Въ женскомъ образѣ нося мужское сердце, она для того только касается земли и заботится о мiрѣ, чтобы все, и самую здѣшнюю жизнь, преселить въ жизнь небесную, и на легкихъ крылахъ воспарить горѣ. А родитель прежде, служа идоламъ, былъ дикою маслиною, но привился къ стеблю маслины доброй, и столько

принялъ въ себя соковъ благороднаго корня, что закрылъ собою дерево, и многихъ напиталъ медоточными плодами; онъ сѣдъ волосами и вмѣстѣ сѣдъ умомъ, привѣтливъ, сладкорѣчивъ; это новый Моисей или Ааронъ, посредникъ между людьми и небеснымъ Богомъ; непорочный внутренно, чистыми тайноводствіями и нашими жертвами, какія закаляетъ умъ, приводитъ онъ въ общеніе смертныхъ и великаго безсмертнаго Бога. Отъ такого родителя и отъ такой матери произошелъ я. Соревновать имъ невозможно; а что соревнуютъ они другъ другу, это не тревожитъ меня. Заботясь о нихъ, и облегчая ихъ труды, питалъ я умъ своей надеждами, что дѣлаю самое полезное дѣло, исполняю долгъ природы.

Но несомнѣнно, что путь нечестивыхъ исполненъ пагубы; потому что и изъ добраго произошло для меня злое. Непрестанныя и тяжкія заботы, день и ночь снѣдая душу и тѣло, низводятъ меня съ неба къ матери моей — землѣ. Во-первыхъ, управлять слугителями — подлинная сѣть пагубы. Жестокихъ владыкъ они всегда ненавидятъ, а богобоязненныхъ безстыдно попираютъ; къ злымъ неснисходительны, добрымъ неблагопокорны, но на тѣхъ и на другихъ дышатъ неразумнымъ гнѣвомъ. — А сверхъ того надобно заботиться объ имуществѣ, всегда имѣть на плечахъ Кесарево бремя, переносить сильныя угрозы сборщика податей; потому что подать, возрастая съ имѣніемъ, унижаетъ для людей цѣну самой свободы, а на устахъ лежатъ узы. Надобно проводить время среди волненій многолюднаго собранія, близъ высокихъ сѣдалищъ, въ которыхъ

рѣшаются людскія распри, надобно выслушивать громкія возраженія противника, или по закону терпѣть скорби въ запутанныхъ сѣтяхъ. Вотъ бремя, вотъ трудъ! А злые берутъ преимущество предъ добрыми; блюстители законовъ могутъ быть куплены той и другой стороною. И если злой имѣетъ у себя больше достатка; то онъ и лучший. Кто же съ такими людьми, безъ помощи Божіей, избѣжитъ множества лжей и хитросплетеній? Ибо необходимо, или опрометью бѣжать и оставить все злымъ, или очернять свое сердце, подобно какъ приближающійся къ злomu дыханію истребительнаго огня носитъ на себѣ печальные знаки или пламени, или дыма. Но это еще сносно. Моя рана болѣзненнѣе. Послѣ того, какъ единокровный мой оставилъ жизнь, сколько я терпѣлъ, и сколько надѣюсь еще терпѣть! Кто встрѣтилъ неожиданныя потери, тотъ не ожидаетъ лучшаго. При жизни брата и я имѣлъ нѣкоторую славу у людей; богатство же или могущество никогда не уловляло моего сердца. А какъ скоро онъ умеръ, одинъ я терплю скорби и горести.

Изъ имѣнія, какимъ владѣлъ братъ, иное поглотила разверзшаяся земля, когда и самъ онъ покрытъ былъ развалинами Никеи, а иное демонъ предалъ расхищенію руками негодныхъ людей; только самъ, заваленный обломками, избѣжалъ онъ смерти, потому что небесный Богъ простеръ руку Свою надъ домомъ, въ которомъ онъ находился. О Кесарій мой — досточтимое имя! какъ утренняя звѣзда блистала ты тогда при дворѣ царскомъ, занимая первое мѣсто по мудрости и кроткому нраву,

имѣя у себя многихъ сильныхъ друзей и товарищей; для многихъ изобрѣталъ ты врачевства отъ тяжкихъ тѣлесныхъ недуговъ; многихъ своими благодѣянiями избавлялъ отъ нищеты: но теперъ ты умеръ, и насытилъ многихъ псовъ, которые отсюду обступили меня и лаютъ; а изъ родныхъ никто не подастъ мнѣ помощи. Не многіе меня любятъ, и тѣ любятъ какъ враги; уважаютъ, пока еще ничего не получили, а получивъ, ненавидятъ. Такъ съ высокаго развѣсистаго дуба, порываемаго усилiями вѣтра, и здѣсь и тамъ, отсюду вокругъ похищаются вѣтви; такъ съ обширнаго виноградника, у котораго разрушена ограда, мимоходящіе путники безъ милосердія собираютъ грозды, и единопасущійся въ лѣсахъ вепрь наноситъ ему вредъ зубами. А мнѣ—многослезный трудъ; нѣтъ силъ въ моей рукѣ ни насытить, ни отогнать всѣхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ, отрѣшившись отъ житейскаго, предалъ я душу свѣтлымъ небеснымъ помысламъ, и высокій умъ, восхитивъ меня отсюда, поставилъ далеко отъ плоти, сокрылъ въ таибницахъ небесной скинiи, осiялъ мои взоры свѣтомъ Троицы, свѣтозарнѣе Которой ничего не представляла мнѣ мысль, Троицы, Которая съ превознесеннаго престола изливаетъ на всѣхъ общее и неизреченное сіяніе, Которая есть начало всего, что отдѣляется отъ превыспренняго временемъ, съ тѣхъ, говорю, поръ я умеръ для міра, а міръ умеръ для меня. Я дышашій мертвецъ; мое могущество—кончившаяся греза; моя жизнь въ иномъ мірѣ; я вдыхаю подъ дебеюю плотiю, которую мудрые прекрасно называютъ мракомъ ума. Отрѣшившись отъ

здѣшной жизни, отъ омрачающаго зрѣнія, отъ всего, что, пресмыкаясь по землѣ, блуждаетъ и вводитъ въ заблужденіе, желаю чище приникнуть въ постоянное, чтобы не въ смѣси (какъ обыкновенно доселѣ) съ неясными образами, которыми зрѣніе даже самаго остраго ума вводится въ обманъ, но чистыми очами видѣть самую истину. Впрочемъ сіе возможно въ послѣдствіи; а здѣшнее—ничего нестоющій дымъ или прахъ для того, кто эту жизнь обмѣнилъ на жизнь великую, жизнь земную на жизнь превыспреннюю, жизнь скоропреходящую на жизнь постоянную.

За сіе-то и напали на меня всѣ, не хотятъ отойти отъ меня, спѣша какъ на готовую добычу. Увы, увy, мой Кесарій! и ты—горсть праха, ты, который отражалъ отъ меня всѣ безпокойства, давалъ мнѣ возможность избѣгать всякаго бремени, почиталъ брата, какъ не почиталъ никто другой, уважалъ меня, какъ иной уважаетъ любимаго отца!

Но я не столько сѣтую о потерѣ имущества, которое желалъ сдѣлать общимъ достояніемъ нуждающихся, потому что и самъ я здѣсь пресельникъ и скиталецъ, и все предоставляю рукѣ Всевышняго—подательницѣ благъ; не столько сѣтую объ обидѣ ненавистной всякому смертному, хотя она и кроткаго человѣка всего скорѣе можетъ привести въ гнѣвъ; не столько сѣтую объ единокровныхъ, которыхъ скрываетъ отъ меня гробъ, похитивъ преждевременно, когда они возбуждали удивленіе всѣхъ земнородныхъ: сколько плачу о душѣ своей; ибо вижу, что эта прекрасная и великая царица, дочь благородныхъ Царей, изнемогаетъ подъ тя-

жестію неразрѣшимыхъ оковъ. Враги плѣнили ее силою оружія, подвергли трудному рабству; и она потупляетъ въ землю печальныя очи. Таково мое страданіе; вотъ рана, которую ношу въ сердцѣ!

Есть древнее сказаніе, что если злая ехидна наложить зубы и нанесетъ губительную рану, уязвленный тому только охотно пересказываетъ о семъ, въ кого безжалостная ехидна съ своимъ палящимъ ядомъ влила ту же пагубу; потому что такой только человѣкъ знаетъ нестерпимость боли. Такъ и я повѣдаю о своемъ мученіи только тѣмъ, у кого одинаковая со мною любовь, одинаковое страданіе и подобная скорбь. Тотъ только приметъ разсказъ мой съ любовію, пожелаетъ знать лучшія тайны слезащаго сердца, кто, возжелавъ подъять на рамена бремя креста, и имѣя свою часть въ оградѣ великаго Царя, предпочитаетъ путь прямой и сострадателенъ къ падшимъ. Но я возбудилъ бы смѣхъ, разсказывая о своихъ горестяхъ другимъ; особливо, въ комъ вѣра слегка напечатлѣлась на поверхности сердца, въ чью внутренность не проникла крѣпкая любовь къ Царю, кто живетъ на землѣ, помышляя единственно о томъ, что однодневно. Но да погибнуть такіе люди; потому что на всѣхъ, и на добрыхъ и на злыхъ, равно изощраютъ они языкъ—эту уготованную стрѣлу!

А я не прекращу сѣтованія, пока не избѣгъ плачевнаго порабощенія грѣху, пока ключемъ ума не замкнулъ безумныхъ страстей, которымъ жестокой сатана отверзъ мнѣ всѣ входы, хотя онѣ не имѣли ко мнѣ доступа прежде, когда покрывала меня Божія рука, и грѣхъ не имѣлъ по близости

такого вещества, которое бы легко и скоро воспламенялось, какъ солома отъ приближенія огня не только возгарается, но раздуваемая вѣтромъ образуетъ высокій пламенный столпъ.

Зри

Мнѣ надлежало бы прежде всего укрыть плоть свою въ пропастьяхъ, горахъ и утесахъ; тамъ, бѣгая отъ всего, отъ самой сей жизни, отъ всѣхъ житейскихъ и плотскихъ заботъ, живи одинъ вдали отъ людей, носилъ бы я въ сердцѣ всецѣлаго Христа, къ единому Богу возносъ чистый умъ, пока не облегчила бы меня смерть, наступивъ вмѣстѣ съ исполненіемъ надеждъ. Такъ надлежало бы! Но меня удержала любовь къ милымъ родителямъ; она, какъ грузъ, влекла меня къ землѣ; даже не столько любовь, сколько жалость—эта пріятнѣйшая изъ всѣхъ страстей, проникающая всю внутренность и всѣ составы костей, жалость къ богоподобной сѣдинѣ, жалость къ скорби, жалость къ безчадію, жалость къ заботливости о сынѣ, съ какою, непрестанно предаваясь сладостнымъ трудамъ, трепещутъ за него, какъ за глазъ своей жизни, и какъ за обремененнаго печалями. Предметомъ его занятій были прежде книги, которыя Духъ начерталъ языкомъ святыхъ мужей, а также изъ добраго писмени просіявающая благодать Духа, и сокровенная польза, открываемая однимъ очищеннымъ. Ему пріятны были молитвы, воздыханія, бессонныя ночи, ангелоподобныя лики, которые, стоя на ногахъ, призываютъ Бога въ псалмахъ, и въ пѣснопѣніяхъ возносятъ къ Нему сердца, изъ многихъ устъ возсылая общія славословія. Ему пріятны были—изнуреніе виновника золь—чрева, умѣреніе смѣха, неподвижность

языка и очей, обузданіе неистоваго гнѣва. А умъ сдерживалъ блуждающую и всюду озирающуюся мысль, обращалъ же ее ко Христу небесными надеждами; умъ стоялъ выше всего, возводя образъ къ Царю. И Богу угодно было такое стремленіе. Вмѣсто богатства и несноснаго шума, который беспокоитъ меня въ ночныхъ сновидѣніяхъ (потому что призраки ночи подобны дневнымъ заботамъ),— у меня предъ очами были—Божіе сіяніе, пресвѣтлое ликостояніе и слава душъ благочестивыхъ. Но теперь въ душѣ моей, которая прежде любила бесѣдовать со всѣми добродѣтельными, погибли всѣ украшенія, остались же—внутреннее желаніе и безнадѣжная скорбь.

О семъ плачу, и не знаю ясно, что дастъ завтрашній день. Приведетъ ли меня Богъ обратно къ прежнимъ правиламъ жизни, освободивъ отъ горестей и снявъ съ меня все бремя; или прежде, нежели увижу ясное небо, прежде нежели приложенъ будетъ пластырь къ ранамъ, изринетъ меня отсюда погруженнымъ въ скорби, несчастливцемъ, который желаетъ свѣта послѣ глубокой ночи? Тогда кто поможетъ сѣтующимъ напрасно? Здѣсь врачевство для людей; а на послѣдокъ все будетъ заключено.

Сѣдая голова и покрытое морщинами тѣло преклонились уже у меня къ вечеру скорбной жизни. Но доселѣ не испивалъ я столь сильныхъ и многочисленныхъ горестей. Не страдалъ я столько и тогда, какъ, отправляясь въ Ахаію изъ Фаросской земли, встрѣтилъ я море, обуреваемое ярыми вѣтрами при восхожденіи осенняго тельца, котораго особенно боятся пловцы, и не многіе изъ нихъ осмѣ-

ливаются при немъ отрѣзать корабельную вервь. Двадцать дней и ночей лежалъ я на кормѣ корабельной, призывая въ молитвахъ царюющаго въ горнихъ Бога; пѣнистая волна, подобная горамъ и утесамъ, то съ той, то съ другой стороны ударила въ корабль, и нерѣдко низвергалась въ него; отъ порывистаго вѣтра, свистящаго въ канатахъ, потрясались всѣ паруса; эфиръ въ облакахъ почернѣлъ, озарялся молніями и повсюду колебался отъ сильныхъ ударовъ грома. Тогда предаль я себя Богу, и избавился отъ яраго моря, усмиреннаго святыми обѣтами. Не страдалъ я столько и тогда, какъ колебались основанія обширной и трепещущей Эллады, не видно было пособія въ бѣдствіи, а я трепеталъ отъ того, что душа моя не была еще освящена небеснымъ даромъ; ибо благодать и озареніе Духа привлекаются на людей купѣлію. Не страшился я столько и тогда, какъ болѣзнь пожирающимъ своимъ дхновеніемъ наполнила мои уста, стѣснила проходы дыханія и пути жизни; и тогда какъ, въ потемнѣннн ума вертя прутомъ, поранилъ и окровенилъ я себѣ изогнутый уголь рѣсницы, какъ убійца, утратилъ для себя свѣтъ; великій плачь послѣдовалъ за жестокой ошибкою, и я не могъ своими руками возносить духовной жертвы Богу до тѣхъ поръ, пока слезами не измылъ поврежденія; потому что для нечистаго опасно прикасаться къ чистому, равно какъ и слабое око устремлять на огнистое солнце. Много потерпѣлъ я бѣдствій. Кто перескажетъ все то, какъ призывалъ меня Богъ, и отягощая на мнѣ руку Свою, и благоволя ко мнѣ? Но доселѣ не встрѣчалъ я такихъ не-

счастій, какія \ напоследокъ приразились къ моеѣ злополучной душѣ.

Она желала бы увидѣть когда-нибудь день свободы, совлекшись всего и обнажившись, избѣжать огня, уловленія могущественнымъ міромъ, чудовищной пасти змія, который готовъ уловляемаго имъ поглотить своимъ зѣвомъ; а мой умъ составляетъ сладкую снѣдь для велиара. Кто дастъ главѣ моеѣ или вѣждамъ текущій источникъ, чтобы потоками слезъ очистить мнѣ всякую скверну, сколько должно оплакавъ грѣхи? Ибо для смертныхъ и для душъ очернившихся самое лучшее врачевство — слезы, обгорѣвшій пепель и безопасное на землѣ вретище. Пусть всякій, взирая на меня, приходитъ въ трепеть, приобрѣтаетъ новыя силы бѣжать отъ черной Египетской земли и горькихъ тамошнихъ дѣлъ и царя Фараона шествуетъ же въ божественное отечество! Пусть не остается онъ плѣнникомъ на безплодныхъ равнинахъ Вавилона, сидѣть на берегахъ рѣки, отложивъ въ сторону всѣ пѣсенные органы и заливаясь слезами, но спѣшитъ въ предѣлы святой земли, избѣжавъ Ассирійскаго рабскаго ига, которое обременяло его доселѣ, и положить своими руками основаніе великаго храма! Съ тѣхъ поръ, какъ я злосчастный оставилъ сію священную землю, не прекращалось во мнѣ желаніе возвратиться туда; мучительное страданіе повергло меня въ старость, потушены въ землю мои глаза, скорбь растеть въ сердцѣ, стыжусь смертныхъ и бессмертнаго Царя; такова моя одежда, и таково мое сердце, что не смѣю ни возвести взоровъ, ни отверзть усть. Одною бѣдностію своею привлекаю къ себѣ

милосердіе Царя, Который, благоволя ко всѣмъ земнороднымъ, отвергаетъ надменныхъ.

Злые разбойники, какъ повѣствуется, поймавъ одного путника, который изъ святаго града Іерусалима шель въ извѣстный городокъ Іерихонъ, причинили ему много оскорбленій, всего изранили, нанеся безславные удары, совлекли покрывавшія его одежды, и по жестокосердію оставили едва дышащимъ. Въ скоромъ времени нашли его другіе путники, но Левитъ и іерей прошли мимо, не оказавъ милосердія; когда же подошелъ одинъ Самарянинъ, онъ сжалился надъ бѣднымъ, взявъ его, обвязавъ струпы, оставилъ врачество для ранъ и плату попечителю. Весьма чудно, почему Самарянинъ, увидѣвъ его сжалился, а не сжалились тѣ, которые были лучше Самарянина. Не знаю ясно, что таится подъ симъ образомъ, и какія тайны сокрываетъ Богъ въ Своей премудрости. Но да помилуетъ меня въ этомъ! И я такимъ же подвергся бѣдствіямъ. Ненавистникъ душъ, похититель жизни, подобнымъ образомъ истерзалъ и меня, когда выходилъ я изъ священнаго града; и меня лишилъ онъ благодати Христовой, и оставилъ нагимъ, какъ прежде Адама—причину персти и паденія, когда вкушеніе низложило его на землю, изъ которой онъ произошелъ. Но умилосердись ко мнѣ, Царь; спаси отъ смерти меня, котораго оставили іереи, какъ скоро увидѣли изнемогающимъ; введи въ уготованный для всѣхъ домъ, обвяжи мои струпы, и когда возстанутся мои силы, пошли опять во святыи градъ, гдѣ бы могъ я опять быть въ безопасности; охрани отъ злыхъ грабителей, отъ труднаго пути,

отъ ранъ и отъ такихъ мимоходящихъ, которые имѣютъ безжалостное сердце, хотя и хвалятся благочестіемъ!

Два человѣка, какъ слышу, вошли во храмъ: высоко о себѣ думаящій фарисей, будто бы онъ всѣхъ угоднѣе Богу, и мытарь, у котораго сердце сокрушено было внутренно раскаяніемъ въ неправедныхъ прибыткахъ. Одинъ подробно перечислялъ посты, законныя десятины, сравнивалъ себя съ мужами древними, и укорялъ словами мытаря; а другой, заливаясь слезами, ударяя руками въ перси, не смѣя возвести даже очей къ престолу великаго Бога, то-есть къ широкому небу, и ни на кого не смотря своими рабскими очами, но, стоя вдаль, молился и взывалъ: ³²¹¹ «будь милостивъ, умилосердись надъ рабомъ Твоимъ, обремененнымъ грѣхами! Меня не спасутъ ни законъ, ни десятины, ни добрыя дѣла; и укоряющій не лжетъ; я стыжусь и храма, потому что касаюсь его не преподобными ногами. Но Твоя благодать, Твое милосердіе да изліются на меня оскверненнаго; сію одну надежду, Царь, подай жалкимъ беззаконникамъ». Такъ говорили они. Богъ услышалъ обоихъ, и помиловалъ того, кто оказался изнемогающимъ, а велерѣчиваго поставилъ ни во что. Какъ видѣлъ, такъ и разсудилъ ихъ Ты, Боже мой, Который и мнѣ подаешь смѣлость; потому что и я передъ Тобою—тотъ же негоднѣйшій мытарь, такъ же тяжело воздыхаю, и уповаю только на Твою помощь.

Если отецъ мой и почтенная мать воздали Тебѣ за меня слезами, воздыханіями и молитвами; если они удѣляли Тебѣ хотя малую часть стяжаній,

чувствовали Тебя чистыми и святыми жертвами (а я самъ ничего такого не сдѣлалъ, что было бы достойно Тебя): то умоляю, вспомани о нихъ, и помоги мнѣ. Удали отъ меня злыя заботы, чтобы тернія не подавили меня своими отраслями и не остановили въ шестви божественнымъ путемъ. Ты, защита моя, проведи меня невредимымъ; ибо Твой я слугитель, Твое я достояніе, Ты для меня отъ начала единый Богъ; Тебѣ посвятила меня мать, нося меня еще во утробѣ своей. Тогда еще, желая на колѣняхъ своихъ держать сына, и подражая священной Аннѣ, взывала она: «Царь мой, Христось! даруй мнѣ увидѣть сына, и юный плодъ чрева моего заключишь Ты въ Своей оградѣ.» Такъ вѣщала она, и Богъ внялъ ея моленію; въ ниспосланномъ отъ Бога сновидѣніи наречено матери мое имя; а потомъ далъ Ты ей и сына, и она во святилища Твои принесла меня—новаго Самуила, если только былъ я когда-нибудь Самуиломъ. А теперь сопритченъ я къ мерзкимъ и наглымъ сынамъ достославнаго слугителя Твоего—Илія, которые съ неразумнымъ сердцемъ приступали къ чистымъ жертвамъ, жадными руками касаясь священныхъ котловъ, за что и имѣли несчастый конецъ жизни.

Но мать моя съ лучшими надеждами отдѣлила Тебѣ часть рожденныхъ ею. Она руки мои очистила божественными книгами, и обнимая меня, сказала мнѣ такое слово: «приводилъ уже нѣкто къ алтарю возлюбленнаго, благодарованнаго сына, готоваго стать священной жертвою. Наилучшій отецъ приводилъ добраго сына, плодъ поздно рождающей Сарры, и корень потомства, какое начер-

тывали надежда и Божіе обѣтованіе. Авраамъ былъ жрецъ, и Исаакъ—славный агнецъ. А я, какъ обѣщала, приношу Богу тебя—даръ живой: исполни же матернее желаніе. Ты рожденъ у меня по молитвамъ моимъ; о томъ теперь и молюсь, чтобъ ты былъ совершенъ. — Это доброе богатство даю тебѣ, сынъ мой, для сей и для будущей жизни; но послѣднее гораздо лучше». Таково желаніе матери; и я покаялся ея желаніямъ, будучи еще отрокомъ; юная душа моя принимала въ себя новый образъ благочестія; печать соблюдалась по манію Христа, Который явно бесѣдовалъ съ рабомъ Своимъ, связалъ меня любовію къ цѣломудрію, обуздалъ мою плоть, вдохнулъ въ меня горячую любовь къ божественной мудрости и къ жизни монашеской—начатку жизни будущей, къ жизни не ищущей ребра, которое бы любило плоть свою, льстивыми же словами доводило до горькаго вкушенія, къ жизни, приносящей въ даръ Богу чистую любовь, и не раздѣляющей рожденного всецѣло отъ Бога между женою и Христомъ, Который, стезею узкой и трудной, чрезъ тѣсныя и не для многихъ проходимыя врата, въ торжественномъ сопровожденіи приводитъ къ Богу меня—бога, изъ земли сотвореннаго, а не рожденного, и изъ смертнаго ставшаго безсмертнымъ, — приводитъ, съ великимъ Божіимъ образомъ привлекая и помощника моего — тѣло, подобно тому, какъ камень магнитъ притягиваетъ черное желѣзо.

Увы! какое тяжкое отмщеніе потерпѣла ты, душа моя! Тщеславные смертные, подлинно стали мы подобны легкому дуновенію вѣтра; или, какъ

туда и сюда стремящійся потокъ Еврипа, надмевалъ пустотою, вращаемся мы на землѣ. Ни худое, ни доброе — ничто не бываетъ у людей до конца одинаковымъ. Пути добрыхъ и злыхъ идутъ между собою весьма близко; и злый не знаетъ, чѣмъ онъ кончить въ послѣдствіи, и добрый не твердо стоитъ въ добродѣтели; но какъ порокъ ослабляется страхомъ, такъ добродѣтель завистию. И Христу угодно, чтобы съ тѣмъ и съ другимъ боролся нашъ однодневный родъ, чтобы мы, смотря на Его могущество, устремляли взоръ горѣ. Тотъ у насъ совершенъ, кто идетъ прямымъ путемъ, не озирается на пепельную пустыню Содома, погибельнымъ огнемъ пожигаемаго за наглость, но стремительно бѣжитъ на гору и забываетъ объ отечествѣ, изъ страха, чтобы не стать притчею и соленнымъ камнемъ.

Собственными своими страстями свидѣтельствую я о человѣческой растлѣнности. Когда былъ я отрокомъ, и нѣсколько разумнѣя имѣлъ въ груди, тогда, слѣдуя какому-то прикровенному разуму и похвальнымъ обычаямъ, восходилъ я горѣ къ свѣтозарному престолу, и не блуждающими стопами шель по царскому пути. Но теперь, когда собрался я съ разумомъ, и касаюсь уже предѣла жизни, какъ-бы отъ упоенія не тверды стали стопы мои, и я несчастный иду излучинами; меня изнуряетъ брань съ пресмыкающимся зміемъ; она тайно и явно похищаетъ у меня всякую хорошо придуманную мысль. То простираю умъ къ Богу, то опять увлекаюсь въ худую слитность міра; и не малую часть души моей искажилъ смутный міръ.

Но хотя покрылъ меня собою черный грѣхъ, хотя врагъ мой, подобно каракатицѣ, изрыгающей черноту свою на воды, явно излилъ на меня темный ядъ, однако же я столько еще могу разобрать и рассмотреть, что наилучшимъ образомъ вижу: кто я, чего желаю достигнуть, и гдѣ нахожусь несчастный, сколько разъ падалъ я на землю, или въ разверстыя подъ землю бездны. Не обольщаюсь убѣжденіями, не плѣняюсь словами, придуманными въ защиту страстей; не утѣшаюсь измѣреніемъ чужихъ пороковъ, какъ совершеннѣйшій въ сравненіи съ другими. Больному, котораго рѣжутъ желѣзомъ, приятно ли видѣть, что рѣжутъ и другихъ, и что они ощущаютъ еще сильнѣйшую боль? Чтò за пріобрѣтеніе порочному отъ того, что другой и его порочнѣе? Кто отличается добротою, отъ того можетъ получить пользу и добрый и худой; потому что зрячій—пріобрѣтеніе для слѣпаго. Но услаждаться тѣмъ, что видишь порочныхъ, есть признакъ еще большей порочности.

Если кто почитаетъ меня хорошимъ, когда я худъ; это тяжело для меня, и я внутренно проливаю тайныя слезы. Лучше, будучи хорошимъ, во мнѣніи другихъ оставаться худымъ, нежели, будучи худымъ, имѣть славу добраго и быть для людей обманчивымъ гробомъ, который внутри полонъ зловонія отъ гнѣющихъ мертвецовъ, а снаружи блистаетъ бѣлизною и пріятными для взора красками. Убоимся великаго Ока, которое видитъ и подъ землею и въ великихъ глубинахъ моря, видитъ все, чтò скрывается въ человѣческомъ умѣ. Предъ нимъ ничего не раздѣляетъ время; для Бога все — на-

стоящее. Какъ же сокрылъ бы отъ Него кто-нибудь свое беззаконіе? Гдѣ же укроемъ самихъ себя въ послѣдній день? Кто поможетъ тогда? Гдѣ утаимся отъ Божія ока, когда дѣла всѣхъ различитъ очистительный огонь, пожирающій легкое и сухое естество грѣха?

Сего-то грѣха боюсь и трепещу день и ночь, видя, какъ душа ниспадаетъ отъ Бога на землю, больше и больше сближается съ перстію, которой желалъ я избѣжать. Такъ на берегахъ осенней рѣки гордящуюся сосну или вѣчнозеленый чинаръ, подрывшись подъ корни, погубилъ сосѣдній ручей. Сначала поколебалъ онъ всѣ опоры, и на стремнинѣ поставилъ высокое дерево, а потомъ наклонилъ къ рѣкѣ держащееся еще на тонкихъ корняхъ, и сорвавъ съ стремнины, бросилъ въ средину водоворота, повлекъ съ великимъ шумомъ и отдалъ камнямъ, гдѣ бьетъ непрестанно дождь, и вотъ отъ сырости согнившій, ничего не стоящій пенъ лежитъ у береговъ. И на мою душу, цвѣтущую для Христа Царя, напалъ жадный, неукротимый врагъ, низложилъ ее на землю, и большую часть погубилъ; а то не многое, что осталось еще, блуждаетъ тамъ и здѣсь. О если бы опять воскресилъ ее Богъ, Который создалъ не сущихъ, а потомъ и разрушившихся возсоздастъ и приведетъ въ иную жизнь, чтобы встрѣтили или огонь, или свѣтоноснаго Бога! Но всѣ ли въ послѣдствіи срѣтятъ Бога? Этотъ вопросъ отложимъ до другаго времени.

Царь мой, Христось! хотя непріязненные люди называютъ меня мертвымъ и безсильнымъ, втайнѣ

издѣваются надо мною, кивая головою, смѣются моему бѣдствію; но Ты не оставь меня пасть подъ ударами противниковъ. И во-первыхъ, подкрѣпи снова въ небесныхъ надеждахъ, и мнѣ угасающему, мнѣ—жаждущей свѣтильнѣ въ свѣтильникѣ, удѣли нѣсколько влаги, нѣсколько капель елея, чтобы, когда огонь возгорится, опять совокупился обновленный во мнѣ свѣтъ, и я сподобился свѣтлой жизни. А во-вторыхъ, сними съ меня всякое бремя, и отдай его бурнымъ вѣтрамъ, а мнѣ даруй легкое дуновеніе.

Довольно смирялъ Ты сердце мое. Наказываешь ли Ты меня за горькій грѣхъ, или укрощаешь скорбями, какъ укрощаютъ молодаго коня, гоня по непроходимымъ мѣстамъ, или останавливаешь перевозношеніе моего ума, такъ какъ оно весьма удобно рождается въ тѣхъ изъ благочестивыхъ, которые имѣютъ легкой умъ и самую благодать Божию обращаютъ въ поводъ къ киченію, или моими бѣдствіями, Спаситель мой—Слово, хочешь Ты вразумить смертныхъ, чтобы они возненавидѣли порочную жизнь, которая непостоянна, приводитъ къ гибели всякаго, и добраго и злаго, поспѣшали же къ иной жизни, къ постоянной, неразвлекаемой, а для благочестивыхъ и лучшей; — но въ великихъ глубинахъ премудрости Твоей сокрыто сіе, что значать въ продолженіе превратной жизни преподаваемые смертнымъ уроки, и благіе и горестныя, во всякомъ же случаѣ самые полезныя, хотя и скрывается сіе большею частію отъ дебелости нашего ума. Ты премудро движешь кормиломъ міра, куда ни обращаешь его; и имъ только спасаемся

мы отъ опасныхъ утесовъ, переплывая великое и наполненное подводными камнями море непостоянной жизни.

Но я, утружденный и сокрушенный всякаго рода бѣдствіями, преклоняю предъ Тобою колѣна. Пошли ко мнѣ Лазаря, который бы увлажненнымъ перстомъ прохладилъ скорѣ языкъ изсохшій въ пламени; и меня—богатаго страданіями не удерживала бы долѣ бездна, и не поставляла вдали отъ Авраамова лона. Прости надо мною мощную руку Свою, подай врачество отъ горестей, покажи на мнѣ всѣ прежнія чудеса, всю силу знаменій. Скажи, и изсякнетъ немедленно кровавый токъ. Скажи, и духъ легіона взойдетъ въ стадо свиней, низринетъ въ море, и отступитъ отъ меня. Удали несносную проказу; пусть свѣтъ проникнетъ въ невидящія очи; пусть уши услышатъ голосъ; распрости сухую мою руку; разрѣши узмы языка; утверди немощныя стопы ногъ; насыть отъ малаго хлѣба; укроти страшное море; облистай свѣтлѣе солнца; укрѣпи отяготѣвшія силы; воскреси изъ мертвыхъ смердащаго; и видя меня доселѣ бесплодною смоковницею, не иссушай.

Другіе полагаются на что-нибудь иное—на благородство крови, на прахъ и настоящую нышность; они ищутъ себѣ какого-нибудь ничтожнаго помощника. Я одинъ оставленъ Тебѣ единому, Царь царей, Тебѣ державствующему надъ всѣми! Ты моя величайшая сила! У меня нѣтъ попечительной супруги, которая бы избавила меня отъ неисцѣльныхъ заботъ, и своими ласками утѣшала сѣтующаго. Не веселятъ меня милыя дѣти, при которыхъ

ободряется старость, и снова начинает ходить юношескими стопами. Не утѣшаютъ меня ни единокровные, ни друзья: однихъ похитила жестокая смерть, другіе, любя благоведріе, приходятъ въ трепеть при маломъ волненіи, застигающемъ друга. Одно у меня было чудное утѣшеніе. Какъ жаждущій олень въ прохладномъ источникѣ, такъ я находилъ его въ сообществѣ мужей совершенныхъ и христоносныхъ, живущихъ на землѣ превыше плоти, любителей вѣчнаго Духа и благаго служенія, не связанныхъ узами супружества, ирезрителей міра. Но и они, ратоборствуя за Тебя, раздѣлились и стоятъ одинъ за одно, другой за другое; ревность Божія незаконно расторгла законъ и согласіе любви, отъ которой осталось одно имя.

Какъ иный, спасаясь отъ льва, набѣгаетъ на лютаго медвѣдя, и, убѣжавъ отъ медвѣдя, съ радостію укрывается въ домъ и опирается рукою о стѣну, но тамъ неожиданно поражаетъ его змѣя: такъ и мнѣ, избѣжавшему многихъ страданій, нѣтъ врачевства отъ бѣдствій. Что ни встрѣчаю, все то болѣзненнѣе прежняго. Вездѣ ищу помощи, и повсюду отъ Тебя обременяемый, къ Тебѣ опять обращаю взоры, Блаженный, къ Тебѣ, моя помощь, къ Тебѣ, Вседержитель, Нерожденный, Начало и Отецъ Начала—безсмертнаго Сына, великій Свѣтъ равнаго Свѣта, Который, по неизслѣдимымъ законамъ, изъ Единого исходитъ въ Единое, — къ Тебѣ, Сынъ Божій, Премудрость, Царь, Слово, Истина, Образъ Первообраза, Естество равное Родителю, Пастырь, Агнецъ, Жертва, Богъ, Человѣкъ, Архіерей, — къ Тебѣ, Духъ исходящій отъ Отца, Свѣтъ нашего

ума, приходящій къ чистымъ и творящій чловѣка богомъ! Умилосердись надо мною; даруй и мнѣ, какъ здѣсь въ преклонныя лѣта, такъ и въ будущей жизни, когда вступлю въ общеніе со всецѣлымъ Божествомъ, радостно восхвалять Тебя немолчными пѣснопѣніями!

П Л А Ч Ъ

О СТРАДАНИЯХЪ ДУШИ СВОЕЙ.

Что претерпѣлъ я злосчастный? Какой плачь будетъ соотвѣтственъ моимъ страданіямъ? Гдѣ возму достаточный источникъ слезъ? Какую составлю пѣснь? Плакивалъ ли кто смерть дѣтей, досточтимыхъ родителей, милой супруги, или истребленіе любезной отчизны губительнымъ огнемъ, или поражение членовъ лютою болѣзнію, никто такъ не сътовалъ, какъ рыдаю я о жестоко-страдающей душѣ своей, въ которой (о я злополучный!) гибнетъ небесный образъ.

Несомнѣнно то, что человѣкъ есть тварь и образъ великаго Бога. Отъ Бога всякій исшелъ, и къ Богу идетъ, кто, устрема мысль горѣ и плоть оковавъ духомъ, вождемъ своей жизни имѣетъ милосердаго Христа, а стяжаніе свое, языкъ и слухъ, самый умъ и силу—все посвящаетъ грядущей жизни, кто, изъ всепоглощающаго міра исхищая все, чѣмъ возобладалъ похититель чужаго достоянія, богопротивный велярь, вноситъ сіе въ сокровищницы, которыя тверже земныхъ, и расхищаемыхъ

и разрушаемыхъ, чтобы узрѣть самого Царя, чтобы, совлекишись плоти и противоборствующей дѣлности, содѣлаться богомъ и духомъ, стать въ чинъ свѣтозарнаго ангельскаго лика, за великіе труды стяжать еще большую награду, не какъ прежде, взирая на легкій образъ скиніи, на письменное и разрушаемое изображеніе закона, но чистыми очами ума созерцая самую истину, и устами воспѣвая празднственную пѣснь. Такова цѣль человѣческой жизни; къ сему обитателей земли возводитъ великость Христовыхъ страданій. Ибо Христосъ, будучи Богъ, начальникъ жизни, превышій вѣка, всегда всецѣлый образъ безсмертнаго Отца, принялъ зракъ раба, вкусилъ смерть, вторично срѣтилъ жизнь, чтобы отъ рабства и отъ узъ смерти избавить меня, возвращающагося къ лучшей жизни.

Но не соблюлъ я досточтимыхъ таинствъ Божиихъ, хотя душа моя и посвящена въ тайны небеснаго восхожденія. Грубая персть гнететъ меня долу; не возмогъ я изникнуть изъ грязи, и обратиться око къ свѣту. И обращалъ, правда; но между нами стало и очи мои закрыло облако — это мятежная плоть и земный духъ. Много на сердцѣ суетныхъ попеченій блуждающаго ума; они обращаются то къ тому, то къ другому, и отдаляютъ отъ меня Христа — Бога — Слово; потому что Женихъ не терпитъ общенія съ чуждою для Него душою. Много лежитъ на языкѣ тлетворныхъ зелій пагубы; потому что языкъ — половина всѣхъ человѣческихъ пороковъ, изрыгаетъ ли онъ явное зло — гнѣвъ, который, особенно сильный, въ своихъ по-

рывахъ отнимаетъ у челоѣка умъ, или, затаивъ въ груди коварный умыселъ, леть кроткія рѣчи изъ мягкихъ устенъ.

О, если бы приставлена была какая-нибудь дверь и къ глазамъ и къ устамъ моимъ, не всегда отверзающимся на добро, чтобы я и видѣлъ и слухомъ принималъ одно полезное, а для худаго сами собою замыкались у меня и зрѣніе и слухъ! И для рукъ самое лучшее упражненіе, чтобы онѣ чистыя непрестанно воздѣвались къ небу и были покорны небеснымъ законамъ; равно и для ногъ, чтобы онѣ шли путемъ гладкимъ, а не по тернамъ, не по утесамъ, не по стезѣ непреподобной. Но теперь, хотя каждый, дарованный мнѣ Богомъ, членъ, и самъ въ себѣ полезенъ, и для полезной дарованъ цѣли, однако же грѣхъ обратилъ его для меня въ оружіе смерти.

Какой же это править мною законъ? Отчего я на землѣ сталъ узникомъ плоти? Какъ тѣло при-мѣшано къ легкому духу? Не весь я чистая природа—умъ, не весь и худшая—персть; но составленъ изъ того и другаго, и нѣчто иное съ ними. А потому и терплю непрекращающуюся тревогу брани между враждующими взаимно — и плотію и душею. Я—образъ Божій, и вовлекаюсь въ грѣховность; худшее во мнѣ несправедливо противится лучшему; или убѣгаю грѣховъ и противлюсь имъ, но не безъ труда, послѣ многихъ бореній и при небесной только помощи.

Ибо два, точно два во мнѣ ума: одинъ добрый, и онъ слѣдуетъ всему прекрасному, а другой худшій, и онъ слѣдуетъ худому. Одинъ умъ идетъ

ко свѣту и готовъ покаряться Христу; а другой — умъ плоти и крови влечется во мракъ, и согласенъ отдаться въ плѣнь веляру. Или одинъ увеселяется земнымъ, ищетъ для себя полезнаго не въ постоянномъ, но въ преходящемъ, любитъ пиршества, ссоры, обременительное пресыщеніе, срамоту темныхъ дѣлъ и обманы, идетъ широкимъ путемъ, и, покрытый непроницаемою мглою неразумія, забавляется собственною пагубою; а другой восхищается небеснымъ и уповаемымъ какъ настоящимъ, въ одномъ Богѣ полагаетъ надежду жизни, здѣшнее же, подверженное различнымъ случайностямъ, почитаетъ ничего не стоящимъ дымомъ, любитъ нищету, труды и благія заботы, и идетъ тѣснымъ путемъ жизни.

Видя ихъ борьбу, Духъ великаго Бога снишпелъ свыше, и подалъ помощь уму, прекращая возстаніе безпокойной плоти, или усмиряя волнующіяся воды черныхъ страстей. Но плоть и послѣ сего имѣетъ неистовую силу и не прекращаетъ брани; борьба остается нерѣшительною. Иногда персть смиряется умомъ, а иногда и умъ опять противъ воли послѣдуетъ превозмогающей плоти. Но хотя желаетъ одного, именно лучшаго; однако же, дѣлая другое, именно, что ненавидитъ, оплакиваетъ онъ тягостное рабство, заблужденіе первороднаго отца, гибельное убѣжденіе матери — эту мать нашей продерзости, преступную ложь пресмыкающагося кровопійцы — змія, который увеселяется человѣческими грѣхами, оплакиваетъ и древо, или вредный для человѣка плодъ древа, и пагубное вкушеніе, и врата смерти, и срамную наготу членовъ, и еще болѣе без-

честное изгнаніе изъ рая, или отъ древа жизни. Объ этомъ сѣтуетъ болѣзнующій умъ. Но плоть моя и нынѣ устремляетъ взоръ на прародителей и на человѣкоубійственное древо; она постоянно любить всякую сладкую снѣдь, какую только для обольщенія ея показываетъ злый губитель — змій.

Посему и я плачу; и Царя, Который владычествуетъ надъ всѣмъ и все взвѣшиваетъ на вѣсахъ Своихъ, слезно молю, чтобы милостиво рассудилъ душу и тѣло, прекратилъ брань, и худшее (какъ и слѣдуетъ; потому что сіе гораздо полезнѣе и для души и для тѣла) подчинилъ лучшему, чтобы обремененная перстію душа не влачилась по землѣ, и не погружалась, какъ свинецъ, въ глубину, но чтобы персть уступала окриленному духу и образу, и грѣхъ истаевалъ, какъ воскъ отъ огня.

О семъ умоляя, и самъ прилагаю многія врачевства къ грубой плоти, чтобы прекратить жестокой недугъ, чтобы крѣпкими узами удержать силу плоти, какъ самага вѣроломнаго звѣря; трепеща злой волны, ставлю преграды чреву, неудобоисцѣляемую скорбію изнуряю сердце и проливаю токи слезъ; преклоняю предъ Царемъ сокрушенныя колѣна, провожу ночи безъ сна, ношу печальную одежду.

Инымъ приходятъ на мысль пиры, ликованья, смѣхъ, объяденіе — эти забавы цвѣтущаго возраста. Иные опять находятъ себѣ утѣшеніе въ супругахъ, въ сновьяхъ, въ непрочной славѣ обладать огромнымъ богатствомъ. Иныхъ опять увеселяютъ народныя собранія, роши, бани, городская пышность, похвальныя рѣчи, шумъ сопровождающихъ, когда сами они быстро несутся на высокихъ колесницахъ. Ибо

у смертныхъ много утѣхъ въ многообразной жизни, и къ самымъ бѣдствіямъ примѣшивается веселіе.

Но я умеръ для жизни, едва перевожу дыхание на землѣ, бѣгаю городовъ и людей, бесѣдуя со звѣрями и съ утесами, одинъ вдали отъ другихъ обитаю въ мрачной и необдѣланной пещерѣ, въ одномъ хитонѣ, безъ обуви, безъ огня, питаюсь только надеждой, и обратился въ поношеніе всѣмъ земнороднымъ. У меня ложемъ древесныя вѣтви, постелею надежная власница и пыль на полу омоченная слезами.

Многіе воздыхаютъ подѣ желѣзными веригами; иные, сколько знаю, употребляютъ въ пищу пепель, и питіе у нихъ растворено горькими слезами; иные, осыпаемые зимними снѣгами, по сороку дней и ночей стоятъ какъ древа, воспрянувъ сердцемъ отъ земли и имѣя въ мысли единаго Бога. Иной замкнулъ себѣ уста, и на языкъ свой наложилъ узду, которую, впрочемъ, не всегда стягиваетъ, ослабляетъ же ее для однихъ пѣснопѣній, чтобы уста его были одушевленными гуслими, въ которыя ударяетъ Духъ. А кто освятить Христу главу свою, ради благочестиваго обѣта блюдетъ ее отъ остриженія. Другой же смежилъ свои очи, и къ слуху приставилъ двери, чтобы не уязвило его откуда-нибудь непримѣтнымъ образомъ жало смерти.

Такіе шесть способовъ врачеванія и я употреблялъ противъ непріязненной плоти. Уже и сѣдина служитъ пособіемъ противъ моихъ страстей. Много было и непредвидѣнныхъ бурь, которыя противъ воли вдавали меня въ тревоженія, и сокрушали

тяжкими скорбями. Но непреклонная плоть не пови-
нуется внушеніямъ, не смиряется бѣдствіями, не
укрощается временемъ, а всегда съ закрытыми гла-
зами спѣшитъ по стезѣ противоположной жизни, и
подобно легіону (а) ищетъ стремнинъ. Если же
иногда и уступаетъ не надолго Божію страху, или
трусамъ, или Божественнымъ глаголамъ; то какъ
растеніе, спрямляемое руками вертоградара, опять
сгибается въ прежнюю кривизну.

О жалкіе данники смерти! О родъ человѣче-
скій — мы, которые, будучи сѣдаемы грѣхами, утѣ-
шаемся своимъ бѣснованіемъ, не уважаемъ разума,
какой вложилъ въ насъ Богъ при рожденіи, когда
даровалъ намъ сѣмя жизни; не страшимся закона,
какой начерталъ Царь Христосъ, сперва на камен-
ныхъ скрижаляхъ, прикрывъ истину письменами, а
на послѣдокъ на нашихъ сердцахъ — сіяніемъ Святаго
Духа! Мы начинаніями своими противоборствуемъ
Христовымъ страданіямъ, которыми Христосъ из-
бавилъ насъ отъ мучительныхъ страстей, когда вос-
принялъ плоть и пригвожденъ былъ ко кресту, къ
которому пригвоздилъ вмѣстѣ и черный грѣхъ тва-
ри и державу вѣліара, чтобы мы, возродившись и
воспрянувъ изъ гроба, съ великимъ Христомъ вос-
пріяли горнюю славу.

Многочисленны дары Божіи всѣмъ земнороднымъ;
нашъ языкъ не можетъ изречь ихъ величія. Богъ
привлекаетъ меня къ жизни, или смиряя ударами,

(а) Легіону нечистыхъ духовъ, которые Иисусомъ Христомъ
изгнаны въ стадо свиней и бросились въ море.

когда нечествую, или ослабляясь на меня, когда угрождаю Ему. Ибо всёмъ управляетъ Онъ съ умомъ, исполненнымъ благоволенія къ человѣку, хотя и сокровенна глубина Его премудрости, хотя между нашимъ родомъ и Божествомъ стоитъ глубокой мракъ, сквозь который немногіе проникаютъ изощреннымъ взоромъ, именно же тѣ одни, которыхъ просвѣтила жизнь, и которые, ставъ чистыми, коснулись чистой мудрости.

Но меня сподобилъ Христосъ преимущественной славы. Сперва далъ меня въ даръ матери, которая молилась изъ глубины сердца, и Самъ принялъ меня въ даръ отъ родителей, у которыхъ изъ всего, что они имѣли, не оказалось ничего дороже сына. А потомъ ночными видѣніями вселилъ въ меня любовь къ цѣломудренной жизни. Внимайте мнѣ теперь, богомудрые; а оскверненные сердцемъ, приложите двери къ своему слуху!

Былъ я юнымъ отрокомъ, или даже несовершенно отрокомъ, въ такихъ лѣтахъ, когда умъ принимаетъ въ себя начертаніе добраго или худаго, но, не имѣя еще въ себѣ образца для твердыхъ умопредставленій, прежде всего отпечатлѣваетъ въ сердцѣ чужіе нравы. У меня же родители не худыми красками разцвѣтили умъ, показавъ мнѣ преимуществва добродѣтели; потому что и сами, единодушно ревнуя о благочестіи, и по своимъ сѣдинамъ, и по достохвальнымъ нравамъ, составляли предметъ удивленія для всѣхъ земнородныхъ; наслаждаясь счастьемъ и тѣлеснымъ здоровьемъ, мѣрно протекали человѣческую жизнь. Одинъ изъ нихъ стоялъ нѣкогда далеко отъ великаго стада, въ ко-

торомъ теперь занимаетъ высокое мѣсто; прежде не былъ онъ и овцею, а потомъ сталъ превосходнѣйшею изъ овецъ, изъ овцы содѣлался пастыремъ; а теперь уже онъ отецъ и пастырь пастырей. И хотя не рановременно приступилъ онъ къ многоплодной жатвѣ; однако же трудами своими много затмилъ начавшихъ дѣланіе прежде него. А другая, — святое насажденіе священныхъ родителей, по матери прозябшее отъ благочестиваго корня благочестивыхъ вѣтвей, ничѣмъ не уступала женамъ прежде бывшимъ, которыя принимали у себя Царя Христа, или видѣли Его возставшаго изъ гроба. Оба они не многимъ дышали на землѣ, и то по нуждѣ плоти; большая же часть жизни ихъ сокрывалась горѣ. Отъ нихъ получило образованіе и мое нѣжное сердце, какъ недавно ссѣдшійся творогъ, который скоро принимаетъ видъ сосуда.

И въ одно время, среди глубокаго сна, было мнѣ такое видѣніе, легко воспламенившее во мнѣ любовь къ дѣвственности. Мнѣ представлялось, что подлѣ меня стоятъ двѣ дѣвы въ бѣлыхъ одеждахъ, обѣ прекрасныя и одинакихъ лѣтъ; все убранство обѣихъ состояло въ томъ, что онѣ не имѣли на себѣ уборовъ, — въ чемъ собственно и состоитъ красота женъ. Ни золото, ни гіацинты не украшали ихъ шеи, ни тонкія шелковыя ткани, ни хитоны изъ нѣжнаго льна не покрывали ихъ членовъ. Очи не осѣнялись подкрашенными рѣсницами. Ими не было употреблено ни одно изъ средствъ, какія изобрѣтены мужчинами, заботившимися объ искусственомъ украшеніи женской царужности, для возбужденія сладострастія. У нихъ не разсыпались по

Зри

плечамъ златовидныя кудри, и не играли съ легкимъ дыханіемъ вѣтерковъ. Поясомъ стягивалась прекрасная верхняя одежда, спускавшаяся на ноги до пятъ. Головнымъ покрываломъ закрывая и ланиты, стояли онѣ, поникнувъ взорами къ землѣ. Обѣ ихъ украшалъ прекрасный румянецъ стыдливости, сколько можно было замѣтить сіе изъ-подъ покрываль, плотно прилегавшихъ къ лицу. Уста ихъ, заключенныя молчаніемъ, уподобились розѣ, лежащей въ окропленныхъ рососою чашечкахъ. Увидя ихъ, я очень обрадовался; ибо рассуждалъ, что онѣ должны быть много выше простыхъ земнородныхъ. И онѣ полюбили меня за то, что я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ; какъ милого сына цѣловали онѣ меня своими устами; а на вопросъ мой, что онѣ за женщины, и откуда, отвѣчали: «одна изъ насъ Чистота, а другая—Цѣломудріе. Мы предстоимъ Царю Христу, и услаждаемся красотами небесныхъ дѣвственниковъ. Но и ты, сынъ, соедини и умъ свой съ нашими сердцами, и свѣтильникъ свой съ нашими свѣтильниками, чтобы тебя просвѣтленнаго, перенеся чрезъ эфирныя высоты, могли мы поставить предъ сіяніемъ безсмертной Троицы.» — Сказавъ сіе, уносились онѣ по эйру, и взоръ мой слѣдовалъ за отлетающими.

Это былъ сонъ; но сердце долго услаждалось досточтимыми видѣніями ночи и обликами свѣтлой дѣвственности. Слова дѣвъ возобновлялись въ мысли моей и тогда уже, когда понятіе о добромъ и худомъ ясно напечатлѣвается въ челоуѣкѣ, когда умъ возобладалъ надъ любовію, и красота восхитительнаго ночнаго видѣнія стала представляться

не ясно. Какъ сухую солому вдругъ освѣщаетъ питаемая внутри ея невидимая искра, и сперва появляется малый пламень, а потомъ возстаетъ обширный огненный столпъ: такъ и я, воспламеняемый видѣніемъ, мгновенно озарялся любовію, и лучи ея, не укрываясь во глубинѣ души, дѣлались видимыми для всѣхъ.

Сперва сблизился я съ людьми благочестивыми, которые, отрѣшась отъ перстного міра, избѣгли брачныхъ узъ, чтобы, окрылясь, слѣдовать за Царемъ Христомъ, и съ великою славою преселиться отсель. Ихъ возлюбилъ я, объялъ всѣмъ сердцемъ, и избралъ для себя вождями небесной надежды. А потомъ и самъ отринулъ тяжелое иго супружества, возлюбивъ высокій жребій вѣчно-юныхъ существъ: потому что природы, населяющія обширное небо, не знаютъ узъ супружескихъ, и выше безпокойныхъ страстей. И таковъ, во-первыхъ, пресвѣтлый великій Богъ, а по Немъ таковы же и Божіи служители, которые стоятъ близъ высокаго престола, приемятъ на себя первый лучъ чистаго Бога, и, просвѣтленные имъ, преподаютъ свѣтъ и смертнымъ. А тѣ, которые совокуплены во едино изъ души и тѣла, по природѣ двойственны, суть порожденія противоборствующей персти, любятъ супружескую жизнь, и готовы сѣять въ плоть. Но Богъ - Слово, принесъ намъ лучшій жребій, поставилъ его вдали отъ плоти, и отдѣлилъ отъ обманчиваго міра, приблизилъ же къ безбрачной жизни безсмертныхъ. Къ Нему мое сердце стремилось любовію. Не на дольней землѣ утверждалъ я слабыя стопы свои, но, вкусивъ тамошняго твердаго лико-

стоянія, какъ-бы сладкаго млека или меда, не захотѣлъ подступать ближе къ горькой снѣди, къ раждающемуся отъ нея душепагубному грѣху. Для меня не привлекательны были пиршества, не имѣло пріятности все то, о чемъ заботится юность, ни мягкая одежда, ни роскошныя кудри, ни необолстительная прелесть срамныхъ рѣчей, ни смѣхъ невоздержный, ни воскипѣнія непріязненной плоти. Другимъ уступилъ я стремнины, и горы, и ржущихъ коней, или своры гончихъ псовъ. Отринувъ всѣ земныя утѣхи, поклонилъ я выю подъ иго строгаго цѣломудрія. Оно меня питало, ласкало, возрастило въ великую славу, и заботливо положило на руки Христу.

Но Ты, Отецъ и Отчее Слово и пресвѣтлый Духъ, опора нашей шаткой жизни! не попусти, чтобы врагъ, противникъ Твоей надежды, давилъ меня своими руками, чтобы и меня, какъ черный корабль, который, по благополучномъ плаваніи, приближается къ берегу и почти уже касается близкой пристани, вдругъ сильная буря, всесокрушающимъ дыханіемъ ударивъ въ спущенныя вѣтрила, понесла назадъ, и возвративъ на широкій хребетъ жизни, и здѣсь и тамъ обуревая великими бѣдствіями, бросила, наконецъ, на скрытныя подводныя камни.

А таковъ умыселъ завистливаго веліара. Онъ всегда преслѣдуетъ ненавистію человѣческой родъ, и не терпитъ, чтобы земныя дѣлались небесными, потому что самъ за свое злоумышленіе низвержень съ неба на сію землю. Онъ злосчастный возжелалъ имѣть славу первой Красоты и великую царственную честь самого Бога; но вмѣсто свѣта облекся въ

ужасную тму. Потому и увеселяется всегда темными дѣлами, имѣеть здѣсь владычество надъ мрачнымъ грѣхомъ. Этотъ превратный умъ принимаетъ на себя двоякій образъ, распростирая то ту, то другую сѣть. Онъ — или глубочайшая тма, или, если откроешь его, тотчасъ превращается въ свѣтлаго Ангела, и обольщаетъ умы кроткою улыбкой. Почему и нужна особенная осторожность, чтобы вмѣсто свѣта не встрѣтиться съ смертію. Избѣгать порочной жизни могутъ и худые люди; потому что открытый порокъ для многихъ ненавистенъ. Хвалю же того, кто изощренными очами духа обличаетъ и коварнаго и невидимаго врага.

Но Ты, Милосердый, соблюди мою старость и мою сѣдую голову, и пошли добрый конецъ жизни! Какъ прежде заботливо Ты любилъ меня, и день ото дня велъ къ большому совершенству, приближая къ благимъ надеждамъ; такъ и изъ неприязненныхъ и мучительныхъ заботъ введи въ благотишную пристань Твоего царства, чтобы, прославляя Тебя, Царь, съ приспоживущими Свѣтами, сподобился я небесной славы.

ЖАЛОБЫ

НА СВОИ СТРАДАНИЯ.

Много разъ я простиралъ ко Христу Царю жалобное слово, изнемогая отъ великихъ напастей. Ибо и царь иный великодушно выслушиваетъ отъ служителя скромное описаніе его рабскихъ горестей; а добрый отецъ принимаетъ часто отъ неразумнаго своего сына и явно смѣлая рѣчи. Посему и Ты, Боже мой, будь снисходителенъ къ словамъ моимъ, которыя вознесетъ къ Тебѣ, о Прекроткій, болѣзнующее сердце. Если болѣзнь отрыгнута сердцемъ, это служить уже нѣкоторымъ облегченіемъ въ страданіяхъ.

Для чего Ты, Царь мой Христочъ, поражалъ меня свыше столь многими бѣдствіями съ того самаго времени, какъ испалъ я изъ матерняго чрева на матеръ землю? Если Ты не связалъ меня въ мрачной матерней утробѣ; то для чего я принялъ столько горестей на морѣ и на сушѣ, отъ враговъ, отъ друзей, отъ злыхъ начальниковъ, отъ чужихъ и отъ соотечественниковъ, и явно и тайно осыпавшихъ меня и словами противорѣчія и каменными тучами? Кто опишетъ все это подробно? Я одинъ извѣстенъ

всякому, не тѣмъ, что имѣю предъ другими преимущество въ словѣ или въ силѣ руки, но своими скорбями и сѣтованіями. Какъ льва обступили во кругъ и лають на меня злые псы. Какія жалкія пѣсни съ востока и съ запада? А можетъ-быть доидеть и до того, что кто-нибудь, разнѣжившій сердце на пиру, или какой-нибудь путникъ, или другой кто, касаясь перстами сладкозвучныхъ гуслей, и въ неговорящихъ звукахъ пересказывая мои скорби, вспомянетъ о Григоріи, котораго воспиталъ Каппадокійцамъ небольшой діокесарійскій городъ.

Но инымъ посылаешь Ты сверхъ ожиданія многотрудное несмѣтное богатство, инымъ же добрыхъ дѣтей; иной прекрасенъ, иной силенъ, иной краснорѣчивъ. А моя слава въ скорбяхъ; на меня изъ сладостной руки Своей истощилъ Ты всѣ горькія стрѣлы.—Я новый Іовъ; не достаетъ только подобной причины моихъ страданій; потому что выводишь меня не на ратоборство съ жестокимъ противникомъ, какъ добраго борца, въ силѣ котораго увѣренъ Ты, Блаженный, и не для того, чтобы за добрый подвигъ дать награду и славу. И я неспособенъ къ сему, и скорби мои не такъ славны. Напротивъ того, я терплю наказаніе за грѣхъ. Какой же это грѣхъ? Во множествѣ прегрѣшеній моихъ не знаю, которое оскорбляетъ Тебя болѣе другихъ. Всѣмъ открою, что заключено во глубинѣ моего ума, хотя не ясно сказанное слово и закрыло бы, можетъ-быть, грѣхъ.

Я думалъ, что, какъ скоро Тебя одного содѣлалъ я своимъ вождѣльнымъ жребіемъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ подонки жизни ввергнулъ въ море, то,

приближая къ Твоему Божеству высокопарный свой умъ, поставилъ уже его вдали отъ плоти. А слово вело меня къ тому, чтобы всѣхъ превзойти, чтобы выше всѣхъ на золотыхъ крылахъ воспарить къ небу. И это возбуждало противъ меня всегдашнюю зависть; это запутало меня въ бѣды и неизбѣжныя горести. Твоя слава восторгала меня въ высоту; и Твоя же слава поставила меня на землѣ. Ты всегда гнѣваешься, Царь, на великую гордыню!

Да услышатъ сіе, и да напишутъ будущимъ родамъ, народы и правители, мои враги и доброжелатели! Я не отказывался отъ любезнаго мнѣ престола великаго моего родителя; нѣтъ, — и несправедливо было бы противиться Божиимъ уставамъ. Ему данъ сей престолъ по законамъ, а моя юная рука служила опорой рукъ старческой; я уступилъ молениямъ отца, который не мною однимъ былъ почитаемъ, въ которомъ и далекіе даже отъ нашего двора уважали сѣдину и равную ей свѣтлость духа. Но когда Владыкѣ нашей жизни угодно стало и то, чтобы явилъ я Слово и Духа на другихъ чуждыхъ, необработанныхъ и поросшихъ терніемъ нивахъ; тогда я, малая капля, напоилъ великій народъ. А потомъ опять угодно вдругъ стало сюда обратно послать меня, рожденнаго для тяжелой болѣзни и мучительныхъ заботъ; забота же ядъ для человѣка. Но не на долгое время далъ я успокоеніе своимъ членамъ, ибо долженъ былъ дать пастырскую свирѣль — добраго помощника моему стаду, которое оставалось безъ пастыря, чтобы какой нибудь врагъ, взойдя въ него, не наполнилъ брашномъ своего безстыднаго чрева. Поелику же без-

покоились правители, безпокоился и народъ; ихъ тревожило желаніе имѣть Пастыря; тревожили и губительные звѣри, которые, имѣя обезумленное сердце, и воплотившагося въ человѣческой утробѣ Бога представляли себѣ не имѣющимъ ума: то многіе, не вѣря моимъ страданіямъ, возопіяли (и говорили явно, или держали въ умѣ), что я по высокоумію презираю богобоязненный народъ (но Богу извѣстна моя скорбь); и многіе также судили обо мнѣ по ночнымъ своимъ мечтаніямъ. Или любовь ихъ, какъ живописецъ, представляла многое въ прикрашенномъ видѣ; или Богъ закрывалъ имъ глаза, приготавливая мнѣ добрый конецъ, чтобы не сокрушить меня горестными для меня ожиданіями, пославъ мнѣ худшую кончину жизни. Посему преклоняю выю подъ крѣпкую Твою руку, и иду узникомъ. Пусть другіе разбираютъ права; мнѣ нѣтъ никакой пользы отъ того, что судятъ мою жизнь. Влеку меня теперь, Христось, куда Тебѣ угодно; я изнемогъ отъ скорбей, я сокрушенъ, какъ Пророкъ въ китовомъ чревѣ. Тебѣ посвящаю остатокъ жизни.

Но умилосердись надъ человѣкомъ, который едва переводитъ дыханіе. Для чего уязвляешь меня такимъ множествомъ скорбей? Не за однихъ добрыхъ умеръ Ты, Боже! не для нихъ однихъ пришелъ Ты на землю—какое неизреченное чудо!—пришелъ Богъ человѣкъ, окропляющій кровію наши души и тѣла. Не я одинъ очень худъ; Ты вводилъ въ славу многихъ и худыхъ. Въ Твоихъ книгахъ прославлены три мытаря: Матѳей великій, другой—повергшій свои слезы во храмъ, и третій—Закхей;

сопричти къ нимъ и меня четвертымъ! Трое также разслабленныхъ: одинъ съ одромъ (Матѣ. 9, 1—8.), другой при источникъ (Іоан. 5, 5—8.), и третія—связанная духомъ (Лук. 13, 11.); сопричти къ нимъ и меня четвертымъ! Три мертвеца снова увидѣли чрезъ Тебя свѣтъ, который Ты отверзъ имъ: дочь князя, сынъ вдовицы и полусогнившій во гробъ Лазарь; сопричти къ нимъ и меня четвертымъ! И теперь, о Благій, подай мнѣ врачевства, утоляющія боли, и въ послѣдствіи даруй имѣть вѣчную жизнь, и хвалиться Твоею славою. Былъ я вождемъ богомудрой паствы; а когда разрѣшусь отъ сея жизни, тогда, о Преблаженный, да сподобится имѣть она лучшаго Пастыря. А если будетъ имѣть и подобнаго мнѣ, то по крайней мѣрѣ да имѣетъ менѣе страждущаго: потому что неприлично бороться съ злыми скорбями тому, кто долженъ быть цѣлителемъ недуговъ въ другихъ.

О СУЕТНОСТИ И НЕВѢРНОСТИ ЖИЗНИ,

И ОВЪ ОВЩЕМЪ ВСѢМЪ КОНЦѢ.

Желалъ бы я стать или легкокрылымъ голубемъ, или ласточкой, чтобы бѣжать изъ человѣческой жизни, или поселиться въ какой-нибудь пустынѣ, и жить въ одномъ убѣжищѣ со звѣрями; потому что они вѣрнѣе людей. Тамъ желалъ бы я провести свою однодневную жизнь безъ слезъ, безъ страха наказаній и безъ заботъ; имѣть одно преимущество передъ звѣрями — умъ, который вѣдаетъ Божество и небошественъ. Тамъ среди спокойной жизни собиралъ бы я свѣтъ ко свѣту, или, взойдя на верхъ какого-нибудь высокаго столпа, громогласно сталъ бы взывать всѣмъ живущимъ на землѣ:

Смертные человѣки, порожденіе истекшей влаги, ничтожные, вы, которые, живя смертію, надмеаетесь суетнымъ! долго ли вамъ, оставаясь игралищемъ ложныхъ и на-яву представляющихся сновидѣній, и играя ими, блуждать на землѣ безъ цѣли? Смотри, восшедши умомъ своимъ выше всѣхъ, какъ взошелъ и я, потому что въ меня Богъ вложилъ великое вѣдѣніе полезнаго и вреднаго; а выше всѣхъ парить умъ. Тотъ былъ свѣжъ и силенъ, составлялъ славу друзей, высоко носилъ голову и

имѣлъ хорошо сложенные гибкіе члены. Тотъ былъ прекрасная утренняя заря, весенній цвѣтъ между мужчинами, и привлекалъ на себя взоры всѣхъ. Тотъ славенъ подвигами; тотъ по оружію Арей; тотъ превосходнѣйшій борецъ съ звѣрями на ристалищѣ, и на горахъ мѣрять съ ними силу. Тотъ заботился о пирахъ и роскошныхъ ужинахъ; суша, море и воздухъ приносили дань его чреву. Но теперь онъ покрытъ морщинами и дряхлъ; все отцвѣло; пришла старость, а красота отлетѣла; чрево отказалось служить; небольшая часть человѣка остается еще въ живыхъ, а гораздо большая сошла уже въ могилу. Тотъ надмевается ученостію всякаго рода; тотъ высоко думаетъ о пышныхъ гробницахъ своего благородства, или о томъ, что и ему удалось вписать свою кровь въ небольшіе свитки; тотъ величается крѣпостію своихъ совѣтовъ въ городахъ, тѣмъ, что имя его у всякаго въ устахъ; тотъ собралъ безмѣрное богатство, и еще приращаетъ его въ умѣ; тотъ, сидя на высокомъ сѣдалищѣ, восхищается данными ему всѣми правосудія; тотъ въ багряной одеждѣ и съ увясломъ на челѣ, державствуя на землѣ, ни во что ставитъ самое небо, и хотя смертенъ, но напыщается не смертными надеждами.— Все это нынѣ; а чрезъ нѣсколько времени—прахъ; рабы и скиптроносцы, наемники и гордящіеся богатствомъ—всѣ стануть равны, для всѣхъ одинъ прахъ, одна обитель, и горделивымъ то одно преимущество, что громче надъ ними плачъ, пышнѣ ихъ гробница, и долше хранится на жалкомъ камнѣ надгробная надпись. Рано или поздно, но всякому смертному равный жребій. Отъ всякаго оста-

нутя, наконецъ, только хрупкія, полуистлѣвшія кости и голый черепъ. Кончилась пышность; но и бѣдность не беспокоятъ уже трудъ, неизвѣстная болѣзнь, ненависть, сумазбродство, желаніе большаго, неукротимая наглость. Все умерло, все заключилось, вмѣстѣ съ умершими, до того времени, пока не пойдетъ отсюда въ слѣдъ за воскресшими.

Видя все это, послушайте совѣтовъ моихъ, дѣти (могу назвать васъ дѣтьми, потому что долѣ васъ перевозжу дыханіе на землѣ)! Отринувъ весь міръ, все мятущееся въ мірѣ, все, чѣмъ обольщаетъ наземный царь—этотъ хищникъ чужой собственности, вредитель и человѣкоубійца, то-есть богатство, славу, предсѣдательство, знатность рода, невѣрное счастье, убѣжимъ какъ можно скорѣе на небо, гдѣ окрестъ неизреченнаго Тройственнаго Свѣта сіяютъ многія красоты. А другіе пусть падаютъ тамъ и здѣсь, подобно шашкамъ, и находятъ удовольствіе въ паденіи шашекъ, или, густою тмою покрывъ свои очи и держась за стѣну, идутъ другъ за другомъ!

ПЛАЧЪ

**О СОБСТВЕННЫХЪ СВОИХЪ БѢДСТВІЯХЪ, И МОЛИТВА
КО ХРИСТУ О ПРЕКРАЩЕНІИ ЖИЗНИ.**

Любезная земля, и море, и отечественная и чужая сторона, и юность и сѣдина на западѣ жизни, и крылатыя рѣчи — напрасный трудъ, и тѣ рѣчи, которыя породилъ свѣтлый духъ, и города, и убѣжище мое — утесы, какіе только обошелъ я, стараюсь приблизиться къ Божеству Христову! Почему я одинъ шель скорбнымъ путемъ, и здѣсь и тамъ мѣняя образъ многотрудной жизни? Ни однажды не могъ твердо установить на землѣ легкой стопы своей, но одни бѣдствія непрестанно препровождаютъ меня къ большимъ бѣдствіямъ? Ты научи меня, Премудрость, отчего на мнѣ такое бремя? Отчего благочестивые въ трудахъ, а погибающіе не знаютъ трудовъ? Наказаніе ли это за грѣхъ? Или угли, которыми очищается жизнь, какъ золото въ горнилахъ? Или меня, какъ Іова, вызываетъ на борьбу съ собою злобный и завистливый врагъ, и Ты, какъ борца Своего, умастивъ меня напередъ обильно елеемъ, выводилъ обнаженнымъ для великаго подвига, чтобы потомъ наградить и прославить подвижника? — Все это извѣстно Тебѣ одному, Царь

мой, Слово, потому что Ты управляешь цѣлымъ міромъ по великимъ и сокровеннымъ законамъ, изъ которыхъ развѣ малый нѣкоторый отблескъ вполне доходить до насъ, покрытыхъ брениемъ и имѣющихъ близорукіе глаза.

Но я утружденъ жизнію; едва перевожу дѣханіе на землѣ, уязвляемый множествомъ бѣдствій отъ враговъ и отъ друзей, что и огорчаетъ меня чрезмерно. Потому плачу и припадаю къ Твоимъ колѣнамъ. Подай мертвецу Твоему кончину жизни, подай утружденному отдохновеніе, и возведи меня къ легчайшей жизни, для которой терплю скорби, и перенесъ тысячи горестей; восхитивъ въ ангельскіе лики, приближь путника къ небесному чертогу, гдѣ слава единого великаго Бога, сіяющаго въ трехъ Свѣтахъ!

КЪ СЕБѢ САМОМУ

ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ.

Гдѣ крылатыя рѣчи? — Въ воздухѣ.

Гдѣ цвѣтъ моей юности? — Погибъ.

Гдѣ слава? — Сокрылась въ неизвѣстности.

Гдѣ крѣпость хорошо сложенныхъ членовъ? —
Сокрушена болѣзнію.

Гдѣ имѣніе и богатство? — Иное взялъ Богъ, а
другое зависть передала въ хищныя руки злодѣевъ.

А родители и священная двоица единокровныхъ
сошли въ могилу. Оставалась у меня одна родина;
но и оттуда изгналъ злобный демонъ, воздвигнувъ
противъ меня черныя волны. Теперь я одинокій
странникъ, скитаюсь на чужой сторонѣ, влача
скорбную жизнь и дряхлую старость; не имѣю у
себя ни престола, ни града, ни чадъ, хотя обре-
мененъ заботами о чадахъ, и непрестанно скитаюсь,
день за днемъ провожу на ногахъ.

Гдѣ сброшу съ себя это тѣло? Гдѣ встрѣчу свой
конецъ? Какая земля, какая страннолюбивая могила
укроетъ меня въ себѣ? Кто положитъ персть на
мои померкающія очи? Благочестивый ли и другъ
Христовъ, или одинъ изъ зловѣрныхъ? — Конечно,
все это поситъ вѣтеръ, и одного малодушнаго мо-

жетъ озабочивать мысль: гробу ли предадутъ мою плоть — это бездыханное бремя, или останется она непогребенною въ добычу хищнымъ звѣрямъ, звѣрямъ, или безстыднымъ псамъ, или птицамъ; или, если угодно Тебѣ, обращена будетъ въ пепель, развѣяна по воздуху, или безъ гроба брошена на высокихъ утесахъ, или сгніетъ даже въ рѣкахъ и подь шумящими дождями. Ибо не останусь я одинъ въ безызнѣстности, не останется мой одинъ прахъ песокоупимымъ, какъ должно; хотя для многихъ лучше было бы, чтобы прахъ ихъ не совокуплялся. Напротивъ того, послѣдній день, по Божію мановенію, соберетъ всѣхъ вмѣстѣ отъ концевъ земли, хотя бы кто обращенъ былъ въ пепель и лишился членовъ въ болѣзнь.

Одно извлекаетъ у меня слезы и приводитъ въ страхъ, — это судъ Божій, огненные рѣки и страшныя темныя бездны.

Христе Царю! Ты — мое отечество, моя крѣпость, мое блаженство, мое все! О, если бы въ Тебѣ обрѣсти мнѣ успокоеніе жизни и вознагражденіе за всѣ заботы!

МОЛИТВА КО ХРИСТУ.

Умерь я для сей бѣдственной жизни, которая, на подобіе Еврипа, носится туда и сюда, не имѣя ничего и на одинъ даже день постояннаго. Желая же жить тою долгою жизнію, которая назначена въ награду хорошо подвизавшимся. Кому любезна здѣшняя жизнь, тѣ и увеселяйтесь ею; а я съ радостію узрю Владыку. Осмѣлюсь сказать Тебѣ нѣчто, Блаженный! Это тѣло, Тобою данное, твореніе руки Твоей, повергаю предъ Тобою, какъ изнуренное, разслабленное, возсмердѣвшее. Вотъ оно распростерто; воззри! я изнемогъ. Прийди ко мнѣ нынѣ, прости мнѣ руку, прекрати жизнь мою, пока не встрѣтилъ меня какой-нибудь худшій конецъ. Для чего еще нужны злостраданія и очищенія? Погибь, погибь я среди бѣдствій; но гибну ради Тебя. Ты — мой Богъ; Ты разсѣваешь _мракъ злостраданій.

С О Н Ъ

О ХРАМЪ АНАСТАСІИ, КОТОРЫЙ СВ. ГРИГОРИЕМЪ
УСТРОЕНЪ БЫЛЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Сладкимъ покоился я сномъ, и ночное видѣніе представило мнѣ Анастасію, къ которой въ продолженіе дня стремились мои мысли. Она первая высокое слово, остававшееся дотолъ у подножія горы, возвела на самую ея вершину. Потому и наименованіе Анастасіи получилъ сей храмъ, произведеніе моеи нелѣзностью потрудившейся руки.

Мнѣ представлялось, что сижу на высокомъ престолѣ, однако же не съ поднятыми высоко бровями; нѣтъ, и во снѣ не служилъ я никогда гордости. По обѣ стороны ниже меня сидѣли старцы (а), вожди стада, отличающіеся возрастомъ. Въ пресвѣтлыхъ одеждахъ предстояли служители (б), какъ образы ангельской свѣтозарности. Изъ народа же, одни, какъ пчелы, жались къ рѣшеткѣ, и каждый усиливался подойти ближе; другіе тѣснились въ священныхъ преддверіяхъ, равно поспѣвая и слу-

(а) Пресвитеры. (б) Діаконы.

хомъ и ногами; а иные препровождали еще къ слышанію словъ моихъ пестрыя торжища и звучащія подъ ногами улицы. Чистыя дѣвы, вмѣстѣ съ благонравными женами, съ высокихъ крышъ преклоняли благочинный слухъ.

И то еще присоединилось къ обаяніямъ ночи. Народъ, желающій слышать слово мое, стоялъ, раздѣлившись на части. Одни требовали слова низкаго и доступнаго разумѣнію; потому что не хотѣли и не навывкли простирать мысль горѣ. Другіе желали рѣчи возвышенной и витіеватой; и таковы были старавшіеся глубоко изслѣдовать ту и другую мудрость,—и нашу, и чуждую намъ. Съ обѣихъ сторонъ слышны были восклицанія, которыми выражались противоположныя желанія слушателей. Но изъ устъ моихъ изливалась одиночтимая Троица, сіяющая тремя явленными намъ Красотами. Я низлагалъ противниковъ звучнымъ голосомъ, потоками пламенѣющаго духа, порывами рѣчи. Одни приходили въ восторгъ и хвалили; другіе стояли въ безмолвномъ изумленіи; иные издавали еще какіе-то гласы, а нѣкоторые возражали только мысленно, потому что прекословіе, прежде нежели разрѣшалось словомъ, замирало въ самыхъ болѣзняхъ рожденія; а иные, какъ волны, воздвигаемыя вѣтрами, вступали въ открытую борьбу. Но добротѣе услаждало всѣхъ, и краснорѣчивыхъ и свѣдущихъ въ священномъ словѣ благочестія, и нашихъ, и пришлыхъ, и даже тѣхъ, которые весьма далеки отъ нашего двора, будучи жалкими чтителями безсильныхъ идоловъ. Какъ тѣлыми лучами очерненная виноградина не совсѣмъ уже незрѣла, но на-

чинаеть по-немногу умягчаться, и не совсѣмъ зрѣла, но отчасти черна, отчасти румяна, по мѣстамъ уже зардѣлась, а по мѣстамъ наполнена кислымъ сокомъ: такъ и они различались зрѣлостію поврежденія, и я восхищался уже необходимостію обширнѣйшихъ точиль.

Таково было мое видѣніе; но голосъ пѣтелей похитилъ у меня съ вѣждей сонъ, а съ нимъ и Анастасію. Нѣсколько времени носился еще передо мною призракъ призрака, но и тотъ, постепенно ветшая, скрывался въ сердцѣ; оставались же при мнѣ одна скорбь и бездѣйственная старость. О Тебѣ скорблю, моя Троица! о васъ сокрушаюсь, дѣти мои! Чтò ты сдѣлала со мною, зависть? Многое ты отняла у меня; не подави еще чѣмъ-либо худшимъ мою безвѣстную жизнь.

Много изящныхъ произведеній зодчества въ царственномъ городѣ, которыми гордятся онъ; но преимущественно предъ прочими можетъ похвалиться небесными храмами, храмами нѣкогда моими, а теперь для меня чуждыми, въ числѣ же другихъ и великолѣпнымъ храмомъ Апостоловъ, который крестообразными стѣнами разсѣкается на четыре части. Впрочемъ всѣ сіи храмы не возбуждаютъ во мнѣ столько сожалѣнія и скорби, сколько Анастасія — новый Виолеемъ.

Много, правда, потерпѣлъ я напастей на морѣ и на сушѣ отъ враговъ и отъ друзей, отъ пастырей и отъ волковъ, отъ мучительной болѣзни и отъ старости, которая дѣлаеть меня согбеннымъ; но никогда прежде сего не постигала меня такая скорбь. Не плакалъ такъ о великомъ храмѣ пора-

бощенный Ассиріянами народъ, когда веденъ былъ далеко отъ отечества; не плакали такъ Израильтяне о Кивотъ, который взятъ былъ иноплеменниками; не рыдалъ такъ и прежде нихъ Иаковъ о похищеніи любимаго сына; не сокрушается такъ и косматый левъ объ убитыхъ ловцами дѣтищахъ, и пастухъ о потерянномъ стадѣ, и птица о невольномъ покинутомъ гнѣздѣ на гостепріимномъ деревѣ, и полипъ объ оставляемомъ имъ ложѣ; какъ я донынѣ сѣтую о новоустроенномъ храмѣ, объ этомъ плодѣ моихъ трудовъ, которымъ пользуется другой.

Если когда-нибудь сердце мое забудетъ о тебѣ, Анастасія, или языкъ мой произнесетъ что-нибудь прежде твоего имени; то да забудетъ меня Христосъ! Какъ часто, и безъ великихъ жертвъ и безъ трапезы, очищалъ я людей, собранныхъ у Анастасіи, самъ пребывая вдали, внутрь сердца создавъ невестественный храмъ и возліявъ слезы на божественныя видѣнія! Никогда не забуду, если бы и захотѣлъ, не могу забыть вашей любви, дѣвственники, пѣснопѣвцы, лики своихъ и пришлыхъ, восхищающіе попеременно пѣніемъ, вдовицы, сироты, не имѣющіе пристанища, немощные,зирающіе на мои руки, какъ на руки Божіи, и сладостныя обители, пренитывающія въ себѣ старость!

А если и у васъ сохранилась еще память обо мнѣ многострадальномъ; то благодареніе Троицѣ! Ибо у многихъ сердце увлекается потокомъ обстоятельствъ, и у легкомысленныхъ стыдъ только на глазахъ. Одного только желаю, досточтимая Троица, чтобы Божество Твое навсегда пребывало незабвеннымъ въ душахъ новонасажденныхъ.

Примите мой прощальный привѣтъ, Цари, помогавшіе мнѣ въ моихъ страданіяхъ! Примите Востокъ и Западъ, борющіеся между собою! Примите іереи, встающіе другъ противъ друга! прими и ты, председательствующая гордыня! прими и ты, великій городъ! А я выше земныхъ престоловъ, и если желаю славы, то единственно славы безсмертной.

Но спаси, спаси меня, возлюбленная Троица! на послѣдокъ и я увижу, гдѣ престолъ чистой Анастасіи.

Таковъ плачь Григорія, воздыхающаго объ Анастасіи, съ которою разлучила меня нѣкогда безсильная зависть.

УВѢЩАТЕЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

КЪ ГЕЛЛЕНІЮ,

о монахахъ.

Спрашиваешь о силѣ моихъ рѣчей, которыя уже не существуютъ съ тѣхъ поръ, какъ немощствую для міра, подъялъ на себя сладостное бремя—спасшій меня Крестъ, и все человѣческое обмѣнилъ на Христа. А какія еще есть у меня рѣчи, онѣ не слишкомъ мягки и лестны (ибо такія рѣчи не угодны совершеннѣйшему Слову). Въ нихъ говорится не о родѣ, не о счастіи, которое надмеваетъ неразумныхъ, не о пламенной силѣ краснорѣчія, — этой великой славѣ твоей и твоего брата, не о томъ, какъ города управляются кормиломъ могучей вашей руки. Такіе предметы пусть будутъ предоставлены словамъ суетнымъ. А что до моихъ рѣчей, въ нихъ не найдешь и малаго угожденія друзьямъ, но встрѣтишь благочестивые совѣты, которые сдѣлаютъ тебя лучшимъ; имѣй только благопокорное ухо. Или, можетъ-быть, ты воздашь словамъ моимъ лучшую награду, оказавъ свое благоволеніе большому числу людей, а не десяти нуждающимся, о которыхъ ты, добрый мой, вчера далъ

миѣ свое общаніе и согласіе, какъ человѣкъ не малый, оказывающій малому великую милость. Но прими во вниманіе тѣ слова мои, которыя изреку тебѣ изъ глубины сердца, заимствовавъ изъ небесныхъ книгъ.

Иные золото и серебро, а иные тонкія шелковыя ткани приносятъ въ даръ Богу, а иной самъ себя вознесъ въ непорочную жертву Христу, иной же возливаетъ чистыя капли слезъ. Но отъ тебя да будетъ Христу слѣдующій даръ. Есть Божіи служители; имъ даруй полную свободу, имъ, которые, спокойнымъ умомъ, совершенными душами, многихъ другихъ возводятъ горѣ и дѣлаютъ таинниками небеснаго. Даруй свободу всѣмъ Христоносцамъ, которые стоятъ превыше земли, не связаны узами супружества, едва касаются міра, и день и ночь своими пѣснопѣніями славословятъ Царя, чуждаются земныхъ стяжаній, какими князь міра оболъщаетъ жалкихъ земнородныхъ, издѣваясь надъ ними тѣмъ, что отдаетъ дары сіи то тому, то другому. Даруй свободу тѣмъ, которые имѣютъ одно высшее богатство — надежду получить негибнущее и не переходящее изъ рукъ въ руки. Они не имѣютъ нужды въ ребрѣ, которое бы любило плоть свою, не опираются на юную руку, то — есть на дѣтей, не полагаютъ надежды на единокровныхъ и на товарищей, на кровь и на прахъ, который на утро погибнетъ; они въ городахъ и обществахъ не гордятся самонадѣянною крѣпостію, похожею на крѣпость безсильнаго вѣтра, не гоняются за быстролетною человѣческою славою — этимъ услажденіемъ сновидца: но къ Богу возводятъ всецѣлый умъ, къ

божественному твердому камени привязываютъ корабль свой. Они — тайники сокровенной жизни Христа Царя, и когда она явится, возблистають славою, созерцая чистое сіяніе Троицы, во едино сходящейся и открывающейся очамъ непорочнымъ, созерцая ꙗ великую славу небеснаго воинства, не въ темныхъ обликахъ и не въ немногихъ слѣдахъ истины. Но сіе будетъ въ послѣдствіи; по крайней мѣрѣ все здѣшнее есть ничего не стоящій дымъ и прахъ для тѣхъ, которые предпочли небесную жизнь.

Одни изъ нихъ услаждаются пустынными пещерами и вездѣ готовыми на голой землѣ ложами, ненавидятъ же дома, бѣгаютъ городского многлюдства, любятъ покой, сродный небесной мудрости; другіе изнуряють себя желѣзными веригами, и истончевая персть, истончеваютъ вмѣстѣ грѣхъ; а иные, заключась въ тѣсныхъ домахъ, подобно звѣрямъ, не встрѣчали и лица человѣческаго. Часто, подражая въ половину Христову терпѣнію, по двадцати дней и ночей проводятъ они безъ пищи. Похваляюсь: въ числѣ ихъ была овца и моего стада — нѣкто ушедшій изъ сего малаго города. А нѣкто связалъ молчаніемъ говорливый языкъ и уста, единымъ же умомъ возносилъ хвалу великому Уму. Былъ и такой, что цѣлые годы, стоя въ священномъ храмѣ, распростиралъ чистыя руки; и вѣжды его не касался сонъ, но какъ одушевленный камень (невѣроятное самозабвеніе!) онъ водруженъ былъ во Христѣ. Другому сосѣдъ воронъ удѣлялъ остатки скудной трапезы, и обоимъ доставало одного куска хлѣба. А нѣкто востекъ отсюда на божественную гору ко Христу, съ которой онъ, по совер-

шенія страданія, оставилъ человѣковъ, и тамъ, не развлекаемый ни словомъ, ни умомъ, ни тѣломъ, стоялъ подъ снѣгомъ и вѣтромъ, и не уступалъ прошеніямъ собравшихся вокругъ него благочестивыхъ мужей, но, воспрянувъ умомъ своимъ отъ земли и ставъ выше людей, крѣпко держался великаго Христа Царя, пока не соградилъ новаго дома себѣ бездыханному, когда для погребенія не нашлось попечительной руки.

Ахъ! Дошло до меня страшное слово, будто бы у монаховъ вѣрныхъ по имени и по жизни, которыхъ многіе знаютъ, не многіе же унижаютъ за горячность, превышающую требованія благоразумнаго благочестія,—будто бы у такихъ монаховъ установленъ слѣдующій законъ. Если прійдетъ къ нимъ кто-нибудь изъ мужей благоговѣйныхъ, не знающій нашего устава; то радушно принимаютъ его въ своихъ обителяхъ, оказывая ему всѣ виды дружбы, и сердце его восторгаютъ Божиимъ словомъ, которое начерталъ Духъ, а между тѣмъ предлагаютъ ему свѣтлую трапезу. Потомъ выходитъ кто-нибудь на-среду, напоминаетъ о суровомъ уставѣ и (скрытными выраженіями вызывая на жестокое слово) предлагаетъ такой вопросъ: хорошо ли благочестивому пріять смерть ради Бога? И если пришедшій по неразумію похвалитъ такую кончину; онъ продолжаетъ: свидѣтели истины охотно умираютъ многими родами смертей: сами отъ своей руки, то не удовлетворяя нуждамъ чрева, то съ горь низвергаясь въ глубины и пріемля давленіе. Такъ съ радостію преселяются они отъ здѣшней брани и многоплачевной жизни!—Царь мой Хри-

стось! умилосердись надъ умами, которые вѣрны, но безразсудны, какъ побѣдоносный конь, далеко несущійся за цѣль, потому что онъ ввѣрился бы- стротѣ своихъ ногъ, и не сдерживается уздою!

Всякому пріятно стремленіе къ одной какой-ни- будь добродѣтели. По причинѣ множества обитателей много и способовъ пріобрѣтать ихъ. Но къ чему описывать мнѣ подробно? Они шествуютъ тѣснымъ путемъ, которымъ идутъ здѣсь не многіе изъ лю- дей; они входятъ скорбными вратами, куда со мно- гими трудами вступаютъ добрые. Таково достоя- ніе Христово, такой плодъ Своихъ страданій Хри- стось приноситъ отъ земли Отцу! Это опора сло- ва, слава людей, основаніе міра, уподобляющееся небеснымъ лѣпотамъ! Ихъ родъ и для меня свѣто- носенъ. Пусть зависть выплачетъ себѣ глаза! Тебя же прошу имѣть къ нимъ доброе расположеніе.

Во-первыхъ, полюби кроткаго Кледонія, который живетъ для бѣдныхъ, и въ даръ Христу принесъ все, но прежде всего — самого себя; а потомъ уже и то, что пріобрѣлъ, — принесъ, ничего не оставивъ для земной жизни. Это жемчужина между дороги- ми камнями; это утренняя звѣзда между звѣздами; это весна между временами года; это роза между растеніями. Украшаясь нѣкогда славою при дворѣ царя земнаго, онъ еще большую славу имѣть въ нашей оградѣ, потому что предстоитъ Царю Христу.

Полюби Евлалія, который многимъ превосходитъ сверстниковъ своихъ. Его, какъ-бы лишеннаго своей половины, оставилъ великій и могучій братъ Елла-

дѣй, отлетѣвъ въ тотъ ликъ, въ которомъ желалъ быть; самъ же онъ остался здѣсь одинъ, ничего уже не находя лучше своего Елладія, и имѣеть попеченіе о матери, которая удручена тяжкою болѣзнію и едва сохраняетъ въ себѣ нѣсколько росинокъ жизни. Но изобразить эту женщину—потребовалось бы обширное слово; довольно сказать коротко: она мать Елладія и Евлалія.

Не тебѣ далъ Богъ Картерія; но и его сдѣлаешь своимъ, другъ, чрезъ благорасположеніе къ товарищамъ, и этого, говорю, Картерія, котораго ждетъ великая слава на небесахъ, потому что духомъ всегда онъ возвышенъ надъ плотію.

Будь снисходителенъ и къ великому Никомиду, если только услышишь о немъ. Онъ смертную жизнь посвятилъ небесной, поревновалъ о древней жертвѣ великаго Отца Авраама, освятить Богу двоихъ чадъ, добровольно поспѣшающихъ на священное жертвоприношеніе, и супружество сдѣлалъ добрымъ, и постарался о вѣнцахъ какъ супружеской, такъ и безбрачной жизни, не землѣ предоставилъ перстныя свои отрасли, но чтобы, отрѣшившись отъ сея жизни, всецѣло перейти въ горнюю землю, свой класъ (этотъ плодъ отличнѣйшій въ кругу мужей и женъ, то-есть любезнаго сына въ кругу мужей, и дочь въ кругу женъ) вписалъ въ наши лики. И я надѣюсь, что сіи зеленѣющія вѣтви благовоннаго дерева будутъ достойны небесныхъ точиль. А если онъ превзойдутъ и самыхъ родителей; то и симъ будутъ обязаны родителямъ же. Но предоставимъ сіе рукѣ державнаго Бога, Который великимъ надеждамъ полагаетъ

великій конецъ. Теперь же отецъ посреди своихъ чадъ подобенъ быстролетному орлу, который, летая подлѣ птенцевъ, управляетъ полетомъ недавно оперившихся, чтобы они на несмѣлыхъ еще крыльяхъ пускались за нимъ по воздушнымъ зыбямъ. Такъ и онъ преподаетъ дѣтямъ многіе уроки благочестія. Но не находитъ ничего полезнѣ своей добродѣтели. Онъ посвятилъ дѣтей Божію слову и божественной жизни, съ молодыхъ ногтей назидая въ нихъ доброе, и приготовилъ имъ величайшее наследство—священную нищету, чтобы не имѣть имъ недостатка и въ этомъ орудіи, способствующемъ успѣшному шествію. Таковъ Никоидъ—моя слава, слава моего стада, близкій мнѣ по крови!

Не въ числѣ послѣднихъ и Теогній. Стоя на землѣ, касается онъ небесныхъ престоловъ; онъ ласковъ, сладкорѣчивъ; на цвѣтущемъ лицѣ его всегда видно сіяніе благорасположеннаго духа. Онъ никогда не подражаетъ женщинамъ и не налагаетъ на себя ложныхъ прикрасъ добродѣтели, которыя уменьшаютъ ея красоту, но внутрь сердца блюдетъ богоугодный страхъ, и онъ явенъ единому Всевѣдцу сокровеннаго. Хотя на поприще добродѣтели вступилъ онъ позднѣ другихъ, но, по быстротѣ ногъ своихъ (что весьма чудно), много опередилъ вступившихъ прежде него. Какъ же скоро вкусилъ мудрости самъ; указалъ и милымъ дѣтямъ лучшій жребій. И восходя по той лѣствицѣ, какою прародецъ нашъ Іаковъ, сынъ Исааковъ, видѣлъ утвержденною отъ земли на небо, восходя для того, чтобы увидѣть самого Бога, высочайшій источникъ небесныхъ свѣтовъ, одну изъ ступеней онъ уже про-

шель, на другой опирается своими стопами, а третьей касается рукою, взорами же простирается далѣе. Таковъ путь для людей, и такъ кровь свою возводитъ у меня ко Христу благородный родитель!

Много дорогихъ сокровищъ сокрыто въ душѣ у Евиндра; его сердце убѣленіе съдовласой главы.

Кто же изъ здравомыслящихъ забудетъ объ Астеріи или о братьяхъ его — этой священной троицѣ? У нихъ общая мудрость, ихъ общая жизнь совокупила во едино, и, при единой надеждѣ, раздѣляетъ ихъ только плоть.

Умолчу о Филаделѣ — моемъ сердцѣ, объ этой благородной крови Макровіа, который, изъ всѣхъ овецъ моего стада, есть собственно моя овца; о моемъ другѣ, котораго благосердый Христосъ обсмелетъ великими крылами, котораго не надмеваешь гордость, овладѣвающая всѣми.

Умолчу о высокошественномъ Ригинѣ, о Леонтіи, объ Илюдорѣ, которые обладаютъ высокимъ даромъ Христовой мудрости.

Умолчу о другихъ — свѣтлыхъ звѣздахъ между мужами простаго нрава, даже неизвѣстныхъ многимъ изъ миролюбцевъ, о сихъ досточестныхъ членахъ Христовыхъ. Ибо кто исчислить сіи печати Безсмертнаго, сіи плотоносныя красоты?

Всѣ они — служители всемогущаго Бога, и каждый изъ нихъ совершенъ на особомъ пути благочестія. Легкими стопами попираютъ они землю; это прекрасныя овцы, принадлежащія къ десной сторонѣ; это камни великаго храма, и Христосъ связуетъ ихъ между собою вселюбезнымъ согласіемъ духа.

Съ малыми искрами жизни въ скудости проводятъ они настоящую жизнь, немного уступаютъ виновнику зла—чреву, умирятъ въ себѣ жестокой мятежъ страстей—эти черныя волны, воздвигаемыя веліаромъ; полагаютъ мѣрило слову и мѣру молчанію, держатъ въ уздѣ и смѣхъ, и слухъ, и неподвижныя очи. Безъ обуви, съ нечесанными волосами, съ слезами на глазахъ, имѣя у себя одинъ хитонъ, эти земные мертвецы живутъ мыслию въ горнемъ, непрестанно имѣютъ предъ взорами великую Божию славу и тамошнее ликостояніе душъ благочестивыхъ.

Ты почтилъ и дѣвственныхъ женъ, которыя Женихомъ своимъ именуютъ Царя, вступающаго въ общеніе съ сердцами чистѣйшими, и которыя ожидаютъ Христа недремленными очами, возжегши неизсыхающіе свѣтильники; ты почтилъ, говорю, ихъ, когда узналъ это мое украшеніе, это самое свѣтлое око моего стада; почтилъ, если только почтилъ хотя одну изъ нихъ. Ибо это общая милость для всѣхъ добрыхъ, если кто-нибудь одинъ изъ нихъ видитъ оказанное себѣ добро; таковъ законъ дружбы, по которому все дѣлается для нихъ общимъ достояніемъ!

Подлинно, и въ этихъ женахъ великій умъ; потому что онѣ съ мужественнымъ духомъ изринули изъ сердца оболъстительную Еву. Да, и у нихъ вокругъ тѣла безопасное огражденіе—вретище, а ложемъ на землѣ—прахъ; и у нихъ есть врачевства цѣломудрія, молитвы, любезныя воздыханія, бессонныя ночи, источники слезъ источаемыхъ внутренно. Ожестѣли у нихъ колѣна, забыта ими не-

мощь; потому что онѣ держатся за укрѣпляющія воскрилія Христовыхъ ризъ. А нѣжность плоти, и блестящія одежды, и эта весенняя, скоро увядающая красота, и естественная и та наружная, которую мужчины своими руками наводятъ на лица похотливья, — все это изгнано у нихъ изъ сердца. И немного будетъ сказать, что жены сіи, силою ума, и въ тѣлѣ и въ мудрости сравнялись съ мужами.

Ибо и Христа, Который съ звѣднаго неба явился на землѣ въ человѣческой плоти и сталъ сыномъ человѣческимъ чрезъ непорочную Матерь-Дѣву, чтобы пречистымъ Своимъ рожденіемъ исполнить законъ человѣчества, когда возсталъ Онъ въ третій день изъ гроба, жены первыя увидѣли, по причинѣ пламеннаго своего желанія, и возвѣстили возлюбленнымъ соученикамъ, вкусивъ Христова вкушенія въ уврачеваніе прежняго. И по всей землѣ, куда только проникло спасительное ученіе, найдешь многихъ женъ, которыя, или, составивъ изъ себя общества, питають въ сердцѣ общую любовь къ небесной жизни и водятся одинаковыми правилами, или остаются при своихъ немощныхъ родителяхъ и братьяхъ, и ихъ имѣють свидѣтелями своего цѣломудрія.

Немного такихъ женъ у меня; однако же поспорю со многими, восхищаемый небесными красотоми Христовыми. Баснословіе усыпало дома Лидійцевъ золотымъ пескомъ и дало имъ рѣку, которая приносила дары счастья; а чернокожимъ Индусамъ златоносные муравьи носили богатство, собирая его въ пескѣ. Нилъ, наводилъ благовременно плодоносныя равнины, дѣлалъ могущественнымъ Египеть.

Одинъ любитъся птицами, другой деревьями, а инъй камнями пріятно блестящими изнутри. Но мнѣ Царь Христось даровалъ украшеніе, которое всѣхъ превосходитъ, — это вѣнецъ изъ многихъ благочестивыхъ. Несомнѣнно то, что Богъ малымъ всегда даруетъ благодать, какъ увѣряетъ древнее обѣтованіе. Виоелеемъ сталъ между первыми городами; и моему малому граду дано быть новымъ Виоелеемомъ. Тотъ славенъ былъ рожденіемъ Христовымъ; а мой славенъ Христовыми друзьями.

Такой въ моей странѣ возсіяваетъ предъ тобою новый сонмъ, подобный тому, какой произвела Арменія — ваше отечество, страна украшающаяся добрыми сынами, какъ многимъ превосходящая другія страны, такъ особенно славная тѣмъ, что въ ней много не познавшихъ узъ супружества! Оказавъ милость имъ, окажешь, превосходнѣйшій, и мнѣ малую милость, гораздо же большую себѣ самому; пріобрѣтешь себѣ, дѣтямъ и женѣ величайшее богатство — надежду свѣтоноснѣйшей жизни. Если же ты, самый снисходительный изъ всѣхъ моихъ товарищей, памятуешь сколько-нибудь и о моей старинной дружбѣ (я никакъ не поставлю своего имени наряду съ именами мужей благочестивыхъ); то не обезчести меня (что не свойственно дружбѣ), но окажи милость и честь моимъ товарищамъ. И я имѣю нѣкоторое значеніе для многихъ. А если бы и не для многихъ имѣлъ; то тебѣ, счастливецъ, преимущественно предъ всѣми надлежитъ уважать нашу дружбу. Этимъ сдѣлаешь угожденіе всѣмъ друзьямъ, и ихъ порадуетъ честь, сдѣланная пренподобнымъ. Особенно угодишь Василию, котораго

по преимуществу почтилъ Христось, и который, какъ посредникъ, соединяетъ между собою отдаленныхъ друзей, и гораздо крѣпче связываетъ ихъ общемою любовію. А угождать ему — требуетъ отъ тебя самая справедливость, уваженіе къ отечеству, къ дружбѣ, къ товариществу по ученію, къ чистымъ жертвамъ, къ окрѣпляющей жизни. Ибо онъ, какъ вторій по Ааронѣ, стоя внутри скинии не для всѣхъ доступной и имѣя предъ очами царюющаго въ горнихъ Бога, своими молитвами приводитъ въ общеніе смертныхъ съ Безсмертнымъ. Но что сдѣлаешь для меня, то будетъ даромъ для Василія; а принесенное въ даръ ему принесется самому Христу; приносимое же Христу приносится Отцу.

Умоляю тебя о душахъ и о небесной жизни, умоляю о членахъ, истончаемыхъ духомъ. Окажи милость къ дневнымъ трудамъ, къ ночнымъ пѣсноиѣніямъ, къ возлежанію на голой землѣ, къ слезамъ, къ ветхимъ рубищамъ, къ истомленнымъ очамъ, къ чистому уму, къ священнымъ словамъ. Почтивъ добродѣтель, ты расширишь для многихъ путь къ добродѣтели, и получишь большую мзду отъ Бога, поѣдешь здѣсь постоянное и соберешь нетлѣнный, пренебесный плодъ, вмѣсто скуднаго — богатый.

Уважь богоподобную сѣдину моего отца, который тѣмъ и другимъ, и многочисленностію лѣтъ и честностію нравовъ, наполнилъ для людей цѣлую досточудную исторію.

Скажу тебѣ, сынъ мой, по немощи силъ моихъ, послѣднее слово. Пощади паству нашу, пощади паству, за которую я трепещу; потому что много понесъ за нее трудовъ, и Богъ поручилъ мнѣ ее

пасти многіе десятки лѣтъ. Тебѣ же да даруетъ Богъ все, что даетъ Онъ благочестивымъ, но сверхъ прочаго и то, чтобы срѣтить тебѣ прекрасную старость, какова старость моего богомудраго отца.

Но изреку благое слово отъ нашего Писанія. Мѣры Божіи уравниваются съ нашими мѣрами; какими здѣсь мѣраемъ другъ другу, такими и великій Богъ воздастъ людямъ. Но да возмѣритъ Онъ тебѣ лучшимъ за лучшее, какъ нынѣ, такъ и въ послѣдній день! Нынѣ для всякаго человѣка полагается или худое или доброе основаніе кратковременной жизни, и на малыхъ вѣсахъ колеблется, перевѣшиваемое на ту и на другую сторону, великое стяжаніе жизни небесной.

И Христосъ принялъ на Себя человѣчество при наложеніи подати, когда Кесарь дѣлалъ перепись цѣлой земли. Самъ Богъ далъ смертному дань, чтобы даровать смертнымъ облегченіе отъ рабства. Почти благодать Христову, и пощади людей. Почти, и ведя добрую перепись, самъ записанъ будешь въ добрую небесную книгу. А если будешь вести не добрую перепись... но пусть выговорить сіе другой, а я скажу по крайней мѣрѣ то, что лучше вести перепись праведную.

Уже ли не довольно того, что тяжкое иго наложено на смертныхъ первымъ грѣхомъ прародителя, и человѣкоубійственнымъ древомъ, и завистію змія, и преступленіемъ жены, и гибельнымъ вкушеніемъ противоборственного знанія, которое содѣлало меня смертнымъ, и тотчасъ низложивъ меня въ землю, изъ которой я сотворенъ, наполнило жизнь мою скорбями, заставило меня нести болѣзни и труды,

оставаться нагбеннымъ къ широкому хребту земли подь бременемъ напастей,—ужели не довольно сего, но братъ — одна со мною персть, въ одномъ со мною погруженный грѣхъ, предастъ меня еще большимъ скорбямъ? Нѣтъ, это не позволительно, это не свойственно; больнымъ гораздо лучше давать лекарство, а не новый трудъ.

Вотъ даръ, который тебѣ, добрый мой, посылаетъ наше собратство,—это даръ не истребимый временемъ. А ты, украшеніе Арменіи, Гелленій, которому поручено установить правильную мѣру податей въ нашей странѣ, установи ее, при помощи непорочной руки великаго Бога, установи непорочно, и не покоряй превратнаго ума неправедной корысти. Если всякому будешь отвѣшивать вѣрно, трепеща великаго Ока; то мы, хотя и малый городъ, пронесемъ имя твое, наилучшій, не между одними обитателями Діо-Кесаріи, и напишемъ на дскахъ: «вотъ челоуѣкъ добродѣтельный; въ немъ не найдетъ для себя пищи и насмѣшникъ»!

НА БЕЗМОЛВІЕ

ВО ВРЕМЯ ПОСТА.

Умолкни, любезный языкъ; и ты, перо мое, пиши слова безмолвія, рассказывай глазамъ вѣщанія сердца!

Когда, принося таинственную жертву человѣческимъ страданіямъ Бога, чтобы и самому мнѣ умереть для жизни, связалъ я плоть на сорокъ дней, по законамъ Христа Царя, такъ какъ исцѣленіе дается тѣламъ очищеннымъ: тогда, во-первыхъ, привелъ въ неколебимость умъ, живя одинъ вдали отъ всѣхъ, обложившись облакомъ сѣтованія, собравшись весь въ себя и неразвлекаемый мыслями, и потомъ, слѣдуя правиламъ святыхъ мужей, приложилъ дверь къ устамъ. Причина сему та, чтобы, воздерживаясь отъ всякаго слова, научиться соблюдать мѣру въ словахъ.

Кто противъ многихъ подѣмлетъ разящее конье, тотъ удобно усмиряетъ немногихъ. Кто издали бросаетъ вѣрно въ цѣль крылатая стрѣлы, у того на близкомъ разстояніи никогда не пролетитъ стрѣла мимо цѣли. И корабль мореходный, кого-

рый переплывалъ обширныя моря, смѣло можно посылать въ плаваніе не дальнее отъ пристани. Кто одерживаетъ верхъ въ маломъ, о томъ еще сомнительно, преуспѣетъ ли и въ великомъ, хотя и сильно желаетъ. Но кто производитъ великое, о томъ нѣтъ сомнѣнія, что, если захочетъ, легко превзойдетъ другихъ и въ маломъ. Посему-то и я совершенно связалъ у себя силу слова, ибо надѣялся, что послѣ изъ устъ моихъ уже не выльется лишняго слова.

Языкъ всего пагубнѣе для людей. — Это конь, всегда убѣгающій впередъ, это — самое уготованное оружіе. Ничь все видитъ; но руки у него достаютъ очень немного, именно то, что подъ ногами, ноги же его не обходили цѣлой земли. И убійцѣ нужно бороться съ трудомъ; прелюбодѣй трепещетъ своей бѣшеной страсти; ворамъ всего страшнѣе день. И богатство обременительно; однимъ обладаю, а другое уже потерялъ; столько удерживаю у себя въ рукахъ, сколько можно удержать жидкости горстью. Корабль, дальній путь, разбойники, несытый человѣкъ, который простираетъ жадные взоры на чужое достояніе, — вотъ сколько противниковъ у всякаго златолюбца! И худымъ не безъ труда, не безъ труда и добрымъ. Но ничто не удерживало языка, скорого на слово, — ни человѣкъ, ни снѣгъ, ни потокъ, ни каменный утесъ. Стрѣлокъ уже близко; немилосердая стрѣла вложена уже въ лукъ, и на раздвоенномъ ея концѣ въ дугу изогнулась тетива; мысль спустила стрѣлу; она понеслась, и все низлагаетъ — небесныхъ и земныхъ, живыхъ и еще не родившихся, остерегаю-

щихся и неосторожныхъ, добрыхъ и злыхъ, непріятелей и друзей, дальнихъ и близкихъ. Для этой стрѣлы вездѣ цѣль; и кто мечетъ ее, тому первое мѣсто между мудрецами.

Много срамнаго изрыгаетъ языкъ похотливыхъ. Достойный смѣха, чтобы ему возбудить въ людяхъ неудержимый смѣхъ, позволяетъ въ себя метать, и самъ мечетъ словами, безчестить образъ Божій, и много сокровеннаго извергаетъ въ уши другихъ, и часто по всѣмъ направленіямъ разсыпаетъ клубящуюся пѣну бурнаго гнѣва; не рѣдко же изъ злоумышляющаго внутренно сердца выносить привѣтъ, и одно имѣетъ въ душѣ, а другое на устахъ, именно—ложь, ласковыя слова и убійства. Кто исчислить всѣ тѣ огорченія, какія причиняетъ языкъ? Если захочетъ, безъ всякаго труда, въ одну минуту, заставить онъ враждовать домъ съ домомъ, городъ съ городомъ, народъ съ властелиномъ, царя съ подданными, какъ искра мгновенно воспламеняющая солому. Плывающихъ на одномъ кораблѣ, сына, родителя, брата, друга, суругу, супруга, — всѣхъ удобно вооружаетъ онъ одного противъ другаго. Злаго сдѣлаетъ добрымъ, а добраго, напротивъ того, погубить, и все это опять переименовать. Кто переможетъ слово? Языкъ малъ; но ничто не имѣетъ такого могущества. О если бы онъ тотчасъ омертвилъ у людей злыхъ!

У всякаго неразумнаго языкъ есть зло, но особенно можетъ быть зломъ у таинниковъ небесной жертвы. Я органъ Божій, и въ благозвучныхъ пѣнопѣніяхъ приношу славословіе Царю, предъ Которымъ все трепещетъ. Пою же не Трою, не счаст-

ливое плаваніе какого-нибудь корабля Арго, не свиную голову, не могучаго Иракла, не обширный кругъ земли, какъ онъ опоясанъ морями, не блескъ камней, не пути небесныхъ свѣтилъ. Пою не неистовство страстей, не красоту юношей, въ честь которыхъ бряцала изнѣженная лира древнихъ. Нѣтъ, я воспѣваю царствующаго въ горнихъ великаго Бога, или же сіяніе пресвѣтлой моей, во едино сочетаваемой Троицы. Воспѣваю высокія громогласныя пѣсни ангельскихъ ликовъ, какія они, предстоя Богу, возглашаютъ попеременно. Воспѣваю стройность міра, еще болѣе совершенную, нежели какая настоящая, — стройность, которой я ожидаю, потому что все поспѣшаетъ къ единому. Воспѣваю нетлѣнную славу Христовыхъ страданій, которыми Христосъ обожилъ меня, срастворивъ человѣческой образъ съ небеснымъ. Воспѣваю смѣшеніе, усматриваемое во мнѣ; ибо я не какое-либо легко изъяснимое произведеніе; я — произведеніе, въ которомъ смертный сопряженъ съ небесными. Воспѣваю законъ Божій, данный человѣкамъ, и всѣ дѣла міра, также намѣренія и конецъ того и другаго, чтобы ты одно соблюдалъ въ сердцѣ своемъ, а отъ другаго бѣжалъ дальше прочь и трепеталъ грядущаго дня. Для всего этого языкъ мой долженъ быть какъ гусли.

Но остерегайтесь, іереи, чтобы онъ не прозвучалъ чего-нибудь нестройнаго. Буду хранить языкъ чистымъ и для чистыхъ жертвъ, посредствомъ которыхъ великаго Царя привожу въ общеніе съ земнородными. И не чуждымъ языкомъ, не оскверненнымъ умомъ буду возсылать Чистому животворя-

щую жертву. Одинъ источникъ не даетъ сладкой и горькой струи. Пурпуровой одеждѣ всего неприличнѣе грязь. Необычайный огонь погубилъ древле сыновъ жреца, которые прикасались къ жертвѣ не чисто. О священномъ же кивотѣ великаго Бога слышу, что онъ нѣкогда и наклоненный къ паденію убилъ прикоснувшася. Сего-то я сильно трепещу и боюсь, чтобы не потерпѣть мнѣ чего-нибудь, не чисто прикоснувшись къ чистой Троицѣ.

О если бы непотребный и непостоянный умъ, который мечется туда и сюда во многихъ суетныхъ порывахъ, могъ я, хотя цѣпною уздою, привести ближе къ цѣли и удержать въ сердцѣ совершенно свободнымъ отъ оболъщенія! Лучше же сказать, если онъ ближе будетъ къ великославному Христу, то озарится лучами великаго Свѣта. Да и теперь, будучи заключенъ внутрь, менѣе дѣлаетъ зла, хотя бы и сталъ нѣсколько блуждать вдали отъ Бога. Когда пламень, или потокъ, загражденъ твердыми камнями; хотя клокочетъ внутри, но не губить частаго кустарника или нивы, и скрываясь въ камняхъ, живетъ полумертвый. Но слово, какъ скоро сорвется съ многозвучнаго языка, неудержимо буйствуетъ и не возвращается назадъ. Впрочемъ, если кривую вѣтвь, понемногу разгибая руками, согнешь въ противную сторону; то она, освободившись отъ насилія руки, дѣлается прямою и не принимаетъ на себя прежней кривизны. Такъ и я, примѣтивъ, что стремительность бѣглаго слова не знаетъ ни вѣса ни мѣры (тогда только была для меня и жизнь, когда было у меня слово), избобрѣлъ наилучшее врачевство, совершенно удержалъ слово

въ высокоумномъ сердцѣ, чтобы языкъ мой научился наблюдать, что ему можно говорить, и чего не лзя. Усвоивъ себѣ совершенное молчаніе, онъ усвоитъ доброрѣчіе. Я лишилъ его всего, и онъ не будетъ презирать мѣры. Да обратится сіе во всегдашній законъ для неумѣренныхъ!

И то великое пріобрѣтеніе, если сдерживаешь слово готовое разразиться, когда со-внѣ ударяють въ твое сердце. Укрощая слово, ты укрощаешь и волненіе гнѣва; и хотя не безъ труда, однако укротишь его. Если не даешь свободы языку, когда онъ кичится и приходитъ въ дикую ярость, но держишь его въ уздѣ, то отвратишь обиду. Съ покореніемъ вождя покорится царь страстей, и ты отдохнешь отъ мучительнаго тревоженія.

Для всего этого нужно руководство великаго Царя Христа, но потомъ нужно и кормило нашего ума. Если не Христось у тебя правителемъ; то ни къ чему не полезны и молчаніе твое и даже еще большее терпѣніе. Если узкій истокъ озера, зажавъ руками, откроемъ опять, оно тотчасъ потечетъ. Напротивъ того, пресвѣтлое Слово повелѣваетъ тебѣ, добрый мой, начавъ съ сего, удерживать токъ всѣхъ золь.

Таковы, любезнѣйшій, поученія моего безмолвія; такъ говорить тебѣ моя рука, выражающая мысли. Это—мое плаваніе; а ты поспѣшай къ другому плаванію. Всякій носится своимъ направленіемъ вѣтра.

Но если кому, или изъ враговъ моихъ, или изъ доброжелателей, угодно слышать другую причину моего молчанія; вотъ она.

Было время, когда имѣлъ я очень много твердости въ нравахъ. Христось Царь велъ меня на противника, а въ сердцѣ у меня была вѣра тверже адаманта; отсюду ограждался я крѣпкими стѣнами, не оскверненный умъ свой назидаль Божиимъ словомъ, извлекая духъ изъ священной буквы; а съ тѣмъ вмѣстѣ извергалъ изъ себя соленую горечь книгъ, читанныхъ мною прежде, эту красоту, блестящую накладными прикрасами, кипучую же плоть свою, пока цвѣла она юностію, изнурялъ многими и частыми трудами. Отнял у чрева наглость пресыщенія и неразрывное съ нимъ неистовство, утвердилъ око въ вѣждахъ цѣломудріемъ, пересилилъ гнѣвъ, связалъ члены, заградилъ смѣхъ. Все тогда покорилося Слову, все во мнѣ умерло. Голая земля была у меня ложемъ; боль въ бокахъ, жесткія одежды служили пособіемъ къ бдѣнію и извлекали у меня слезы; днемъ сгибалъ я свой хребетъ, и во всенощныхъ пѣснопѣніяхъ стоялъ въ прямомъ положеніи, не зная свойственной людямъ привязанности къ удобствамъ жизни. Такъ было тогда; потому что кипѣла еще во мнѣ плоть, которая обыкновенно усиливается остановить великій свѣтъ въ небесномъ его восхожденіи. Свергъ я съ себя и тяжелое бремя земныхъ стяжаній, чтобы, страхнувъ всякую тяжесть, облегченному возноситься къ Богу.

А теперъ, когда постигла меня жестокая болѣзнь и изнурила старость, впалъ я въ новое злостраданіе. У меня неукротимый и доброрѣчивый языкъ; онъ-то всегда предавалъ меня множеству напастей руками завистника. Я не дѣлалъ нашествій ни на чьи престолы, никого не изгонялъ изъ отечествен-

ной страны, не строилъ козней, не поражалъ зло-рѣчіемъ, ничего не дѣлалъ противнаго закону нашихъ жертвъ (сіе извѣстно Слову), не оскорблялъ ни Епископа, ни кого-либо другаго; потому что негодую на всякаго народнаго вождя, о которомъ идетъ подобная молва (а такихъ вождей, къ сокрушенію моего сердца, полны нынѣ море и широкіе предѣлы земли). Но мнѣ повредило недоброе слово. Я не думалъ сего прежде, однако жъ оно повредило; ибо возбудило ко мнѣ зависть во всѣхъ друзьяхъ.

А для того, чтобы попользоваться чѣмъ-нибудь отъ меня и тебѣ, зависть, умолкни, любезный языкъ, умолкни не надолго. Я не свяжу тебя навсегда; этого не получить отъ меня ненавистникъ слова.

Сказываютъ объ одномъ Самосскомъ царѣ (а), который во всемъ имѣлъ успѣхъ, что онъ, въ угожденіе зависти, самъ себѣ причинилъ огорченіе, и любимое отцевское кольцо бросилъ въ море. Но рыба, проглотившая его, попала въ сѣть; рыболовъ принесъ рыбу къ царю, царь отдалъ служителю съ кольцомъ, которое было въ ея внутренности; и рыбу приняло въ себя чрево, а кольцо получила рука. Удивительное дѣло! Царь хотѣлъ огорченія, но не нашелъ его.

Такъ и со мною. Зависть всегда смотритъ на мое слово дикими глазами; потому избралъ я для себя глубину молчанія, и доселѣ подражаю Са-

(а) Поликратъ.

мощу. Но не знаю ясно, что будет завтра, худый или добрый встрѣтитъ меня конецъ.

Ты, Врачевство челоуѣковъ, останови зависть, и освободивъ меня отъ жестокихъ языковъ, введи во свѣтлость Свою, гдѣ бы я, величая Тебя съ присноживущими свѣтами, могъ возглашать устами стройную пѣснь!

Прими же сіи безгласныя вѣщанія руки моей, чтобъ былъ вѣщій памятникъ моего безмолвія.

ПѢСНЬ ХРИСТУ

ПОСЛѢ ВЕЗМОЛВІЯ, ВЪ ПАСХУ.

Царь мой, Христось! поелику опять отдаю воздуху долго удерживаемое слово, то Тебя первого наименую устами. Предъ Тобой изливаю изъ ума своего сіе слово—сіе (если позволено сказать такъ) непорочное приношеніе чистѣйшей жертвы.

Отчій свѣтъ, Слово великаго Ума; превосходнѣйшій всякаго слова, вышній Свѣтъ всевышняго Свѣта, Единородный, Образъ безсмертнаго Отца и Печать Безначальнаго, Озаряющій вмѣстѣ съ великимъ Духомъ, Конецъ необъятнаго вѣка, великославный, Податель блаженства, превознесенный, небесный, всемогущее Дыханіе Ума, Правитель міра, Жизнеподатель, Зиждитель всего, что есть и будетъ,—Тебѣ все принадлежитъ, Ты, связавъ маноуменіемъ основанія земли и все, что Тебѣ было угодно, несешь неуклонной стезею. По Твоему манію, Царь, высокошественное солнце, востекши на огнистый кругъ, затмѣваетъ собою звѣзды, какъ Ты затмѣваешь умы. По Твоему манію, то живетъ, то исчезаетъ попеременно, и опять является въ пол-

номъ свѣтъ око ночи — луна. По Твоему манію зодіакальный кругъ и этотъ размѣренно кружащійся хороводъ опредѣляютъ мѣру годовыхъ временъ, непримѣтно между собою растворяемыхъ. И неподвижныя и подвижныя, возвращающіяся на прежній свой путь, звѣзды суть глаголь Твоей Божественной мудрости. Твой свѣтъ — всѣ тѣ небесныя умы, которые воспѣваютъ славу пренебесной Троицы. Твоя слава — человекъ, котораго поставилъ Ты здѣсь ангеломъ, пѣснословцемъ сіянія Твоего, о безсмертный Свѣтъ и вновь родившійся для смертнаго, безплотная Высота, напоследокъ же, чтобы избавить отъ гибели смертныхъ, Плотносецъ! Для Тебя живу, для Тебя говорю; я одушевленная предъ Тобою жертва — единственное приношеніе, оставшееся у меня отъ всѣхъ моихъ стяжаній. Для Тебя связывалъ я свой языкъ; для Тебя разрѣшаю слово. Но молюсь, содѣлай, чтобы то и другое было свято, чтобы я говорилъ, что прилично, а непозволительнаго и не помыслилъ; отринувъ грязь, источилъ маргаритъ, изъ песка извлекъ золото, изъ колючихъ терновъ — розу, оставивъ солому, собралъ съ колосевъ пшеницу.

Сіи начатки ума моего принося Тебѣ, Христоръ, языкъ мой сложилъ первую пѣснь. Въ сей день великій Христоръ воззванъ отъ мертвецевъ, къ которымъ приложился. Въ сей день отразилъ Онъ жало смерти, сокрушилъ мрачныя затворы унылаго ада, даровалъ свободу душамъ. Въ сей день, воспрянувъ изъ гроба, явился Онъ людямъ, для которыхъ родился, умеръ и возбужденъ изъ мертвыхъ, чтобы мы, возрожденные и избѣжавшіе смерти, вос-

хищены были съ Тобою восходящимъ. Въ сей день свѣтозарный и великій ангельскій ликъ исполнился радости, воспѣвая побѣдную пѣснь. Въ сей день и я, разрѣшивъ уста отъ молчанія, вознесъ громкій гласъ, и вотъ сталъ я гуслими, чтобы славословить Тебя. Уму разверзъ я внутренность ума и Слову—слово; а потомъ, если угодно, разверзу и великому Духу.

МЫСЛИ,

ПИСАННЫЯ ДВУСТИШЬЯМИ (а).

Все съ себя сбрось, и тогда разсѣкай житейское море; но не пускайся въ плаваніе какъ грузный корабль, который готовъ тотчасъ потонуть.

Помни непрестанно страшную смерть, какъ будто она у тебя передъ глазами; и встрѣтишь ее менѣе грозною.

Непрестанно созидай умъ свой въ храмъ Богу, чтобы внутри своего сердца имѣть невещественную опору — Царя.

Познай себя самого, изъ чего и какимъ сотворенъ ты, доблестный мой, — и чрезъ сіе удобно достигнешь красоты Первообраза.

Тебя одинъ день ведетъ къ другому; и тотъ постоянно влается, кто самъ въсебѣ легокъ; но въ сердцѣ челоуѣка благоустроеннаго есть некончаемый день.

(а) Въ Греческомъ мысли сіи составляютъ акrostихъ, именно изъ первыхъ буквъ каждаго стиха выходятъ слѣдующіе два стиха :

*Γνώμας Γρηγορίου διςυχος ἐπιπέτη
Ἐοθλὸν ἄθρομα νέοις, καὶ χάρις ἐξοδίη.*

Кто полагается на преходящее и приходящее, тотъ ввѣряется потоку, который не стоитъ на одномъ мѣстѣ.

Для меня равно худы — и негодная жизнь и негодное слово. Если имѣешь одно, будешь имѣть то и другое.

Нечистому приступать къ жертвоприношенію значить оскорблять Бога. Но еще болѣе оскорбляетъ Его тотъ, кто чтить всякіе останки мертвыхъ.

На пути къ совершенству никогда не останавливайся. Худо сходить непрестанно въ глубину. И ты, который только выходишь изъ бездны грѣха, еще стоишь.

Тотъ зрячій слѣпецъ, кто не видитъ, сколько пагубенъ его грѣхъ. Умѣть открывать слѣды звѣря — признакъ остраго зрѣнія.

Если, имѣя нужду во врачѣ своихъ немощей, скрываешь болѣзнь; то не спасешься отъ неисцѣльной гнилости.

Твое слово, мое дѣло. Кто сдѣлалъ не доброе дѣло, тому сомнительный помощникъ — краснорѣчіе.

Пресыщеніе дѣлаетъ наглѣмъ, а я тебѣ, доблестный мой, желаю позаботиться о томъ, что вѣчно питаемую душу удерживаетъ въ должныхъ предѣлахъ.

Желаю также, чтобы ты богатѣлъ однимъ Богомъ, а цѣлый міръ почиталъ всегда наравнѣ съ паутиными тканями.

Блага настоящей жизни весьма чужды для человека; человѣческая добродѣтель — вотъ что одно составляетъ жизнь.

Приступите, всѣмъ вопіеть слово неживаго Совѣтодавца — Бога, приступите немедленно къ познанію пренебесной Троицы!

Вы, на кого въ сей жизни наложилъ свои узы честный бракъ, приложите ума, какъ бы вамъ больше плодовъ внести въ небесныя точила!

А вы, невѣсты дѣвы, пріившія въ объятія свои Слово великаго Бога, старайтесь въ даръ Богу привести все!

Одинокая жизнь — всеозаряющій свѣтъ; но надобно устранить сердце отъ міра, и держать себя вдали отъ плотскаго.

Оскорбительно для вѣры — не въ сердцѣ ея имѣть, но поставлять въ какомъ-нибудь цвѣтѣ. Краску не трудно смыть; а я люблю то, что проникло въ глубину.

Не надобно имѣть ни справедливости неумолимой, ни благоразумія, избирающаго кривые пути. Лучше всего — во всемъ мѣра.

Умѣрай свою смѣлость, иначе будетъ она дерзостію, а не мужествомъ. Къ признакамъ цѣломудрія принадлежитъ и нѣкоторая веселость.

Прекрасно имѣть умъ отверстый всегда для Божія слова; чрезъ сіе пріобрѣтается вѣдѣніе небесныхъ законовъ.

Спѣши стать совершеннымъ; не угождай тѣмъ, кому всего лучше не угождать; тѣшить грѣхъ — самая безславная слава.

Добродѣтельному стыдно быть защитникомъ порочныхъ; это почти то же, что собственной ногою стать на стезю порока.

Золото испытывается въ горнилѣ, а добродѣтельный — въ скорбяхъ. Часто скорбь бываетъ легче состоянія невредимости.

Легко отречется и великаго Бога, кто отрекся отца. И наставника въ благочестіи уважай, какъ отца.

Моль все поядаетъ; и на гробъ не оставляй своего достоянія; лучшая погребальная почеть — доброе имя.

Щади своихъ ближнихъ, особенно же мертвыхъ, которые все оставили и не могутъ ничего тебѣ сдѣлать.

Оставивъ весь міръ и всякое здѣшнее бремя, направляй парусъ въ небесную жизнь.

Непрестанно простирайся на дѣла болѣе и болѣе совершенныя, умудряемый Богомъ; паче же всего предметомъ твоихъ попеченій да будетъ Троица.

ДВУСТИШІЯ.

За хорошимъ началомъ слѣдуетъ и прекрасный конецъ ; справедливость сего показываютъ самыя послѣдствія дѣлъ.

Вотъ начало, которое приноситъ людямъ хорошій конецъ, — свято трудись надъ очищеніемъ жизни !

Окрияемый ученіемъ, не летай безъ дѣйствительныхъ крыльевъ; потому что безъ крыльевъ и птица не летаетъ.

Человѣку въ жизни наибольшая слава — вѣдѣніе; но и оно вредитъ употребляющему его во зло.

Смотри, чтобы не уловила тебя въ обманъ суетная слава, — это западня для людей не далекихъ умомъ.

Дѣлая хорошее, старайся и стоять въ этомъ; потому что къ худому переходъ скоръ.

Обуздывай смѣхъ, и гнѣву полагай предѣлъ, всѣми же мѣрами гони отъ себя праздное слово.

Прежде всего бойся Бога, чти родителей, объ іереяхъ говори съ похвалою, и имѣй въ уваженіи старцевъ.

Сыну никогда не входить въ споръ съ отцемъ — повелѣваетъ законъ, а прежде закона — природа.

Чего вовсе не хочешь терпѣть отъ другаго, того и самъ не желай дѣлать другому.

Для сдѣлавшаго тяжкій проступокъ гнѣвъ не тяжкъ; потому что судъ воздаеть только равнымъ за равное.

Изъ мудрыхъ усть каплють самыя сладкія слова; а горькая гортань изрыгаетъ брани.

Потоки сладости источаются съ языка доброглаголиваго, а въ нескромныхъ устахъ рождаются гнилыя рѣчи.

Друзья любятъ и любимое друзьями, а враги презирають и срамять друзей.

Для бѣдныхъ друзей затворены двери богатыхъ; богатымъ же всегда пріязненны блистательныя чертоги.

Вода — прекрасный напитокъ; она не нарушаетъ ясности мыслей; а выпитая чаша вина мутить умъ.

Вино, по природѣ своей, не знакомо съ цѣломудріемъ; тѣмъ и производитъ оно удовольствіе, что раздражаетъ.

Умъ легокъ и не терпитъ обремененнаго чрева; потому что у противоположнаго съ противоположнымъ всегда борьба.

Лучше слегка принять пищи, нежели быть за богатымъ ужиномъ, но только во снѣ.

Глупецъ во снѣ дѣлается богатѣе и того, кто имѣеть у себя бездну денегъ.

Лучше быть бездѣтнымъ, нежели имѣть глупыхъ дѣтей; тамъ одинъ бездѣтень, а здѣсь многіе худы.

Для всякаго умершаго человѣка цѣлая земля есть гробъ; потому что все, что изъ земли, на землѣ и въ землю обращается.

Пастухъ, когда захочеть, доить и козловъ, но вмѣсто молока выжимаетъ у нихъ потоки крови.

Свинья, когда видит, что готовят ей кормъ, умѣетъ сдержаться, и не хватается прежде времени.

И безчинныхъ людей принуждай не нарушать приличнаго и установленнаго законами порядка.

Соблюдая законъ, изгонишь вонъ страхъ; потому что всякій исполнитель законовъ—внѣ страха.

Свѣдущій кормчій избѣжитъ девятаго вала; а умъ, обогащенный мудрыми мыслями, спасется отъ всякой бѣды.

Не замышляй ничего противнаго добродѣтельной жизни; потому что заблужденіе порока очевидно.

Большая наковальня не боится стука; и мудрый умъ отражаетъ отъ себя все вредное.

Зайца приводитъ въ страхъ шумъ листьевъ, а человѣка робкаго пугаетъ и одна тѣнь.

Ненавижу бѣдняка, дѣлающаго подарки богатому, какъ человѣку, который сладко говоритъ, но забываетъ накормить.

Злонамѣренный ораторъ извращаетъ законы; а благонравный ораторъ—самая стройная гармонія.

Богатые смѣются укоризнамъ сиротъ; они смѣются даже и Божію наказанію.

На собственную пагубу хвалится законами, кто незаконно требуетъ соблюденія законовъ.

Обычное дѣло бѣдняку не думать о себѣ высоко, потому что у однихъ богатыхъ не бываетъ заботъ о средствахъ жизни.

Учи глупыхъ, соображаясь, сколько можно, съ ихъ природой; тогда, можетъ-быть, сверхъ чаянія, сдѣлаешь ихъ благоразумными.

Отъ ударовъ желѣза воспаляются и камни; плотно свитый бичъ образуетъ сердце.

Весьма худо и давать клятву и требовать ея; въ обоихъ случаяхъ оскорбляешь правду.

Собирай сокровище для нескончаемаго вѣка, а настоящій вѣкъ оскудѣваетъ даже прежде своего конца.

Не будь привязанъ къ счастью, которое разрушается временемъ; а что время строить, время же и разрушаетъ.

Неприлично женщинамъ выказывать въ себѣ мужескій нравъ; всякое другое правило кромѣ стыдливости чуждо благодѣтельной женщинѣ.

Удовольствіе, для наслаждающагося имъ, кратко-временно; едва наступить, какъ и улетаетъ, подобно камню.

Для больного никакое богатство не предпочтительнѣе здоровья; и природа поступаетъ премудро въ томъ, что всегда желаетъ здоровья.

Слова неразумнаго челоуѣка — шумный плескъ моря, которое бьетъ въ берега, но не наполяетъ береговыхъ растеній.

Подарокъ заставляетъ и мудрецовъ видя не видѣть; золото — такая же ловушка для людей, какъ сѣть для птицъ.

Скорби преждевременно раждаютъ сѣдины; чего лишилъ насъ образъ жизни, того не возстановить время.

Богатство — самый проворный приспѣшникъ въ худомъ; потому что при могуществѣ всего сподручнѣе сдѣлать зло.

Никакое приобрѣтеніе не лучше друга; но никогда не прибрѣтай себѣ въ друзья худаго челоуѣка.

Уважай порядокъ, и предпочитай могуществу; потому что самъ онъ есть могущество и всегдашній охранитель могущества.

Умъ озабоченный — это моль, которая точить кости; тѣло цвѣтетъ, когда избѣгаетъ заботъ.

Никакое пресмыщеніе не бываетъ цѣломудренно; потому что огню свойственно сожигать вещество.

Вино — это поджога остывшей страсти; а всякое подложенное въ огонь вещество усиливаетъ пламень.

Кто боится тяжбы, тотъ избѣжитъ и гнѣва; потому что тяжбы часто воспаляютъ сердце гнѣвомъ.

Ужасно прибавлять трудовъ изнемогающему въ трудахъ; однако же трудъ не рѣдко прекращалъ труды.

Иный боится тѣхъ трудовъ, какіе несутъ другіе; а посмотри, и самъ онъ заваленъ трудами своего рода.

Заботься всегда о вѣчной славѣ; потому что настоящая слава ежедневно обманываетъ.

Гнѣвъ — не безопасный для всякаго совѣтникъ; что предпринято въ гнѣвѣ, то никогда не бываетъ благоразумно.

Змія зла, аспидъ хитръ; въ этихъ животныхъ видна порознь злоба, соединенная въ одной женщинѣ.

Смотря на голыя кости, убѣдишься, что все здѣшнее не принадлежитъ намъ существенно.

Если молодой ракъ ходитъ не прямо, то беретъ для сего примѣръ съ матерней походки.

Дѣлая принужденіе природѣ, и отъ худыхъ учителей, безъ сомнѣнія, произведешь хорошихъ учениковъ.

Украшай себя добрыми отличіями жизни, и не презирай бѣднаго сироту.

Когда дастъ Богъ, ничего не сдѣлаетъ зависть;
а когда не дастъ, не поможетъ никакой трудъ.

* Раждаешь, ехидна? — Не избѣгай мукъ рожденія;
когда ты зачала, то испытаешь, что испытала твоя
мать, раждая тебя (*).

За явную робость никого не признаютъ храб-
рымъ; однѣ побѣды приобрѣтаютъ похвалу.

Сонливый человекъ — изобрѣтатель грезъ; потому
что сонъ знакомъ только съ призраками, а не съ
дѣйствительными вещами.

Принужденіе убѣждаетъ и противъ воли; оно не
рѣдко связываетъ руки и исполнамъ.

Когда народная толпа въ заблужденіи, всякій
начинаетъ кричать, и все обращается въ безпорядокъ.

Бездѣльнаго дѣла никогда не называй дѣломъ;
ибо все бездѣльное достойно презрѣнія.

И у собакъ, которыя сбѣжались на падалъ, ува-
жается порядокъ.

Когда говорить золото, тогда всѣ другія слова
не дѣйствительны. Оно умѣетъ убѣждать, хотя и не
имѣетъ языка.

Могутъ и нынѣ наслаждаться миромъ преданные
скороцреходящимъ благамъ сея жизни.

(* По сказанію древнихъ естествоиспытателей, ехидна раж-
далась прогрызаетъ утробу своей матери. Смыслъ этой притчи
есть слѣдующій: кто дѣлалъ зло другимъ, тотъ жди и себѣ зла
отъ другихъ; кто досаждалъ родителямъ, тотъ жди и себѣ до-
сады отъ дѣтей.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

СЛОВА И ПОСЛАНИЯ СВ. ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА:

	Стр.
СЛОВО 41, на Святую Пятидесятницу.	5
СЛОВО 42, прощальное, произнесенное во время при- бытія въ Константинополь ста пятидесяти Епископовъ.	24
СЛОВО 43, надгробное Василю, Архіепископу Кесаріи Каппадокійскія.	52
СЛОВО 44, въ недѣлю новую, на весну и память муче- ника Маманта.	141
СЛОВО 45, на Святую Пасху.	152
ПОСЛАНИЕ 1, къ монаху Евагрію, о Божествѣ.	187
ПОСЛАНИЕ 2, къ Нектарію, Епископу Константинополь- скому.	191
ПОСЛАНИЕ 3, къ пресвитеру Кледонію, противъ Аполли- нарія—первое.	195
ПОСЛАНИЕ 4, къ Кледонію, противъ Аполлинарія—вто- рое.	208

СТИХОТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА.

ПѢСНОПѢНІЯ ТАИСТВЕННЫЯ :

Слово 1, о началахъ.	215
Слово 2, о Сынѣ.	217
Слово 3, о Святомъ Духѣ.	221
Слово 4, о міръ.	226

	Стр.
Слово 5, о Промыслѣ	231
Слово 6, объ умныхъ сущностяхъ	235
Слово 7, о душѣ	240
Слово 8, о завѣтахъ и пришествіи Христовомъ	246
Слово 9, о человѣческой добродѣтели	250
Слово 10, о человѣческой природѣ	258
Слово 11, о малоцѣности вѣшняго челоуѣка и о суетъ настоящаго	264
Слово 12, блаженства и опредѣленія духовной жизни	273
СТИХИ о самомъ себѣ, въ которыхъ Св. Богословъ скрыт нымъ образомъ поощряетъ и насъ къ жизни во Христа	278
ПЛАЧЪ о страданіяхъ души своей	303
ЖАЛОБЫ на свои страданія	316
О СУЕТНОСТИ и невѣрности жизни, и объ общемъ всѣмъ концѣ	321
ПЛАЧЪ о собственныхъ своихъ бѣдствіяхъ , и молитва ко Христу о прекращеніи жизни	323
КЪ СЕБѢ САМОМУ, въ вопросахъ и отвѣтахъ	326
МОЛИТВА ко Христу	328
СОНЪ о храмѣ Анастасіи , который Св. Григоріемъ устроенъ былъ въ Константинополѣ	329
УВѢЩАТЕЛЬНОЕ посланіе къ Гелленію, о монахахъ	334
НА БЕЗМОЛВІЕ во время поста	348
ПѢСНЬ Христу послѣ безмолвія, въ Пасху	357
МЫСЛИ, писанныя двустичіями	360
ДВУСТИЦІЯ	364

I.

ТАБЛИЦА

ДЛЯ ОТЫСКАНИЯ ПО ИЗДАНИЮ БИЛЛІЯ И СДѢЛАННЫМЪ СЪ ОНАГО СЛАВЯНСКИМЪ ПЕРЕВОДАМЪ СЛОВЪ И ПОСЛАНИЙ СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ИЗДАНИИ ТВОРЕНІЙ СВ. ОУЦЕВЪ.

*По изданію Твореній
Св. Отцевъ:*

*По изданію Биллія
и Слав. переводамъ:*

СЛОВО 1-е.	соотвѣтствуетъ	Слову 41-му,
— 2	— —	— 2,
— 3	— —	— 1,
— 4	— —	— 3,
— 5	— —	— 4,
— 6	— —	— 12,
— 7	— —	— 10,
— 8	— —	— 11,
— 9	— —	— 7,
— 10	— —	— 5,
— 11	— —	— 6,
— 12	— —	— 8,
— 13	— —	— 30,
— 14	— —	— 16,
— 15	— —	— 15,
— 16	— —	— 22,
— 17	— —	— 17,
— 18	— —	— 19,

По изданію Твореній
Св. Отцевъ:

По изданію Биллїа
и Слав. переводамъ:

СЛОВО 19-е.	соотвѣтствуетъ	Слову 9-му,
_____ 20	— —	— 29,
_____ 21	— —	— 21,
_____ 22	— —	— 13,
_____ 23	— —	— 14,
_____ 24	— —	— 18,
_____ 25	— —	— 23,
_____ 26	— —	— 28,
_____ 27	— —	— 33,
_____ 28	— —	— 34,
_____ 29	— —	— 35,
_____ 30	— —	— 36,
_____ 31	— —	— 37,
_____ 32	— —	— 26,
_____ 33	— —	— 25,
_____ 34	— —	— 24,
_____ 35 (въ Славянскихъ перев. нѣтъ)		48,
_____ 36	— —	— 27,
_____ 37	— —	— 31,
_____ 38	— —	— 38,
_____ 39	— —	— 39,
_____ 40	— —	— 40,
_____ 41	— —	— 44,
_____ 42	— —	— 32,
_____ 43	— —	— 20,
_____ 44	— —	— 43,
_____ 45	— —	— 42,
Посланіе къ Евагрію	— —	— 45,
_____ къ Нектарію	— —	— 46,

По Славянскому пере-
воду Славенцакаго.

1-е посл. къ Кледонію	— Сл. 48	— Сл. 51,
2-е посл. къ Кледонію	— Сл. 49	— Сл. 52.

II.

УКАЗАТЕЛЬ

МѢСТЪ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ, ОБЪЯСНЯЕМЫХЪ ВЪ ТВОРЕНІЯХЪ СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА ИЛИ ПРИВОДИМЫХЪ ВЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ИСТИНЪ ХРИСТІАНСКАГО УЧЕНІЯ.

(Римскія цифры показываютъ *томъ* или часть, а арабскія—*страницу*, по изданію въ Русскомъ переводѣ)

Быт. гл. 4, ст. 26.	II, 2;	Исх. гл. 33, 22. 23.	III, 18. 19.
	III, 33.	Лев. 26,	24. II, 58.
5,	24. III, 34.	Втор. 4,	24. III, 97.
11,	1. II, 216.	24,	4. II. 33.
19,	24. III, 71.	32,	9. I, 234.
28,	17. III, 34.		— 15.16. I, 104. 219.
29,	20. II, 292.	Судей 13,	22. III. 35.
Исх. 3,	5. IV, 172.	1 Цар. 2,	24. I, 208.
—	6. III, 99.	2 Цар. 6, 6. 7. I,	71.
	14. III, 97.	3 Цар. 17,	14. II, 304.
	IV, 154.	1 Цар. 11, 18. 19.	II, 4.
9,	16. II, 51.	Иова 7, 8.	III, 267.
12, 2. 3.	IV, 166.	9, 9.	IV, 205.
—	5. IV, 165. 167.	— 23.	II, 190.
— 6. 8. 9.	IV, 168.	11, 12.	II, 237.
— 10. 11.	IV, 169.	12, 14.	III, 46.
—	13. III, 285.	26, 10.	III, 44. 45.
19,	6. I, 234.	31, 8. 40.	II, 20.
—	13. I, 70.	33, 4.	III, 129.
23, 4. 5.	II, 33.		IV, 19.
—	15. II, 153.	38, 16.	III, 27.
	IV, 148.	39, 7. 9.	II, 305.
24, 1. 2.	I, 70.	40, 2.	IV, 171.
25,	40. IV, 163.	41, 25.	III, 267.

Псал. 2, 8. III, 86.
 — 9. I, 234.
 4, 2. III, 99.
 —, 3. I, 264.
 II, 24. 149.
 6, 6. II, 54.
 8, 4. II 173.
 9, 13. II, 42.
 IV, 31.
 — 28. I, 65.
 — 35. II, 32.
 11, 1. I, 53.
 17, 10.12. II, 53.
 III, 147.
 — 19. II, 91.
 III, 28.
 21, 1. III, 82.
 — 11. I, 63.
 22, 2. II, 42.
 23, 7. III, 250.
 IV, 179.
 — 10. III, 97.
 24, 3. II, 306.
 31, 1. 2. III, 306.
 32, 6. IV, 19.
 — 9. II, 171.
 — 15. III, 208.
 34, 4. II, 90.
 35, 7. III, 38.
 — 10. III, 192. 104.
 36, 27. I, 25.
 41, 5. II, 263.
 III, 260.
 43, 15. I, 202, 224.
 44, 7. III, 71.
 — 8. I, 298.
 — 14, III, 222.
 48, 2. I, 84.
 50, 12. III, 129.
 — 14. III, 129.
 IV, 15. 18.
 54, 7. 9. II, 88.
 57, 5. II, 123.
 58, 4. III, 91.
 — 8. 9. II, 45.
 61, 11. III, 211.
 66, 3. II, 216.
 67, 13. III, 97.
 — 21. III, 99.

Псал. 67, 34. III, 263.
 68, 2. 3. II, 300.
 — 9. II, 159.
 72, 8. I, 41. 84.
 76, 3. I, 296.
 II, 88.
 — 4. II, 89.
 79, 9-14. I, 202.
 — 11.12. IV, 30.
 83, 6. III, 126.
 84, 13. II, 69.
 86, 7. III, 260.
 90, 5-6. III, 285.
 92, 1. IV, 172.
 93, 1. III, 99.
 103, 4. 5. III, 89.
 — 9. I, 232.
 — 18.19. III, 141.
 — 30. IV, 19.
 105, 39. III, 229.
 106, 4. III, 50.
 110, 10. II, 180.
 118, 17. II, 92.
 — 67. I, 104.
 131, 9. I, 205.
 II, 153.
 132, 1. II, 78.
 136, 4. III, 10.
 139, 3. I, 65.
 140, 10. II, 193.
 142, 10. III, 129.
 145, 8. I, 203.
 146, 9. IV, 205.
 148, 6. III, 141.
 Притч. 1, 7. II, 180.
 4, 7. III, 258.
 — 27. I, 36.
 — 27. 28. III, 139.
 5, 17-19. III, 220.
 — 22. I, 15.
 6, 23. III, 275.
 — 25. IV, 146.
 8, 22. III, 72. 79.
 — 25. III, 79.
 14, 30. I, 52.
 18, 3. II, 91.
 19, 1. III, 157.
 22, 21. III, 155.
 25, 3. I, 62.

VII

Прит.	27, 1.	II, 49.	
	29, 30.	I, 61.	
	30, 2.	II, 166.	
	31, 10.	II, 106.	
Еккл.	1, 2. 14.	I, 260.	
	— 14.	I, 115.	
	— 18.	I, 63.	
	3, 1.	III, 9.	
	— 1—8.	II, 243.	
	7, 17.	III, 139.	
	10, 5.	I, 46.	
	11, 1.	II, 119.	
	— 2.	II, 24.	
		IV, 7. 145.	
Пѣс. П.	4, 12.	II, 253.	
Пр. Сол.	1, 7.	III, 129.	
	3, 6.	II, 35.	
	7, 22. 23.	III, 130.	
	27, 6.	III, 71.	
Пр. Свр.	1, 2. 3.	II, 3. 5.	
	8, 6.	II, 97.	
	11, 25.	III, 199.	
	38, 16.	I, 242.	
Исаи	1, 5. 6.	II, 63.	
	— 13.	I, 101.	
	— 16.	III, 271.	
	— 23.	I, 52.	
	3, 15.	III, 98.	
	5, 8.	IV, 131.	
	6, 7. 8. 10.	II, 114. 65.	
	8, 22.	I, 231.	
		III, 140.	
	11, 2. 3.	III, 129.	
	14, 13. 14.	I, 230.	
	16, 3.	III, 311.	
	26, 6.	IV, 33.	
	28, 11.	IV, 20.	
	40, 2.	II, 154.	
	41, 1.	IV, 141.	
	43, 10. 13.	III, 123.	
	44, 6.	III, 123.	
	49, 3.	III, 72.	
	— 6.	III, 80.	
	53, 7. 8.	III, 102.	
	— 11.	III, 80.	
	55, 1.	III, 300.	
	58, 8. 9.	II, 119.	
	61, 1.	III, 129.	
	62, 10.	IV, 33.	
Исаи	63, 1-3.	IV, 179.	
	— 10.	III, 107. 130.	
Иерем.	1, 18.	IV, 141.	
	3, 9.	III, 229.	
	— 34.	III, 28.	
	4, 19.	II, 87.	
	5, 8.	IV, 171.	
	7, 1. 2.	II, 88.	
	9, 2.	II, 163.	
	— 23. 24.	II, 21.	
	— 27.	I, 303.	
	12, 10.	II, 197.	
	23, 18.	III, 36.	
	— 24.	II, 23.	
Пл. Иер.	1, 4.	I, 235.	
Вар.	3. 38.	III, 92.	
Иезек.	13, 15.	I, 58.	
	22, 29.	IV, 171.	
	33, 6.	I, 57.	
	— 19.	II, 90.	
	34, 8. 10.	I, 58.	
Дан.	9, 18.	III, 91.	
Оси	10, 1.	IV, 30.	
Иои.	1, 9. 10.	I, 54.	
	— 13.	I, 53.	
	2, 15. 16. 17.	II, 60.	
	— 28.	IV, 18.	
Амос.	4, 5.	II, 234.	
	— 13.	III, 97. 98.	
	6, 4. 5. 6.	II, 68.	
	— 8.	III, 99.	
	8, 5.	II, 67.	
Мих.	2, 9. 10. 11.	I, 292.	
		II, 24.	
		III, 267.	
	3, 10. 11. 12.	I, 53.	
	6, 15.	II, 63.	
	8, 11.	III, 184.	
Наум.	1, 2. 9.	II, 63.	
Аввак.	1, 5.	I, 54.	
	2, 15.	I, 54.	
Соф.	3, 6. 7. 16-19.	II, 90.	
Аггея	1, 9.	II, 63.	
	2, 7.	II, 199.	
		III, 124.	
	— 9.	III, 172.	
		IV, 174.	
	— 13. 14.	I, 24.	
Зах.	3, 2.	I, 56.	

Зах.	4, 7.	III, 267.
	11, 3.	I, 56.
Мал.	1, 6. 7.	I, 55.
	2, 5. 6. 13.	I, 55.
	3, 10.	III, 46.
—		
Мате.	3, 11.	III, 199. 267.
	— 12.	III, 266.
	— 14.	III, 265.
	4, 3.	III, 279.
	— 5. 6.	III, 280.
	5, 3.	I, 219.
	— 16.	III, 234. 296.
	— 27.	IV, 170.
	— 45.	II, 28.
	7, 6.	II, 34.
		III, 18.
	— 14.	II, 5.
	9, 15.	III, 87.
	10, 20.	III, 107. 130.
	11, 9.	III, 266.
	— 30.	IV, 170.
	12, 19.	II, 3.
	— 34.	III, 88.
	— 43-45.	III, 260. 309.
	13, 5.	I, 90.
	— 25.	II, 159.
	— 43.	III, 276.
	13, 45.46.	II, 94.
	— 46.	III, 267.
	— 47.	II, 105.
	18, 22.	II, 244.
	19, 1.	III, 214.
	— 2.	III, 215.
	— 3. 4.	III, 217.
	— 5.	III, 219.
	— 10.	III, 221.
	— 11.	III, 223. 224.
	— 12.	III, 227. 230.
	— 21.	II, 5. 45.
	— 24.	III, 88.
	20, 1-15.	III, 291.
	— 23.	III, 226.
	21, 41.	I, 153.
		III, 17.
	22, 2 н д.	I, 11.
	— 21.	III, 188.
	— 32.	II, 176.

Мате.	25, 34.	II, 263.
	26, 29.	IV, 177.
	— 39.	III, 72.
	28, 19.	III, 193.
	— 20.	III, 81.
Марк.	1, 7.	III, 266.
	2, 19.	III, 87.
	4, 24.	I, 211.
	11, 5.6.	III, 87.
	13, 32.	III, 72. 94.
Лук.	1, 33. 35.	III, 80.
	2, 34.	II, 93.
	3, 14.	II, 155.
	10, 18.	II, 227.
	10, 30-37.	IV, 292.
	11, 20.	III, 129.
	12, 42.	I, 37.
		IV, 93.
	13, 8.	III, 161.
	15, 8. 9.	IV, 180.
	18, 10.	IV, 293.
	— 19.	III, 91.
	20, 2. 4.	III, 217. 218.
Иоан.	1, 1.	III, 61.70.99.
	— 3.	III, 104. 113.
	— 5.	III, 84. 253.
	— 14.	IV, 204.
	— 18.	III, 71. 99.
	2, 25.	IV, 211.
	3, 3. 5.	IV, 19.
	— 13.	IV, 199.
	— 18.	III, 101.
	— 34.	III, 90.
	4, 6.	III, 72.
	— 24.	III, 113.
	5, 17.	III, 89.
	— 19.	III, 85. 87.
	— 22.	III, 72.
	— 26. 27.	III, 86.
	— 29.	II, 36. 56.
	— 30.	III, 72.
	6, 18.	III, 90. 299.
	— 27.	III, 71.
	— 32.	II, 1.
	— 33.	III, 183.
	— 40.	III, 91.
	— 57.	III, 88.
	7, 7.	III, 88.
	8, 12.	III, 71. 100.

IX

Иоан.	8, 44.	II,	96.	1 Пет.	1, 19.	III,	101.
	10, 3.	II,	154.		2, 7.	II,	94.
	— 9.	III,	101.		3, 11.	I,	30.
	10, 11.	III,	101. 246.		5, 2.	I,	26. 312.
	— 22.	IV,	142.	1 Иоан.	2, 1.	III,	9.
	— 29.	III,	72.		4, 8.	II,	231.
	— 30.	III,	192.	Римл.	1, 21-23.	II,	39.
	— 36.	III,	72.		4, 25.	III,	247.
	11, 25.	III,	100.		6, 4.	IV,	145.
	— 34.43.	IV,	213.		8, 9—15.	III,	129.
	12, 15.	II,	204.		— 11.	III,	129. 130.
	— 32.	II,	22. 151.		— 26.	III,	113. 131.
	14, 2.	II,	5.		9, 16.	III,	225.
	— 6.	III,	71. 99.		— 27.	IV,	32.
			100. 101.		10, 6. 7.	III,	156.
	— 16.17.	III,	126. 129.		— 18.	IV,	124.
	— 23.	III,	85. 193.		— 20.	III,	99.
	— 26.	III,	130. 131.		11, 4.	IV,	32.
	— 28.	III,	72.		— 36.	III,	194. 262.
	— 31.	II,	151.		12, 1.	I,	302.
	15, 26.	III,	54. 109.			II,	72.
			127.		— 5.	III,	143.
	16, 3.	III,	130.		— 15.	I,	167.
	— 12.	III,	36. 127.			II,	6.
	— 13.	III,	127.		13, 5. 6.	II,	93.
	17, 2.	III,	86.		— 7.	II,	155.
	— 3.	III,	91.		— 12.	III,	196.
	— 6. 22.	III,	86.	1 Кор.	1, 24.	III,	71.
	— 12.	I,	238.		— 25.	III,	99.
	20, 17.	III,	72. 85.		— 30.	III,	100.
	21, 25.	III,	36.		2, 6.	I,	44.
Дьян.	1, 11.	III,	247.			III,	145.
	2, 3.	III,	129-131.		— 7.	I,	74.
		IV,	17.		— 10.	III,	129. 130.
	— 6.	IV,	20.			IV,	124.
	— 33.	III,	131.		— 11.	III,	94. 129.
	— 36.	III,	72. 80.		— 13.	III,	155.
	— 38.	III,	131.		— 16.	IV,	210.
	3, 15.	III,	247.		3, 12. 16.	I,	14.
	— 21.	III,	81.		5, 8.	I,	6.
	5, 9.	III,	130.		— 19.20.	III,	129. 130.
	8, 18.	III,	131.		7, 20.	II,	154.
	10, 44.	III,	130.		— 40.	II,	306.
	13, 2.	III,	107.		8, 6.	III,	194.
	— 4.	III,	130.			IV,	199.
	17, 28.	III,	100.		— 7.	II,	36.
	20, 29.	II,	293.			III,	261.
Иак.	4, 6.	I,	103.		9, 15.	II,	298.
		II,	218.		10, 2.	III,	267.

1 Кор.	12, 8-12.	III, 144.	Ефес.	5, 14.	III, 284.
—	11.	III, 107. 130.	—	32.	III, 219.
—	28.	III, 144.	6, 14.	IV, 172.	
—	29.	III, 14.	Фил.	2, 7.	III, 83.
13, 12.	III, 33. 147.		—	9. 10.	III, 80.
14, 15.	III, 113.		—	15.16.	III, 311.
—	25.	II, 296.	3, 7.	III, 72.	
—	27.29.	III, 144.	Кол.	1, 15.	I, 74.
—	32.	IV, 25.	3, 5.	I, 265.	
15, 23.	III, 84.		—	11.	III, 85.
—	25.	III, 81.	1 Сол.	1, 14.	III, 247.
—	47.48.	IV, 199.	1 Тим.	1, 17. 18.	III, 91.
2 Кор.	2, 7. 8.	III, 269.	2, 5.	III, 93. 101.	
3, 17.	III, 129.		6, 4.	III, 5.	
4, 4.	III, 99.		—	15.	III, 29. 97.
5, 1.	I, 263.		—	20.	III, 5.
—	16.	III, 93.	2 Тим.	4, 2.	III, 160.
—	17.	III, 234.	Тит.	3, 5.	III, 129.
—	21.	III, 213.	Евр.	1, 3.	III, 71.
		IV, 205.	—	13.	III, 81.
6, 2.	III, 283.		2, 18.	III, 84.	
—	7.	I, 291.	4, 14.	II, 184.	
		II, 301.	—	15.	IV, 210.
Галат.	1, 10.	III, 228. 316.	5, 7. 8.	III, 83.	
2, 20.	II, 166.		—	8. 9.	III, 72.
3, 13.	III, 213.		6, 4.	III, 130.	
—	28.	IV, 205.	7, 3.	III, 102.	
—	28.	II, 8.	—	10.	III, 60.
5, 11.	III, 125.		—	25.	III, 93.
Ефес.	1, 17.	III, 86.	8, 2.	II, 153.	
2, 14.	I, 67.		9, 15.	III, 281.	
—	17.	I, 305.	12, 2.	I, 311.	
3, 17.	I, 31.		—	6.	II, 62.
		IV, 199.	—	26. 27.	II, 199.
4, 10.	III, 247.		—	29.	II, 310.
—	11.	III, 130.			IV, 17.
—	15.16.	III, 313.	13, 4.	III, 221.	
—	30.	III, 107.	Апок.	1, 8.	III, 71.
—	2. 25.	III, 247.			
—	6.	II, 66.			

III.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРЕДМЕТОВЪ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ТВОРЕНІЙ СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА.

А.

ААРОНЪ. Братъ Моисея и по тѣлу и по духу. IV, 131.—Второй по Моисеѣ. I, 71.—Таинникъ скинии. IV, 131.

АВРААМЪ. Двадцать-первый отъ Адама Патриархъ. IV, 8.—Приноситъ смна въ жертву Богу. I, 95. II, 73.

АГНЕЦЪ Пасхальный. Почему былъ отдѣляемъ въ десятый день перваго мѣсяца? IV, 166.—Для чего былъ соблюдаемъ до пятаго дня? IV, 167.—Образъ Христа. IV, 165.—Знаменательныя его свойства. IV, 165. 166.

АДАМЪ. Для чего поселенъ въ раю. III, 243. IV, 159.—Законъ, ему данный. III, 243. IV, 159.—Состояніе его въ раю. IV, 244.—Паденіе его. III,

244. IV, 160. 245. Онъ палъ прежде всего умомъ. IV, 203.

АЛЕКСАНДРЪ, Епископъ Константинопольскій. Сила молитвы его. III, 201.

АЛЕКСАНДРІЯ. Ея жители во времена Григорія отличались горячностію въ вѣрѣ. II, 270

АМАЛИКЪ побѣжденъ молитвою и воздѣніемъ рукъ. I, 96.

АНАСТАСІЯ. Храмъ Анастасіи въ Константинополѣ почему такъ названъ? IV, 49. 329.—Сонъ Григорія Богослова объ этомъ храмѣ. IV, 329.

АНГЕЛЫ. Сотворены Богомъ Трїединнымъ. III, 240. IV, 157.—Цѣль ихъ сотворенія. III, 240. IV, 157.—Ихъ природа. III, 240. IV, 157. 235.—Непостижима для нашего ума. III, 51.—Они безтѣлесны. IV, 235.—Они существа, ближайшія къ Божеству. I, 229. 230. IV, 16.—Пріемлютъ первый лучъ Божества. IV, 313.—Богъ осіяваетъ ихъ Своимъ свѣтомъ IV, 235; но не всѣхъ одинаково. III, 50.—Они видятъ Бога, но не всѣ въ одной мѣрѣ. III, 20.—Неудобопреклонны къ злу—III, 241. 276. IV, 157. 237. силою Св. Духа. IV, 16.—Хотя утверждены въ добрѣ, но не—существа неизмѣняемыя. III, 116.—Чины Ангельскіе. III, 50.—Состояніе Ангеловъ падшихъ и не падшихъ. I, 230.—Послѣдніе служатъ Богу. III, 51. IV, 236.—Они таинники Божія домостроительства III, 246. IV, 180. хранители Церквей—IV, 33. 50. людей, народовъ, городовъ и мѣстъ—IV, 236.—Они сорадуются людямъ—I, 94.—содѣйствуютъ имъ въ добрыхъ дѣлахъ—III, 310.—Для чего Ангелы изображаются въ бѣлыхъ одеждахъ? II, 268.

АНДРЕЙ (Апостоль) проповѣдывалъ въ Епирѣ III, 175.

АНТИФОННОЕ пѣніе въ храмѣ. IV, 332.

АНТИХРИСТЪ. Противъ кого возстанеть? II, 235.

АНΘΙΜЪ, Митрополитъ Тіанскій. Его притязанія. I, 316. IV, 114. 115.

АПОЛЛИНАРІЙ. Его лжеученіе: о Св. Троицѣ—IV, 206; объ Иисусѣ Христѣ, и опроверженіе сего лжеученія—II, 241. IV, 192. 193. 197. 198. 200. 201. 202. 209. 212. *

АПОЛЛИНАРИСТЫ. Чтò разумѣли подѣ словомъ—«вочеловѣчился»? IV, 210. 211.—Не признавали Дѣву Марію Богородицею. IV, 197.—Для подтвержденія своего лжеученія извращали смыслъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Св. Писанія. IV, 192. 210.—Называли свои книги третьимъ завѣтомъ. IV, 207.—Они противорѣчили сами себѣ. IV, 213.—Осуждены были Соборомъ Западнымъ. IV, 196. Отлучены отъ Церкви Дамасомъ. IV, 212.

АПОСТОЛЫ. Порядокъ въ ихъ ликѣ. III, 149. 150.—Сущность правилъ, данныхъ имъ I. Христомъ. I, 60. Ихъ мудрость. II, 48.—Какъ понимать ихъ глаголаніе на разныхъ языкахъ? IV, 20. 21.—Какіе Иудеи слушали ихъ, когда они стали говорить разными языками? IV, 22.—Признакъ преемства отъ Апостоловъ. II, 182. Храмъ Апостоловъ въ Константинополѣ. IV, 49. 331.

АРІЙ. Значеніе его имени. II, 276.—Позорная его смерть. II, 187. III, 201.—Лжеученіе его. I, 38. II, 167. 168. III, 248. IV, 181.; оно открылось въ Александріи. II, 276.

АРИАНЕ. Ихъ нечестіе было подобно язическимъ вакханаліямъ. III, 198. 199.—Жестокости ихъ въ гоненіи Православныхъ—III, 167—169. IV, 46.; особенно въ Александріи—II, 281. 282.—Злоупотребленія, внесенныя ими въ управленіе церковное. II, 197.—Внутреннія преимущества Православныхъ предъ Аріанами въ Константинополѣ. III, 179.—Внѣшнія преимущества Аріанъ предъ Православными. III, 177.—Аріане признакомъ Церкви представляли многолюдство. III, 165.—Они приписывали страданіе Божеству. IV, 200.—Лжеученіе аріанское безчеститъ всѣ Лица Св. Троицы. II, 221; оскорбляетъ Божество Отца и Сына,—IV, 219.—Доводы Аріанъ пусты. II, 227.—Опроверженіе ихъ ученія о сотвореніи Сына. II, 223. См. Евноміане.

АРМЕНИЯ славилась дѣвственниками. IV, 344.

АРМЯНЕ скрытны. IV, 71.

АСТРОЛОГИЯ. III, 255.—Она оскорбляетъ Промысль.—II, 274.

АСТРОЛОГИ. Нелѣпость ихъ мнѣнія о зависимости міра и человѣка отъ звѣздъ. IV, 231—233.

АСТРОНОМИЯ. Ея начало у Халдеевъ или Вавилонянъ. I, 163; III, 255. Ея предметъ и достоинство. II, 274. III, 47—49.

АѦНАСИЙ Великій. Его образованіе. II, 180.—Изученіе имъ всего Св. Писанія. II, 180.—Первенство его на Никейскомъ Соборѣ. II, 187.—Онъ прошелъ всѣ степени церковныя. II, 181.—Поставленъ во Епископа Александріи, по приговору народа. II, 182.—Гоненія на Св. АѦнасіа отъ Аріанъ при Констанціѣ. II, 188.—Возстаніе противъ него

Григорія Александрійскаго. II, 188.—Клевета на него Арианъ. II, 189. Онъ удаляется въ Египетскую пустыню. II, 192.—Объясняетъ пустыннокамъ духъ истиннаго монашества. II, 193.—Любовь къ нему монаховъ. II, 194.—Возвращеніе Св. Аѳанасія въ Александрію. II, 201.—Торжественная встрѣча ему въ Александріи. II, 202—204. Св. Аѳанасій умиротворяетъ Александрійскую паству. II, 205. Гоненія отъ Юліана противъ Св. Аѳанасія. II, 206. 207. Возвращеніе его при Ювианѣ. II, 208. Смерть его. II, 212. Изъ міра горняго онъ привираетъ на дѣла христіанъ. III, 184. 185. Онъ написалъ жизнь Антонія Великаго. II, 179. Исповѣданіе Вѣры Св. Аѳанасія. II, 208. 209. Плоды, какіе имѣло сіе исповѣданіе. II, 209. Онъ объяснилъ равнозначительность реченій: лице и вѣпостась. II, 210. 211.—Имѣлъ всѣ добродѣтели и совершенства. II, 176. 178. 183—185. Снисходительность его къ своимъ врагамъ. II, 205. Его непоколебимость въ вѣрѣ. III, 185. Онъ училъ другихъ жизнию. II, 184. Его дѣла и нравы должны служить правиломъ для Епископовъ, а догматы закономъ Православія. II, 212. Его ревность о чистотѣ Церкви. II, 205. Св. Аѳанасій образецъ пустынноческой жизни. II, 194; Называется Архіереемъ Іереевъ, святѣйшимъ окомъ вселенной—II, 279, трубою истины. II, 187.

АѢИНЫ—обитель наукъ. IV, 67. 281. Учившіеся въ АѢинахъ имѣли страсть къ софистамъ. IV, 69. Какъ обходились съ новопоступавшими въ АѢинскія училища. IV, 69. 70. Въ АѢинахъ идоловъ было болѣе, чѣмъ въ цѣлой Греціи. IV, 76.

Б.

БЕЗМОЛВІЕ. Его нужда и плоды. II, 299.—
Похвала безмолвію. I, 20.

БЕЗНАЧАЛІЕ—пагубно. I 18.

БЕЗПЕЧНОСТЬ о будущемъ предосудительна. I, 114.

БЕЗПОРЯДОКЪ. Его слѣдствіе — разрушеніе. III, 141.

БЕЗПРЕДѢЛЬНОЕ. Служить основаніемъ представленій разума о безначальномъ, безконечномъ, безсмертномъ, вѣчномъ. III, 239. IV, 155. 156.

БЛАГО. Блага истинныя и ложныя. II, 23.—Что не ведетъ къ улучшенію, то не есть благо. II, 270.—Для человека здѣсь одно благо—небесныя надежды. IV, 268.—Блага—одни доступны всѣмъ, другія не многимъ. III, 154.—Духовныя общи всѣмъ. II, 154. 155; ихъ постоянство. II, 22.—Непостоянство и скоротечность благъ земныхъ. II, 149. IV, 321. 322. Цѣль сего и польза. II, 21, 22. IV, 271. Въ сей жизни ни одно благо не изъято отъ скорби. IV, 260. 271.—Къ земнымъ благамъ привязываться не должно. II, 248.—Для чего Богъ награждаетъ иногда здѣшними благами. II, 97. — Должно заботиться о благѣ общемъ. I, 310.

БЛАГОДАТЬ—не касается не достойныхъ I. 290. Иногда надменіе благодатию служитъ поводомъ къ удаленію отъ Бога. I, 291.—Богъ малымъ ее даруетъ. IV, 344. Отвергать ее опасно. I, 311.—Дѣйствія благодати въ Крещеніи. III, 277.

БЛАГОДѢЯНІЯ — Божіи къ людямъ. II, 25. 26. 28. 30. 31. — Духовныя выше тѣлесныхъ. II, 31.

БЛАГОРОДСТВО и рабство IV, 281. Благородство истинное. I, 272. II, 107. 260. 269. 302 III, 176. — Ложное. II, 269. III, 176. — Свѣтское. II, 302. — Истинное состоитъ въ стремленіи души къ Божественному. I, 231. — Оно не унижаетъ доблестей и во врагахъ. I, 126.

БЛАГОЧЕСТІЕ. Его отличительная черта. I, 14. Оно — единое постоянное благо. I, 251. — Мнимое благочестіе языческое. I, 158.

БЛАЖЕНСТВО небожителей. I, 288. — Вѣчное есть цѣль христіанской жизни. I, 258. — Въ чемъ оно будетъ состоять? II, 56. 162. 174. III, 182. — Обитатели вѣчнаго блаженства назначаются по достоинству. II, 5. Степени онаго соотвѣтствуютъ родамъ добродѣтелей. III, 13. — Множество обителей блаженства соотвѣтствуетъ множеству добродѣтелей. IV, 338. Кто блаженъ? II, 177. IV, 273. 274.

БЛУДЪ душевный. III, 229. 230.

БОГАТСТВО. Его доброе употребленіе. II, 19. 20. 24. — Ищущіе его подвержены многимъ заботамъ IV, 283. 284. и опасностямъ. I, 74. Вредъ привязанности къ нему. II, 40.

БОГОМАТЕРЬ. Душа и тѣло Ея предпочищены Духомъ. III, 245. IV, 161. — Ей возсылаются молитвы. II, 255.

БОГОПОЗНАНІЕ. Стремленіе къ оному. III, 30. — Совершенное возможно только въ будущей жизни. III, 33. — Несовершенство онаго въ настоящей жизни, свидѣтельствуемое Св. Писаніемъ и примѣрами

мужей, болѣе другихъ, познавшихъ Бога. III, 33 — 36. 147. 148: Трудность богопознанія по свидѣтельству Соломона, Ап. Павла и Давида. III, 37. 38.—Естественный путь ума къ Богопознанію. III, 32.—Природа видимая учить оному. III, 43.

БОГОСЛОВСТВОВАНИЕ—должно начинать призываніемъ имени Божія. III, 16.—Трудность богословствованія. I, 40.—Предметы онаго. I, 37.—Какъ можно сдѣлаться истиннымъ Богословомъ? II, 174.—Излишніе споры въ Богословіи вредны. III, 11. Не всякій можетъ любомудрствовать о Богѣ. III, 7. 145. 148. 149. Кто можетъ? III, 7. когда? II, 7. 16. предъ кѣмъ и въ какой мѣрѣ? II, 8. 10! 16. 152. Говорить о Немъ—великое дѣло, III, 144. и можно только при содѣйствіи Св. Духа. I, 39.

БОГИ—язычниками чтимые. III, 31.—Покровители пороковъ. I, 174. 176.—Они не—различныя именованія единого Божества. III, 116.

БОГЪ. Внѣшній опытъ и законъ естественный увѣряютъ въ бытіи Божіемъ. III, 21.—Богъ не именуемъ. III, 96. 189.—Имена Божіи, III, 96—98; различаются въ слѣдствіе различныхъ умопредставленій. III, 66. Отъ чего они заимствуются? III, 97. 98.—Имя—«Сый»—III, 96, принадлежитъ только Богу. III, 97.—Слово: «*Θεός*» III, 97.—Уваженіе Евреевъ къ имени Божію. III, 96.—Что такое сущность Божія? III, 63.—Свойства отрицательныя не объемлютъ Его сущности.—III, 24. 25.—Существо Высочайшее II, 224—выше сущности—I, 229; всего мысленнаго—II, 177; время и твари—II. 288.—Онъ безтѣлесенъ—III,

XIX

22—24.; не опредѣляется пространством—III, 25. 26; но простота не составляетъ еще Его естества.—III, 239. IV, 155.—Вѣчень—III, 238. IV, 154; безначаленъ и безсмертенъ. III, 123.—Не подлежитъ измѣненію. II, 312. IV, 237.—Его вездѣсущіе. I, 78.—Всевѣдѣніе. I, 101. III, 208. IV, 229.—Предвѣдѣніе.—II, 181.—Всемогущество. I, 79. 92. 93. II, 59.—Въ Богѣ есть дѣйствіе—самая Его мысль IV, 144, и хотѣніе II, 171. III, 58.—Онъ творитъ не какъ человѣкъ. II, 171.—Не имѣетъ совѣчнаго Себѣ начала. IV, 227. 228.—Не дѣлаетъ ничего напрасно. III, 13.—Онъ есть начало всякаго добра I, 229.—Премудрость I, 47. Миръ II, 228.—Любовь I, 305.—Для чего называется «миромъ» и «любовію»? I, 230.—Именованіе «любовію» пріятнѣе Ему другихъ именъ. II, 231. Богъ—свѣтъ. III, 146. 274.—Нелицепріятенъ. I, 101.—Для добрыхъ—свѣтъ, для злыхъ—огнь. I, 290. IV, 222.—Безгрѣшенъ одинъ только Богъ. II, 62. III, 276.—Не виновникъ зла. I, 112.—Самодоволенъ I, 101.—Первопричина всего. III, 133.—Творецъ міра. III, 241. IV, 157. 226. 227.—Человѣкообразныя выраженія о Богѣ въ Писаніи. III, 122. 123.—Сравненіе Бога съ солнцемъ. II, 177. III, 48. 49. 274.

БОЛЬНОЙ. Для больного—быть въ пренебреженіи тяжелѣе самой болѣзни. II, 9.—Не должно отказывать въ общеніи больнымъ, изъ опасенія заразиться ихъ болѣзнію. II, 31. 32.

БОЛѢЗНЬ. Душевная важнѣе тѣлесной. II, 19.—Исцѣленіе отъ первой есть дѣло вѣры и благодати. I, 227. II, 43.

БРАКЪ. Установленъ Творцемъ.—III, 217. Его достоинство и важность. III, 222. 288. 289.—Когда онъ хорошъ? III, 221.—Когда не хорошъ? III, 221. 222.—Въ бракъ должно блюсти чистоту. III, 289.—Скорби въ брачномъ состояніи. III, 221.—Второй не одобряется словомъ Божиимъ и допускается не по закону, а по снисхожденію. III, 220.

БРАНЬ духовная. I, 69. 303. 309.—Похвальная брань лучше мира разлучающаго съ Богомъ. I, 66.—Междоусобія страшнѣе вѣшной брани. I, 164.

БѢДНОСТЬ. Ея происхожденіе. II, 29.

БѢДНЫЙ. Всѣ мы бѣдны. II, 1.—Страданія не всегда насылаются Богомъ. II, 35.—Состояніе бѣдныхъ, пораженныхъ болѣзнію. II, 9. 10. 13. 14.—Нужды бѣдныхъ. II, 17.—Долгъ — не презирать бѣдныхъ IV, 147, а помогать имъ, пока имѣемъ къ тому средства. II, 32. 33.—Должно оказывать любовь къ бѣднымъ всякаго рода. II, 6.—Въ лицѣ ихъ питается самъ Іисусъ Христосъ. II, 66.

В.

ВАЛЕНТЬ Императоръ — послѣдователь Аріева лжеученія. IV, 87.—Его гоненія на Православныхъ. II, 278. IV, 27. 28.—Первое гоненіе въ Кесаріи. IV, 86. 87.—Второе. IV, 100.—Его жестокость въ гоненіи. IV, 101. 102.—Страдальческая кончина одного пресвитера въ его правленіе. II, 278. 279.—Валентъ въ храмѣ Кесарійскомъ. IV, 106. 107.—Богъ поражаетъ его сына болѣзнію. IV, 108.—

Валентъ просить исцѣленія сыну у Василя Великаго. IV, 109.

ВАСИЛІЙ Великій. Предки его были знамениты. IV, 55. 56.—Отличались благочестіемъ. IV, 56. 60.—Укрывались отъ гоненія Максимина. IV, 57. 58.—Чудесно питались въ пустынь. IV, 59.—Родители Св. Василя: Василий и Еммелия—IV, 61. 62; происходили первый изъ Понта, вторая изъ Каппадокіи—IV, 55; ихъ благочадіе. IV, 61.—Василій освященъ Богу съ младенчества. IV, 132.—Его воспитаніе. IV, 64. 65.—Въ отцѣ своемъ имѣлъ онъ образецъ добродѣтели. IV, 65.—Дарованія его и прилежаніе. IV, 78.—Образованіе его въ Кесаріи, въ Константинополѣ и въ Аѳинахъ. IV, 66. 67.—Еще до прибытія въ Аѳины, былъ тамъ извѣстенъ. IV, 68. Для чего занимался словесными науками? IV, 67.—Что побудило его учиться медицинѣ? IV, 79.—Какое впечатлѣніе произвели на него Аѳины? IV, 73.—Успѣхи его въ наукахъ. IV, 78. 79.—Дружество съ Григоріемъ Богословомъ—I, 296. II, 138. IV, 77. утвердилось въ Аѳинахъ. IV, 67. 71—74. 77.—Образъ ихъ жизни въ Аѳинахъ. IV, 74—77.—Отношенія ихъ къ товарищамъ. IV, 75.—Отъѣздъ Василя изъ Аѳинъ и разлука съ Григоріемъ. IV, 80. Возвращеніе въ Кесарію. IV, 81.—Василій былъ сперва чтедомъ. IV, 83. Въ Кесаріи рукоположенъ во пресвитера. IV, 82.—Несогласіе между имъ и Евсевіемъ, Еп. Кесарійскимъ. IV, 84. Монахи защищаютъ Василя. IV, 85. Онъ удаляется въ Понтъ и здѣсь пустынножителствуетъ. I, 226. IV, 85.—Возвращается въ Кесарію. IV, 88.—Дѣйствія его противъ Аріанъ.

IV, 88. 89.—Онъ помогаетъ Евсевію въ управленіи. IV, 89.—Рукополагается во Епископа Кесаріи. II, 137—139. IV, 93.—Почти ежедневно совершаетъ служеніе. IV, 132.—Образъ его дѣйствій на епископскомъ престолѣ IV, 97; 99. 100; въ домашнихъ собраніяхъ. IV, 123.—Св. Василиій заботится объ умиротвореніи Церкви. IV, 98. 99. Безуспѣшная борьба Валента съ Василиемъ. IV, 102.—109.—Разговоръ между Василиемъ и Модестомъ. IV, 104. 105.—Отзывъ о немъ Модеста. IV, 106.—Перемена отношеній къ нему Валента. IV, 106.—Служеніе въ день Богоявленія. IV, 107.—Свиданіе и бесѣда Валента съ Василиемъ въ храмѣ. IV, 108. Св. Василиій приговоренъ Валентомъ къ ссылкѣ. IV, 108. 126. Исцѣляетъ отъ болѣзни его сына и Модеста. IV, 109.—Правитель Понтійскій подвергаетъ Василія суду. IV, 110, 111. Жители Кесаріи защищаютъ его отъ Префекта. IV, 112. 113.—Возстаніе Епископовъ на Василія и причины ихъ ненависти къ нему. IV, 113. 114.—Неудовольствія между имъ и Аноимомъ. IV, 114.—Мъры принятыя Василиемъ противъ него. IV, 115.—Онъ словомъ и писаніемъ поражаетъ еретиковъ. IV, 99. Борьба Василія съ духоборцами. IV, 127.—Приготовленіе его къ смерти. IV, 136.—Последнія слова. IV, 137.—Смерть его и погребеніе. IV, 137. 138.—По смерти является Григорію въ ночныхъ видѣніяхъ IV, 138; молится за народъ. IV, 138.—Чистота его ученія. IV, 128. 129.—Его ревность по Православію. IV, 126.—Крестъ для него драгоценнѣе всякихъ стяжаній. IV, 116 —Его проницательность IV, 72, — нравственное совершен-

XXIII

ство IV. 90. 116, — нестяжательность IV, 116, 117, — суровость жизни IV, 117. 118; жизнь дѣвственная II, 138. IV, 118; воздержаніе IV, 117; неславолюбіе IV, 117; мужество IV, 126, — любовь къ бѣднымъ. IV, 119—121. — Онъ всѣхъ побуждалъ къ милосердію. IV, 120. 121. — Питалъ бѣдныхъ, во время голода IV, 92. — Строилъ монастыри и скиты. IV, 119. — Сравненіе Василія съ праведниками Ветхаго и Новаго Завета. IV, 129—134. Св. Василій для всѣхъ образецъ, достойный подражанія. IV, 139. Богословскія свѣдѣнія Василія. IV, 123. 124. Онъ—уста Богословія. IV, 127. — Его толкованія на книги Писанія. IV, 125. Шестодневъ, обличительныя и похвальныя слова. IV, 125. Его слово о Св. Духѣ. IV, 127. Онъ писалъ о Духѣ, по внушенію Духа. IV, 128. Его нравственныя писанія. IV, 126. Правила монашескія. IV, 90. 118. Чиноположенія молитвъ. IV, 90. искусство въ словѣ. IV, 79. 123. Его писанія усладительны для всѣхъ. IV, 124. 125. — Мудрость его извѣстна во всѣхъ концахъ вселенной. IV, 133. Судъ Василія—судъ Божій. II, 144. Почему Св. Василій достоинъ уваженія. IV, 345. Уваженіе къ нему Св. Григорія. I, 315. Упреки ему и похвалы отъ сего послѣдняго. I, 292. 293. Любовь къ нему народа. IV, 136. 137. Слава Василія и Григорія въ Греціи. IV, 77. Слава Св. Василія у современниковъ. IV, 135. Многіе почитали за честь служить ему, или заучивать случайно сказанныя имъ слова. IV, 135. Трудность составить похвальное слово Василію Великому. IV, 52.

ВЕСНА. Описаніе оной. IV, 149. 150. Весна естественная и духовная. IV, 151.

ВИТАЛІЙ. Его исповѣданіе вѣры. IV, 209.

ВИОЛЕЕМЪ — мать всѣхъ городовъ. II, 117.

ВЛАСТЬ. Богъ входитъ въ распоряженія власти предержавшей. II, 158. Должно повиноваться власти. II, 93. Превосходство власти духовной. II, 93.

ВМѢНЯЕМОСТЬ дѣйствій нравственныхъ; въ какомъ возрастѣ челоуѣка она начинается. III, 301.

ВОДЫ. Ихъ обиліе на землѣ. III, 43. Воды теплыя. III, 44.

ВОЗДУХЪ. Его благотворность. III, 46.

ВОЗНЕСЕНІЕ Христово. Чему научаетъ оно христіанина. IV, 179.

ВОЗСОЗДАНИЕ челоуѣка; въ искупленіи оубо выше его созданія. III, 277.

ВОСКРЕСЕНІЕ Христово. Какъ должно праздновать? I, 5. Дары воскресшему Христу. I, 7. IV, 153. 154. Обычай возжигать огни въ ночь Свѣтлаго Воскресенія. IV, 153.

ВОЛХВЫ что и для чего принесли Иисусу Христу? I, 31. III, 249. Поклонившись Христу, они оставили Астрологію. IV, 233.

ВРАЖДА. Ея вредныя слѣдствія. II, 234—236.

ВРАЧИ. Трудность ихъ обязанностей. I, 33. Что должны наблюдать тѣлесные врачи? I, 28.

ВРАЧЕВАНІЕ. Цѣль науки врачеванія. I, 33. Духовное и тѣлесное врачеваніе. I, 26. 28. Различіе и цѣль того и другаго. I, 30. 31. Врачеваніе души важно и затруднительно. I, 33. Оно не одинаково для всѣхъ I, 34. 35.; но должно быть со-

образно съ временемъ, обстоятельствами и нравомъ врачуемаго. I, 36.

ВѢРА есть восполненіе ученія III, 76.; общее достояніе и мудрыхъ и простыхъ. III, 156. Дѣла безъ вѣры и вѣра безъ дѣлъ бесполезны. II, 296. Исповѣданіе вѣры должно сохранятьъ до конца жизни. I, 305. III, 315. Безъ вѣры во Христа никто во времена Вѣтхозавѣтныхъ не могъ успѣть въ добродѣтели. II, 70.

ВѢЧНОСТЬ. Чтò она́ такое? III, 55. 239. 240. IV, 156.

Г.

ГАЛЛЪ, братъ Юліана отступника. Его воспитаніе. I, 97. 98. Онъ былъ искренно благочестивъ. I, 98. 99. Смерть его. I, 104.

ГЕЛЛЕНІЙ—начальникъ въ Арменіи IV, 347; другъ Св. Григорія. IV, 344. Установитель подачей въ Діокесаріи. IV, 347.

ГЕОРГІЙ Каппадокійскій—худой родомъ и сердцемъ. II, 189. Его злокозненность противъ Аванасія Великаго. II, 190. Его дѣйствія въ Египтѣ и на Востокѣ. II, 194—197. Смерть его. II, 201.

ГНОСТИКИ. Ихъ ересеначальники. II, 275.

ГНѢВЪ—позволителенъ намъ на одного діавола. IV, 146. Гнѣвъ Божій соразмѣряется съ грѣхами. II, 50. Его степени. II, 53. 54. Гнѣвъ конечный на ожесточенныхъ. II, 50. Нельзя убѣжать отъ гнѣва Божія. II, 54. 63. Причиною гнѣва Божія сами люди. II, 61.

ГОНЕНИЕ навлекаетъ гнѣвъ Божій на гонителей. I, 212. Гоненія укрѣпляютъ христіанъ въ благочестіи I, 119. и въ единомысліи. II, 230. Позволительно ли уклоняться отъ гоненій? I, 142.

ГОРГОНИЯ. Ея похвальныя качества. I, 273—280. Чудеснымъ образомъ исцѣляется она отъ болѣзней. I, 281—284. Ея крещеніе, приготовленіе къ смерти по предварительномъ откровеніи, завѣщаніе и самая смерть. I, 285. 286. Ея предсмертное состояніе и послѣднія слова. I, 287.

ГОРДОСТИ должно удаляться. IV, 255.

ГРАДЪ. Описаніе вреда, нанесеннаго градомъ. II, 52. 64.

ГРИГОРІЙ, родитель Григорія Богослова. Его жизнь—цѣлая досточудная исторія. IV, 345. Онъ былъ прежде язычникъ, послѣдователь Ипсистеріевъ. II, 104. IV, 282. Знаменія при его оглашеніи и крещеніи. II, 112. 113. Правота его и цѣломудріе. II, 105. Сонъ имъ видѣнный. II, 111. Онъ былъ учитель Православія. II, 115. Обманомъ вовлеченъ въ общеніе съ еретиками II, 117. Противоборствовалъ имъ при Валентѣ. II, 140. Силою молитвы поражалъ Юліана. II, 133. Содѣйствовалъ утвержденію на епископскомъ престолѣ Евсевія Кесарійскаго II, 133., и избранію въ Епископы Василя В. II, 139; рукополагалъ его IV, 94., во время болѣзни чудесно участвовалъ въ священнодѣйствіи II, 128, и исцѣленъ отъ болѣзни II, 129. Литургією только укрѣплялъ себя въ болѣзни. II, 141. Смерть его; число лѣтъ его жизни и священства. II, 141. Печаль жителей Назіанза о смерти его. II, 101. Его добродѣтели I, 243. 244. 271.

276. II, 114. 116. 118. 126. 139. 141. IV, 283.; особенно пастырскія. II, 121. 124. 133. Его дѣятельность. II, 126.

ГРИГОРІЙ (святѣй) Назіанзинъ, Богословъ. До рожденія имя его открыто въ сновидѣніи матери IV, 294. и самъ онъ посвященъ матерію Богу I, 63. II, 110. 294; въ отрочествѣ чувствовалъ влеченіе къ жизни монашеской. IV, 296. Видѣніе возбуждало въ немъ любовь къ дѣвственной жизни. IV, 311. Онъ образовался въ Кесаріи IV, 66, и въ Аѳинахъ. IV, 67—81. Во время путешествія въ Аѳины застигнутъ бурей II, 131. IV, 289. 290.; въ Аѳинахъ совершенно познакомился и подружился съ Василиемъ В. IV, 67. 77.; лично узналъ Юліана I, 197; оставался не на-долго по отъѣздѣ Василя IV, 80. 81.; по возвращеніи изъ Аѳинъ жилъ въ отечествѣ IV, 81.; въ Понтѣ съ Василиемъ В. IV, 86.; участвовалъ въ примиреніи съ Василиемъ Евсевія, Еп. Кесарійскаго IV, 88; содѣйствовалъ Василию противъ Валента. IV, 89. Осторожность Григоріева по поставленіи Василя во Епископа. IV, 95. 96. Пустынная жизнь Григорія IV, 308., въ которой онъ, оставивъ все мірское, не оставилъ словеснаго искусства. I, 155. Причины, почему онъ уклонялся отъ священства I, 72.; рукоположеніе его во пресвитера и первое его слово. I, 6. Причины его удаленія въ Понтѣ I, 17. 19. 69. и возвращенія въ Назіанзъ. I, 75. Попеченіе о родителяхъ удерживаетъ его отъ пустынножителства. IV, 288. Обличительныя слова его на Юліана за преслѣдованіе христіанъ. I, 84—216. Григорій не желаетъ быть Епископомъ. II, 147.; но возведенъ

въ сей санъ противъ воли. III, 202. Оставляетъ Сасимы и снова соглашается возвратиться туда. I, 295—298. Удалившись изъ Сасимъ, помогаетъ отцу своему въ Назіанзѣ. I, 307. и слѣд. IV, 318. Призванъ въ Константинополь. III, 177. Терпѣть поруганія отъ еретиковъ III, 170 и слѣд., отъ Максима. II, 294. Что сдѣлалъ для Церкви Константинопольской. IV, 28—30. 35. 36. Изъявляетъ желаніе оставить престолъ Константинопольскій IV, 43. 48.; передаетъ дѣла свои на судъ Епископовъ IV, 24. 25.; пророчествуетъ о возрастаніи и усовершеніи Церкви Константинопольской. IV, 30. 31. По удаленіи изъ Константинополя печется о паствѣ Назіанзской. IV, 318. 319. Предчувствуетъ приближеніе своей кончины. IV, 183. Григорій вель жизнь безбрачную. IV, 280. 300. Жизнь его была исполнена скорбей. IV, 191. 317. Попечительность его о родителяхъ. I, 75. II, 146. IV, 283. 288. Черты его подвижничества. I, 64. Его подвиги самоотверженія. IV, 288. Борьба противъ плоти, предпринятая въ шести различныхъ способахъ. IV, 308. 309. Добровольная нищета. IV, 308. Выраженіе чувствованій: миролюбія II, 228, смиренія I, 60. 63. 82. II, 147. III, 203. IV, 293. 329, скорби о нетвердыхъ въ вѣрѣ I, 91, — любви къ оскорблявшимъ его. III, 178. Молитва его за еретиковъ II, 226. III, 76; готовность принять ихъ въ нѣдра Церкви I, 90. Его подвиги съ утратою здоровья. II, 307. Его любовь къ уединенію. I, 10. 20. 295. II, 140. IV, 321. Его удовольствіе быть въ сообществѣ монашествующихъ. IV, 301. Изученіе Слова Божія было первымъ его занятіемъ

XXIX

III, 152. Лучшее достояніе Григорія — слово. I, 12. Сила его слова. II, 160. Его пастырская ревность учить Слову Божію III, 179, возбуждавшая въ другихъ зависть и бывшая для него источникомъ многихъ скорбей. IV, 318. Слова его были записываемы слушателями. IV, 49. Св. Григорій не терпѣлъ роскоши II, 310. IV, 280.; ходилъ въ бѣдной одеждѣ III, 172. 206.; былъ чуждъ чело-вѣкоугодія III, 173. пышности. IV, 47. Внѣшній видъ Св. Григорія. III. 172.

ГРИГОРІЙ (святый) Нисскій, другъ и утѣшитель Григорія Богослова. I, 299. 301.

ГРѢХЪ. Всякій грѣхъ есть смерть души. III, 232. Удобопреклонность челоуѣка ко грѣху. IV, 253. 254. Его усиліе утаевать свои грѣхи. I, 29. Первородный грѣхъ. IV, 245. Его слѣдствія. II, 159. Онъ источникъ всѣхъ скорбей и болѣзней въ родѣ челоуѣческомъ. IV, 245. Онъ обратилъ всѣ члены тѣла въ оружіе смерти. IV, 305. Величайшее наказаніе за грѣхи есть отверженіе Богомъ. I, 115. Челоуѣкъ чѣмъ дальше отъ Бога, тѣмъ ближе ко грѣху. IV, 237. Грѣхи благочестивыхъ не извиняють нечестивыхъ. II, 218. Исповѣданіе грѣха великое врачевство. II, 65.

Д.

ДАВИДЪ — любитель дѣятельности и уединенія II, 193. Чѣмъ поражалъ Голіаѳа и исцѣлялъ Саула? I, 205. Чтѣ означало скаканіе его предъ Кивотомъ? I, 210.

ДАРЪ. Разнообразіе даровъ приносимыхъ людьми Богу. IV, 335. Дары недостойные Бога. I, 55. Даръ отъ скудости пріятнѣе Богу, чѣмъ отъ избытка. II, 68. И малые дары пріемлетъ Богъ. I, 314. II, 152. 153. Чѣмъ измѣряетъ Онъ достоинство даровъ? II, 153. Онъ требуетъ отъ насъ малаго дара, а воздаетъ намъ великимъ. I, 266. Величайшій даръ Божій есть наше стремленіе къ Богу и сродство съ Нимъ. II, 176.

ДЕМОНЫ—присвояютъ себѣ Божескую честь. III, 257. Почему совѣщанія съ ними совершались во мракѣ? I, 117. Они трепещутъ при имени Іисуса Христа. I, 67. См. Діаволь.

ДЕНЬ—таинства I, 6. Свѣтовъ III, 252. День Св. Духа. IV, 15.

ДЕРЗОСТЬ—плодъ невѣжества. III, 136. Предосудительна даже въ сужденіи о вещахъ маловажныхъ. III, 159.

ДІАВОЛЬ. Его паденіе и причина онаго. III, 204. 241. IV, 228. 237. 238. 314. 315. Онъ увлекъ къ паденію многихъ духовъ. II, 254. IV, 238. Не знаетъ будущаго. I, 113. Знаетъ Св. Писаніе. III, 280. Ненависть его къ людямъ. III, 257. IV, 237. Привлекаетъ челоѣка къ злу. II, 29. Причина нашихъ бѣдствій. II, 96. Ежедневный врагъ нашъ. II, 86. Злоумышленія его противъ людей. II, 293. 294. IV, 280. Искусство въ обольщеніи людей. III, 32. 224. 280. Употребляетъ насъ самихъ оружіемъ противъ насъ. I, 30. Похищаетъ у челоѣка благія мысли. IV, 296. Виновникъ раздѣленій церковныхъ. I, 231. Для чего Богъ попускаетъ ему возставать противъ людей? IV, 238. Души

чистыя легко узнають его ухищренія. II, 254. Что нужно для противоборствованія ему? I, 30. Онъ низложенъ крестомъ. IV, 176. Отражается молитвою II, 256. Будущее осужденіе его. IV, 239.

ДОБРО и зло въ человѣкѣ. IV, 253. И для пожеланія добра нужна помощь Божія. IV, 255. Доброе похвально, когда оно есть дѣло свободнаго произволенія. III, 227. Добро утвержденное временемъ обращается въ природу. II, 215. Истинные Христіане любятъ добро ради добра. I, 120. III, 209. Нерадѣніе о добрѣ начало зла. II, 159. По смерти нѣтъ способа вознаградить опущенное добро. III, 296.

ДОБРОДѢТЕЛЬ. Что такое она? IV, 251. 252. Она—наша собственность. I, 27. Для всѣхъ полезнѣе всего. I, 35. II, 30. Въ одной добродѣтели истинное благо. IV, 361. Несовершенство добродѣтели человѣческой. IV, 253. 254. Языческая добродѣтель. I, 173—176. Христіанская — должна быть выше Фарисейской. I, 60. Для Христіанина и то зло, когда онъ не преуспѣваетъ въ добродѣтели. I, 177. Добродѣтель вынужденная не тверда. I, 26. Различные пути къ добродѣтели. III, 163. Трудно сказать, какая изъ добродѣтелей выше. II, 2. Препятствія къ добродѣтели. I, 28. 29. Добродѣтель трудна, а порокъ легокъ. I, 24. 250. 291. Первая ослабляется завистію, послѣдній — страхомъ. IV, 296. Для преуспѣянія въ добродѣтели нужна Божія помощь и дѣятельность самого человѣка. IV, 255. Различныя побужденія къ добродѣтели. I, 120. Примѣры различныхъ добродѣтелей изъ исторіи Ветхаго и Новаго Заветъа. II, 2—5. 122. 123. Для чего добродѣтель иногда награждается Богомъ еще

въ сей жизни? I, 281. Добродѣтель искушается скорбями. IV, 363. Добродѣтельный не долженъ защищать порочныхъ. IV, 362.

ДОБРЫЙ. Свойства людей добрыхъ и злыхъ. IV, 279. 280. Лучше, будучи добрымъ, во мнѣніи другихъ оставаться худымъ, нежели, будучи худымъ, имѣть славу добраго. IV, 297. Ни добрый, ни злой не знаютъ, какъ они кончатъ путь свой. IV, 296.

ДОЖДЬ; особенные слѣды Промысла въ ниспосланіи онаго. III, 46.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО составляетъ особую часть Богословскаго ученія. III, 240.

ДРЕВО познанія добра и зла; его значеніе. III, 243. IV, 159. 160. Отъ него вкусили всѣ люди. I, 296.

ДРУЖЕСТВО не знаетъ предѣловъ I, 223. Все переноситъ. I, 301. Оно дѣлаетъ всякое достояніе общимъ IV, 342. Дружество вѣрное. — великое сокровище I, 299. IV, 367.

ДУХЪ СВЯТЫЙ (третье Лице Святыя Троицы). Наименованія приписываемыя Ему въ Священ. Писаніи. III, 129. Если Онъ не именуется Сыномъ, — сіе не есть недостатокъ Его. III, 110 Почему называется Инымъ? IV, 17. Бытіе Его. III, 105. 106. Представленія о Духѣ Святомъ язычникомъ. III, 106. Онъ не сотворенъ отъ Сына Божія. III, 114. Личность Духа Святаго. III, 107. Единосущіе Духа Святаго съ Отцемъ и Сыномъ неопровержимо. III, 190. Духъ Св. исходитъ отъ Бога Отца. III, 262. Образъ Его исхожденія непостижимъ. II, 173. III, 109. 110. Свойства и дѣйствія Его. III, 129.

130. 131. IV, 14. 15. 221. Вѣчность IV. 14. Святость II, 288. Дѣйствія Его въ Отцахъ и Пророкахъ IV, 16. Троекратное сообщеніе Его Апостоламъ IV. 16. Дѣйствія Его въ людяхъ IV, 19. 20. Онъ есть Виновникъ духовнаго возрожденія IV, 19. Прибываетъ съ достойными и въ сей и въ будущей жизни IV, 18. 19. Объясненіе равночестности Сына и Духа примѣромъ Евы и Сива IV, 222. Должно чтить Духа Святаго IV, 221. Иисусъ Христосъ прославляетъ Духа и прославляется Духомъ IV, 18. Божество Св. Духа ясно открылось по вознесеніи Иисуса Христа III, 127. Почему во время крещенія Христова явился Св. Духъ въ видѣ голубя? III, 267. Почему Онъ является въ видѣ огненныхъ, раздѣленныхъ и сѣдшихъ языковъ? IV, 17. Почему является въ горницѣ? IV, 17. Изреченія Писанія о Св. Духѣ III, 128 — 130. IV, 18. 221.

ДУХОБОРЦЫ. Сравниваются съ Ананією и Сапфиною. III, 193. Въ нихъ дѣйствуетъ злой духъ. IV, 12. Они называли Духа Святаго Богомъ чуждымъ, незнаемымъ по Писанію. III, 103. 121. Различныя ихъ мнѣнія о Святомъ Духѣ. III, 106. 107. Возраженія ихъ: противъ Божества Св. Духа III, 108; противъ Его достопокланяемости III, 113; противъ Его несотворенности III, 113. 114. Жизнь ихъ имѣла нѣкоторыя похвальныя черты IV, 13.

ДУША — есть Божіе дыханіе и неугасимый свѣтъ Божій IV. 240. Не есть гармонія составныхъ частей тѣла. IV, 240. Не есть что-нибудь вещественное. IV, 240. Происхожденіе душъ въ родѣ человѣческомъ. IV, 243. 244. Предсуществованіе ихъ

не согласно съ учениемъ Церкви. III, 226. 227. Опроверженіе ученія о преселеніи душъ. IV, 241. 242. Почему въ Писаніи душа называется чревомъ? II, 87. Образъ соединенія души съ тѣломъ непостижимъ. IV, 261. Для какой цѣли она соединена съ тѣломъ? I, 27. Грѣшная душа безъ вразумленія дѣлается неисцѣльною II, 62. и врачеванія не терпитъ I, 29. Важность очищенія души. III, 232. Благочестивая душа все человѣческое подчиняетъ Богу. II, 110. Свойство души мужественной. I, 119. Душа для тѣла должна быть тѣмъ же, что Богъ для души. I, 27. Мнѣніе объ общей душѣ міра ложно. IV, 241.

ДѢВСТВО выше супружества. I, 273. III, 222. Установлено Христомъ. IV, 313. Жизнь дѣвственная есть жизнь Ангельская. III, 222. IV, 313. Безъ другихъ добродѣтелей не соединяетъ съ Богомъ. I, 273. Дѣвство порочное хуже супружества. IV, 275. Подвиги дѣвственницъ. I, 342—344. Правила для проводящихъ жизнь дѣвственную. III, 222. IV, 362.

ДѢЛА должно брать на себя по силамъ. I, 311. Непостоянство дѣлъ человѣческихъ. II, 20. Всякое дѣло должно начинать и оканчивать Богомъ. I, 16. Всѣ наши дѣла будутъ испытаны или очищены послѣднимъ огнемъ. III, 134.

Е.

ЕВАНГЕЛИСТЫ. Ихъ разность въ повѣствованіи объ Исусѣ Христѣ. IV, 129.

ЕВАНГЕЛІЕ всѣхъ уловляетъ. II, 105.

ЕВАГРІЙ. Его вопросъ о ествѣ Св. Троицы, предложенный Григорію. IV, 185.

ЕВНОМІАНЕ невѣрнѣ бѣсовъ. III, 248. IV, 182. Приписываютъ себѣ всезнаіе III, 7. 59. Они святотатцы истины III, 79; оборотливы языкомъ III, 5. 6. Ихъ возраженія: противъ рожденія Сына Божія отъ Отца III, 57—59, противъ вѣчности сего рожденія III, 56. 60. 66., противъ единосущности Сына Божія съ Отцемъ III, 62—65, противъ рожденности и вмѣстѣ единосущности III, 69. Другія ихъ возраженія, основанныя на неправильно понимаемыхъ мѣстахъ Св. Писанія III, 72. 79. 80. 82. 83. 85. 86. 87. 90 — 95. (Рѣшеніе всѣхъ сихъ возраженій на тѣхъ же страницахъ.)—Они исповѣдуютъ Сына Божія Богомъ только по соименности. III, 67. 68.

ЕВНУХИ. Изображеніе ихъ нравовъ. IV, 103.

ЕВСЕВІЙ Кесарійскій по желанію народа избирается на епископскій престолъ еще до крещенія II, 134.; не столько законно, сколько насильственно. IV, 85. Руксположенный утверждаетъ на престолѣ содѣйствіемъ родителя Григорія Богослова. II, 135. 136. Не долго епископствуетъ. II, 137. Неопытность его въ дѣлахъ правленія. IV, 90. Смерть его. IV, 93.

ЕВСЕВІЙ, Святый, Самосатскій. Его мученичскій подвигъ. I, 214.

ЕВХАРИСТІЯ. См. Причащеніе.

ЕГИПТЯНЕ—изобрѣли Геометрію. I, 163. Ихъ древнее идолослуженіе. III, 185. 186. Благочестіе Египетскихъ Христіанъ. III, 183. 184. Египетскіе Отцы. III, 186.

ЕДИНОМЫСЛІЕ—ведеть начало отъ Троицы. II, 243. Сильнѣйшее побужденіе къ оному — согласіе въ ученіи о Богѣ. I, 229. Въ чемъ имѣютъ единомысліе Христіане? II, 217. Иногда оно хуже раздора. II, 231.

ЕПИСКОПЫ. Жалобы на безпорядки въ ихъ избраніи. II, 137. IV, 82. 83. Посвященіе ихъ. I, 298. II, 294. Епископская кафедра—завидная и опасная высота. IV, 49. Сѣденіе Епископовъ и Пресвитеровъ въ храмѣ. IV, 329. Споры о первенствѣ. II, 308. Добродѣтель Епископа должна соотвѣтствовать его высокому сану. IV, 95. Роскошь и пышность недостойны ихъ сана. IV, 47.

ЕРЕСЬ. Ереси — причина бѣдствій для христіанъ. II, 230.

ЕРЕТИКИ. Ихъ различное ученіе. III, 180. Разныя ложныя мнѣнія ихъ объ І. Христѣ и Св. Духѣ. III, 138. Ихъ лжеученіе опровергается своимъ позднимъ происхожденіемъ. IV, 212. Они не знаютъ образа выраженія свойственнаго Писанію. IV, 204. Ищутъ подкрѣпленія въ неудачахъ и погрѣшностяхъ Православныхъ. III, 10. Православные бѣгаютъ общенія съ еретиками. III, 168. Вступающей съ ними въ общеніе подвергается суду Божию. IV, 207. Ихъ дерзость. IV, 191. 192. Они имѣли свои собранія. IV, 192. Въ борьбѣ съ ними нужны мѣры кротости. IV, 36. Нераскаянныхъ должно отвращаться. I, 239. Не должно ненавидѣть еретиковъ, а должно жалѣть о нихъ. III, 210.

ЕСТЕСТВО—Божественное и человѣческое; ихъ различіе. II, 144. Слова: начало и безначальный,

рожденный и нерожденный — не выражаютъ понятія о естествѣ Божиѣмъ. IV, 38. 218.

ЕХИДНА. Угрызеніе ехидны. IV, 287.

Ж.

ЖАЛОСТЬ — пріятнѣйшее чувство. IV, 288.

ЖЕНА. Не отлична по душѣ отъ мужа. I, 280. Мужъ и жена имѣютъ одинаковую честь. III, 219. Добрая жена — даръ Божій. II, 106. Обличеніе женскаго щегольства. I, 275. Женщины хитры и злы. IV, 368. Для нихъ лучшее правило — стыдливость. IV, 367.

ЖЕРТВЫ. Цѣль ихъ установленія. IV, 165. Жертвы Ветхозавѣтныя были образомъ будущаго жертвоприношенія. I, 222. Отъ жертвъ, въ В. Завѣтѣ, позволялось вкушать не всякому. II, 165. Жертвы нечестивыхъ Богъ отвергаетъ. I, 101. Жертва и жертвенникъ духовные. II, 308. 309. IV, 177. Всякій долженъ приносить Богу посильную жертву. II, 151 — 153. Жертвы человѣческія у язычниковъ. II, 34.

ЖЕСТОКОСЕРДІЕ — къ больнымъ II, 11. 12. богатыхъ къ бѣднымъ II, 28. 29, — во время голода. II, 66. 67. — Извиненія представляемыя жестокосердыми. II, 34.

ЖИВОТНЫЯ. Различія оныхъ. III, 40. Разнообразіе рыбъ, III, 41; птицъ. III, 41. — Различный образъ рожденія животныхъ. III, 111. Божіе промышленіе о нихъ. IV, 265. Миловать ихъ повелѣвается Закономъ, II, 33.

ЖИЗНЬ. Настоящая—кратка I, 259; сама по себѣ суетна I, 260. IV, 268. 269. 271; служить руководствомъ къ будущей I, 261. II, 36. 37; она есть время трудовъ II, 151; исполнена скорбей и бѣдствій IV, 260. 262. 266. 267. Сравненіе жизни съ моремъ. II, 300.—Жизнь настоящая—темница, поприще, тѣнь будущей жизни. II, 95. Цѣль оной I, 261. II. 36. 37. IV, 304. Цѣль жизни христіанской. I, 178. III, 85. Должно болѣе и болѣе усовершенствоваться въ жизни нравственной. IV, 361 363. Ложныя мнѣнія философовъ языческихъ о цѣли настоящей жизни и о состояніи въ жизни будущей. I, 110. 114. Земная жизнь есть тлѣніе II, 145. Жизнь истинная—II, 145.—Жизнь по смерти—тихое пристанище. II, 102. Въ будущей жизни полное мздовоздаяніе. II, 36. Тогда всѣ будутъ равны по духовному возрасту. II, 303. Избраніе рода жизни—основаніе поведенія. II, 270. Жизнь въ городахъ. II, 292.

З.

ЗАБОТА—ядъ для человѣка. IV, 318.

ЗАВИСТЬ—язва и ядъ для одержимыхъ ею, III, 204. Ея плоды III, 204. 205.

ЗАВѢСА храма Іерусалимскаго раздравшаяся; что ею знаменуется? III, 75.

ЗАВѢТЪ Ветхій и Новый; цѣль того и другаго. I, 31. III, 124. 125.

ЗАКОНЪ. Естественный, испытатель дѣлъ нашихъ II, 30. Божественный двойкій. IV, 246. Данъ Мои-

сею Христомъ. IV, 215. Почему данъ сперва Евреямъ? IV, 246. Законъ Ветхій—образъ будущаго и невидимаго IV, 163; — свѣтъ прообразовательный III, 275,—стѣна между Богомъ и идолами. IV, 165. Открытый и сокровенный смыслъ его. III, 18. Тайны его понятны только для людей подобныхъ Моисею. IV, 163. Законъ Евангельскій труднѣе къ исполненію, нежели законъ Моисеевъ. IV, 170. 171. Въ законѣ Евангельскомъ иное требуется необходимо, другое предоставлено свободному произволенію. I, 154.

ЗАПОВѢДЬ. Для чего дана человѣку въ раю? IV, 182. Заповѣди Божіи — высочайшее услуженіе для человѣка. II, 297.

ЗВАНІЕ. Не должно простирается далѣе круга обязанностей своего званія. II, 154.

ЗВѢЗДЫ. Познаніе природы звѣздъ выше человѣческаго разумѣнія. III, 47. Опредѣляютъ по нимъ судьбу человѣка богопротивно. III, 49. 50. Звѣзда приведшая волхвовъ къ Иисусу Христу. IV, 233. Волхвы узнали о ней изъ книгъ Еврейскихъ. IV. 233. См. Астрологія.

ЗДРАВІЕ не дорого, если плодомъ его грѣхъ II, 40. Больному оно лучше всякаго богатства IV, 367.

ЗЕМЛЯ. Ея основаніе—воля Божія. III, 44. Разнообразіе мѣстоположеній на землѣ. III, 44. Земля—наша мать и гробъ. III, 173. IV, 365.

ЗЛО. Нѣтъ особаго начала зла; оно произошло въ насъ—отъ нашего нерадѣнія. III, 320. Для чего попускается физическое зло? II, 51. Средства упо-

требленныя Богомъ къ прегражденію нравственнаго зла въ человѣческомъ родѣ. III, 244. IV, 160.

ЗЛОРЪЧІЕ. Имъ огорчаться не должно, но можно извлекать изъ него выгоду. II, 237. Вредъ онаго. II, 238.

ЗОЛОТО убѣдительное всякаго слова. IV, 369. Ослѣпляетъ и мудрыхъ. IV, 367.

ЗНАМЕНІЯ. Предшествуютъ великимъ событіямъ міра. I, 116. Бывшія во время страданій Иисуса Христа. IV, 183.

ЗРѢНІЕ быстротою уподобляется мысли. III, 39.

И.

ИДОЛОСЛУЖЕНІЕ — первое и послѣднее изъ всѣхъ золъ. III, 244. IV, 161. Происхождение его и разные виды. III, 30. 31. Оно есть дѣло діавола. III, 32. IV, 246.

ИПСИСТАРИИ; ихъ религіозное служеніе. II, 104.

ИРОНЪ (Философъ). Обличитель лжеименной мудрости. II, 267. Въ какомъ смыслѣ названъ у Св. Григорія песомъ? II, 268. Происходилъ изъ Александрии отъ мучениковъ. II, 269. 270. Наблюдалъ средину между христіанскою и языческою мудростію и избиралъ лучшее изъ философіи языческой. II, 272. Главная забота его. II, 274. Его дѣйствія въ пользу Христіанства. II, 283. Онъ поборникъ Св. Троицы. II, 269. Страдалъ за истину. II, 283 — 285. Его добродѣтели. II, 275.

ИСКУШЕНІЯ ведутъ къ благочестію. I, 103. Твердые и слабыя въ искушеніяхъ. II, 300. 301.

Т. IV.

27.

ИСПРАВЛЕНИЕ. Богъ разнообразно призываетъ людей къ исправленію. I, 89. Строгія и кроткія мѣры исправленія. I, 35. 36. Слово, какъ средство къ сему. I, 34. Надобно исправлять ближнихъ, а не отлучать. III, 160. 161.

ИСТИНА. Видимое—только образъ ея. II, 173. Она легче напечатлѣвается въ душѣ невинной, нежели въ принявшей уже худыя правила. I, 42.

I.

ІАКОВЪ получилъ благословеніе родительское чрезъ ухищреніе. I, 76. Нравственное значеніе лѣтвицы, имъ видѣнной. IV, 340. Значеніе и послѣдствія борьбы его съ Богомъ. III, 34. IV, 130.

ІЕЗАВЕЛЬ. Для чего память о ней сохранена въ Писаніи? III, 197.

ІЕРЕМІА—освященъ еще во утробѣ матерней. I, 58. Сострадательнѣйшій изъ Пророковъ. II, 87. Плакиваетъ Израиля. I, 59. Чтеніе Плача его возбуждаетъ въ Св. Григоріи слезы. I, 235.

ІЕРУСАЛИМЪ горній наше отечество. I, 272. II, 260. III, 176. IV, 177.

ІИСУСЪ см. Христось.

ІОАННЪ Евангелистъ проповѣдывалъ въ Ефесѣ III, 175.

ІОАННЪ Креститель, посредникъ между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ. II, 178. III, 266. Предвидѣлъ свое мученичество. III, 265. 266. Во адѣ проповѣдывалъ грядущаго Христа. IV, 134.

ЮВИНАНЪ, преемникъ Юліана. I, 191. Возвращаетъ Православныхъ Епископовъ изъ заточенія и между ними Св. Аѳанасія. II, 208. Желаетъ утвердить миръ въ Церкви. II, 208. Заключаетъ миръ съ Персами. I, 192.

ЮВЪ многострадальный восхваляется за страданія. II, 40. 191. 192.

ЮНА—для чего бѣжалъ изъ Ниневіи? I, 77—79.

ЮПІЯ—что значить? I, 79.

ЮСИФЪ Аримаѳейскій. Какъ христіанинъ можетъ подражать ему? IV, 178.

ЮДЕИ. Причина ихъ бѣдствій. I, 233—235. Ихъ многократныя преселенія. IV, 22. Какіе Іудеи слушали Апостоловъ, говорящихъ иными языками? IV, 22. Причина и цѣль избранія Богомъ новаго народа вмѣсто Іудеевъ. IV, 247. Они нѣкогда обратятся ко Христу. IV, 247. Безуспѣшное покушеніе Іудеевъ возстановить храмъ. I, 181. 182.

ЈУСТИНА (св.). Искушенія, какимъ она была подвергаема. II, 253. 254

К.

КАППАДОКІЯ. Жители ея тверды въ Православіи. II, 188. IV, 89.

КЕСАРІЙ, братъ Св. Григорія Богослова. Его воспитаніе, жизнь и достоинства. I, 244—247. Встрѣча его съ Григоріемъ въ Византіи. I, 248. Слава его въ Назіанзѣ I, 249; при дворѣ царя, гдѣ былъ врачомъ. I, 250. 251. 255. IV, 284. 285. Мужество его въ борьбѣ противъ злоумышленій Юліана. I, 27*

XLIII

253. 254. Удаленіе отъ Юліанова двора. I, 254. Былъ въ Виѣннѣ хранителемъ царской казны. I, 255. Богомъ избавленъ отъ угрожавшей ему смерти. I, 256. IV, 284. Его болѣзнь, смерть и погребеніе. I, 256. 257. По смерти являлся во снѣ Св. Григорію. I, 264.

КИПРИАНЪ (св.). Предсѣдательствовалъ въ Сенатѣ. II, 250. Его образованность. II, 250. Онъ самъ свидѣтельствуетъ о своей порочной жизни до христіанства. II, 252. Дѣла его до обращенія. II, 252—256. По обращеніи онъ придверникъ храма, потомъ Пастырь. 257. Слава о немъ на Востокъ и Западъ. 257. Подвиги и добродѣтели его. 258. Онъ осужденъ Декіемъ на изгнаніе. 259. Помогаетъ Христіанамъ писаніями. 259. Убѣждаетъ ихъ къ мученичеству. 260. Его мученическая кончина. 261. Тѣло его оставалось долго въ неизвѣстности. 261. Откровеніе объ его тѣлѣ. 262. Исцѣленіе отъ его мощей. 262. Его сочиненія. 250.

КЛИРЪ, долженъ быть обезпеченъ въ нуждахъ жизни мірянами. II, 297. 298.

КЛЯТВА. И давать клятву и требовать оной значитъ оскорблять правду. IV, 367.

КОНСТАНТИНЪ ВЕЛИКІЙ положилъ основаніе царской власти въ Христіанствѣ. I, 193.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, царь городовъ. III, 171. Во времена Св. Григорія въ немъ много было изящныхъ произведеній зодчества. IV, 331. Состояніе Православія въ Константинополѣ до прибытія въ него Св. Григорія — IV, 25. 26. 28. 29., его трудами улучшенное. IV, 29. 30. Важность Констан-

тинополя въ отношеніи къ Церкви. IV, 34. 35. Пороки его жителей. III, 212. Соборъ Аріанскій въ Константинополѣ. II, 135. Соборъ 2-й Вселенскій IV, 24.

КОНСТАНЦІЙ. Состояніе Церкви въ его правленіе. II, 277. Усердіе его къ вѣрѣ Христіанской. I, 106. Покровительство Аріанамъ. I, 193. Смерть его. I, 109. Погребеніе въ храмѣ Апостоловъ. I, 192—194. Его благоразуміе, могущество, благочестіе. I, 105. Простота. I, 107. Худыя дѣла, въ которыхъ Констанцій раскаявался предъ смертію. II, 200. Св. Григорій укоряетъ его за то, что онъ возвысилъ Юліана—I, 97. 98. 106. и оправдываетъ I, 108. 109.

КОРЫСТОЛЮБІЕ. Ненасытимость его. I, 261.

КРЕСТЬ прообразованъ воздѣяніемъ рукъ Моисеевыхъ. IV, 174. 175. Знаменіе крестное прогоняетъ демоновъ. I, 117. 118.

КРЕЩЕНІЕ. Что оно такое? III, 277. Самымъ крещеніемъ исповѣдуется единосущіе Лицъ Св. Троицы. III, 181. 316. 317. IV, 223. Крещеніе есть таинство нашего спасенія. III, 276. Оно едино. III, 181. Различныя наименованія Крещенія. III, 274. Крещеніе Моисеево и Іоанново. III, 267. Христово—духовное. III, 268. Крещеніе кровію. III, 268. Крещеніе покаянія. 268. Крещеніе огненное 270. Крещеніе Аріанское. III, 181. 228. Плоды св. Крещенія въ человѣкѣ. II, 112. 113. III, 273. Оно привлекаетъ на человѣка благодать и озареніе Духа IV, 290. Очищаетъ грѣхъ первородный. III, 277. Даруетъ отпушеніе грѣховъ содѣланныхъ. III,

XLV

306. Изглажда грѣхи, не уничтожаетъ заслугъ. III, 293. Отгоняетъ отъ насъ діавола. III, 309. Оно есть лучший изъ даровъ Божіихъ. III, 273. Пробразуемо было обрѣзаніемъ и кровію агнца пасхальнаго. III, 301. IV, 249. 250. Для чего нужно крещеніе водою и духомъ? III, 277. Очи- стительная сила воды Крещенія. III, 281. Кто мо- жетъ совершать Крещеніе? III, 298. 299. Сила Крещенія не зависитъ отъ нравственной чистоты крещающаго. III, 299. Крещеніе всѣмъ равно от- крыто. III, 278. IV, 250. Всегда благовременно III, 283. 284. 287—289. Не должно быть отла- гаемо. III, 281. 282. 297. 298. 300. Отлагать кре- щеніе внушаетъ діаволъ. III, 284. Нужно пригото- вленіе къ таинству Крещенія. III, 264. 304., пред- варительное исповѣданіе предъ всѣми грѣховъ сво- ихъ. III, 299. Исповѣданіе вѣры III, 319. и слѣд. Обряды при Крещеніи и ихъ значеніе. III, 321. Заклинаніе въ таинствѣ Крещенія. III, 300. Печать Крещенія несокрушима. III, 285. Она охраняетъ цѣломудріе. III, 288. Крещеніе должно совершать надъ младенцами. III, 287. 301. Въ какія лѣта лучше крестить ихъ? III, 301. Обязанности возла- гаемыя на насъ Крещеніемъ. III, 305—308. Пріявшіе крещеніе должны вооружаться противъ нападеній діавола. III, 279. Тяжесть грѣховъ содѣланныхъ по крещеніи. III, 278. Желаніе принять крещеніе за- мѣняетъ ли самое крещеніе? III, 293—295.

КСЕРКСЪ. Походъ его въ Грецію. IV, 100. 101.

Л.

ЛУКА Евангелистъ проповѣдывалъ въ Ахаіи III, 175.

— **ЛУКІЙ** Аріанинъ. Его дѣйствія противъ Православныхъ II, 280. 281.

ЛЮБОВЬ. Ея свойство. II, 214. Сила любви познается въ разлукѣ. II, 292. 293. Любовь выше страха II, 181. Любовь плотская скоро проходитъ. IV, 73.

ЛЮБОМУДРІЕ. Важнѣйшіе его предметы. III, 15. Цѣль любомудрія. II, 267. Различіе любомудрія языческаго и христіанскаго. II, 271. Дѣло любомудрія—заботиться объ общемъ благѣ. II, 271. Неподолимость любомудрія. II, 305. См. Философія.

ЛЮБОНАЧАЛІЕ; худья его слѣдствія II, 308.

ЛЮБОСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ добрая. II, 156.

М.

МАГІЯ ведетъ начало отъ Персовъ. I, 163.

МАККАВЕИ, мученики прежде Христа. II, 70. Ихъ подвиги. II, 72—83. Полезны были для Иудеевъ. II, 85. Сравненіе подвига Маккавеевъ съ подвигами Іефоя, Даниїла и мучениковъ Христіанскихъ II, 84. 85.

МАМАНТЪ, св., мученикъ. IV, 151.

МАНИХЕИ производили душу чловѣка отъ свѣтлаго, а тѣло отъ темнаго начала. IV, 227. Опроверженіе ихъ ученія о двухъ началахъ. IV, 227. Ихъ мнѣніе о мѣстопребываніи тѣла І. Христова по вознесеніи. IV, 199.

МАНОЕ. Его видѣніе. I, 289. III, 258. 259.

МАРКЪ (Евангелистъ) проповѣдывалъ въ Ита-
ліи. III, 175.

— **МАРКЪ** Еп. Ареузскій. Его подвиги. I, 142—
146. 214.

МИЛОСЕРДІЕ. Милосердіе и челоѡколюбіе —
законъ, а не совѣтъ. II, 45. Милосердіе — краткій
путь ко спасенію. IV, 120. Милосердіе къ бѣднымъ
— превосходнѣйшій видъ любви. II, 5. 41. Прият-
нѣе всего Богу. II, 6. Готовность къ милосердію
возвышаетъ цѣну его. II, 44. Его плоды. II, 21. По-
бужденія къ милосердію. II, 8. 9. 15. 16. 26. 28.
29. 40. 43. 156. III, 304. 305. Дѣла милосердія
оказанныя ближнимъ Христосъ пріемлетъ на Себя
II, 298. Милосердіе полагаетъ преграду несчастіямъ
II, 92. Въ дѣлѣ милосердія не нужно разбирать,
достоинъ ли кто онаго. II, 119.

МИРЪ—прекрасенъ и дѣломъ и именемъ. II, 228.
Оставленъ намъ I. Христомъ, какъ прощальный
залогъ. II, 244. Выше и богоугоднѣе даже похваль-
ной брани. II, 243. Онъ всего полезнѣе, какъ раз-
ногласіе всего вреднѣе. III, 135. Съ прекращеніемъ
мира и міръ перестанетъ быть міромъ. I, 232. 233.
Дорогъ міръ имѣющей добрую цѣль. I, 237. Лю-
блѣніе міръ близки къ Богу и Ангеламъ I, 230.

МИФОЛОГІЯ языческая. Ея преданія. I, 168—172.

МІРЪ. Бытіе и порядокъ его не отъ случая. III,
33. Міръ не безначаленъ. IV. 226. Образы міра
были въ умѣ Божіемъ прежде его сотворенія. II, 229.
Онъ есть книга о Богѣ. I, 231. Міръ видимый и
умосозерцаемый II, 102. IV, 230. Сотвореніе вп-
димаго міра. III, 241. IV, 157. Его стройность и

порядокъ. III, 241. IV, 157. Вещество міра сотворено изъ ничего. III, 60 61. Твореніе міра началось днемъ ведѣльнымъ. IV, 145. Почему сотворенъ онъ не вдругъ, а постепенно? III, 140. Все въ мірѣ, отъ начала до конца, идетъ однимъ путемъ. III, 141. Міръ разрушится отъ приумноженія безпорядка. III, 141. Какъ должно пользоваться міромъ и его благами. IV, 63. 64.

МНОГОБОЖІЕ. Его вредъ. III, 53.

МНѢНІЯ ЛЮДСКІЯ. Мнѣніе о насъ другихъ для насъ не важно. III, 207. Людскому мнѣнію должно предпочитать судъ Божій. III, 208. IV, 297. Непостоянство мнѣній человѣческихъ. II, 232. 233.

МОДЕСТЪ, Префектъ преторіи, гонитель Православныхъ. IV, 103.

МОИСЕЙ—собесѣдуетъ съ Богомъ. II, 164. Чудесныя обстоятельства его жизни. I, 95. Достоинство его. I, 300. Одинъ восходитъ на гору. I, 70. Въ какой мѣрѣ видѣлъ онъ Бога? III, 147. 148. 215. Для чего возлагалъ на лице покрывало? III, 147. 258. Двойкій смыслъ Моисеева закона. II, 164. IV, 131. Воздѣяніе рукъ его прообразовало Крестъ. I, 301. 308.

МОЛИТВА восходитъ до неба. I, 280. Сила молитвы I, 205., родительской. I, 247. 248. II, 131. Для молитвеннаго бесѣдованія съ Богомъ нужна чистота духа. III, 258. Скорость Божіей помощи молящемуся. II, 90.

МОЛНІЯ. Происхожденіе ея. III, 47.

МОЛЧАНІЕ. Его польза. III, 146. IV, 348—353.

МОНАХИ. Ихъ жизнь, одежда, наружность и качества. I, 218. 219. Ихъ подвиги. IV, 308. 345.

Именуются избраннѣйшими или болѣе мудрыми въ Церкви, Назореями. IV, 84. Любовь къ жизни монашеской влагаеть въ сердце Христось. IV, 295.

МОРЕ. Его спокойное и бурное состояніе. III, 44. Естествослова мѣряють оное малою чашею. III, 45. Мореплаваніе III, 45. опасно при восхожденіи тельца. IV, 289.

МУДРОСТЬ. Что она такое по обыкновенному понятію? III, 29. Истинная. II, 48. 49. Ложная. II, 49. Одна мудрость — страхъ Божій. II, 306. Мудрость приобрѣтается чистотою. II, 37. Она спасаетъ отъ всякой бѣды. IV, 366. Суета мудрости мірской. I, 85.

МУЧЕНИКИ. Первый мученикъ Христось. II 249. Мученики при Юліанѣ. I, 136—146. Мученики за Православіе отъ Аріанъ III, 168. Твердость христіанскихъ мучениковъ. I, 125, 129. Побужденія къ мученичеству. II, 150. Блаженство мучениковъ. I, 305. Они посредники наши на пути спасенія. I, 304. Поучительны для насъ. II, 249. Слово о нихъ побуждаетъ къ добродѣтели. II, 251. Мощи ихъ чудодѣйствуютъ. I, 125. Должно почитать мучениковъ. II, 248. Что надобно приносить имъ въ даръ? II, 263. Законъ мученичества. I, 254. IV, 57. Мнимые мученики языческіе. I, 125. 126.

МУЧЕНІЯ нечестивыхъ вѣчны. II, 56.

МѢРА во всемъ лучше всего. IV, 362. Мѣры Божіи уравниваются съ нашими мѣрами. IV, 346.

МУРОНОСИЦЫ, въ своемъ пришествіи ко гробу Спасителя, представляютъ христіанамъ примѣръ для подражанія. IV, 178.

МУРОПОМАЗАНІЕ таинство III, 285.

Н.

НАДЕЖДА НА БОГА дѣлаетъ совершеннымъ начальникомъ. I, 81. Она единственное оружіе Христіанъ. I, 200. Ее не должно терять въ скорбяхъ. II, 92.

НАЗИАНЗЪ, городъ Діокесарійскій IV, 317. самый малый изъ городовъ II, 155; новый Виелеемъ. I, 13. IV, 344. Благочестіе жителей его. II, 290. Ихъ вѣрность Православію. III, 179. 180. Ихъ любовь къ словамъ Григорія Богослова. II, 148. Церковь Назіанзская — новый Іерусалимъ, новый ковчегъ. II, 116. Состояніе оной предъ епископствомъ отца Григоріева. II, 115.

НАКАЗАНИЕ служитъ ко благу наказываемыхъ. I, 202. Цѣль наказаній Божіихъ за грѣхъ. IV, 299.

НАСТАВНИКА въ благочестіи должно уважать какъ отца. IV, 363.

НАСЪКОМЫЯ. Трудолюбіе и искусство пчель, пауковъ и муравьевъ. III, 42. 43.

НАЧАЛЬНИКЪ. Въ немъ всего похвальнѣе челоуѣколюбіе. II, 96. 97. Побужденіе къ челоуѣколюбію. II, 158. Цѣль начальствованія духовнаго. I, 51. Пороки въ начальствующихъ и въ подчиненныхъ. I, 26.

НЕБО. Въ изслѣдованіяхъ о немъ главный руководитель — вѣра. III, 47. Оно — престолъ Божій. IV, 293.

НЕВОЗМОЖНОЕ. Употребленіе сего слова въ разныхъ значеніяхъ. III, 87. 88

НЕПОСТИЖИМОЕ. Не должно слишкомъ любопытствовать о непостижимомъ. III, 152. 153. Для чего многое для насъ непостижимо? II, 40. Бога постигаемъ только при помощи Божіей. IV, 163. Непостижимое въ Богъ I, 62. II, 36. 116. III, 18—22. 33. 238. IV, 155. Причины и цѣль непостижимости существа Божія. III, 27. 28. На непостижимость сію роптать не должно. III, 148.

НЕПОСТОЯННОЕ. Богъ чрезъ непостоянство видимаго ведетъ насъ къ вѣчному. II, 91. IV, 271.

НЕСОГЛАСІЕ. Его слѣдствія. I, 224. Оно источникъ бѣдствій I, 233., въ особенности для народа Иудейскаго. I, 233—236. Несогласіе за благочестіе похвально. I, 228.

НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ—великое богатство. III, 185. Неизвѣстна язычникамъ. I, 175.

НЕСЧАСТІЯ. Для чего посылаются людямъ IV, 299, даже благочестивымъ? II, 35. 36. 52. Они спасительны I, 234.; вразумляютъ и приближаютъ къ Богу II, 92.; иногда полезнѣе счастья II, 93.; дѣлаютъ смиренными и царей IV, 108.—Въ несчастіяхъ должно обращаться къ Богу. II, 89.

НЕЧЕСТІЕ изобрѣтательно на зло. II, 188. За нечестіе людей разрушаются города. I, 183. Въ борьбѣ съ нечестіемъ нужно самоотверженіе. I, 237. Участь нечестивыхъ въ сей жизни I, 202., и въ будущей. IV, 268.

НИКОДИМЪ—образецъ для подражанія. IV, 178.

НИЛЬ, рѣка. III, 183.

НОВАТЬ. Его мнимая чистота. II, 240. 276. Строгость къ падшимъ III, 268. 269. Къ падшимъ

во время гоненія III, 270. Онъ воспрещалъ вступленіе во второй бракъ. III, 269. Не наказывалъ любостыжанія, а нецѣломудріе осуждалъ такъ строго, какъ будто самъ былъ безплотень. III, 270.

НОЙ спасъ міръ малымъ древомъ. I, 95.

НОННА, мать Григорія Богослова. Ея добрыя качества. II, 107—110. 119. 120. Уподобляется женамъ, послужившимъ I. Христу во время земной Его жизни. IV, 311. Стараніе Нонны обратить къ Христіанству своего мужа. II, 110. 111. Болѣзнь ея и исцѣленіе. II, 129. 130.

ПРАВЫ людей различны. I, 33. 34.

О.

ОБИДЫ должно забывать. I, 210. 211.

ОБЛИЧЕНІЕ на-единѣ и при другихъ. I, 35. Въ обличеніи надлежитъ приспособляться къ свойствамъ обличаемыхъ. I, 35. Иногда обличеніе вредно. I, 35.

ОБНОВЛЕНІЯ ДЕНЬ. Такъ называется первый воскресный день по Пасхѣ. IV, 145, и древній праздникъ Іудейскій. IV, 141. Какъ должно праздновать сей день. IV, 148. 149. Онъ обязываетъ насъ обновляться жизнию. IV, 145.

ОБЩЕЖИТЕЛЬНОСТЬ. II, 193. IV, 119. Польза онаго. II, 272.

ОБЯЗАННОСТИ нравственныя, христіанскія. IV, 146—150. Исполненіе важнѣе умозрительныхъ знаній. II, 274. 275. Обязанности царей III, 211; царедворцевъ. III, 211., градоначальниковъ. II, 155.

ЛIII

людей образованныхъ II, 154. 155. богатыхъ III, 211. 212.

ОПЫТЪ поучителенъ и для несмысленныхъ. I, 236. Наученные опытомъ не имѣютъ нужды въ продолжительномъ поученіи. I, 226.

ОСУЖДАТЬ ближнихъ не должно. I, 65. III, 159. 160.

ОТЕЦЪ БОГЪ, первое Лице Св. Троицы. Наименованія. IV, 301. Что значить въ ученіи о Богѣ слово: Отецъ? II, 70. Въ какомъ разумѣніи, при именованіи Лицъ Св. Троицы, Богъ-Отецъ именуется на первомъ мѣстѣ? IV, 223. Въ какомъ смыслѣ Отецъ больше Сына? III, 68. 69. 85. 317. Личное свойство Бога Отца. II, 169. 286. IV, 216. 301: Въ какомъ смыслѣ Онъ именуется Богомъ Сына? III, 86. Онъ есть начало Сына I, 39. II, 169, и Духа Святаго I, 39. Раждаетъ Сына не страдательно. II, 288. Первый понесъ поруганіе отъ еретиковъ. III, 190.

ОТШЕЛЬНИЧЕСТВО. Свойства онаго. II, 192. 193. IV, 119. Высота, трудность и неудобства отшельнической жизни. II, 271.

II.

ПАВЕЛЪ. Великій ученикъ Христовъ. I, 48. Проповѣдникъ язычниковъ и предстатель Іудеевъ I, 51. Для чего сообщалъ Апостоламъ извѣстія о своей проповѣди? IV, 25. Его заботливость о Церквахъ. I, 50. Ревность о благѣ всѣхъ. I, 51. Различный образъ его наставленій. I, 50. Его злострада-

нія. I, 49. Онъ жилъ только для Христа. III, 147, Бодрый духомъ изнурялъ тѣло. I, 51.

ПАСТЫРЬ ЦЕРКВИ. Онъ врачъ духовный. I, 32. Превосходство его предъ пастыремъ стадъ. I, 22. Трудность обязанности Пастыря учить другихъ словомъ. I, 37. Осторожность нужна ему въ проповѣданіи слова. III, 146. Обязанность его ревностно заботиться о паствѣ. I, 291. 292. II, 153. 154. Онъ долженъ предлагать пасомымъ различную пищу I, 43, и поучать ихъ своимъ примѣромъ II, 61. имѣть особенную любовь къ паствѣ II, 293, соблюдать средину между строгостію и кротостію I, 36. быть простымъ, но вмѣстѣ и разнообразнымъ въ обращеніи I, 43. быть высокимъ по добродѣтели I, 25. не служить въ соблазнъ для пасомыхъ I, 23. Пастыри недостойные своего сана. I, 65. II, 182. 183. 295. Непростительно имъ не знать началъ спасенія. II, 198. Пастыри несвѣдущіе въ искусствѣ ученія I, 44. Нерадивые о своей должности тяжело обличаются въ книгахъ Пророковъ I, 53—58. За недостойныхъ пастырей не должно обвинять самую Вѣру. II, 238. Пастырей не должны судить пасомые. II, 154. Правила, предписанныя Пастырю Церкви Ап. Павломъ. I, 59.

ПАСХА. Что такое Пасха въ смыслѣ буквальномъ, историческомъ и духовномъ? IV, 162. Праздникъ праздниковъ. IV, 153. Царь дней. II, 127. Тайнственное значеніе Пасхи Иудейской. I, 6. IV, 166—173. Пасха христіанская прообразуетъ пасху праведныхъ въ жизни будущей. IV, 177. Для чего Пасха Новозавѣтная совершена Иисусомъ Христомъ въ горницѣ? IV, 17. 18. Послѣдуемъ ли мы

LV

Иисусу Христу въ совершеніи Пасхи касательно времени и мѣста? III, 303.

ПЕТРЪ (Апостоль) великій ученикъ Христовъ I, 48. проповѣдывалъ въ Іудеѣ. III, 175. Какъ Христіанинъ можетъ подражать ему? IV, 178.

ПЕТРЪ (Александрійскій Архіепископъ послѣ Аѳанасія). Мужество его въ борьбѣ съ Аріанами III, 184 185. Изгнаніе его. II, 282. 283.

ПИСАНІЕ (Священное). Начерталъ Духъ Св. языкомъ Святыхъ мужей. IV, 288. Все въ немъ написано съ цѣлю. I, 76. Цѣль и маловажныхъ дѣяній, упоминаемыхъ въ Писаніи, есть наше назиданіе. I, 77. Въ Писаніи встрѣчаются олицетворенія вещей бездушныхъ. III, 79. Въ немъ иногда часть полагается вмѣстѣ цѣлаго. IV, 205. иногда времена глаголовъ ставятся одно вмѣсто другаго. III, 57. Въ истолкованіи его надобно держаться средины между буквою и иносказаніемъ IV, 164. У Евреевъ не всякому возрасту дозволялось читать все въ Писаніи. I, 45, 46. III, 162.

ПИСМЕНЪ изобрѣтатели. I, 161.

ПИЦА ; обычай полагать на нее крестное знаменіе предъ вкушеніемъ. II, 130.

ПИФАГОРЪ , его философія и молчаніе. I, 157. Употребительное у Пифагорейцевъ: «самъ сказалъ». I, 151.

ПЛОТЬ, ея вліяніе на духъ IV, 306. Она злобно ласкающійся звѣрь IV, 260. 261. находится въ борьбѣ противъ духа. IV, 305. 306. Плоть не престааетъ противоборствовать и послѣ того, какъ духу подана помощь Божія. IV, 306. По слову мудрыхъ она есть мракъ ума. IV, 285.

ПОБѢДА. Кто хочетъ имѣть пощеченіе о душахъ, тотъ долженъ научиться одерживать побѣду надъ самимъ собою I, 70. Побѣжденнымъ быть иногда лучше, нежели одержать побѣду. I, 76.

ПОДАТИ, ихъ происхожденіе. II, 159.

ПОДВИЖНИКИ — II, 161. Изображеніе подвижниковъ христіанскихъ. I, 127, 177; II, 161. IV, 335. Ихъ разнообразныя подвиги. IV, 336. 337. Сравненіе съ ними подвижниковъ языческихъ I, 128, 129. Похвала подвижникамъ. IV, 338—342. Неразумная ревность нѣкоторыхъ подвижниковъ. IV, 337.

ПОДОЗРѢНІЕ. Къ нему несклонны люди благочестивые. I, 107. 309. II, 189.

ПОЗНАНІЯ вредны, если злоупотребляютъ ими. IV, 364.

ПОКАЯНІЕ. Согрѣшающихъ послѣ крещенія, хотя съ трудомъ, но очищаетъ. III, 278. Кающихся отвергать не должно. III, 269. Покаяніе послѣ согрѣшенія свойственно спасаемымъ. II, 62. Нераскаянныхъ грѣшниковъ не должно допускать къ общенію церковному. III, 270. По смерти нѣтъ покаянія. II, 54. IV, 289.

ПОНЯТІЕ есть видъ ограниченія. III, 26.

ПОРОКЪ всего удобнѣе заражаетъ собою человека I, 23. 24. Наклонность къ нему сильна. II, 214; Его легче избѣгать въ началѣ III, 159. Служеніе ему не безъ труда. IV, 349. Открытый порокъ ненавистенъ и для порочныхъ. IV, 315.

ПОРОЧНЫЙ. Для него лучше умереть, нежели продолжать жизнь. I, 33.

ПОРЯДОКЪ — вездѣ необходимъ. III, 9. Его благотворныя слѣдствія. III, 142. Онъ — мать и огражда-

деніе существующаго. III, 142. Могущество и хранитель могущества IV, 368. Онъ видѣнъ во всѣхъ тваряхъ III, 140, 141. и въ членахъ тѣла III, 143. Соблюдается неразумными животными IV, 369. — Особливо необходимъ въ Церкви III, 143. 144. Гдѣ долженъ быть соблюдаемъ и уважаемъ? III, 144. Безчинныхъ людей должно принуждать къ соблюденію порядка. IV, 366.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ Апостольскія. Мѣсто изъ нихъ приведенное. II, 27,

ПОСТЪ Христіанъ предъ Пасхою. III, 303. Сорокодневный IV, 348. Знаменованіе онаго III, 303.

ПОХВАЛА, не противна любу мудрiю II, 267. Справедливость требуетъ воздавать похвалу и сродникамъ. I, 268. 269. Какъ надобно принимать людскія похвалы и порицанія? II, 237.

ПОЭТЫ языческіе. Правда ли, что въ ихъ басняхъ есть сокровенный и глубокой смыслъ? I, 172. 173.

ПРАВЕДНИКИ. Какъ именуеть ихъ Писаніе? II, 100. На землѣ для нихъ отечество вездѣ и нигдѣ II, 307. IV, 105. Ихъ строгость пріятна II, 124. Для чего предаются они въ руки нечестивыхъ? II, 190. Для чего подвергаются болѣзнямъ? II, 126. 127. Что такое смерть ихъ? II, 261.

ПРАЗДНИКИ. Различіе праздниковъ христіанскихъ отъ іудейскихъ и языческихъ I, 304. IV, 5. Какъ должно проводить христіанамъ праздники? I, 208—210. 302—303. IV, 6. Главное въ праздникѣ — память о Богѣ. III, 260. Ежегодные праздники въ честь Святыхъ и мучениковъ. II, 246. 248, III, 195. Праздники мірскіе III, 272.

ПРЕПОЯСАНІЕ въ смыслѣ духовномъ IV, 171, 172.

ПРЕСЫЩЕНІЕ, мать похоти II, 248. дѣлаеть наглядь IV, 361. не бываеть цѣломудренна IV, 368.

ПРИМѢРЫ худме вредны. I, 174.

ПРИТЧА о трудившихся въ виноградникѣ и ея объясненіе. III, 291. 292.

ПРИЧАЩЕНІЕ — (Таинство) есть искупленіе первородныхъ немощей. IV, 249. Къ нему должно приступать съ дерзновеніемъ и не сомнѣваясь. IV, 173. Оно дѣлаеть насъ причастниками Христовыхъ страданій. I, 116.

ПРОМЫСЛЬ Божій повсюду видѣнь II, 37, 39. 51., движеть и сохраняетъ сотворенное III, 21. управляетъ міромъ IV, 232. 325. Міръ не можетъ существовать безъ Промысла. IV, 231. Дѣйствія Промысла недовѣдомы. I, 37. 92. II, 91. Промышленіе Божіе о людяхъ. II, 39. 40. Оно постепенно вело человѣческой родъ къ возсозданію. IV, 164. 165. Чѣмъ философы думали замѣнить Промысль Божій? I, 110. II, 37. 38.

ПЯТЬДЕСЯТНИЦА. Празднуема была у Евреевъ. IV, 7. Но у нихъ образно, а у христіанъ празднуется таинственно, какъ окончаніе дѣль Христовыхъ, относящихся къ тѣлесному Христову пребыванію на землѣ, и начало дѣль Духа Святаго. IV, 10.

Р.

РААВЪ оправдало страннолюбіе. III, 290.

РАЙ, что онъ такое? IV, 244.

РАЗВОДЪ. Законъ Христовъ о разводѣ. III, 220.

РАЗДОРЪ и разногласіе. См. Споръ.

РАСТЕНИЯ. Ихъ разнообразіе. III, 43.

РЕВНОСТЬ по вѣрѣ IV, 106—ограда вѣры II, 270. Ревность не по разуму препятствуетъ разумнѣю истинны. I, 40.

РОЖДЕНІЕ. Троякое—плотское, чрезъ крещеніе и чрезъ воскресеніе. III, 272. 273.

РОЖДЕСТВО Христово. Праздникъ сей назывался прежде и праздникомъ Богоявленія. III, 235. Его торжествуютъ съ нами и Ангелы. III, 249. Какъ должно праздновать день Христова Рождества? 236. и чѣмъ почитать родившагося Господа? II, 157. III. 249. 250.

РОСКОШЬ богатыхъ. II, 17. 18. Предметы роскоши—дорогая грязь. III, 237. Обличается у Пророка Михея II, 27. 28.

С.

САВЕЛЛІЙ. Его лжеученіе. I, 38. II, 167. 187. 276. III, 248. IV, 181.

САДДУКЕИ не признавали бытія духа. III, 106.

САМОПОЗНАНІЕ. Его польза. IV, 360. Частные предметы самопознанія. III, 157.

САУЛЬ. I, 290.

СВѢТЪ. Для чего и какимъ сотворенъ въ началѣ свѣтъ вещественный? IV, 143. Духовный свѣтъ—первый есть Богъ. III: 274. IV, 143. 235. Второй свѣтъ—Ангель III, 275. IV, 143. 235. Третій—человѣкъ. III, 275. Свѣтъ есть законъ Божій. III, 275. Различныя явленія духовнаго свѣта. III, 276. Свѣтъ вѣдѣнія—истинный и ложный. III, 311.

СВЯТЫЕ. Ихъ должно восхвалять. II, 180. Воспоминать о прежнихъ непохвальныхъ дѣлахъ ихъ не оскорбительно для нихъ. II, 251. Святые ходатайствуютъ за насъ. II, 103. Примѣры молитвъ къ святымъ. II, 212. 213. 264. IV. 139.

СВЯЩЕННИКЪ — посредникъ между Богомъ и людьми. I, 62. 70. Строгости, какимъ подлежали ветхозавѣтные священники. I, 71. 72. Священникъ долженъ прежде себя принести въ жертву, чтобы достойно приносить жертву внѣшнюю. I, 72. О священникахъ должно говорить съ похвалою. IV, 364.

СВЯЩЕННОНАЧАЛІЕ, въ Церкви, необходимо I, 18. Въ немъ всякая степенъ высока. I, 19. Восхождение на высшія его степени не предосудительно I, 19; но не должно быть поспѣшно. IV, 82. 83. На степени священныя не должно возводить людей неопытныхъ и непросвѣщенныхъ. I, 46—48.

СВЯЩЕНСТВО. Его важность. I, 62. Порядокъ въ чинопочиніи ветхозавѣтнаго священства. III, 148. 149. Чтò требуется отъ приступающихъ къ священству? I, 72—74. II, 115. Не должно приступать къ оному съ нечистыми видами. I, 21. Людямъ священнаго сана не позволительно употреблять оружіе. II, 239.

СЕННАХИРИМЪ — по молитвѣ Езекии отраженъ отъ Иерусалима невидимою силою. I, 199. 200.

СЕДМЕРИЧНОЕ число въ уваженіи у Евреевъ. II, 72. IV, 6—9.

СИМВОЛЬ вѣры св. Григорія. III, 319—321. Почему въ символѣ Никейскомъ не полно сказано о Святомъ Духѣ? IV, 208. Исповѣдающихъ вѣру

не согласно съ символомъ Никейскимъ должно почитать чуждыми Богу и Вселенской Церкви. IV, 208.

СКОПЦЫ по природѣ не произвольно цѣломудренны, и цѣломудріемъ хвалиться не могутъ. III, 227. Духовные скопцы. III, 230. 231.

СКОРБЬ. Скорби ускоряютъ приближеніе старости. IV, 367. Для чего посылаются намъ скорби? IV, 309.

СКРИЖАЛИ письмени и духа. I, 71.

СЛАВА временная—обманъ. IV, 368.—Уловляетъ людей. IV, 364.

СЛАСТОЛЮБІЕ—злой пещь. I, 278.

СЛЕЗЫ—лучшее вречество для души грѣшника. IV, 291.

СЛОВО (Божіе), пища духа, хлѣбъ Ангельскій. II, 87. IV, 93. Слово есть лучший даръ Богу. I, 221, 222. Польза слова. I, 122. 221. Слово для сердца, которое достойно разумѣнія, есть тоже, что желѣзо для кремня. I, 41. Худое слово и худая жизнь равно худы IV, 361. Слово обильное не полезнѣе мудраго. II, 47. 48. Различные роды слушателей слова. I, 40. 41.

СЛУЖЕНІЕ Богу. Страхъ и ревность мужей Ветхозавѣтныхъ—при избраніи ихъ на сіе дѣло. I, 6. 82.

СМЕРТЬ равняетъ всѣхъ людей. IV, 322. Она неизбѣжна. II, 79. Различныя причины смерти внезапной. III, 284. 285. При смерти каждый дѣлается искреннимъ судіею себя самого. II, 200. Тѣлесную смерть не лзя назвать смертію въ собственномъ смыслѣ IV, 260. Для праведныхъ она благодѣтельна IV. 105. Состояніе души благочестивой по смерти

тѣлесной. I, 262. 263. Всегда должно имѣть страхъ смертный IV, 360. и плакать о смерти грѣховной I, 265.

СМИРЕНИЕ. Примѣръ истиннаго смиренія. II, 121. Грѣхъ раждаетъ смиреніе, а смиреніе—обращеніе къ добру. I, 104.

СМИРЕННОУДРІЕ, кто имѣеть оное? III, 151.

СНОВИДѢНІЯ подобны дневнымъ занятіямъ IV, 289.; но посылаются и отъ Бога II, 111.

СОБОРЪ. Никейскій II, 112, 187.; его дѣйствія II, 276. Селевкійскій и потомъ Константинопольскій II, 195.; его неправыя опредѣленія II, 196. Общительныя посланія отъ Соборовъ. IV, 196.

СОБЫТІЯ. Богъ заранѣе полагаетъ основанія великихъ событій II, 257.

СОВѢСТЬ — судилище. II, 52. Отъ суда совѣсти убѣжать не лъзя. III, 209.

СОЗЕРЦАНІЕ и дѣятельность—прекрасны. II, 5.

СОЛНЦЕ — око дня IV, 144. Его движеніе. III, 49. Величіе и благотворность. III, 48. 49. Въ немъ форма, то-есть свѣтъ, осуществлена прежде вещества. IV, 144.

СОСТРАДАНІЕ. См. милосердіе.

СОСТЯЗАНІЕ. См. Споръ.

СПАСЕНІЕ. Оно зависить отъ Бога и отъ насъ. IV, 255. Путей ко спасенію много I, 117. III, 13. IV, 275. Почему же говорится, что путь ко спасенію не одинъ и тѣсенъ? III, 13. IV, 275. Въ дѣлѣ спасенія не должно медлить и предаваться безпечности. III, 296. 321. 322. Спасеніе приобрѣтается иногда однимъ воздыханіемъ. II, 90. Не заботиться о немъ —

безразсудно. III, 283. Три степени спасаемых III, 283.

СПОРЫ. Ихъ причины II, 232.; гибельныя слѣдствія. I, 67. III, 166. Въ спорахъ надобно соблюдать правила. I, 67. Не должно спорить о словахъ. IV, 12. 13.

СТИХОТВОРСТВО. Его начало. I, 162.

СТРАДАНИЕ ради Бога — славное и блаженное дѣло. I, 115. II, 215. IV, 177. Страданія за Христа укрѣпляютъ къ новымъ подвигамъ. III, 185. Наши страданія маловажны въ сравненіи съ страданіями Христовыми. III, 178. Грѣхами мы притивоборствуемъ Христовымъ страданіямъ. IV, 309.

СТРАХЪ Божій — начало премудрости. III, 258.

СУДЪ послѣдній — страшень, а еще болѣе праведень. II, 55. 56. На немъ потребуется отъ насъ отчетъ за все время жизни. II, 295. На судѣ Божіемъ цѣнятся дѣла наши сообразно съ родомъ жизни каждаго. III, 290. Мысль о судѣ Божіемъ должна побуждать къ слезамъ и печали о грѣхахъ. IV, 327.

СУЕТА. Удаленіе отъ суеты мірской. I, 64.

СЧАСТІЕ земное. Его суетность. IV, 281. Не должно довѣряться ему. II, 92. и привязываться къ нему. IV. 367. Во время счастья не должно забывать о несчастіи. I, 208.

СЫЙ — имя Божіе. Чтò оно значитъ? III, 96. 97. 238. IV. 154.

СЫНЪ (Богъ Сынъ — второе Лице Св. Троицы). Имена Его. III, 98. 102. Личное Его свойство. II, 168. IV, 216. Безначальность II, 169. 286. Онъ существовалъ прежде времени. IV, 218. Отецъ не-

рожденный и Сынъ рожденный существуютъ отъ вѣчности. II, 172. III, 54. Въ какомъ смыслѣ Сынъ безначаленъ и не безначаленъ. III, 262. Богъ Сынъ не отдѣленъ отъ Отца. II, 168. III, 192. IV, 217. Божество Сына Божія по ученію Св. Писанія. III, 70. 71. Рожденіе Его отъ Отца не вещественно. II, 222. III, 55. 56. Образъ Его рожденія отъ Отца непостижимъ II, 173. III, 59. 60, даже для Ангеловъ. III, 60. Лжеумствованіе о семъ Плотина. III, 54. О образѣ рожденія Сына Божія нельзя заключать отъ свойства тварей. II, 169. 170, и отъ свойства отцовъ и сыновъ въ родѣ человѣческомъ. IV, 217. Рожденіе Бога Сына по Божеству, какъ и по человѣчеству отлично отъ всякаго другаго рожденія III, 56; ибо по Божеству рожденъ безъ матери, какъ по человѣчеству безъ отца. III, 73. Причины и цѣль Его воплощенія III, 73. 79. 80. 234. 235. IV. 247. 248. Въ какомъ смыслѣ Сынъ пріемлетъ жизнь и власть? III, 86.

Т.

ТВАРЬ. Для чего созданы твари разумныя? IV, 229. Степени приближенія тварей къ Богу. III, 244. IV. 157. 158. Твари приближаются къ Богу не по своему естеству, но по причастію Его естества. II, 224. 225. Воздыханіе твари. I, 94.

ТЕРПѢНІЕ Христіанское. I, 212.

ТИРЯНЕ изобрѣли пурпуръ. I, 163.

ТРОИЦА Святая. Чтò означаетъ слово: Троица? II, 223. Богъ по естеству единъ. III, 66. 115, но

троиченъ въ Лицахъ I, 39. II, 168. 222. III, 110. 115. 116. 240. 261. IV, 38. 156. 224, или что то же: въ Богѣ одна сущность и три Впостаси. II, 210. Умосозерцательное объясненіе троичности въ Божествѣ. II, 222. Три Лица Св. Троицы—не одни имена, но Впостаси. I, 239. Отець, Сынъ и Духъ Св. не три Бога, но единый Богъ. IV, 224. Каждое Лице Св. Троицы—Богъ и вмѣстѣ три Лица—Богъ. II, 224. III, 104. 105. 315. 316. Исповѣдывать въ Богѣ три Впостаси, или три Лица равнозначительно IV, 39. Споръ объ употребленіи сихъ реченій. II, 210. 211. Личныя свойства: Отца—не рожденность, Сына—рожденность, Духа Святаго—исходность. II, 287. 288. III, 54. IV, 15. Сіи личныя свойства даютъ наименованія Отцу, Сыну и Духу III, 110; не переходятъ отъ одного Лица къ другому III, 65. и при равенствѣ Лиць личное свойство одного изъ Нихъ не принадлежитъ другому. IV, 15. Но сіе не значить, чтобы въ одномъ Лицѣ былъ недостатокъ предъ другимъ. III, 110. Раздѣльность лицъ Св. Троицы не вноситъ раздѣленія въ естество Божіе. IV, 187. Въ каждомъ изъ трехъ Лиць Св. Троицы вся полнота Божественныхъ совершенствъ. III, 110. Всѣмъ Имъ принадлежитъ вѣчность III, 54. 105, неизмѣняемость III, 71. 190, единоравенство III, 88. 89. 115. 315. 316, единоначаліе. III, 53. Въ Св. Троицѣ нѣтъ ничего рабскаго. III, 316. Отчуждать что-либо отъ Троицы значить отсѣчь все. I, 228. III. 228. 229. Не должно вводить неумѣстнаго смѣшенія и раздѣленія Впостасей. II, 167. 168. Раздѣльность и единство въ Троицѣ непостижимы II, 288. Святая Троица есть начало всего. IV, 285.

Отецъ есть Виновникъ, Сынъ — Зиждитель, Духъ Св. — Совершитель. III, 189. Постепенность въ откровенномъ ученіи о Лицахъ Св. Троицы III, 126. 127. IV, 222. — въ ученіи Спасителя о Св. Духѣ III, 126. 127. Ученіе Ап. Павла о Св. Троицѣ. III, 193. 194. Ученіе Церкви о Св. Троицѣ. II, 167. 168. 181. 286. III, 138. 180; IV, 86. 206. Слова: *нерожденный* и *безначальный*, буквально не встрѣчаются въ Писаніи, но заимствуются изъ выраженій подобозначущихъ. III, 123. Сокращенное ученіе о Св. Троицѣ, предложенное Св. Григоріемъ IV, 38. Св. Григорій приводитъ и разсматриваетъ чужія объясненія тайны Св. Троицы, взятыя отъ предметовъ видимыхъ. III, 130 — 133. Въ тваряхъ можно находить только неполныя подобія къ изъясненію Св. Троицы. III, 111. 112. IV, 223. Такъ, нераздѣльность между умомъ, мыслию и душею объясняетъ нераздѣльность Лицъ Св. Троицы. IV, 138. И еще ученіе о троичности Лицъ въ Божествѣ объясняется чрезъ сравненіе ихъ съ духовными силами природы человѣческой II, 224; съ солнцемъ и лучами, съ источникомъ и ручьями источника. III, 131 — 133. IV, 188. 189. 218. Настоящей жизни недостаточно для надлежащаго уразумѣнія ученія о Св. Троицѣ. I, 35. Осторожность въ ученіи о Св. Троицѣ. I, 37. 38. IV, 352. Діалектика здѣсь неумѣстна IV, 41. Догматъ о Св. Троицѣ есть главный догматъ. I, 37. Исповѣданіе Св. Троицы есть залогъ преданный намъ отцами I, 239. Православное почитаніе Св. Троицы. II, 239. 240. Должно воздавать равное чествованіе всѣмъ тремъ Лицамъ Св. Троицы. III, 229. Еретическое ученіе о Св. Тро-

ицѣ. II, 219. 286. 287. III, 106. 107. Многоначаліе въ Богѣ то же, что и безначаліе IV, 224. (См. слова: Богъ, Отецъ, Сынъ, Духъ Св.)

ТѢЛО. Устройство тѣла человѣческаго. III, 39. 40. Тѣло — облако, омрачающее душу. III, 258. Тлѣнность тѣла. I, 27. Красота тѣла — игралище времени и болѣзней. III, 223. Душа цвѣтетъ, когда тѣло увядаетъ. I, 309. За что должно любить и ненавидѣть тѣло. II, 7. 8. Тѣло должно быть подчинено душѣ. I, 28. Должно очищать и освящать всѣ члены тѣла. III, 313—315. Воскресеніе и прославленіе тѣла. I, 263. Всѣ тѣла человѣческія, какимъ бы измѣненіямъ ни подверглись, воскреснутъ. IV, 327.

ТЩЕСЛАВІЕ служитъ препятствіемъ къ добродѣтели. I, 43.

У.

УДОВОЛЬСТВІЯ мірскія кратковременны. IV, 367. Различныя виды оныхъ. IV, 307.

УМОСОЗЕРЦАЕМОЕ не имѣетъ для себя собственнаго имени. IV, 187. Оно соединяется съ тѣлами не тѣлообразно. IV, 201,

УМЪ человѣческій — первоначальный въ насъ и всѣмъ данный законъ. III, 33. Онъ есть владычественное въ насъ, но въ отношеніи къ Богу рабское IV, 202. Для ума человѣческаго не только міръ невидимый, но даже и видимый, а тѣмъ паче естество премірное, недовѣдомы. III, 20. Умъ не тер-

пить обремененнаго чрева. IV, 365. Въ человѣкѣ поврежденномъ два ума. IV, 305. 306.

УПРАВЛЕНИЕ. Лучше управлять собою, нежели другими. I, 64. Трудно управлять другими тому, кто не умѣетъ быть подѣ начальствомъ. I, 23. Управлять человѣкомъ есть искусство изъ искусствъ. I, 26.

УСОПШІЕ счастливіе живыхъ. I, 261. Духомъ пребываютъ съ живыми. II, 103. Плакать объ нихъ умѣренно не противно закону. I, 242. Не должно о нихъ говорить худо. IV, 363. Образецъ молитвы за усопшихъ I, 267. Годичное поминовение. I, 258. Обряды языческіе въ честь усопшихъ. I, 257.

УЧЕНИЕ истины для злонаправныхъ — поражающій камень. III, 17. Его не должно мѣшать съ пустословіемъ. I, 44. Учить — дѣло великое, а учиться — безопасное. III, 145. Учить о вѣрѣ не всякому позволительно. III, 162. Незрѣлые по возрасту и образу жизни не должны учить въ Церкви. III, 265. Ученіе должно соединять съ упражненіемъ въ благочестіи. IV, 65. Ученіе Христіанское есть нѣчто и древнее и новое I, 164. Какимъ должно быть преподаваніе его? IV, 168. 169. Оно превосходитъ языческаго. I, 176. 177. Способъ ученія двоякій — догматическій и полемическій. III, 52. Учить другихъ, не имѣя достаточныхъ познаній, — признакъ неразумія и дерзости. I, 45.

УЧЕНОСТЬ. Ученость истинная есть первое для насъ благо. IV, 63. Учености внѣшней презирать не должно. IV, 63. 64.

Ф.

ФАРИСЕИ—не понимали Закона. III, 217. Не любили добра. III, 221. Чтò дѣлаеть Фарисеемъ. III, 221.

ФИЛОСОФІЯ—языческая не учить ничему высокому. I, 167. 173. и слд.—Предметы языческой философіи, достойные осмѣянія. III, 15. — Страсть молодыхъ людей къ философіи. II, 231.

ФИЛОСОФЪ. Качества истиннаго философа. II, 301. 305.—Заблужденія философовъ. I, 110. 111. — Опроверженіе ихъ ученія о вѣчной матеріи. IV, 226. 227. — Ученіе языческихъ философовъ вредно для Церкви. III, 155. 156.

Х.

ХАОСЪ нравственный. I, 65.

ХИТОНЪ Христовъ. I, 217.

ХРАМЪ. Рѣшетка, преддверіе и хоры для дѣвъ, въ храмъ. IV, 329.—Право притѣсняемыхъ прибѣгать во храмъ. IV, 110. 111.— Человѣкъ есть Божій храмъ. IV, 256. 257.

ХЕРУВИМЫ—престоль Божій. IV, 17.

ХРИСТІАНИНЪ. Почему названіе сіе важно? III, 228.—Христіанство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, но вѣрою. IV, 104.—Истинный Христіанинъ таковъ не именемъ только, но и дѣломъ. III, 228.

— Вѣрующіе Христіане суть виноградъ Христовъ. I, 69. 202. — Они заботятся объ украшеніи души. I, 168. — Христіанинъ всего себя долженъ приносить въ жертву Богу. III, 315. — Долженъ повиноваться Богу и начальствующимъ на землѣ II, 93; всегда о Богѣ памятовать. III, 8. 9. — Долженъ подражать борцамъ. II, 244. 245. — Кроткое обращеніе Христіанъ съ язычниками. I, 154. — Христіане не оскорбляются постыдными именами. I, 133. — Христіанское общество есть союзъ духовный. III, 187. 188.

ХРИСТОСЪ (Иисусъ) Спаситель міра. Имена Ему приписываемыя. I, 74. III, 98—102. 216. 217. 245. IV, 161. 217. — Въ Немъ два естества. IV, 197. — Соединеніе въ Немъ Божества съ человѣчествомъ. I, 31. III, 86. 215. 245. 263. IV, 161. 248. — Свойства въ Немъ Божественныя и человѣческія. III, 214. IV, 197. 219. 220. — Что должно разумѣть подъ посланничествомъ І. Христа? III, 247. IV, 181. — Въ І. Христѣ всецѣлая природа человѣческая. IV, 200. — Въ Немъ душа посредствовала между Божествомъ и плотію. III, 245. IV, 161. 203. — Состояніе истощанія. III, 215. — Цѣль истощанія І. Христа. I, 7. III, 83. 245. IV, 162. — Рожденіе І. Христа. II, 157. — Для чего родился во время переписи? II, 158. — І. Христосъ семьдесятъ-седьмый отъ Адама. IV, 8. — Помазаніе І. Христа относится къ Его человѣчеству. III 80. — Для чего Онъ исполнилъ Законъ? IV, 249. — Для чего Онъ далъ Кесарю дань? IV, 346. — Для чего переходилъ съ одного мѣста на другое? III, 213. — Чудеса І. Христа. III, 248. 249. — Имъ оправданы

три мытаря, исцѣлены трое разслабленныхъ, воскрешены три мертвеца. IV, 319. 320.—Почему Онъ крестился и явился міру не ранѣе тридцати лѣтъ? III, 302.—Что значить послушаніе І. Христа? III, 83. 84.—Въ какомъ смыслѣ приписывается Ему невѣдѣніе послѣдняго часа? III, 94. 95.—Въ какомъ смыслѣ именуется Онъ грѣхомъ и клятвою? III, 214. IV, 205.—Онъ—разоритель буквы въ Законѣ и совершитель духа. IV, 175.—Долготерпѣніе І. Христа. I, 133.—Онъ Жертва и Архіерей. IV, 220.—Принесъ жертву за всѣхъ. IV, 165.—Кому и для чего принесена сія жертва? IV, 175 176.—О Христѣ пророчествуетъ Давидъ въ 21 псалмѣ. III, 83.—Мѣдный змій Моисеевъ—противообразъ І. Христа. IV, 176.—Двойное очищеніе даровано намъ І. Христомъ. IV, 249.—Его сошествіе во адъ. III, 75. IV, 179. 358.—Почему, по воскресеніи, явился прежде женамъ? IV, 343.—Въ какомъ смыслѣ называется Онъ царствующимъ? III, 81.—Царство Его вѣчно. II, 99.—Въ какомъ тѣлѣ придетъ Онъ судить? IV, 199.—І. Христосъ образъ Божій, по которому мы созданы. II, 29.—Сораспятіе наше Христу и сованіе съ Нимъ. I, 7. 265.—Должно во всѣмъ послѣдовать Христу. III, 250.—Безъ Него мы ничего не можемъ сдѣлать. IV, 255.—Ходатайство І. Христа за насъ III, 93,—не есть рабское. III, 93. 94.—Кто не поклоняется Распятому, анаема. IV, 198.—Христосъ страшенъ для недостойныхъ. III, 259.

Ц.

ЦАРЬ. Воля царя—неписанный законъ. I, 148.—
Лучше быть послѣднимъ у Бога, нежели первымъ
у земнаго царя. I, 250.

ЦЕРКОВЬ сравнивается съ тѣломъ. I, 17. — Раз-
личіе и взаимодѣйствіе членовъ Церкви. I, 18. —
Бѣдственное состояніе Церкви отъ внутреннихъ не-
согласій III, 137, отъ еретиковъ. IV, 43. 44. —
Состояніе оной во времена аріанства. II, 197. —
199. — Мира Церкви можно ожидать только отъ
Бога. II, 311. — Для чего учреждены церковныя
соборанія? II, 13. — Неблагочиніе въ оныхъ. III.
201. 202.

ЦИКЛОПЫ. Изобрѣтатели оружія. I, 163.

ЦѢЛОМУДРІЕ. Свойственно нашей природѣ. III,
58.—Къ нему обязаны равно и мужескій и женскій
полъ. III, 218.—Оно несовмѣстно съ нетрезвенною
жизнію. IV, 365. 368. — Къ его признакамъ при-
надлежитъ нѣкоторая веселость. IV, 362.

Ч.

ЧЕЛОВѢКЪ. Сотвореніе его. III, 242. IV, 158.
243. — Для чего онъ сотворенъ послѣ всего? IV,
144. — Цѣль его сотворенія. III, 262. 263. — Со-
стояніе первозданнаго человѣка. II, 29.—Естество
человѣческое. III, 242. IV, 158.—Въ природѣ че-
ловѣка многое для насъ не постижимо. III, 59. —
Человѣкъ есть образъ великаго Бога. IV, 305.

LXXIII

Что въ немъ божественнѣе всего? II, 96.—Чудное въ немъ оединеніе тѣлеснаго съ духовнымъ. III, 38. 39.—Онъ состоитъ изъ противоположностей. I, 265. Изъ двухъ природъ. IV, 243. 270. — Въ человѣкѣ два ума—добрый и худшій. IV, 305. 306. — Онъ великъ и вмѣстѣ малъ. IV, 255. 256.—Свобода человѣка. II, 29.—Для чего дарована ему? III, 243. IV, 159. — Каковъ бы былъ онъ, если бы не согрѣшилъ? IV, 144. — Воля его часто противорѣчитъ волѣ Божіей. III, 90. — Непостоянство и не твердость воли человѣческой. IV, 296. — Преимущество его предъ животными состоитъ въ разумѣ. IV, 321. — Какъ тѣлесному, ему не лѣзя быть въ общеніи съ духовнымъ, безъ посредства тѣлеснаго. III, 28. 29.—Измѣнчивость существа человѣческаго. IV, 259. — Люди различны между собою болѣе по душѣ, нежели по тѣлу. I, 34. — Человѣкъ мірской и духовный. II, 122.

ЧЕСТОЛЮБІЕ — мучительная болѣзнь. I, 249.

ЧРЕВО—источникъ всѣхъ золъ. I, 177.—Умъ не терпитъ обремененнаго чрева. IV, 365.

ЧУВСТВА. Надобно очищать въ себѣ всѣ чувства. III, 312, 313.—Нравственное исправленіе чувствъ. IV, 146.

ЧУДЕСА. Ветхозавѣтныя. I, 95. 96. 234. 315.—Ихъ таинственный смыслъ. IV, 174. 175.—Чудеса въ призваніи избранныхъ Божіихъ. II, 114 — Чудеса, воспрепятствовавшія возсоздать Іерусалимскій храмъ. I, 182. 184.—Чудо при созиданіи Юліанова храма въ честь мучениковъ. I, 99.—Истинность сего чуда. I, 101. 102. — Чудеса не для вѣрующихъ, но для невѣрныхъ. IV. 92.

Э.

ЭТНА, гора. Сравненіе дѣйствій Юліановыхъ съ жверженіемъ Этны. I, 139.

Ю.

ЮБИЛЕЙНЫЙ, годъ у Евреевъ. IV, 7.

ЮЛІАНЪ, (Императоръ) отступникъ I, 84. отъ Бога и отъ здраваго смысла. II, 132.—Жизнь его до вступленія на престолъ. I, 98. 104. Его воспитаніе. I, 98.—Благочестіе его въ юности, впрочемъ ложное. I, 98. 99. — Былъ чтецомъ. I, 153. — Научился нечестію у языческихъ философовъ. I, 110. — Учился Астрологіи и Магіи. I, 103. — Предсказаніе о немъ Св. Григорія въ Аѳинахъ. I, 198. — Онъ объявленъ Цезаремъ. I, 104. Вооружился противъ Констанція, и самъ на себя возложилъ царскій вѣнецъ. I, 112. 113.—Причины его ненависти къ Христіанамъ. I, 111. — Вопросалъ демоновъ о будущемъ. I, 113. 117. — Во время жертвоприношенія его явился во внутренностяхъ животнаго Крестъ въ вѣнцѣ. I, 116. — Первый изъ христіанскихъ царей возсталъ противъ Иисуса Христа. I, 164. II, 206. — Открываетъ гоненіе на царедворцевъ и склоняетъ на свою сторону войско. I, 122. — Истребляетъ знамя съ изображеніемъ Креста. I, 123.—Хитростію хотѣлъ принудить Христіанъ къ идолопоклонству. I, 134. 138. — Притѣсненія Христіанамъ на торжищахъ и празднествахъ. I, 151. —

Указы Юліана противъ Христіанъ. I, 140. 148.— Онъ лишалъ Христіанъ покровительства законовъ I, 152.—Почему воспрещалъ имъ образовываться въ словесности. I, 86. 87. 156. 157. — Онъ вводилъ между язычниками учрежденія христіанскія. I, 165. — Гоненія на христіанъ. I, 130. 140. 141. 146. 147. II, 132. IV, 27.—Какъ онъ присклѣдовалъ Христіанъ. I, 121. II, 206. 207.—Взглядъ его на мученичество. I, 119. 252. Онъ недоволенъ былъ избра- ніемъ Евсевія на еписк. престолъ. II, 135. — Изгналъ Св. Аѳанасія изъ Александріи. II, 207. — Злоумышленіе его противъ Василія В. и Григорія Богослова. I, 213. 214. Противъ Кесарія. I, 252. 253.—Отзывъ Юліана о семействѣ Св. Григорія. I, 254. — Онъ возбудилъ Іудеевъ возсоздать Іерусалимскій храмъ. I, 181.—Походъ его противъ Персовъ. I, 184. 189.—Нечестивый обѣтъ его. I, 186. —Различныя сказанія о смерти Юліана. I, 189. 190. —По какимъ причинамъ смерть его ускорена Промысломъ. I, 198. 201.—Погребеніе Юліана въ Тарсѣ. I, 194.—По смерти, онъ не принялъ былъ землею. II, 207.—Его безпорядки въ управленіи государствомъ. I, 195. 196. — Суевѣріе Юліана. I, 186. — Жестокость. I, 146. — Робость I, 87. —Скрытность. I, 102. 149. 150. — Онъ хвалился своимъ воздержаніемъ. I, 216.—Былъ даровитъ въ словѣ. I, 86. — Сочиненіе его. I, 216. — Нечестіе его. I, 115. 116. 181. 197, 252. — Неблагодарность. I, 97.—Онъ злоупотреблялъ словами Св. Писанія противъ Христіанъ. I, 152. — Насмѣшка его надъ словомъ: «вѣруй». I, 157 —Насмѣшки его надъ христіанскими обрядами: I, 196. 197.—Внѣшній

видъ Юліана. I, 197.—Состояніе Церкви въ правленіе его. II, 277.—Паденіе язычества послѣ него. I, 203. 206.

ЮЛІАНЪ, собиратель податей. II, 147. Другъ и сверстникъ Св. Григорія Богослова. II, 160.

Я.

ЯЗЫКЪ (даръ слова). Употребленіе его всѣмъ есть общее. I, 161. Въ злоупотребленіи, онъ всего пагубнѣе для людей. IV, 349 и слд.—Многочисленность и разнообразіе грѣховъ языка. IV, 350. — Должно обуздывать языкъ. IV, 348. Польза сего. IV, 349. — Укротить языкъ — великое приобрѣтеніе. IV, 353. — Какъ трудно обуздать его. IV, 349. — Средства къ его обузданію. IV. 352. 353. — Злымъ языкамъ не должно давать свободы. II, 217.—Что славословить долженъ языкъ Христіанина. IV, 350. 351.

ЯЗЫЧНИКИ. Имъ не должны быть разглашаемы таинства христіанскія. II, 11. IV, 169.—Имъ чужды обычаи христіанскіе. I, 166. Они скрывали свое ученіе III, 10.—Почерпали свои сказанія изъ книгъ Моисеевыхъ. IV, 79. Ихъ мнѣнія о будущихъ мученіяхъ I, 212. 213.—Аллегоріи языческія. I, 169 и ихъ противоположность христіанскимъ. I, 172.—Таинства языческія. I, 143. 169. III, 254—256.—изобрѣтенія демоновъ. III, 253.—Прорицалица язычниковъ. III, 255.—Ихъ подвиги въ честь демоновъ. II. 268.—Они заботятся только о внѣшнемъ величіи. I, 168.—Образованность Греческая не была достояніемъ однихъ язычниковъ. I, 159. 160.—Тщетныя усилія язычниковъ противъ Христіанъ. I, 199.

Θ.

ΘЕОДОСІЙ І. (Императоръ). III, 166. — Его указъ въ пользу Православія. III, 177. — Возстановленіе при немъ праздниковъ мученическихъ. III, 195. — Слово къ нему Св. Григорія. III, 210.

ΘОМА, Апостолъ, достойно подражаемъ въ своей искренней вѣрѣ, послѣ невѣрія. IV, 178. — Проповѣдывалъ Евангеліе въ Индіи. III, 175.

ΘРАКІЯНЕ, изобрѣтатели языческихъ таинствъ. I, 163.

V.

VΠOCTACЪ, у Римлянъ, замѣняется словомъ «Лице». II, 210.

ПОПРАВКИ.

<i>Стран.</i>	<i>строк.</i>	<i>напечатано.</i>	<i>должно читать;</i>
28	28	<i>удоліа</i>	<i>удоліа</i>
40	24	<i>слыслв</i>	<i>смыслв</i>
100	4	<i>архитекторъ</i>	<i>архитектонъ</i>
132	12	<i>военачаніе</i>	<i>военачаліе</i>
—	17	<i>можетъ</i>	<i>можемъ</i>
135	30	<i>замѣнить</i>	<i>замѣтить</i>
155	4	<i>ускользающей</i>	<i>ускользающій</i>
173	11	<i>Бижимъ</i>	<i>Божимъ</i>
191	20	<i>своихъ</i>	<i>своимъ</i>
241	28	<i>Иксіена</i>	<i>Иксіона</i>
273	13	<i>подасть</i>	<i>подаетъ.</i>
278	3	<i>во Христа</i>	<i>во Христь.</i>
291	17	<i>Фараона</i>	<i>Фараона,</i>
310	8	<i>просвѣтила</i>	<i>просвѣттила</i>
341	6	<i>Евиндра</i>	<i>Евандра</i>
357	16	<i>Ты, связавъ</i>	<i>Ты связалъ</i>

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0042834279

09185895

DEMCO

